Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский ордена Почета университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

ПАМЯТЬ И ПРАВО
(ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В. М. КУРИЦЫНА)

**Международная научно-практическая конференция,
посвященная 50-летию образования
Московской высшей школы милиции МВД СССР
(18–19 декабря 2025 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2026

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2026
ISBN 978-5-9694-1733-5

УДК 340.114.3
ББК 67
П15

Рецензенты:
начальник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России доктор юридических наук, доцент **К. В. Муравьев**; главный эксперт 2-го отдела (нормативно-правового обеспечения) Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России кандидат юридических наук **В. В. Шишов**; начальник 4-го отдела НЦБ Интерпола МВД России кандидат юридических наук **А. А. Солуков**

Составитель **К. А. Раков**, доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

П15 **Память и право (памяти профессора В. М. Курицына)** : Международная научно-практическая конференция, посвященная 50-летию образования Московской высшей школы милиции МВД СССР (18–19 декабря 2025 г.) : сборник научных трудов / [сост. К. А. Раков]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2026. – 398 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1733-5

В сборнике представлены научные труды участников Международной научно-практической конференции «Память и право (памяти профессора В. М. Курицына)» (к 50-летию образования Московской высшей школы милиции МВД СССР), состоявшейся 18–19 декабря 2025 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя. Сборник содержит статьи, тематика которых связана с проблемой мемориальной функции права, правовой охраны исторической памяти и многими другими актуальными вопросами теоретико-исторических правовых наук.

Предназначен для ученых, преподавателей, студентов (курсантов) и аспирантов (адъюнктов), практикующих юристов, а также всех интересующихся проблемами современной общеправовой теории.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб; Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2026

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Фомин И. Е.*

Подписано к изданию 22.05.2026
Объем издания: 2,68 Мб
Тираж: 10 электронных оптических дисков (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1733-5

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
https://мосу.мвд.рф, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Зайнутдинов Д. Р.
Ираклий Церетели и его видение нового международного права 11

Суверов Е. В.
Политико-воспитательная работа
в подразделениях УНКВД Алтайского края (1941–1945 гг.) 17

Лановая Г. М.
Память и забвение в цифровом пространстве:
морально-правовые аспекты проблемы 20

Миронов А. Л.
Система органов публичной власти 26

Фролова Е. А.
Олег Эрнестович Лейст (1925–2003): личность
в истории теоретико-правовой науки 31

Полозова И. В.
Правовая традиция как диалог права и культурно-исторической памяти 35

Сигалов К. Е.
Историческая память как фактор цивилизационной идентичности 40

Малахов В. П.
Злопамятство как правовой феномен 44

Барзилова И. С.
Историческая память как объект правовой защиты 47

Никитин А. Н., Никитина М. А.
Память как источник (носитель) неписаного права 51

Карнаушенко Л. В.
Юридические механизмы формирования и регулирования
коллективной исторической памяти 55

Абдрахманов А. И.
Семья Тургеневых как яркие представители декабристского движения 61

Яцкова А. П.
Триада графа С. С. Уварова: значение для формирования
идеи преемственности поколений и современное прочтение 68

Трофимов В. В., Челбаев Д. В.
Цифровая память правовых смыслов как элемент правовой идеологии
социума в условиях цифровой реальности (постановка проблемы) 73

Карпов А. Г., Журавлев В. В.
Научная школа профессора А. П. Шергина: экскурс в прошлое, анализ настоящего, взгляд в будущее 78

Григорьев А. В.
Историческая память и патриотические ценности как факторы консолидации общества в условиях современных вызовов и угроз 83

Чесовская М. Г.
Историческая память как конституционно-правовая ценность (о необходимости противодействия искажениям истории России в зарубежной исторической мысли) 86

Гамалей А. А., Гамалей С. Ю.
Правовые вопросы охраны и использования памятников истории и культуры в СССР 92

Стрелкова Н. В.
Гражданская идентичность как производная от доминирующих в обществе ценностных ориентиров 97

Сатушиева Л. Х.
Историческая память и преемственность поколений как традиционная духовно-нравственная ценность российского общества 101

Афзалетдинова Г. Х.
Адаптация как правовой и общенаучный феномен 108

Зыкова С. В.
Право на память: от этики памяти к юридической ответственности 112

Мельник Е. В.
Взаимодействие советского уголовного розыска и органов госбезопасности в 1918–1926 гг. 116

Фролова Т. Н.
Ментальная безопасность как фактор защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей 121

Порватова Л. В.
Роль преемственности поколений в духовно-нравственном воспитании курсантов образовательных организаций МВД России 126

Шукюров Ш. Т.
Понятие взаимодействия органов внутренних дел и судебной власти 130

Воротникова И. Г.
Сохранение исторической памяти и современная политика памяти в России и Сербии 140

Раков К. А.
Правовое значение памяти 146

Матанцев Д. А.
Добрая память об умершем как объект правовой охраны 149

Шингарева Н. В.
Развитие языка права в судебниках XV–XVII вв. 153

Сучкова М. В.
Организационно-правовые основы охраны
историко-культурного наследия в Российской империи 157

Иванченко Ю. А.
Коммуникативная функция права в процессе легитимации
государственной власти 162

Зикунова Н. В.
Правовые основы деятельности психологической службы
государственных органов по сохранению исторической памяти:
теоретико-правовой анализ и перспективы регулирования 165

Феднева Н. Л.
Проблематика исторической памяти в содержании «Программы
профессиональной подготовки сотрудников, включенных
в кадровый резерв органов, организаций, подразделений МВД России» 170

Колосов И. В.
Когда память имеет юридическое значение: подход философии права
Дж. Уолдрона 177

Манаева Е. К.
Правовые и организационные основы исторической политики
Российской империи: эволюция мемориальной функции права
в XVIII – начале XX в. 181

Широкова А. А.
Историко-правовое значение работы советских прокуроров
как государственных обвинителей на Нюрнбергском процессе 187

Гарина О. В.
К вопросу о генезисе понятия «терроризм» и его характеристике
в условиях цифровизации современного общества 190

Семенова Е. Л.
О некоторых аспектах исполнения высылки иностранных граждан
и лиц без гражданства 196

Иванченко С. В.
Традиционные российские духовно-нравственные ценности
как средства коммуникативного взаимодействия в правовой среде 199

Рудакова О. Н.
Защищая свое прошлое, отстаиваем будущее: историческая память
в контексте естественных прав человека 202

Богатырев Д. В.
Цифровизация исторической памяти в контексте злоупотребления правом: к вопросу о формировании новых информационных угроз 206

Агаев С. А., Аббасов Э. А.
Некоторые проблемы досудебного производства в виде дознания в Азербайджанской Республике и пути их решения 210

Безбородова Л. А., Куксов В. А.
Немецкие концепции цифрового наследия и правового режима онлайн-памяти 215

Хабарин О. М.
Эволюция правового статуса фискала в первой половине XVIII в. 220

Старова Е. В.
Этические дилеммы и современные вызовы для юридической герменевтики: в поисках новой парадигмы интерпретации права 223

Рябцун А. П.
Диалектика памяти и забвения: сроки давности как философско-правовой парадокс 228

Левкина Е. С.
Влияние государственных преобразований Петра I на формирование юридического языка в Российском государстве 232

Беляева А. А.
Правовые основы традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества 238

Напольских И. М.
Историческая память в формировании доверия общества к государству 241

Ашиткова Т. В.
Обеспечение законности в сфере охраны культурно-исторического наследия мерами прокурорского надзора 246

Теунова Д. А.
Юридизация исторической памяти: теоретические пределы правового регулирования в условиях «войн памяти» 251

Летникова П. В.
Правовая терминология указов о проведении сенаторских ревизий в Российском государстве (первая треть XVIII в.) 256

Уметова Э. А.
Цифровые доказательства из прошлого: проблемы использования цифровой памяти в гражданском и уголовном судопроизводстве 261

Волостных Р. С.
Взаимосвязь понятий «правовая память» и «правовая доктрина» 266

Андрианова Е. А.
Правовой статус животных в Германии и России:
философско-правовой сравнительный анализ 269

Михеева А. В.
Неявные функции как форма исторической памяти в праве 273

Сычева Е. А.
Значение стратегий цифровой архивации для сохранения памяти
о Великой Отечественной войне 275

Смирнова О. А.
Эволюция концепции правовой жизни в XIX в. 280

Матвеева А. Д.
Материальное и социальное обеспечение сотрудников
органов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 283

Слесарева А. М.
Влияние исторической памяти на осуществление
современным государством внутренних и внешних функций 287

Тимохина А. Н.
Дезинформация периода Первой мировой войны и историческая память 290

Матвеева А. Д.
Топонимы как инструмент политики памяти на примере названий улиц 296

Макушко А. А.
Актуальные зарубежные концепции философии права
в области защиты информации 300

Волобуева Н. Д.
Историческая память и право в обществах переходных периодов 306

Антохина М. Е.
Уставы императорских университетов как правовая основа
политики Российского государства в сфере высшего образования 310

Конашенков С. О.
Теоретико-методологические подходы к изучению нормотворчества
НКВД РСФСР и их значение для сохранения историко-правовой памяти 315

Виноградов Д. А.
Юридический дью-дилидженс как отражение концепции
проактивного права и его специфика в условиях антироссийских санкций 318

Иванова П. Р.
Феминистская философия права 322

Рагоза Д. Е.
Историческая память в условиях цифровизации общества 326

Казбанов Д. С.
Соотношение истории и памяти в праве: рецепция и трансформация советских трудовых конструкций 330

Бабенкова А. И.
Отдельные угрозы, исходящие от эхокамер и «пузырей», и способы их преодоления 335

Демин В. И.
Перспективы и проблемы цифровизации исторической памяти в современной России 340

Леонардова И. А.
Тенденции трансформации института семьи в современном обществе: вызовы и перспективы 344

Резько В. А.
О мерах административно-правового принуждения в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства 349

Голобокова А. А.
Значимость исторической памяти и ее отражение в российском праве 353

Амбросенкова Д. С.
Доктрина «Москва – Третий Рим» как основа исторической памяти и преемственности 355

Парфенов А. А.
От Нюрнбергского трибунала к Международному уголовному суду в Гааге: преемственность правовых принципов в сфере международной уголовной юстиции 359

Орлов И. С.
Правовое регулирование защиты исторической памяти в Великой Отечественной войне в контексте уголовной ответственности за реабилитацию нацизма: пробелы и пути их устранения 366

Кудрявцев Д. А.
Инверсия правосознания как фактор формирования личности преступника в условиях современных угроз национальной безопасности 370

Якубов М. С.
Оперативно-разыскная деятельность как средство борьбы с преступностью в Республике Таджикистан 374

Майфет А. В.
Правовая память как источник конфликта: феноменологический анализ правовых традиций 377

Курбатов В. С.
Дерадикализационный потенциал исторической памяти в контексте идеологической войны 382

Айнетдинов А. А.
Эволюция права: от запрета к возможности 387

Борода А. В.
Правовые и идеологические основы исторической политики
Российского государства и ФРГ: сравнительный анализ XX–XXI вв..... 391

Манахова Н. В., Глухова Д. С.
Право как инструмент фиксации памяти
(архивы, статус беженца, реституция) 396

Зайнутдинов Д. Р.[1],
профессор кафедры теории
и истории права и государства
Казанского филиала
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
профессор кафедры теории государства и права
и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета
имени В.Г. Тимирясова (ИЭУП),
доктор юридических наук, доцент

ИРАКЛИЙ ЦЕРЕТЕЛИ И ЕГО ВИДЕНИЕ НОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Точкой отсчета для пересмотра правового базиса классического международного права стала февральская революция 1917 года в России. Именно в этот период прозвучали новые идеи, формулы, принципы, которые должны были составить будущую основу нового международного правопорядка. Важную роль в этом деле сыграли российские социалисты, одним из которых был Ираклий Церетели, ставший глашатаем концепции пересмотра норм классического международного права.

Ираклий Церетели (1881–1959 годы) – один из крупнейших грузинских трибунов, лидер национального движения, политик, идеолог социал-демократии, Министр почт и телеграфа и Министр внутренних дел Временного правительства 1917 года, член Учредительного Собрания Грузии. Его позицию в отношении Первой мировой войны связывают с так называемым «оборончеством».

И. Церетели отмечал, что формирование лагеря сторонников пересмотра международного правопорядка началось еще на IV конгрессе Второго Интернационала в Лондоне (27 июля – 1 августа 1896 года). Грузинский политик высказывал мысль: «Среди лихорадочного роста вооружений европейских государств – определил Лондонский международный социалистический конгресс основную причину современной войны. Международные осложнения, назревавшие и продолжение полувека и приведшие к нынешней мировой войне, Интернационал всегда рассматривал под этим углом зрения» [1, с. 44].

Далее, VIII конгресс (28 августа – 3 сентября 1910 года, Копенгаген, Дания) и IX чрезвычайный конгресс (24–25 ноября 1912, Базель, Швейцария) собирались уже при явных признаках надвигающейся войны. На них рассматривались различные варианты предотвращения надвигающейся угрозы. Предлагались новые институты для сдерживания роста милитаризма и международного урегулирования споров. Так, И. Церетели указывал: «Не задаваясь утопической целью водворения всеобщего мира в рамках современного строя, интернационал считал вполне совместимым с существованием буржуазного общества

[1] © Зайнутдинов Д. Р., 2026.

смягчение военных тягот и ограничение области вопросов, могущих повести к вооруженным столкновениям. Предложение о приостановке вооружений и требование обязательности международного арбитража (мирного посредничества) были поддержаны Копенгагенским и Базельскими конгрессами, как здоровые прогрессивные течения буржуазного мира, совпадающие с интересами пролетариата. Борясь за эти полумеры, Интернационал не только не отвлекался от своей основной задачи социалистического воспитания масс, но отстаивал лучшие условия для всестороннего укрепления классового пролетарского движения» [1, с. 45–46]. В этих условиях политико-правовые воззрения социалистов разных направлений стали во многом увязываться с вектором дальнейшего развития международного права.

В то же время Ираклий Церетели отмечал, что наиболее радикальные группы международного социалистического движения считали, что безостановочный рост милитаризма стала следствием современной фазы развития капитализма, и эта стадия должна завершиться войной, которая в свою очередь вызовет реализацию идеи «мировой революции» [1, с. 44–45]. Это никоим образом не способствовало эволюции международного права, а наоборот отбрасывало его формирование к слабо контролируемым процессам, происходившим век назад.

Грузинский политик отводил большую роль российской социал-демократии в утверждении новых основ международного права, построенного на началах справедливости, равенства и неприменения силы. Свою позицию он четко обозначил на заседании Всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов 30 марта 1917 года, когда заявил: «Российская демократия не желает захватов, что она со своей стороны отказывается от посягательств на чужие территории, и этот разрыв с империалистическими стремлениями старого правительства возвещен новым Временным Правительством. Мы заявляем, что российская демократия считает необходимым, чтобы Временное Революционное Правительство вошло в переговоры с союзными державами для разработки общего соглашения на этой платформе и приглашает другие народы делать то же в каждой стране» [2, с. 86].

Продолжения войны необходимо было для установления в последующем нового мирового порядка с более эффективным механизмом международного права, способным сдерживать страны от применения силы при разрешении межгосударственных конфликтов. Невозможно было сформировать новый базис международного права в одиночестве. Для выстраивания прочной системы межгосударственных отношений требовалось согласие наиболее влиятельных мировых держав, а также поддержка со стороны всех народов. И, пожалуй, самым главным, как считал И. Церетели, являлась защита страны-инициатора, предложившие новые идеалы для международного права, то есть революционной России. Поэтому в данном контексте он писал: «Российская демократия понимает, что в настоящий момент ее дело – не только ее дело, что это дело всей мировой демократии. Если бы в этот момент, пока продолжается война, пока наш клич не дал еще реальных результатов в других странах, если бы в этот момент страна, впервые ставшая на путь демократических идеалов равенства, по внешней политике оказалась незащищенной, оказалась разгромлен-

ной, это было бы поражением не только российской демократии, это было бы поражением всей мировой демократии» [2, с. 285–286].

На мартовском объединенном заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, грузинский мыслитель подчеркивал, что торжество демократии в России и во всех других воюющих странах «является залогом свободы народов, залогом прекращения братоубийственной распри, залогом новых международных отношений, воплощающих идеалы демократии» [2, с. 285].

По мнению грузинского политика, то, что Россия первая из воюющих держав на государственном уровне заявила об отказе от имперской политики, было поворотным моментов мировой истории [2, с. 87]. С этим действительно сложно не согласиться. Формула мира без аннексий и контрибуций являлась безусловной новаций международного права. Однако к ее реализации следовало подходить всесторонне обдуманно.

Оформление нового международного порядка И. Церетели предлагал начать с пересмотра старых договоров между союзными странами, тем самым он выдвигал свою альтернативу большевистской идее немедленной публикации секретных договоров. Его позиция строилась на необходимости начать процесс юридического оформления новых договорных отношений на принципах гласности и публичности [2, с. 95]. В своей речи на I Всероссийском съезде Советов 4 июня 1917 года он подчеркивал: «Русское правительство выражает уверенность, что создадутся благоприятные условия для того, чтобы эти стремления русской революции получили реальное осуществление, и оно предлагает в ближайшем будущем, когда создадутся благоприятные условия, созвать конференцию союзных держав для пересмотра всех старых договоров, исключая договор о сепаратном мире» [3, с. 89].

Обращаясь к представителям революционной демократии еще в марте 1917 года Ираклий Церетели говорил, что интеграция социалистических идеалов о справедливости и равноправия в базис международного права, в том числе и формулы мира без аннексий и контрибуций, чрезвычайно трудное дело, и оно вовсе невозможно усилиями одной страны. «Нет такой области, где бы труднее было для демократии провести осуществление своих идеалов, чем область внешней политики. Даже и там, где демократические течения завладели полным господством во внутреннем строе, даже и там, в области внешней политики, оставалось все-таки господство избранных цензовых элементов, имущих элементов буржуазии» [4, с. 75], – подчеркивал грузинский политик.

Позже И. Церетели напишет, что усилия Временного правительства во внешней политике по вопросу заключения мира воюющими державами, уже на первом этапе его деятельности стали встречать сопротивление со стороны большевиков и правых групп. Последние же позицию меньшевиков о недопущении одностороннего мира активно использовали для отрыва средних слоев населения от поддержки Временного правительства России [5, с. 59].

Он полагал, что социалистические лидеры воюющих стран сами должны инициировать в своих государствах реализацию формулы мира без аннексий и контрибуций. Давление на союзные державы в форме угроз заключения одностороннего мира он считал контрпродуктивными, так как формирование нового норма-

тивного базиса международного права невозможно при отсутствии воли цивилизованных стран. По этому поводу он пояснял: «Путем дипломатических переговоров и договоров (имеется ввиду секретных. – Д. З.) в настоящий момент вопросы мировой важности решаться не могут. Задача дипломатии поставить ясно и открыто перед правительствами и народами всего мира этот вопрос, и со своей стороны сделать все, чтобы начала, признанные русской демократией, были признаны началами международной политики в союзных с нами странах. Чтобы такая всеобщая платформа войны и мира была бы выдвинута не только от имени русской революции, но и всей коалиции всех союзных с нами стран» [3, с. 87].

Новая система международных отношений требовала концептуально иных принципов для более стабильного мирового правопорядка. По этой причине И. Церетели прямо декларировал принцип отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях [3, с. 87]. Примечательно, что данный принцип на международном уровне в отдельной декларации будет закреплен лишь в 1987 году [6].

В 1927 году в работе «Основной вопрос нашей тактики» И. Церетели вкратце сопоставил и проанализировал развитие мирового социалистического движения и международного права за период с начала XX века, сделав важный вывод. Он считал большим достижением рабочего класса Англии, Франции, Германии и вообще всей Европы, создание Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, сформированной Версальским мирным договором 1919 года, и соглашениями, заключенными на Вашингтонской конференции в течение 1921–1922 годов [7, с. 173].

В качестве основ данной системы грузинский политик выделил:

– стремление разрешения конфликтов демократическими методами;
– осуществление всеобщего разоружения;
– обязательный мировой арбитраж;
– создание Лиги Наций и ее преобразование в высший демократический орган народов [7, с. 176].

В то же время И. Церетели делал акцент на том, что еще далеко до окончательного оформления механизма правового регулирования новой системы международных отношений [7, с. 175].

Тем не менее надо подчеркнуть, что «Версальский договор отразил и закрепил результаты Первой мировой войны, вызванной глубокими противоречиями, разрешить которые новая система международных отношений не смогла. Версальский мир способствовал экономической и политической стабилизации, которая, к сожалению, не имела прочной основы, так как сохранялись базовые предпосылки конфликтного развития. Можно с полным основанием заключить, что „Версаль“ стал заложником той политической реальности, которая сложилась после Первой мировой войны» [8, с. 86]. В целом же современные исследователи оценивают Версальско-Вашингтонскую систему как крайне неустойчивую и слабую в части урегулирования международных споров и установления стабильного мирового порядка [9, с. 104].

Основным элементом, обеспечивающим функционирование нового миропорядка, И. Церетели считал рабочий класс. Здесь он прояснял: «Европейский

пролетариат защищает мир не потому, что он доволен условиями, установленными существующим миром. Наоборот. Нет другого класса как в победивших, так и в побежденных странах, который был бы более недоволен и ожесточен этими условиями, чем рабочий класс. Несмотря на это, последний всем своим существом противится той идее, чтобы условия этого мира были пересмотрены с помощью новой войны» [7, с. 173]. Однако в ряде стран социализм довольно быстро попал под влияние крайне правых групп, сумевших создать уникальный по одиозности идеологический симбиоз национал-социализма, который увел в шовинизм большинство рабочего класса Германии, Австрии и других государств.

Таким образом, можно подытожить, что общее влияние социалистических идей на международное право в период 1917–1920-х годах было весьма значимо. Но в теоретическом спектре правовые ценности социализма были разработаны еще довольно слабо, а потому они не смогли обеспечить устойчивое развитие сформированного в 1919 году нового мирового порядка. Опасения по поводу этого как раз и высказывал Ираклий Церетели. Крах Версальско-Вашингтонской системы привел к новой мировой войне.

Широкая юридизация ценностей социализма на международном уровне произойдет только после Второй мировой войны, когда будет сформирован относительно монолитный лагерь из социалистических стран. Только тогда эти страны существенным образом повлияют на эволюцию международного права. Ярким отражением этого станет принятие 19 декабря 1966 года Генеральной Ассамблеей ООН Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [10], а также ряда других международных документов, сформировавших более устойчивый мировой порядок.

Список литературы

1. Церетели И. Война и интернационал (1914) // Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное : в 2 ч. Ч. 2 / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. П. Ненароков, П. Ю. Савельев. М. : Росспэн, 2010. С. 44–51.

2. Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. 1917 год в документах и материалах / подготовил к печати М. Н. Цапенко ; с предисл. Я. А. Яковлева. М. : Ленинград : Государственное издательство РСФСР, 1928.

3. Церетели И. Речь на I Всероссийском съезде Советов 4 июня 1917 года // Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное : в 2 ч. Ч. 2 / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. П. Ненароков, П. Ю. Савельев. М. : Росспэн, 2010. С. 86–103.

4. Церетели И. «Об отношении к Временному правительству» 31 марта 1917 года // Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное : в 2 ч. Ч. 2 / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. П. Ненароков, П. Ю. Савельев. М. : Росспэн, 2010. С. 74–77.

5. Церетели И. Г. Кризис власти: воспоминания лидера меньшевиков, депутата II Государственной думы, 1917–1918. М. : Центрполиграф, 2007.

6. Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях : принята резолюцией 42/22

Генеральной Ассамблеи ООН от 18 ноября 1987 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/useofforce_refraining.shtml.

7. Церетели И. Основной вопрос нашей тактики (1927) // Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное : в 2 ч. Ч. 2 / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. П. Ненароков, П. Ю. Савельев. М. : Росспэн, 2010. С. 170–197.

8. Батагова Л. Х. Версальский мир как предпосылка Второй мировой войны: за и против // Манускрипт. 2019. № 7. С. 83–87.

9. Хахалкина Е. В., Вагнер А. В., Ербахаев О. Л. и др. Версальско-Вашингтонская система международных отношений глазами российских историков // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 104–109.

10. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. : принят Резолюцией 2200 (XXI) на 1 496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН : пакт ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII с заявлением : вступил в силу для СССР с 3 января 1976 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831).

Суверов Е. В.[1],
начальник кафедры теории
и истории права и государства
Барнаульского юридического института МВД России,
доктор исторических наук, профессор

ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ УНКВД АЛТАЙСКОГО КРАЯ (1941–1945 гг.)

Начало полномасштабных боевых действий в июне 1941 г., быстрое продвижение вражеской армии привело к коренному изменению внутренней политики советского государства, экстренным переходом экономики на «военные» рельсы, к корректировке деятельности политотделов в подразделениях НКВД СССР Алтайского края. Упор стал делаться на пропаганде патриотических ценностей, почитании воинских побед русской армии и флота, укреплению служебной дисциплины, усилению марксистко-ленинской пропаганды, при этом продолжались занятия с личным составом в школах и курсах, в том числе и по политической грамотности.

Нападение на Советский Союз 22 июня 1941 г. со стороны немецко-фашистских войск и их сателлитов, ознаменовало начало Великой Отечественной войны. Ситуация на фронте складывалась крайне неблагоприятно, попали в окружение и были уничтожены боеспособные подразделения Красной армии, враг рвался к столице.

Огромным напряжением сил, проявление воли всего советского народа и его руководства, мобилизацией всех ресурсов удалось первоначально стабилизировать ситуацию, а затем, переломив ее, победить сильного противника, закончив войну на территории Германии.

Коренные изменения происходили в советском тылу, вся деятельность правоохранительных органов (в том числе и органов НКВД СССР) переводилась на военные рельсы, серьезные изменения произошли и в процессе политико-воспитательной работы среди личного состава.

Важнейшую роль в поддержании дисциплины в органах внутренних дел играл, политический отдел ГУРКМ НКВД СССР (учитывая, что еще в 1940 г. в милицейских подразделениях был внедрен армейский Дисциплинарный устав Красной армии), ставшим руководящим органом этой правоохранительной системы [1].

Политотдел Главного управления милиции НКВД СССР и подчиненная ему система политорганов и парторганизаций были призваны мобилизовать личный состав на успешное выполнение оперативно-служебных задач, развивать социалистическое соревнование, обеспечивать укрепление социалистической законности [2, с. 68].

Воспитательная работа с молодежью в органах милиции в годы войны имела исключительно важное значение, так как на место ушедших из ее рядов в Крас-

[1] © Суверов Е. В., 2026.

ную Армию тысяч мужчин в милицию пришли с фабрик, заводов, из гражданских учреждений множество девушек, перед которыми стояли сложные задачи по овладению милицейской службой [3, с. 59].

Перестраивая деятельность алтайской милиции на военный лад, приходилось преодолевать ряд трудностей: менялись условия службы, значительно вырос ее объем, повысились требования к личному составу, с уходом на фронт сотрудников НКВД СССР образовался большой некомплект, вследствие чего возросла на них нагрузка. Изменялись подходы к организации политической подготовки. Чтобы усилить политико-воспитательную работу, политотдел Главного управления милиции НКВД СССР рекомендовал всем политорганам организовать постоянные учебные семинары с секретарями партийных и комсомольских организаций. На занятиях изучались вопросы планирования партийно-политической работы, подготовки и проведения партийных собраний, контроля за выполнением принятых партийных решений, распределения партийных поручений среди коммунистов и т. д. [4, с. 57, 60, 61].

Помимо пропаганды традиционных ценностей – построения коммунистического общества, изучения классиков марксизма-ленинизма стали практиковаться воспитательные мероприятия на примере героического прошлого военной истории России, связанные с именами Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Кутузова, адмирала Федора Ушакова, еще недавно подвергнутые анафеме большевиками, не как великие полководцы и патриоты, а как царские сатрапы. В честь их были введены воинские награды, по сути, была возвращена старая царская форма, с обязательным ношением погон. В кинопрокат вышел фильм про Ивана Грозного (1945 г., кинорежиссер С. Эйзенштейн), как человека радеющего за свою Отчизну. Угроза вражеского порабощения, привела к окончательному отходу от идей «мировой революции» к патриотическому воспитанию, на основе славного прошлого России, смягчению антирелигиозной пропаганды, открытию части культовых сооружений для верующих.

В обстановке военного времени стала изменяться политическая пропаганда и агитация среди личного состава органов НКВД Алтайского края, приобретя боевой характер. Перед политорганами была поставлена задача – неустанно поддерживать, растить присущий советскому народу неукротимый дух свободолюбия и глубочайшей преданности своей прекрасной Родины, разъясняя что теперь каждый сотрудник должен доказать свой патриотизм.

Все партийно-массовые мероприятия были направлены на воспитание у личного состава готовности всеми средствами, отстаивать честь и свободу родной земли от фашистских извергов. Политические занятия, политинформации, читки, беседы были направлены на улучшение служебных показателей, укреплению дисциплины в подразделениях НКВД СССР.

Так, в дни Великой Отечественной войны партийная организация особого взвода милиции НКВД Алтайского края во главе с политруком С. Сажиным в корне изменила стиль и методы агитационной работы. Высокая политическая сознательность сотрудников положительно сказывалась на их служебной деятельности, в целом наблюдался рост отличников и ударников милицейской службы [5].

В различных подразделениях НКВД СССР Алтайского края продолжали функционировать кружки по изучению истории правящей партии, один из таких объединений имелся в Управлении милиции НКВД Ойротской автономной области Алтайского края под названием – кружок по изучению «Краткого курса истории ВКП (б), который руководил опытный пропагандист, направленный райкомом партии, 4 раза в месяц. В результате плодотворной работы, были изучены все 12 глав «Краткого курса», 12 слушателей получили навыки работы с такого вида документами, научились конспектировать, и продолжили самостоятельно изучать историю партии большевиков, уже на более качественном уровне [6].

Таким образом, политико-воспитательная работа в НКВД Алтайского края (1941–1945 гг.) была скорректирована с учетом непростой военной ситуации, которая сложилась с первых дней Великой Отечественной войны. Помимо изучения трудов классиков марксизма-ленинизма, официальных учебных пособий по истории партии и революционного движения, все больше внимания стали уделять патриотическому воспитанию сотрудников НКВД СССР, основанному на историческом прошлом России, в том числе и на победах русского оружия, под руководством царских генералов и адмиралов.

Список литературы

1. Маюров Н. П. Состояние и меры по укреплению дисциплины в органах милиции в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2 (26). С. 41–47.

2. Гусак В. А. Проблема развития политического сознания сотрудников советской милиции в довоенный период (20–30-е гг. XX в.) // Проблемы права. 2016. № 3 (57). С. 65–69.

3. Алексеева Л. А., Беляева О. В. К вопросу об особенностях воспитательной работы среди сотрудников ОВД в советский период // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 2. С. 58–60.

4. История советской милиции. Советская милиция в период социализма (1936–1977 гг.) : монография / под ред. Н. А. Щелокова. М. : Академия МВД СССР, 1977.

5. Боевой пост. 1941. № 33 (155).

6. Боевой пост. 1941. № 36 (158).

Лановая Г. М.[1],
профессор кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МОРАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Цифровое пространство в современных условиях превращается в самостоятельное измерение, в котором протекает жизнь человека. При этом существование в данном пространстве сопряжено с решением многих из тех проблем, с которыми сталкивается человек в качестве субъекта, живущего и действующего в реальном социальном пространстве. К числу таких проблем относится проблема памяти и забвения.

Сегодня вопросы, связанные с сохранением памяти и обретением забвения в цифровом пространстве, рассматриваются прежде всего в философском, социологическом и культурологическом ракурсах [1; 2]. Вместе с тем, будучи теоретически и практически значимыми для современного общества, названные вопросы все чаще выносятся на обсуждение учеными-юристами. Последние вполне объяснимо обращают свое внимание прежде всего на юридические аспекты формализации, обеспечения и защиты права на забвение [3; 4], а также на юридические проблемы правовой охраны цифрового наследия [5; 6]. Вместе с тем очевидную значимость – в том числе и в силу того, что российская культура традиционно характеризуется этико-эмоциональной настроенностью, – приобретают морально-правовые вопросы, требующие решения в связи с актуализацией проблемы сохранения памяти и обретения забвения в цифровом пространстве.

Прежде всего необходимо обратиться к вопросу о том, при каких условиях сохранение памяти или обретение забвения в цифровом пространстве могут и должны рассматриваться в качестве справедливых целей, способствовать достижению которых посредством права необходимо.

Вопрос о том, в каких случаях справедливым – и, следовательно, подлежащим обеспечению правовыми средствами – является требование об удалении информации из публичного пространства в Интернет, довольно давно обсуждается учеными-юристами. Более того, и в России, и в других странах мира сложилась обширная правоприменительная практика, дающая возможность составить представление о том, каков сегодня ответ юридического сообщества на данный вопрос.

На первый взгляд, сохранение памяти, в отличие от забвения, справедливо всегда, однако при ближайшем рассмотрении все оказывается не так просто.

---

[1] © Лановая Г. М., 2026.

Сохранение памяти – это не просто фиксация информации, это накопление впечатлений, образов, переживаний, то есть субъективного опыта, возникшего в результате взаимодействия человека с объектами внешнего мира и другими людьми. В этой связи прежде всего возникает вопрос: всегда ли справедливо сохранение в цифровом пространстве субъективного опыта, не совпадающего с субъективным опытом других людей? К сожалению, право не дает ответ на него.

Например, в 2016 году Д. В. Карагодиным был создан сайт https://karagodin.org/, посвященный расследованию расстрела сотрудниками НКВД СССР его прадеда С. И. Карагодина. В 2020 году С. А. Митюшов – сын регистратора учетно-статистического отдела УНКВД А. А. Митюшова – обратился в полицию с заявлением о том, что на сайте была размещена недостоверная информация о его отце, дискредитирующая его имя, а в 2021 году обратился в прокуратуру с требованием убрать с сайта фамилию его отца и закрыть сайт Д. В. Карагодина на том основании, что его отца оклеветали, поместив информацию о нем в раздел «Убийцы». С. А. Митюшов апеллировал к тому, что его отец действительно в 30-е годы служил в НКВД, но никаких доказательств того, что он принимал участие в этом деле и кого-то убивал, нет. У Д. В. Карагодина иное мнение: он полагает, что А. А. Митюшов – «человек, принявшего участие в убийстве» его прадеда: раз подпись Митюшова стоит на выписке из акта о расстреле С. А. Карагодина, значит, он виноват [7; 8]. Действующее право не дает ответа на вопрос, что в данном случае справедливо: сохранение того, что Д. В. Карагодин считает памятью, или предание забвению того, что с точки зрения С. А. Митюшова является недостоверной информацией.

Особую остроту морально-правовые аспекты проблемы сохранения памяти в цифровом пространстве приобретают в связи с тем, что, с одной стороны, именно в данном случае память наиболее ощутимо влияет на формирование доминирующих дискурсов, с другой стороны, цифровое пространство создает практически неограниченные возможности для манипуляций, приводящих как к изменению памяти, так и к возникновению памяти о не-бывшем. Ложная память часто остается даже в тех случаях, когда в последующем лежащая в ее основе информация изобличается как недостоверная.

Рассмотрим конкретный пример. В 2013 году в Интернете широко обсуждалась «новость» о том, что мужчина в Китае выиграл судебный иск в отношении жены, которая родила ему некрасивую дочь. Якобы тесты ДНК подтвердили отцовство, жена призналась, что до замужества сделала себе пластические операции, суд обязал женщину заплатить бывшему мужу 120 тысяч долларов. «Новость» сопровождалась фотографией красивой супружеской пары с тремя некрасивыми детьми. Несмотря на то, что многие интернет-ресурсы опубликовали статьи, разоблачающую «новость» как выдуманную, информация о том, что мужчина в Китае выиграл судебный иск в отношении жены, которая сделала до знакомства с ним пластические операции, а в браке родила некрасивых детей, до сих пор воспринимается многими людьми как достоверный факт, о котором они когда-то прочитали.

То, что в цифровом пространстве не сложилась культура дифференциации достоверной информации от того, что является результатом искажающей дей-

ствительность репрезентации и самопрезентации, становится самостоятельным источником морально-правовых проблем. Пользователи сети Интернет не проверяют источники информации, и даже в тех случаях, когда они хотят это сделать, осуществить задуманное оказывается крайне проблематичным.

В научных публикациях вполне обоснованно ставится вопрос об отсутствии надежной защиты от внесения в исторические источники в процессе их оцифровки изменений, которые практически невозможно обнаружить без доступа к оригиналу, а также об отсутствии у исследователей, пользующихся опубликованными электронными версиями таких документов возможности проверки их аутентичности [9, с. 21–22]. Однако как раз эту проблему довольно легко решить юридическими средствами, поскольку известны первоисточник информации и субъект, осуществляющий оцифровку.

В случае, когда, например, первоисточником информации является текст, сгенерированный с целью привлечения внимания целевой аудитории, который, получая вирусное распространение, многократно трансформируется, определить, в какой момент возникли условия для формирования в цифровом пространстве ложной памяти, практически невозможно. Как следствие, в описанном контексте практически невозможным оказывается решить вопрос о том, кто должен нести юридическую ответственность за достоверность информации, оседающей в социальной памяти.

Не вполне понятно, как быть в тех случаях, когда циркулирующий в цифровом пространстве контент, являющийся художественным вымыслом, преподносится в форме, типичной для аналитических материалов, специальных репортажей, обзорных статей, дайджестов и т. п., хотя прямо и не маркируется в качестве таковых.

Самостоятельной проблемой становится то, что описываемые процессы протекают в условиях, когда человечество вступает в эпоху иллюзии знаний. «Мир усложняется, и люди перестают понимать, насколько ничтожны их знания о происходящем вокруг», при этом «люди редко сознают свое невежество, поскольку склонны существовать в информационном пузыре, общаясь с друзьями, которые разделяют их взгляды, и читая только те новостные ленты, в которых их убеждения постоянно подкрепляются и редко оспариваются» [10, с. 269].

Во-первых, в таком мире сложно юридически регулировать отношения, влияющие на формирование памяти в цифровом пространстве. Даже если установить жесткий контроль за содержанием и качеством информации, циркулирующей в цифровой среде, это не поможет эффективно бороться со слухами, заблуждениями и мифами, возникающими в силу специфики механизма человеческого мышления и существенности влияния иррационального на формирование суждений и принятие решений.

Во-вторых, в описываемых условиях затруднительным оказывается четко сформулировать этические критерии, опираясь на которые можно осуществлять справедливое юридическое регулирование активности человека в цифровом пространстве. Вполне логичным в данном случае выглядит вопрос: «Если мы не в состоянии понять мир, можно ли надеяться, что нам удастся отличить правильное от неправильного, справедливость от несправедливости?» [10, с. 273].

Самостоятельной морально-правовой проблемой является вопрос о том, до каких пределов и в каком качестве юридические инструменты могут использоваться в противодействии процессу деформации памяти в цифровом пространстве.

В силу специфики механизма возникновения в цифровом пространстве ложной памяти наиболее эффективными мерами борьбы с ним является не вытеснение дискурсов, укоренение которых создает риск искажения социальной памяти, а создание условий, не допускающих их формирование. Специфика конфигурации цифрового пространства такова, что воспрепятствование формированию дискурсов, укоренение которых создает риск искажения социальной памяти, может эффективно обеспечиваться только путем ограничения доступа к тем сегментам цифрового пространства, в которых такие дискурсы складываются.

В тех случаях, когда речь идет о дискурсах, создающих угрозу безопасности общества и государства, необходимость такого ограничения очевидна. Однако во многих других случаях возникает морально-правовая проблема, которую непросто решить.

Важно помнить о том, что «один и тот же объект может восприниматься и демонстрироваться как сугубо физическая конструкция, как совокупность навязанных ей значений или как символ, созданный историей использования объекта, – и как система взаимосвязей между ними» [11, с. 341]. Пока объект воспринимается и демонстрируется исключительно как физическая конструкция, он остается всего лишь объектом, и лишь когда он наделяется символическим значением, возникает риск искажения социальной памяти. В этой связи возникает дилемма: как ограничить доступ к тем сегментам цифрового пространства, в которых происходит формирование дискурсов, приводящих к искажению социальной памяти, но при этом не ограничивать доступ к информации, которая выполняет значимые социальные функции (в том числе познавательную и коммуникативную), пока она не наделяет физический объект каким-то особым символическим смыслом, делающим ее «инструментом» искажения памяти или формирования памяти о «не-бывшем». Названную дилемму легко решить.

Еще одна морально-правовая проблема, которая редко затрагивается, несмотря на ее очевидную актуальность, связана с тем, что «в современном капиталистическом обществе технология была, есть и всегда будет выражением экономических целей, которые приводят ее в действие» [12, с. 27]. В этой связи в каждом отдельно взятом случае возникают вопросы: кто будет платить за использование технологий, позволяющих сохранять память или осуществлять забвение в цифровом пространстве? Будет ли эта плата справедливой? Может ли быть юридическими средствами обеспечено равенство в реализации права на забвение и равный доступ к тому, чтобы оставаться в социальной памяти?

И, конечно, в описываемом контексте возникает вопрос о том, в какой мере успешная борьба за сохранение памяти и реализацию права на забвение в цифровом пространстве совместима со стремлением к формальному равенству.

Объективная неспособность современного права обеспечить равный доступ к сохранению памяти и реализации права на забвение в цифровом пространстве, к сожалению, способствует усилению неравенства.

Например, сегодня уже существуют приложения, которые предлагают сценарии управления посмертным существованием. Юридическими средствами невозможно устранить условия, способствующие неравенству в реализации возможности управления посмертным существованием, возникающему между людьми, хорошо разбирающимися в вопросах, касающихся сохранения цифрового наследия и обладающих техническими навыками, необходимыми для планирования управления «цифровыми активами», и людьми, не обладающими такими знаниями и навыками.

Итак, в современных условиях у проблемы сохранения памяти и обретения забвения в цифровом пространстве существует множество значимых морально-правовых аспектов. К сожалению, чем более сложным будет становиться цифровое пространство, чем более совершенными будут технологии, определяющие его параметры, тем более сложным будет оказываться поиск ответов на вопросы, которые и сегодня решить нелегко. Вероятно, право будущего сможет решать и уже существующие, и вновь возникающие моральные дилеммы лишь при условии существенной трансформации, перспективы которой пока не вполне очевидны.

Список литературы

1. Зубанова Л. Б. Цифровая память в пространстве мемориальной культуры: образы прошлого в медиатехнологиях будущего // Челябинский гуманитарий. 2020. № 3 (52). С. 15–22.

2. Кулага М. В. Текущее состояние и перспективы развития формирования исторической памяти в цифровом пространстве // Молодежь, власть, общество: проблемы и перспективы взаимодействия : сборник статей II Международной научно-практической конференции (Саратов, 29–30 мая 2024 г.). Саратов : Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова, 2025. С. 135–142.

3. Жарова А. К., Елин В. М. Обеспечение права на доступ к Интернету и забвение в цифровом пространстве Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2 (39). С. 48–53.

4. Минаева А. И. Право на цифровое забвение как субъективное право индивидуальных субъектов права: вопросы теории и практики // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 3. С. 162–166.

5. Лялькова С. П., Наумов В. Б. Развитие регулирования охраны культурного наследия в цифровую эпоху: опыт Европейского союза // Информационное общество. 2020. № 1. С. 29–41.

6. Юрченко И. А. Правовое регулирование проблемы «цифрового бессмертия»: проблемы определения в уголовном законодательстве // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 3-1. С. 201–207.

7. Карагодин Д. В. Сын сотрудника НКВД обвинил нас в дискредитации имени своего отца // Расследование Карагодина. URL: https://karagodin.org/?p=37706.

8. Рыжкин Н., Лютова Е. «Мой отец не палач, у него – награды!»: сын сотрудника НКВД написал заявление на правнука расстрелянного сибиряка // Комсомольская правда. URL: https://www.nsk.kp.ru/daily/27247/4376858/.

9. Юмашева Ю. Ю. Источниковедческие проблемы представления исторических источников в электронной среде // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 6. С. 18–36.

10. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга. М. : Синдбад, 2019.

11. Радченко Д. А. Право на память и право на забвение: практические следствия memory studies // Шаги = Steps. 2016. Т. 2, № 4. С. 340–345.

12. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева ; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М. : Издательство Института Гайдара, 2022.

Миронов А. Л.[1],
докторант факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СИСТЕМА ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Система органов публичной власти представляет собой сложный механизм, функционирующий для реализации общественных интересов и обеспечения устойчивого развития государства. Ее структура и принципы взаимодействия эволюционируют вместе с социумом, отражая изменения в политической, экономической и социальной сферах. Основой этой системы выступает принцип разделения властей, который предусматривает дифференциацию функций между законодательными, исполнительными и судебными институтами. Данное разделение служит фундаментом для баланса сил, предотвращения концентрации абсолютной власти в одном органе и создания системы сдержек и противовесов.

Рассмотрим смысл понятия публичная власть. Слово «публичный» (public power) имеет латинские корни (publicus) и переводится как «общественный» [1]. Власть представляет собой одно из ключевых, сложных и всепроникающих явлений в жизни социума. Это особый социально-культурный феномен, созданный человеком и обществом. Ее влияние зачастую является определяющим для судеб как отдельных людей, так и целых народов [2, с. 93]. Как указывают отечественные ученые В. Д. Виноградов и Н. А. Головин: «Власть, вероятно, – самое противоречивое и непредсказуемое явление общественной жизни. Ее сущностные свойства описываются широким спектром характеристик: деспотическая, авторитарная, демократическая, «кровавая», «коричневая», «тупая» власть, а также элитарная, бюрократическая и прочие. Данные определения отражают то ключевое качество, которое доминировало в определенные периоды истории конкретного государства [3, с. 52]. В научных трудах, публицистике, политических дискуссиях и обыденном общении власть часто понимается как некая самостоятельная сущность. Т. Гоббс воспринимал власть как некий «объект», которым «владеют» и который «реализуют» посредством политики. С его точки зрения, власть индивида состоит в его возможности в настоящем времени достигать определенного результата в будущем [4]. Таким образом, «публичная власть» – это власть, реализуемая при общественном наблюдении, либо власть, открытая для общества, народа и публичного обсуждения.

Разделим позицию М. Н. Кобзарь-Фроловой, указывающей на власть как на ключевой атрибут государственности. При этом публичная власть рассматривается ею в качестве отличительной черты именно правового демократического государства [5, с. 194].

---

[1] © Миронов А. Л., 2026.

С. И. Вершинина определяет общественную (публичную) власть как такую, где источником полномочий служат народ, население или общество в целом [6, с. 8].

Система органов публичной власти представляет собой комплекс структур, реализующих властные полномочия на различных уровнях. В России публичная власть трактуется как единая система государственных органов. Данная дефиниция законодательно установлена Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» [7].

Система органов публичной власти в Российской Федерации в 2026 году представляет собой единую структуру, включающую федеральные, региональные и муниципальные органы власти, которые взаимодействуют для решения задач в интересах населения. Ее основу составляет Конституция Российской Федерации, а также федеральные законы и иные нормативные акты.

В редакции 2020 года действующая Конституция Российской Федерации [8] верно характеризует сложившийся в стране общественно-политический уклад. Часть 3 статьи 132 вводит в правовое поле понятие «единая система публичной власти», что подчеркивает масштаб и полноту российской демократии. Ее официальная и легитимная основа проявляется не только в деятельности государственных институтов, но и через иные структуры политической системы, выражающие волю граждан. Данная власть зиждется на принципе народовластия: как установлено статьей 3 Конституции, ее единственным источником и носителем является многонациональный народ России. Таким образом, публичная власть представляет собой открытый, справедливый и гуманный механизм, нацеленный на достижение общего блага.

Обратимся к основным уровням системы органов публичной власти.

На общегосударственном уровне функционируют институты власти, чья юрисдикция распространяется на всю территорию государства. В эту структуру входят: глава государства – Президент России, гарантирующий согласованную работу и взаимодействие всех ветвей публичной власти; парламент – Федеральное Собрание, имеющее двухпалатную структуру и включающее Совет Федерации и Государственную Думу; высший орган исполнительной власти – Правительство Российской Федерации, руководящее соответствующей системой; федеральные исполнительные органы, представленные министерствами, службами и агентствами; а также судебные институты: Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды и мировые судьи, действующие в регионах страны.

На уровне субъектов Российской Федерации структура органов государственной власти формируется самостоятельно каждым регионом. Данное формирование осуществляется в строгом соответствии с принципами конституционного строя России, действующим федеральным законодательством, а также основными законами (конституциями или уставами) самих субъектов. В указанную систему обычно входят следующие элементы: законодательный (представительный) орган субъекта РФ, являющийся его постоянно функционирующим и единственным органом законодательной власти; высшее должностное лицо (в лице губернатора, главы республики и т. п.); высший исполнительный

орган государственной власти региона; а также иные органы власти субъекта, создание которых предусмотрено его конституцией или уставом.

На местном (муниципальном) уровне институты самоуправления, хотя и не являются частью структуры государственных органов власти, входят в общую систему публично-властных институтов. Порядок их формирования, функционирования, объем компетенций и меры ответственности определяются нормами федеральных законов, конституциями (уставами) регионов Российской Федерации, уставами самих муниципальных образований, а также прочими правовыми актами местного характера.

В монографическом исследовании А. А. Югова отмечается, что современное функционирование институтов публичной власти в рамках Конституции Российской Федерации, включая поправки 2020 года, демонстрирует масштабное формирование обширной системы регламентирующих положений, стандартов и принципов. Данные положения определяют действия и поведение субъектов общественной жизни, будучи объективированы в качестве кратонорм. Эти нормы, исходящие от государственных институтов и органов власти, призваны утверждать стабильность социального развития, поддерживать общественный порядок и гарантировать права и свободы человека.

Указанным кратонормам присущ ряд устойчивых специфических черт. Во-первых, они способны целенаправленно трансформировать сложившиеся общественные отношения. Во-вторых, в них заложено требование обязательного исполнения управленческих решений, принимаемых публичной властью. В-третьих, их установление происходит уполномоченными субъектами власти в рамках предоставленной им компетенции и в строгом соответствии с законодательством. В-четвертых, они представляют собой социальный инструмент, воздействие которого на адресатов обеспечивается как мерами государственного, так и негосударственного принуждения. В-пятых, они отличаются свойством формальной определенности [9].

Необходимо отметить, что за последнее время в Российской Федерации произошла цифровизация системы органов публичной власти. Это комплексный процесс внедрения цифровых технологий и методов для оптимизации деятельности государственных органов, повышения эффективности управления, прозрачности и доступности услуг для граждан и бизнеса. Она предполагает не только автоматизацию существующих процессов, но и коренную трансформацию подхода к взаимодействию между органами власти и обществом. Предполагается, что к 2030 году цифровизация государственного управления достигнет качественно нового уровня: от автоматизации процессов к созданию интеллектуального цифрового государства. Главной целью цифровой трансформации государственного управления в России является повышение эффективности работы органов власти, качества государственных услуг и уровня удовлетворенности граждан взаимодействием с государством.

Отметим, что цифровизация государственного управления в России происходит по всем этим направлениям одновременно, что создает синергетический эффект повышения эффективности.

Цифровое государственное управление принципиально отличается от традиционных подходов [10]:

Традиционное управление	**Цифровое государственное управление**
1. Решения на основе опыта и интуиции. 2. Реактивный подход – реагирование на обращение. 3. Бумажный документооборот. 4. Личное посещение ведомств. 5. Разрозненные ведомственные системы	1. Решения на основе анализа данных. 2. Проактивный подход – предвосхищение потребностей. 3. Электронный документооборот и безбумажные процессы. 4. Получение услуг онлайн через единую платформу. 5. Интегрированные межведомственные платформы

Искусственный интеллект (ИИ) становится основой цифровой трансформации государственного управления в России.

Очевидно, что цифровизация деятельности публичной власти имеет как свои преимущества, так и недостатки и во многом даже угрозы. По нашему мнению, результатом активного внедрения цифровых технологий в деятельность государственной власти может стать увеличение автономных возможностей граждан решать социальные проблемы одномоментно, но не осознанно, пересекаясь друг с другом контрпродуктивными путями, создавая преимущественно политический беспорядок. Под влиянием глобальной сети меняется сама личность гражданина и как следствие, меняются его взаимоотношения с властью. Сам характер этих отношения становится качественно иным. В будущем это может привести к тому, что цели государства не смогут быть достигнуты в плоскости «сверху-вниз». Органам публичной власти придется осваивать новые формы социального сотрудничества, которые смогут объединить в себе как государственные властные институты, так и разного рода гражданские институты.

Таким образом, система органов публичной власти в Российской Федерации представляет собой динамично развивающуюся структуру, основанную на принципе единой власти народа. Она эволюционирует в соответствии с потребностями времени, интегрируя традиционные принципы государственного управления и современные цифровые технологии.

С нашей точки зрения, цифровизация и внедрение искусственного интеллекта представляют собой ключевой вектор модернизации публичного управления. Данные инструменты позволяют сместить акцент с устранения последствий на профилактику проблем, повысить уровень и доступность государственных услуг, а также сформировать интегрированные площадки для кооперации между ведомствами. Однако подобные изменения несут в себе не только преимущества, но и новые вызовы. Применение автоматизированных систем и алгоритмических решений способно привести к уменьшению значения человеческого суждения в принятии решений, углубить цифровое неравенство и сформировать технологическую зависимость социума. Возникает опасность, что традиционные государственные функции, исполняемые в рамках четких иерархий, окажутся труднореализуемыми в цифровой среде, для которой характерны растущая автономность и непредсказуемость социальных динамик.

Следовательно, перспективы развития публичного управления будут обусловлены в меньшей степени технологическим прогрессом, а в большей – способностью институтов власти адаптироваться к трансформации общественных отношений. Критически важным становится овладение актуальными формами общественного диалога, создающими мосты между официальными структурами и независимыми гражданскими инициативами. Итог определится балансом между применением инноваций для повышения эффективности и сохранением гуманистической природы власти, ее открытости, справедливости и ориентированности на потребности общества.

Таким образом, устойчивость и легитимность системы публичной власти в перспективе обеспечат ее способность гармонично интегрировать традиционные демократические принципы народовластия с возможностями цифровой эпохи. Это позволит обеспечить не только стабильное функционирование государства, но и его поступательное развитие в интересах отдельной личности и всего сообщества в целом.

Список литературы

1. Халипов В. Ф., Халипова Е. В. Власть. Политика. Государственная служба : словарь. М. : Луч, 1996.

2. Гнеушева Е. Б. Власть: аналитика понятия и феномена // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 5, № 6. С. 93–95.

3. Виноградов В. Д., Головин Н. А. Политическая социология. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997.

4. Фролова Е. А. Из истории философии права: Т. Гоббс о государстве и праве // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186). С. 42–44.

5. Кобзарь-Фролова М. Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 2. С. 192–203.

6. Вершинина С. И. Понятие публичной власти и ее взаимодействие с государственным принуждением // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 8–12.

7. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

8. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

9. Югов А. А. Органы публичной власти по законодательству России : электронная монография. Казань : Бук, 2021.

10. Цифровая трансформация государственного управления в России: тренды 2025–2030 // ИГСУ РАНХиГС. URL: https://digitalstateranepa.ru/articles/obshchie/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-rossii-trendy-2025-2030/.

Фролова Е. А.[1],
заведующий кафедрой теории
государства и права и политологии
юридического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

ОЛЕГ ЭРНЕСТОВИЧ ЛЕЙСТ (1925–2003): ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

В 2025 г. российским академическим сообществом отмечался 100-летний юбилей со дня рождения видного советского и российского ученого, доктора юридических наук, профессора кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета, Заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова О. Э. Лейста. Олег Эрнестович Лейст – классический профессор Московского университета, творчество которого во многом обогатило отечественную юридическую науку и вошло в ее Золотой фонд[2].

Олег Эрнестович родился и вырос в Москве в интеллигентной семье. Его дед – Эрнест Егорович Лейст (1852–1918) – балтийский немец, один из крупнейших ученых-геофизиков своего времени, заслуженный профессор Московского университета. Отец О. Э. Лейста Эрнест Эрнестович Лейст в 1938 г. он был репрессирован. В 1956 г. реабилитирован за отсутствием состава преступления.

В 1949 г. Олег Эрнестович окончил Московский юридический институт и был зачислен в аспирантуру по истории политических учений. Среди его учителей были выдающиеся мыслители: С. Ф. Кечекьян, Н. Г. Александров, С. Н. Братусь, Д. С. Розенталь и др. С 1953 по 1958 г. О. Э. Лейст работал в ВЮЗИ, позднее, с 1958 по 1961 г. – во ВИЮН, а с 1961 г. – на кафедре теории государства и права на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. С 1981 г. – в должности профессора.

В 1953 г. Олег Эрнестович защитил в МЮИ кандидатскую диссертацию «Общественно-политические взгляды богомилов как выражение революционной оппозиции против феодализма в средневековой Болгарии». В этой работе им были показаны исторические условия, социальные истоки и общественно-политическое содержание формирования идеологии богомильства. Вопреки распространенному мнению о преимущественно религиозном и метафизическом характере учения богомилов, Олег Эрнестович подчеркивал материальную программу его политических преобразований. В докторской диссертации «Теоретические проблемы санкций и ответственности по советскому праву» (1978 г.) внимание О. Э. Лейста было сосредоточено на анализе места санкций в структуре правовой нормы, связи материального права и процесса и правовых гаран-

---

[1] © Фролова Е. А., 2026.

[2] Биографию О. Э. Лейста см. [1; 2]. К юбилею О. Э. Лейста опубликована коллективная монография [3], в которой в более полном виде представлены биография и перечень научных трудов Олега Эрнестовича.

тиях членов общества. Не ограничиваясь только лишь юридико-догматическим подходом, он показал роль санкций в механизме правового воздействия на общественные отношения: с помощью санкций осуществляется не только превенция правонарушений, но и обеспечивается устранение допущенных нарушений правопорядка.

Область научных интересов профессора О. Э. Лейста – общая теория права, философия права, история политических и правовых учений. Он опубликовал более 100 научных работ, среди которых монографии: «Учение Бенедикта Спинозы о государстве и праве» (1960); «Санкции в советском праве» (1962, эта работа легла в основу его докторской диссертации); «Вопросы государства и права в трудах социалистов – утопистов XVI–XVII вв.» (1966); «Политическая идеология утопических социалистов Франции в XVIII веке» (1972), «Сущность права. Проблемы теории и философии права» (2002).

Олег Эрнестович выступал ответственным редактором и автором учебников: «История политических и правовых учений. Домарксистский период» (М., 1991); «История политических и правовых учений» (М., 1997, 1999, 2002); «Антология мировой правовой мысли. Том III. Европа. Америка. XVII–XX вв.» (в соавторстве и соредакторстве; М., 1999); «История политических и правовых учений: Хрестоматия / под ред. О. Э. Лейста» (М., 2000). О. Э. Лейст – автор глав во многих учебниках и курсах лекций по теории государства и права (М., 1995, 1996, 1998); многочисленных научных статей, среди которых можно отметить следующие: «К вопросу о структуре правовой нормы» (1962), «Вопросы государства и права в „Утопии" Томаса Мора (к 450-летию опубликования)» (1966); «Политические взгляды Томмазо Кампанеллы» (1966), «Соединение законодательствования и управления в представительных органах власти Советского государства» (в соавторстве, 1973); «Проблемы принуждения по советскому праву» (1976), «Позитивная ответственность по советскому праву» (1977), «Методология исследования правомерных и неправомерных действий в развитом социалистическом обществе» (1983), «Три концепции права» (1991), «Гражданское общество и современное государство» (1995).

Наибольший вклад в науку общей теории права О. Э. Лейст внес своей работой «Санкции в советском праве». Несмотря на то, что вопрос о санкциях правовых норм в советской юридической литературе в той или иной степени затрагивался почти во всех трудах по вопросам права, тем не менее, многие стороны не были в достаточной степени изучены. Не было единства в вопросе о самом понятии санкции правовой нормы. Немало различных, иногда противоречивых суждений высказывалось о видах санкций. По мысли Лейста, общим свойством санкций советского права является то, что они представляют собой указание на меры государственного принуждения, применяемые в целях охраны права от нарушений. Таким образом санкция – атрибут любой правовой нормы; она связана с юридической обязанностью, определяемой нормой. Меры государственного принуждения, указанные в санкции правовой нормы, применяются в случае правонарушения в целях превенции правонарушений, а некоторые из них, сверх того, в целях восстановления правопорядка, нарушенного противоправным деянием [4, с. 9–10].

В 2002 г. вышла в свет книга О. Э. Лейста «Сущность права. Проблемы теории и философии права», которая, к сожалению, оказалась последней в жизни и творчестве Олега Эрнестовича. Это произведение можно считать новым словом в отечественной юридической мысли. Центральная мысль автора – методологические проблемы определения сущности права. Для выявления его сущности, полагал Лейст, следует сузить границы предмета, т. е. оценить те свойства и связи права, которые в результате познания признаются главными: право и общество, право и государство, право и другие социальные нормы. Особенность социальных наук в целом, юриспруденции, в частности – субъективность оценок. Согласно Лейсту, реконструированный объект (право) сам становится «предметом», предопределяемым «методом» (углом зрения). Угол зрения при исследовании социальных проблем неизбежно включает «оценку» объекта с точки зрения ценностных ориентиров, идеалов исследователей [5, с. 13].

О. Э. Лейст – сторонник методологического плюрализма в правопонимании, он признавал познавательное значение различных определений права. Право – многоуровневое сложное социальное явление, поэтому его понятия многообразны. При этом значение права для социальной организации и отношение к праву в различных цивилизациях неодинаково. Для западной цивилизации центральным принципом социальной организации выступает право, но этого нельзя сказать о других цивилизациях. Во многом это объясняет, почему многие теории права появились на почве западной культуры, а не китайской, индийской, японской, африканской культур. Институты права играли главную роль в исторической действительности Запада, в то же время как в других обществах эта роль принадлежала иным принципам [6, с. 85; 7]. Поэтому, по мысли О. Э. Лейста, изучать сущность права следует преимущественно на основе материалов европейской истории.

В истории философии права высказаны различные представления о природе и сущности права. Согласно О. Э. Лейсту, наиболее обоснованными и перспективными являются суждения о праве как о форме нормативного упорядочивания и воспроизводства определенных видов и типов общественных отношений. При таком подходе право в целом противополагается социальному хаосу или административно-командной системе (полицейскому государству). На основе такого понимания сущности права в науке теории государства и права на первый план выходят понятия законности и правопорядка, норм права, правовых отношений, прав и обязанностей, гарантий правопорядка и прав личности, разделения властей и др. В массовом правосознании такое понимание права соответствует социальным ожиданиям, ассоциируется со стабильностью, уверенностью в безопасности и обеспеченности прав и свобод [5, с. 235].

Наличие различных типов правопонимания обусловлено сложностью объекта исследования, методом, углом зрения автора и нередко идеологическими установками. Это разнообразие, замечал профессор Лейст, само может стать предпосылкой и причиной различных идейно-политических доктрин и акций. Многие конфликты современного мира – международные, внутригосударственные, социальные, национальные и другие, связаны с правовыми проблемами, разным пониманием права и его интерпретациями [5, с. 13; 8, с. 546–550].

В начале XXI в. основная задача юридической науки в нашей стране, как ее видел О. Э. Лейст, заключается в формировании концептуального теоретического мышления, что предполагает способность критически мыслить. На решение этой задачи направлены усилия представителей фундаментальной юриспруденции: теортиков, философов, историков, социологов права. В философии права различие мнений необходимо и неустранимо – оно выражает мировоззренческое многообразие исследователей, отражает их ценностные ориентиры, а также различные общефилософские установки: опору автора либо на социологию, либо на психологию, либо на религию, либо на мораль или иную форму общественного сознания. Это объективная данность. История человечества доказывает, что такое разнообразие способов мышления были и остаются в XXI в. основой интеллектуального развития, а тем самым и общественного прогресса. И наоборот: единство и однообразие идеологии в каком-либо обществе – верный признак тоталитаризма, искусственно или насильственно насаждающего единомыслие, пресекающего всякое отступление от него [5, с. 263–264].

Идеи Олега Эрнестовича Лейста о методологии поиска определения сущности права, о состоянии и развитии юридической науки в целом, фундаментальной юриспруденции, в частности, актуальны, они задают масштаб для оценок современных исследований права и государства, создают иммунитет от поверхностных суждений и легковесных высказываний в теории и философии права в XXI в.

Список литературы

1. Беляева Н. Г. Олег Эрнестович Лейст (1925–2003) // Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008. С. VII–XII.

2. Фролова Е. А. Олег Эрнестович Лейст – юрист и философ права (к 100-летию со дня рождения) // Государство и право. 2025. № 7. С. 125–130.

3. Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М. : Проспект, 2025.

4. Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М. : Госюриздат, 1962.

5. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М. : Зерцало-М, 2002.

6. Сурия Пракаш Синха. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс. М., 1996.

7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Валимеева. М. : АСТ, 2022.

8. Жуков В. Н. Философия права : учебник для вузов. М. : Мир философии, Алгоритм, 2019.

9. Клименко А. И. Рассмотрение права в ценностном ракурсе с позиции социологической общеправовой теории: идеи, значение, потенциал // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М. : Проспект, 2025. С. 309–323.

10. Меликовский А. А. Теоретическая юриспруденция : учебно-методическое пособие. М. : Издательские решения, 2022.

Полозова И. В.[1],
профессор кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук

ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ДИАЛОГ ПРАВА И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Единство памяти и права с наибольшей очевидностью проявляется в существовании правовых традиций, которым обязано как само существование права, так и различие его типов и модификаций. Данные традиции далеко не всегда возникают непосредственно в правовой сфере, а относятся ко всему историческому и культурному контексту. Право возникает и существует всегда в рамках определенной культурной традиции.

Нормативную традицию в широком смысле слова или же культурно-историческую правовую традицию в совокупности образуют такие формы как религия, мораль, обычай, право, в то время как традиция, относящаяся к существованию писаного права, может быть названа правовой традицией в собственном или в узком смысле слова. В этом отношении правовая традиция полностью определяется историко-культурной, где существование норм существует в комплексе и носит синкретический характер.

Последовательность, состоящая из религии, морали, обычая и права, не выглядит бесспорной и универсальной, если рассматривать ее в качестве цепочки сменяющих друг друга норм, последовательно определяющих жизнь общества и задающих следующие друг за другом этапы, отличающиеся по характеру нормативного регулирования. Представляется правильным полагать, что и религия, и мораль, и обычай, и право в качестве источника норм сохраняют свое существование на протяжении всей человеческой истории, существуя одновременно и сохраняя свое регулятивное значение для человечества.

Культурная традиция определяет, прежде всего, меру соотношения норм права и предписаний религиозного и морального характера, то есть долю права в общем количестве регулирующих жизнь общества норм, исходящих первоначально из религии. В традиционных обществах нормы, санкционированные религией и отраженные в господствующей морали, как правило, занимают определяющее место в жизни общества. В качестве примера можно назвать систему иудейского и исламского права. В современных обществах, наоборот, главенствующая роль будет принадлежать праву по отношению к религии, морали и обычаю.

В Европе значимость норм права постепенно менялась при переходе от христианского общества к секулярному. Христианское основание европейской цивилизации предполагало осмысление права в контексте религиозной традиции и его обоснование с помощью категориального аппарата христианской теоло-

[1] © Полозова И. В., 2026.

гии. Собственно право занимало подчиненную роль по отношению к Божественному закону, представленному в заповедях религии и рассматривалось как дополнение к нему. В секулярном обществе право, наоборот, начинает регулировать все больше сторон жизни людей. Ситуация, когда право вытесняет иные нормы, характерна для современного западного общества и приводит к его кризису [1, с. 32].

Для Российской цивилизации традиционно была характерна изначально меньшая доля регулируемых правом отношений. Православное христианство, являющееся духовной основой Российской цивилизации, обусловливало регулирование общественных отношений на основе принципов и норм христианской Церкви. Влияние западной правовой традиции, проявившееся со времени реформ Петра, привело к увеличению доли права в общей системе норм, но не отменило особого характера российской правовой традиции.

Для рассмотрения соотношения традиции и права уместно ввести разделение правовых отношений на горизонтальные и вертикальные. Подобное различение проводит, например, Д. Х. Кайзер, который рассматривает правовые отношения в традиционном обществе Древней Руси как горизонтальные, то есть исходящие из участия двух сторон и не предполагающие наличие верховной правовой инстанции в лице государства. Вертикальными же он называет правовые отношения, которые возникают позже и основываются на определяющей роли государства в их урегулировании [3, с. 109]. Предложенная схема, в целом, характерна для всех традиционных обществ.

С помощью данной схемы можно представить, каким образом осуществляется диалог права и культурно-исторической традиции. Мы будем исходить из утверждения, что горизонтальных правовых отношений в чистом виде, то есть ничем не опосредованных, не существует. Если право, как таковое, предполагает по отношению к сторонам наличие высшей инстанции в виде государства, то в традиционном обществе подобная инстанция, как правило, также существовала, хотя и связывалась и не с государством.

В качестве опосредующей верховной инстанции в традиционном обществе, нормы которого определялись по преимуществу религией, выступал, как правило, закон, исходящий от Бога. Обычай также предполагал наличие подобного принципа, происхождение которого забылось, но память о котором прочно сохранялась в культуре того или иного народа. В морали в качестве высшей инстанции могло выступать некое правило или идея, разработанная на основе традиционных представлений.

Бытие и понимание права на протяжении всей человеческой истории было связано с культурно-исторической традицией, которой обусловлено определенное понимание опосредующего правового принципа. Именно традиция определяет идею базового правового принципа, предшествующего утверждению в качестве такового воли правителя или воли государства в целом, и может свидетельствовать в пользу существования права в широком смысле слова, неотделимого от морали, религии и обычая.

По отношению к европейской культуре единство права и предшествующей нормативной традиции наиболее явственно проявляется в идее естественного

права, означающей, что право не создается людьми по собственной воле, но должно быть согласовано с некоторым высшим принципом справедливости и порядка.

Идея естественного права, предполагающего наличия у права некой незыблемой основы, восходит к культурно-исторической традиции, зародившейся еще в недрах мифологического мышления, последующее осмысление которой осуществлялось в области античной философии и затем, если говорить о европейской культуре, в сфере христианской теологии. Позднее данная идея трактуется исходя из принципов секулярного мышления, в соответствии с установками новоевропейского рационализма. Таким образом, главная идея права подвергается осмыслению со стороны культурной и интеллектуальной традиции и проходит определенные изменения вместе с базовой культурной парадигмой.

Понимание права в древнегреческой культуре изначально было связано с реализацией мифологического принципа порядка, который определял противоположность олимпийского и хтонического, космоса и хаоса. Начало, являющееся незримой основой права и опосредующее правовой диалог двух сторон, в рамках мифологии виделось, как справедливость, которая представлялась персонифицированной, имеющей свою генеалогию, восходившей по своему происхождению к божествам, установившим первичный космический порядок. Подобное понимание находит свое последовательное выражение в древнегреческой трагедии, в которой греческие боги предстают в качестве мстителей, налагающих наказание на виновного с целью восстановления космического порядка [2, с. 29].

Древнегреческая философия совершила объективацию мифологии, превратив ее персонифицированные образы в абстрактные сущности. Справедливость начала рассматриваться как идея, воплощающая принципы порядка и меры. К когорте семи греческих мудрецов, известных еще до возникновения философии в Древней Греции, причислялся, например, Солон, древний законодатель греков, который в своем законодательстве руководствовался именно принципом меры, наиболее важной идеей, присущей ранней греческой мысли.

В соответствии с принципами философии Платона, справедливость трактовалась как некая абстрактная идея, существующая до появления законов, но присутствующая в каждом из них. Значительный вклад в теорию справедливости внес, как известно, Аристотель, для которого она является идеей, призванной регулировать отношения между людьми. Наряду с понятием справедливости в древнегреческой философии появляется также идея закона.

В европейской культуре идея права начинает обосновываться с помощью метафизических предпосылок античной философии, с одной стороны, и теологических оснований христианства, с другой [5, с. 55]. Это было связано с тем, что европейская культура рождалась в результате синтеза античной и христианской традиций, соединения наследия Греции и Рима с учением новой христианской религии. Соединение двух различных по своему духу традиций приводит к тому, что в понимании права представление об опосредующем начале имеет как античные, так и христианские истоки.

Античная мысль приносит в европейскую культуру представления о справедливости и законе, которые получили широкое распространение в культуре

Древнего Рима, овладевшем Грецией в пору позднего развития ее философской мысли. Наиболее широкое распространение в Риме получил стоицизм с его учением о Логосе, высшем законе Вселенной, который нашел свое отражение в учении Цицерона о естественном законе. Христианство, вынужденное на раннем этапе своего существования участвовать в диалоге с античной философской мыслью, в лице апостола Павла также говорит о действии естественного закона в сердцах всех людей. Таким образом, в учении о естественном праве осуществилось соединение двух интеллектуальных традиций – античной и христианской.

Последующее доминирование в Средние века христианских представлений приводит к необходимости соотнести известный Античности естественный закон с Божественным законом Священного писания. Здесь мы вновь видим диалог правовых традиций, результатом которого было выстраивание иерархии законов. Фома Аквинский соединяет правовое учение римлян с христианским законодательством, он встраивает естественный закон в иерархическую цепочку законов, помещая его в подчиненное положение по отношению к Вечному закону, отраженному в Божественных заповедях и Священных книгах, но ставя выше всех человеческих законов.

Окончание Средних веков и начало эпохи Возрождения в Европе изменяют характер правовых отношений. К данному периоду в нормативном универсуме увеличивается доля вертикальных правовых отношений, основывающихся на главенствующей роли в их урегулировании верховной светской власти. Осуществляется эмансипация права от нормативного комплекса, связанного с христианской религией, право преимущественно начинает рассматриваться в зависимости от его установления верховной светской властью, хотя христианская традиция сохраняет свое влияние на способ обоснования основных правовых идей. Понятия теологии широко используются в качестве идейной основы формирования новых правовых концептов.

Важнейшая для понимания права идея его обусловленности деятельностью законодателя обязана своим существованием культурно-исторической традиции и напрямую связана с христианской доктриной. Новое секулярное правопонимание обосновывалось с помощью идеи христианского богословия, согласно которой король рассматривался в качестве главы политического тела государства подобно тому, как Христос является главой мистического тела Церкви [4, с. 86]. Изменение опосредующего начала в праве и перенесение его на фигуру правителя, выступающего в качестве законодателя, впоследствии приводит к доминирующей в эпоху Модерна позитивистской трактовке права.

Использование положения христианского богословия о главе мистического/политического тела в дальнейшем используется и по отношению к парламенту, когда идея законодателя переносится от фигуры короля на парламент, выступающего как собирательный образ правителя.

В Новое время, кроме того, происходит обращение и к национальным правовым традициям в Европе, эмпирической и рациональной, их взаимодействие и, затем, инверсия. В традиционном обществе в Европе преобладала нисходящая рационалистическая традиция. Наступление Нового времени положило

начало восходящей традиции, когда источник права начинает связываться с народом, рассматриваемым как преимущественный источник власти и права [4, с. 308].

Таким образом, бытие права основано на содержании исторических и культурных традициях, которые являются по отношению к нему не просто историческим прошлым, но значимыми конструкциями для его осмысления и понимания.

Список литературы

1. Берман Г. Вера и закон: примирение права и религии. М. : Ad Marginem, 1999.

2. Исаев И. А. Мифологемы закона: право и литература. М. : Проспект, 2017.

3. Кайзер Д. Х. Рост права в средневековой России. М. : Весь Мир, 2024.

4. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М. : Издательство Института Гайдара, 2015.

5. Полозова И. В. Метафизические и теологические предпосылки современной философии права // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 5. С. 55–58.

Сигалов К. Е.[1],
профессор кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Известный факт: разные цивилизации обладают разной исторической памятью. Скажем, как отмечал Г. С. Померанц, в традиционном индуском восприятии исторического нет представления и об историческом времени, ни об исторической памяти. Все сведения о древней и средневековой истории почерпнуты у исламских завоевателей. Разделы Махабхараты и Рамаяны можно менять местами, и смысл от этого не изменится: события не выстроены по временну́ю линейку. Многие факты из истории Индии мы получаем не из индусских источников, а от завоевателей. Варновая система создавала существование индусов в различных плоскостях, а поиск общего смысла до некоторого времени отсутствовал. Цыгане почему-то совершенно не заботятся о своей исторической памяти, они стараются как бы «забыть» о всем страшном и плохом и держать в своей памяти только те традиции, которые помогают им жить здесь и сейчас. Парадоксально, но они вычеркивают из своей памяти даже Холокост, который коснулся их в той же мере, что и евреев.

Историческое сознание как высшая форма отражения социальных явлений присуще личности социальной группе, нации. Личностное восприятие истории с глубокой Древности находило свое воплощение в исторических исследованиях, трудах великих ученых, создании доктрин. Разумеется, каждый воспринимает историю на личностном уровне, но не каждый может внятно воспроизвести существо проживаемой истории, осознать ее на парадигмальном уровне. «Наличие парадигмы является признаком сформировавшейся современной науки, поскольку наука в отличие от повседневного знания, системна и каждый ее элемент влияет на состояние науки в целом и, наоборот, функционирует как единое целое» [3, с. 7].

Групповое сознание воплощается в формировании идеологии и политике, создаваемой элитами. Общественное историческое сознание, сознание нации формируется под воздействием национального духа, национальных идей, внедряемых в тот или иной народ в соответствии с национальными интересами, социально-политическими потребностями и обстоятельствами исторического пути, переживаемого народом, с восприятием исторического времени.

Я позволю себе неполиткорректное замечание, являющееся моим частным мнением и не претендующим на истину. Представление об историческом времени как об абстракции, не связанной с ритмами природы, а с социальной ре-

[1] © Сигалов К. Е., 2026.

альностью напрямую обусловлено преобладающей производственной технологией и восприятием прогресса. Есть народы, обладающие историческим сознанием, и есть народы, у которых историческое сознание выработано недостаточно или извращенно. У первобытных не было *вчера* и не было *завтра*, было только *сегодня*. Со временем будущим стали интересоваться, но видели это будущее по-разному. Одни видели историю как круговорот, другие видели ее как предопределенную богами сущность. Но были, и есть вполне развитые этносы, которых история мало интересовала, полагая, что заглядывать в будущее – это покушаться на прерогативу небесных сил, которые сами все знают и определят таковое в соответствии с их божественным соизволением, причем для разных социальных слоев и групп по-разному.

Появлению исторического сознания способствует ряд факторов. Наличие централизованного государства или стремление нации к созданию такового вызывает потребность в таком сознании. Уровень общей цивилизационной культуры, образовательный потенциал населения способствует адекватному восприятию объединяющего исторического сознания, представлению об историческом пути и предназначении этноса. Историческое сознание создается духовной и интеллектуальной элитой – религиозными и светскими лидерами, сознательно вырабатывающими доктрины и внедряющими их в народное сознание. Без образования народа и без интеллигенции как творца культуры, без исторической памяти, творимой этой интеллигенцией, исторического сознания не будет. Сложно не обладать исторической памятью, и, соответственно, историческим сознанием, когда религиозная норма требует еженедельного чтения важнейшего правового и исторического документа – Торы, а весь исторический опыт народа – сплошное испытание и проверка на возможности сопротивления внешним и внутренним вызовам и, очень часто на уровне не только сохранения цивилизационной идентичности, а просто элементарного выживания.

Многие проблемы и даже трагедии обусловлены именно этим. Так, одной из причин современной украинской трагедии является реальное отсутствие национальной украинской интеллигенции. Украинцы в течение длительного времени воспринимали себя как «сельская нация», даже в городах особо жить не хотели. В городах жили русские, немцы, поляки, евреи, австрийцы, венгры, которые и исполняли чисто технический и управленческий функционал образованной части населения. В императорской России традиции вполне интернациональной Киево-Могилянской академии глубоко в народ не проникли, а в советское время на волнах сталинской и хрущевской украинизации и деукраинизации реально национальное историческое сознание украинцев как нации возникнуть не могло. Собственно, и нации как таковой не возникло, а национальные идеологические симулякры, проецируемые властными элитами, приводили только к псевдонациональной идентичности на уровне «вышиванок, шаровар, борща, сала и галушек». Так называемая «украинская идея» пришла с Запада. По сути она на всегда была чуждой украинскому народу, и не имела ничего общего с его подлинными национальными интересами. В результате известных всем исторических событий парадоксально победила так называемая «галичанская» идеология, страшный вред которой просмотрели советские ру-

ководители. Духовная пустота часто заполняется идеологической мерзостью. Тот нацистский кошмар, ментальный морок, который овладел украинским народом, в огромной мере обусловлен отсутствием собственного национального исторического сознания и навязанными извне представлениями о своем предназначении, отсутствием интеллектуального потенциала и слепой верой в так называемые «западные» ценности.

Историческая память предусматривает некоторую отстраненность и отдаленность от сиюминутности происходящих событий. Находясь «внутри проблемы» не всегда можно адекватно и полноформатно оценивать суть происходящих событий, ибо, находясь в какой-либо точке исторического пространства, невозможно охватить все аспекты происходящего, и, тем более, воспринимать ситуацию в целом. Но благодаря используемой исторической методологии мы понимаем, что любые события имеют аналоги в прошлом, более или менее соответствующие тем событиям, что происходят в настоящее время и на этой основе попробовать выстроить предполагаемую целостность – как на основе общности, так и основе различия. Она же позволяет понять и то, что будущее может развиваться и вне всякой опоры на исторические аналоги, и это будущее может быть развиваться по очень замысловатым сценариям. Именно сейчас творится история, и во многом от того, как будет развиваться историческое сознание в России и во всем мире, будет зависеть будущее.

Здесь весьма важным является вопрос диалектики и динамики исторического процесса. Так, диалектика присутствует во всех исторических исследованиях Античности, античных мифах, стихах, комедиях и трагедиях. Но самонадеянные древние греки и тем более агрессивно-наглые древние римляне языческой эпохи считали свой мир совершенным, и не видели смысла исторического развития, самой динамики ***исторического***. Греки писали историю, но не видели импульса исторического развития. Н. А. Бердяев отмечал: «Это глубочайшим образом связано с греческим мироощущением, эллинским восприятием мира. Греки воспринимал мир эстетически, как завершенный и гармоничный космос… для греческого сознания характерно было созерцание законченного гармонического состояния, которое они никогда не связывали с будущим, которое сделалось бы исходной точкой восприятия исторического процесса и сделало бы сознание истории как некоторой совершающейся драмы. История поистине есть драма, имеющая свои акты от первого до последнего, имеющая свое начало, свое внутреннее развитие, свой конец, свой катарсис, свое свершение. Это понимание истории чуждо эллинскому сознанию; сознание исторического свершения нужно искать не в эллинском мире, а в сознании и духе Древнего Израиля. Идея ***исторического*** внесена в мировую историю евреями, и я думаю, что основная миссия еврейского народа была: внести в историю человеческого духа это сознание исторического свершения, в отличие от круговорота, которым этот процесс представлялся сознанию эллинскому» [2, с. 35–36]. Причинно-следственная связь исторических событий была вне поля зрения античного языческого восприятия истории.

Такого же мнения придерживается и Умберто Эко, полагая, что представления об исторических свершениях были не понятны ни древним грекам, ни их

антропоморфным богам, его смысл понимали только евреи с их единым богом и пониманием сути происходящих событий [4, с. 18], и Филипп Арьес, считавший, что только в иудейских и христианских книгах виден смысл и истории как таковой, и динамика исторического процесса [1, с. 87].

Чтение недельной главы Торы, являющейся обязательным элементом еврейской культуры и иудейского образования, заставляет понимать свою историю во всей полноте ее смыслов. Интерес к осмыслению сути и динамики исторического процесса в библейских текстах характерно и для российской истории и культуры уже в XVII в., которая не была такой уж дикой, какой ее пытались и пытаются представить западные исследователи. Так первыми театральными представлениями в России при дворе царя Алексея Михайловича были «Артаксерксово действо» – 1672 г. (на основе книги «Эсфирь») и «Олоферново действо» – 1673 г. (на основе книги Иудифь). Заметим, что обоих случаях – главными персонажами являются женщины, что также заставляет задуматься о той роли, которую реально играли женщины в социальной жизни средневековой России.

Сегодня истинно исторические исследования строятся именно на факторе динамического осмысления исторического процесса, понимании того, как из мозаики, казалось бы, разрозненных и не связанных между собой событий, складывается целостная картина диалектически развивающегося мира. Основные самые важные события обычно предсказываются наиболее в большем или меньшем приближении к истине серьезными и вооруженными совершенными методологиями аналитиками.

В этом смысле хочу отметить, что вопреки мнению П. Я. Чаадаева, для российской цивилизации характерна любовь к своей истории и чувство истории. Это характерно и на уровне обыденного сознания, и на уровне доктринального сознания. Когда я смотрю и слушаю лекции В. Р. Мединского то у меня напрашивается странная аналогия. Он напоминает мне очень важного раввина, читающего и комментирующего недельную главу Торы. И для этого есть все основания – русская история столь же глубока, познавательна и поучительна, что и история библейская.

Список литературы

1. Арьес Ф. Время истории. М. : ОГИ, 2011.

2. Бердяев Н. А. Смысл истории. СПб. : Азбука, 2016.

3. Медушевская О. М. Теория исторического познания : избранные произведения. СПб. : Университетская книга, 2010.

4. История Средневековья : энциклопедия / под ред. У. Эко. М. : Абрис, 2016.

Малахов В. П.[1],
профессор кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ЗЛОПАМЯТСТВО КАК ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

1. В повседневном общении понимание того, что такое злопамятство и в чем оно проявляется, вряд ли у кого вызывает затруднение; смысловые акценты и значимость его вполне очевидны каждому. Не нова тема злопамятства и для науки, но в ней она более или менее осмыслена лишь в рамках социальной психологии и этики. Но можно смело утверждать, что к праву, к правореализации и в целом к характеристике правовой жизни эта проблема (и этот феномен) пока не сформировалась.

В связи с этим вопрос: имеет ли злопамятство не только моральный и философский смыслы, но также является и правовым феноменом? И не имеет ли вопрос о злопамятстве в праве, как минимум, методологическое значение, т. е. можно ли сквозь призму мышления о феномене злопамятства описать право в его существенных проявлениях и элементах? Сформулируем вопрос иначе: не является ли преломление права как в его идее, так и в действительности сквозь призму проблемы злопамятства своеобразным типом правопонимания, в противоположность (или в дополнение) всем другим типам, роднящимся между собой именно абсолютизацией понимания права в его позитивности, в какой бы форме эта позитивность ни представала?

Общеправовая теория и философия права блокируют понимание «злопамятной» природы права, с неизбежностью при этом довольствуясь однобокостью в характеристике права и с точки зрения его природы, и с точки зрения проявлений его в действительности. По нашему мнению, однобокость правовой теории, как общей, так и отраслевой, отсутствие описания негативных моментов, заложенных в праве или привносимых в него следует расценивать как одну из причин нерешенности многих проблем, связанных с действием права.

Злопамятство, его правовая сущность, многообразие его проявлений и форм, должно быть одной из актуальных и непременных тем для тех, кто заинтересован в решении проблемы эффективности действительного права, функционирующего в обществе по законам самого этого общества, а не упокоенного в догматической теории, юридических документах или идеологических практиках.

2. Постановка вопроса о злопамятстве как правовом феномене превращает традиционное морально-психологическое понятие в понятие, призванное обозначать одно из интегрирующих, универсальных свойств права и, соответственно, определять одну из его базовых интерпретаций. Иными словами, понятие злопамятства в теории имеет категориальный статус. При этом, разумеется, об-

[1] © Малахов В. П., 2026.

ращение к феномену злопамятства вовсе не рассчитано на исчерпывающее описание феномена права ни с точки зрения практики, ни с точки зрения его природы.

По своему масштабу и характеру проблема злопамятства как правового феномена является философско-правовой. Иначе говоря, она органично и неразрывно связана с проблемой правопонимания. Исходным методологическим шагом здесь является признание того, что проблема злопамятства может быть адекватно осмыслена и решена в контексте и в рамках понимания права как формы духовной жизни общества, понимания, исходящего, помимо прочего, из утверждения о диалектической тождественности права правосознанию (и наоборот).

Обращение к проблеме злопамятства позволяет отойти от идеализации содержания и установок правосознания, раскрывает его внутренне противоречивую сущность, в новом аспекте проявляет негативную природу правосознания.

3. Феномен злопамятства является одним из узловых для осмысления сущностной связи права и морали. В этой плоскости для исследования первостепенным является не единство права и морали, а их различия, в том числе доходящие до противопоставления.

Мораль (а за ней этика) относит злопамятство к чертам характера и поведения человека, но оно не применяется к характеристике морали в целом, к характеристике конкретных систем, социальных институтов, и тем более не относится к ее сущностным, имманентным чертам. Мораль призывает к добропамятству, и это вполне отвечает самой природе морали. И она покоится на понимании зла как того, что, в частности, противостоит праву, предстоит перед ним и вне его.

Однако такой «моральный шаблон» неприложим к пониманию зла в праве. Природа права в этом плане иная: в отличие от морали, право призывает, скорее, к злопамятству. Мораль здесь присутствует только на словесном уровне обрамления мысли о существе и проявлениях (действии и воздействии) права. Она, до некоторой степени, может рассматриваться как компенсатор негативности права не только в его действии, но и в правосознании.

4. Ставя задачу объяснения злопамятства как правового феномена, в первую очередь следует по возможности элиминировать из его содержания моральные компоненты (дающие исключительно негативную окраску феномену злопамятства), и сосредоточиться на его понимании в контексте смыслового аппарата общеправовой теории и логики самого правосознания.

В рассматриваемом контексте право можно охарактеризовать как: социальную форму злопамятства; как предел для зла и неизбежность зла; как правильное зло; как примиренное с обществом, обоснованное, оправданное злопамятство; как усмирение зла и смирение перед «правильным» злом; как история права и т. д.

Если исходить из признания негативности правосознания, то в каркасе даже перечисленных моментов характеристики права в состоянии сложиться адекватное именно правосознанию правопонимание. В его контексте, например, ответственность, санкции, принуждение, запреты, возмездие, правоприменение, интенции законодательно-нормативной базы права и многое другое могут и должны быть сынтерпретированы как разнообразные формы злопамятства.

5. Одна из идей, которая сообщает правопониманию предельную глубину, заключена в следующем: если добро подчинено человеку, вполне в его власти, то со злом все обстоит иначе; человек сам в его власти. Это, в числе прочего, во-первых, позволяет понять, почему право так властно над человеком, покоряет его, делает покорным; во-вторых, позволяет понять сравнительную легкость и традиционную распространенность, особенно характерную для русской культуры, неприятия права по причине того, что оно несет в себе зло.

Барзилова И. С.[1],
профессор кафедры
теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

Народ, не знающий своего прошлого,
не имеет будущего.
М. В. Ломоносов

В настоящее время российская юридическая наука, теория государства и права в том числе, занимается изучением проблем междисциплинарного характера, касающихся защиты суверенитета и территориальной целостности нашего государства, его интересов, отстаивания его позиций на международной арене. Подобные вопросы всегда составляли магистральное направление правовых исследований. Особую значимость в подобном контексте приобретают вопросы сохранения исторической памяти, достоверных сведений о прошлом Российского государства и их передаче последующим поколениям.

Формирование многополярного мира, взаимодействие Российской Федерации с иностранными государствами, политика которых не всегда согласуется с интересами нашей страны, придает обозначенной проблематике особое звучание. Так, предпринимаемые попытки со стороны так называемых недружественных стран искажения значимых для российской государственности событий, например, Великой Отечественной войны, актуализируют проблемы защиты исторической памяти, ограждения ее от фальсификации, от угрозы нежелательных и неправдивых изменений. Сохранение исторической памяти необходимо рассматривать и в контексте противодействия ведению в отношении Российской Федерации гибридной войны, связанной с изменением системы ценностей и мировоззрения населения, фальсификацией истории, идеологических установок в обществе, разрушением культурной и цивилизационной идентичности российского народа, разрушением семьи и взаимосвязи поколений, иных мер, направленных на подрыв отечественной государственности. Гибридная война, ведущаяся против нашей страны, осуществляется путем внедрения ликвидирующих цивилизационные устои социальных практик, разрушающих отечественную культуру идеологий, фальсифицирующих и обесценивающих российскую историю высказываний и концепций. Одним из главных направлений ударов в контексте гибридной войны является российская история.

Не следует забывать, что защита исторической памяти связана с сохранением цивилизационного кода России, существующей в нашем обществе системы традиционных ценностей и установок, значимости достижений и подвигов наших предков, их военных, научных, культурных и политических заслуг. Из-

[1] © Барзилова И. С., 2026.

ложение истории всегда имело определенный идеологический контекст; описание в учебниках, монографиях, статьях, очерках событий отражало систему ценностей и взглядов, характерных для российского общества и государства на определенном этапе развития. История – важнейшее средство воспитания подрастающего поколения, формирования его мировоззрения и взглядов, отношения к политическим процессам, происходящим как внутри страны, так и на международной арене.

Защита исторической памяти является одним из главных направлений деятельности Российского государства. С этой целью формируется специальный механизм, включающий в том числе и разнообразные правовые средства и способы защиты исторической памяти (запреты, юридическую ответственность, приостановления и т. д.). Правовые основы, связанные с защитой исторической памяти, составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [1], Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [2], Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [3], Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [4], Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» [5] и т. д. Средства защиты исторической памяти, в том числе и правового характера, постоянно совершенствуются с учетом внутренних и внешних международных вызовов, с которыми сталкивается Российская Федерация на современном этапе. Так, меры юридической ответственности в контексте защиты исторической памяти применяются за проведение недружественных в отношении нашего государства пропагандистских операций; работу дестабилизирующих ситуацию в нашей стране экспертно-аналитических центров; распространение фейковых новостей, искажение исторических событий и т. д.

Право должно не просто охранять историческую память, а защищать ее. Защищать от фальсификации, умалчивания, обесценивания необходимо исторические события; вклад народов нашей страны в развитие науки и культуры; военные подвиги нашего народа, в том числе касающиеся освобождения населения Европы и Азии от фашизма; достижения и заслуги виднейших отечественных полководцев, ученых, политиков, деятелей искусства (художников, писателей, композиторов). В контексте защиты исторической памяти необходимо говорить о сохранении и передаче в неизменном состоянии последующим поколениям наших мифов, сказок, былин, песен, народных обрядов, иных элементов народного фольклора, формирующих цивилизационный код России. Важно оберегать литературные и музыкальных произведения от фальсификации, внесения злонамеренных искажений; символику, в том числе и государственную, не допуская ее десакрализации.

Историческую память как объект правовой защиты можно рассматривать и в контексте сохранения витальности народов, проживающих на территории Российской Федерации, их жизненных ориентиров и целей, основ взаимодействия с мирозданием, накопленного многолетнего опыта, традиций и устоев, своеобразия культуры и менталитета. В исторической памяти сохраняется «народный дух», ментальность народов, что предопределяет важность передачи достоверных сведений о событиях истории последующим поколениям. История связана с сохранением духовного уклада, цивилизационных смыслов и традиций российского общества, нравственных основ, на что обращали внимание в своих работах известные отечественные мыслители, такие как В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, Б. П. Вышеславцев, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк и др. «История, – как отмечал Н. М. Карамзин, – в некотором смысле есть священная книга народов; главная необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущему» [6, с. 13].

Сохранение культурного наследия и исторической памяти имеют особую значимость в деле воспитания подрастающего поколения, осуществления воспитательной работы, формирования у молодежи уважительного отношения к своей стране, ее духовно-нравственным ценностям, составляющим фундамент государственного суверенитета. Историческая память является важнейшим средством консолидации нации, ее сплоченности, объединения, противостояния против внутренних и внешних вызовов.

Противодействие фальсификации истории связано с предотвращением «вымывания» идеологических составляющих событий, памятных дат, военных побед, культурных и научных достижений, научных концепций в гуманитарной сфере. В истории находит отражение позиция Российского государства на различных этапах его развития, касающаяся его политических, военных и культурных целей и задач, обеспечения безопасности и суверенитета. Трактование и изложение истории всегда имеет определенный идеологический подтекст, что необходимо учитывать в контексте формирования механизмов защиты исторической памяти.

В заключении хотелось отметить, что вопросы защиты исторической памяти имеют междисциплинарный характер и вклад юридической науки, в том числе теории государства и права, в подобном контексте неоценим. Поэтому ученые-теоретики должны обратить пристальное внимание на подобную проблематику.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2587.

2. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

3. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению тра-

диционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

4. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.

5. Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 11. Ст. 943.

6. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. М. : Наука, 1989.

Никитин А. Н.[1],
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор

Никитина М. А.[2],
старший научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

ПАМЯТЬ КАК ИСТОЧНИК (НОСИТЕЛЬ) НЕПИСАНОГО ПРАВА

Значение памяти как для отдельного человека, так и человечества в целом невозможно переоценить. Именно способность запоминать и использовать получаемую (добываемую) информацию об окружающем мире, и прежде всего о себе подобных позволило человеку стать биосоциальным существом. Указанная способность помогла ему выработать правила поведения, обеспечившие совместное проживание сначала в небольшом коллективе, состоявшем в основном из сородичей – близких и дальних родственников, а затем и в постоянно увеличивавшемся численно обществе (племя, союз племен).

До тех пор, пока общество оставалось относительно однородным, отсутствовало имущественное неравенство, антисоциальные проявления в поведении отдельных его членов сдерживали религия, мораль, традиции, кровная месть. Религиозные и моральные нормы, выполнявшие в первую очередь и главным образом воспитательную функцию, формировали в основном жрецы. Они накапливали, систематизировали, придавали соответствующую форму знаниям об окружающей действительности, получаемым соплеменниками эмпирическим путем, а главное – заучивали их наизусть, особенно в дописьменный период, чтобы передать следующим поколениям. Постоянная, возраставшая в объемах, работа с информацией развивала у жрецов память, формировала абстрактное мышление. Благодаря ему, жрецы на основе эмпирического опыта многих поколений и своего собственного создали религиозную картину мира, дали соответствующее ей объяснение происхождению человека, раскрыли значение для него и общества в целом правил общежития.

Безусловно, уже в древности знания ценились очень высоко, ибо они, как и зародившееся искусство, говоря словами песни, строить и жить и даже выживать помогали. Поэтому носители знаний, жрецы-интеллектуалы Древнего мира при втором общественном разделении труда на управляющих и управляемых вместе с вождями образовали первую группу.

---

[1] © Никитин А. Н., 2026.
[2] © Никитина М. А., 2026.

Начавшееся на определенном этапе развития человечества имущественное расслоение, появление богатых и бедных, «сильных и слабых» препятствовало реализации регулятивных функций религии и морали. В обществе неуклонно возрастала потребность в применении принуждения к тем его членам, антисоциальное поведение которых грозило ему расколом и даже гибелью.

Из всех существующих теорий происхождения государства и права только марксистская непосредственно и тесно связывает происхождение указанных феноменов с экономикой, развитием производительных сил. К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали: появление частной собственности на средства производства породило классы, находившиеся в вечном антагонизме друг к другу. Более того, основоположники марксизма провозгласили в качестве непреложной истины: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [2, с. 24].

Согласно марксистской теории, именно в результате классовой борьбы возникли государство и право. Первое в качестве орудия господства собственников средств производства, составивших господствующий класс, второе – их воли, возведенной в закон. Содержание же воли и, следовательно, права определяется материальными условиями жизни указанной социальной группы [2, с. 42]. К. Маркс и Ф. Энгельс категорично заявляли: «Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса» [2, с. 45]; политическая же власть, т. е. власть, осуществляемая государством, «это организованное насилие одного класса для подавления другого» [2, с. 47]. Следует особо отметить то, что Ф. Энгельс происхождение государства исследовал не по историческим источникам – памятникам истории, культуры и права народов Древнего мира, а по работам ученых, в частности Моргана. Обращение же к историческим источникам заставляет согласиться с теми, кто считает марксистскую теорию происхождения государства и права схематичной, не учитывающей роль духовного фактора, особенно знаний, и, конечно, жрецов в этом процессе.

Наиболее наглядно роль знания и их носителей – жрецов в жизни общества, его развитии была выражена в Древней Индии в том числе в структуре ее населения. Жрецы (брахманы) находились на высшей ступени социальной лестницы, хотя не являлись собственниками средств производства, если, конечно, не относить знания к числу последних. Брахманы не должны были заниматься тем, что могло обеспечить материальный достаток, например, ростовщичеством или пасти скот. Милостыня и плата за обучение признавались источниками их существования. Изучение священных книг, содержавших в том числе и правовые нормы, обучение им объявлялись предназначением брахмана, причем священные книги следовало знать наизусть, т. е. развивать память. В самом известном памятнике истории, культуры и права Древней Индии – Законах Ману об этом прямо сказано: «[Величие достигается] ни летами, ни сединами, ни богатством, ни родственниками. Мудрецы сотворили дхарму: кто знает наизусть [священные тексты], тот для нас велик» [1, с. 66].

Среди самих же брахманов старшинство определялось опять-таки знаниями. Не будет преувеличением сказать, что в Древней Индии существовал культ знаний, содержавшихся в священных книгах. Человека следовало признавать почтен-

ным не потому, что у него седая голова, а того, кто изучил священные книги, «даже если он юн» [1, с. 66]. Брахман, не знающий священных гимнов, признавался бесполезным, и наоборот, их изучение объявлялось его высшим подвигом [1, с. 68].

Не во всех странах Древнего мира ведущая роль жрецов в духовном развитии общества, формировании государства и права получила такое же отражение, как в Индии. Однако их активное участие в генезисе указанных феноменов и в первую очередь как источника и носителя идей, господствовавших в конкретной стране в период Древнего мира, прослеживается достаточно отчетливо. Быть жрецом, т. е. знатоком, носителем знаний, наконец, гуру – учителем считалось высшей честью не только на Древнем Востоке, но и в греко-римском мире. Выдающийся римский юрист Ульпиан в период расцвета римского права, когда юристы институализировались в самостоятельную, пользовавшуюся особым почетом социальную группу, писал: «По заслугам нас назвали жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого, отличая дозволенное от недозволенного, желая, чтобы добрые совершенствовались не только путем страха наказания, но и путем поощрения наградами, стремясь к истинной, если я не заблуждаюсь, философии, а не к мнимой» [4, с. 157].

Благодаря жрецам в праве и не только Древнего Рима в качестве основополагающих начал были закреплены положения, составляющие основы религии и морали, и прежде всего принцип справедливости. Исторические источники позволяют утверждать: государство и право создавались при активном участии жрецов не только для того, чтобы противодействовать преступности, но прежде всего для того, чтобы восстановить справедливость в общественных отношениях. Только она могла вновь объединить и консолидировать общество, разделившееся на бедных и богатых, сильных и слабых [3].

Яркой иллюстрацией данного тезиса являются Законы царя Хаммурапи, заявившего о том, что он призван богами для «блага народа», «чтобы справедливость в стране заставить сиять, чтобы уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого…» [5, с. 6]. Свидетельством того, что эти слова Хаммурапи не были лишь декларацией, являются его законы. Например, в статьях 196–198 содержатся следующие нормы: полноправный человек в случае нанесения ущерба здоровью неполноправного обязан был уплатить штраф. Но если его жертвой оказался полноправный, то действовал принцип талиона – око за око. Иными словами, богатый полноправный человек, нанесший ущерб здоровью полноправному, но бедному, не мог откупиться, ему должны были причинить точно такой же вред, какой нанес он сам. Очевидно, что современники Хаммурапи такое судебное решение считали вполне справедливым.

Противоречат марксистскому объяснению происхождения права не только исторические источники, появившиеся на Древнем Востоке. Римские юристы многократно заявляли: – закон есть выражение общей воли. В частности, Папиниан учил: «закон есть общее (для всех) предписание… общее (для всех граждан) обещание государства» [4, с. 166].

Об этом же писал и Марциан, цитируя греческого оратора Демосфена – закон есть «…общее соглашение общины…» [4, с. 166].

Однако, зная порядок голосования в Народном собрании римлян, особенно в собрании по центуриям, можно допустить, что в принятых им законах воплощалась прежде всего и главным образом воля богатых и сильных граждан Рима. Но о неписаном праве подобное утверждать вряд ли возможно. Римские юристы особо подчеркивали: неписаное право – продукт творчества всего римского народа. В частности, Гермогениан указывал: то, что «одобрено долговременным обычаем и соблюдалось в течение многих лет, должно быть соблюдаемо как молчаливое соглашение граждан не менее, чем записанное право» [4, с. 168].

Гермогениана дополнил Павел: «Это право (обычное право) пользуется тем большим авторитетом, что доказано отсутствие необходимости придать ему письменную форму» [4, с. 168], то есть исполняется всеми и, главное, добровольно. Из приведенных высказываний римских юристов следует, что и в эпоху письменности так же, как и в дописьменный период память оставалась источником (носителем) правил поведения, выработанных самим населением в процессе жизнедеятельности. Санкция государства наделяла эти правила статусом обычного права, благодаря же юристам оно приобретало письменную форму, становилось писанным правом.

Обобщая изложенное, представляется важным отметить следующее: сам факт существования неписаного права, тем более в дописьменный период позволяет утверждать, во-первых, об исключительной роли человеческой памяти в генезисе названного регулятора общественных отношений. Во-вторых, о том, что право, особенно в период его зарождения, формировалось всем обществом, не являлось возведенной в закон волей господствующего класса. И самое главное – исторические источники содержат информацию, указывающую на то, что право формировалось не «снизу вверх», будучи отражением материальных условий бытия господствующего класса, как утверждает марксистская теория, а «сверху вниз», для того, чтобы утвердить в общественных отношениях принципы, якобы сформулированные богами. Важнейшим из них был, безусловно, принцип справедливости. Именно он способен и сегодня обеспечить совместное существование людей, наделенных природой разными способностями, – бедных и богатых, сильных и слабых, объединить и консолидировать разнородное общество, причем без насилия по отношению к какой-либо его части (классу), а только к отдельным его членам, совершающим антисоциальные действия, т. е. преступления.

Список литературы

1. Законы Ману. М. : Эксмо-Пресс, 2002.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М. : Политиздат, 1981.

3. Подробнее о роли жрецов в создании государства и права см.: Никитин А. Н., Никитина М. А. Особенности генезиса военного права в государствах Древнего мира // Вестник военного права. 2024. № 4. С. 7–15.

4. Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М. : Зеркало, 1997.

5. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / сост. В. А. Томсинов. М. : Зеркало, 1999.

Карнаушенко Л. В.[1],
начальник кафедры теории
и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России,
доктор исторических наук, профессор

ЮРИДИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В современных условиях вопросы формирования и сохранения коллективной исторической памяти приобретают особую значимость для правовой науки и правоприменительной практики. Историческая память рассматривается как значимый фактор общественной консолидации, национальной идентичности и устойчивости государственности, что обусловливает необходимость ее правового осмысления и нормативного обеспечения [1, с. 45–46].

Повышенное внимание к данной проблематике связано с конституционными изменениями 2020 года, закрепившими обязанность Российской Федерации по защите исторической правды и памяти предков [2], а также с возрастанием внешних и внутренних вызовов, включая искажение исторических событий, фальсификацию истории и усиление информационного воздействия. В Основах государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения подчеркивается наличие угроз деформации исторической памяти и необходимость формирования системных мер государственного реагирования [3].

Проблематика исторической памяти получила отражение в научных исследованиях представителей различных отраслей знания. В трудах Ж. Т. Тощенко, Ю. М. Лотмана, А. Ю. и А. А. Дорских, Д. А. Пашенцева и других авторов анализируются социальная природа коллективной памяти и ее роль в формировании общественного сознания [1, с. 12–15; 4; 5, с. 34–36; 6], а также вопросы правового закрепления и охраны исторической памяти, включая конституционные основы, мемориальное законодательство и меры юридической ответственности.

Обобщение научных подходов и нормативного массива позволяет констатировать понятийную неопределенность и фрагментарность правового регулирования охраны коллективной исторической памяти, развитие которой осуществляется на пересечении ценностных, политических и правовых факторов при ведущей роли права как инструмента ее институционального закрепления и защиты.

В первую очередь необходимо обратиться к теоретико-концептуальным основаниям исследования коллективной исторической памяти, поскольку именно на уровне теории формируются представления о ее содержании, природе и границах. В современной научной литературе данное понятие используется достаточно широко, однако его смысловое наполнение варьируется в зависимости от исследовательского подхода.

---

[1] © Карнаушенко Л. В., 2026.

Как отмечает Т. П. Емельянова, исследования коллективной памяти развиваются преимущественно в мультидисциплинарном формате: история, философия, культурология, социология и социальная психология предлагают собственные модели осмысления данного феномена, не формируя при этом единого концептуального поля [7, с. 27]. В результате понятие коллективной памяти используется для решения разнородных теоретических и прикладных задач, что обусловливает отсутствие устойчивых понятийных границ.

Существенный вклад в уточнение содержания категории коллективной исторической памяти вносит социально-философский подход. Н. С. Корнющенко-Ермолаева рассматривает коллективную историческую память как ментальную способность социальных групп и нации к символической реконструкции значимых исторических событий, сопровождаемой их ценностной интерпретацией [8, с. 64]. Данное понимание представляется адекватным для целей настоящего исследования, поскольку позволяет рассматривать коллективную историческую память не как совокупность индивидуальных воспоминаний, а как устойчивый социальный механизм включения прошлого в систему актуальных смыслов и ценностей.

В рамках указанного подхода коллективная историческая память формируется в процессе социального взаимодействия, в том числе через деятельность общественных институтов и культурные практики. На это указывает А. В. Дахин, подчеркивая, что памятные места, культурные объекты, музеи и архивы образуют систему символического закрепления прошлого, что позволяет рассматривать коллективную историческую память как феномен, обладающий социальным и институциональным измерением [9].

При этом в теории коллективной памяти подчеркивается ее избирательный и конструктивный характер. М. Хальбвакс указывал, что процессы коллективного запоминания сопряжены с процессами забвения, а закрепление одних событий в качестве значимых сопровождается вытеснением других, что позволяет рассматривать коллективную историческую память как динамическое образование, содержание которого определяется ценностными ориентирами и идентификационными потребностями социальных групп [10, с. 52–55].

В теоретическом плане коллективная историческая память может быть определена как самостоятельный социальный феномен, обладающий ментальной, символической и институциональной природой и представляющий собой механизм воспроизводства и интерпретации прошлого в общественном сознании.

С учетом обозначенных выше вызовов правовое регулирование в сфере коллективной исторической памяти в России формируется на протяжении длительного времени и к настоящему моменту представлено развернутым нормативным массивом. Его основу заложили федеральные законы 1995 года, определившие позитивную и охранительную модель мемориального регулирования: закрепление памятных дат (ФЗ № 32-ФЗ), правовых форм увековечения Победы и запрета реабилитации нацизма (ФЗ № 80-ФЗ), а также социально-гарантийное обеспечение ветеранов (ФЗ № 5-ФЗ) [11–13].

Следующий этап связан с усилением государственного реагирования на искажение исторических событий и фальсификацию истории, что выразилось в ин-

ституциональных мерах и развитии механизмов юридической ответственности. Ключевым рубежом стало введение в 2014 году статьи 354.1 УК РФ, закрепившей уголовно-правовую охрану исторической памяти [14], включая отрицание установленных Нюрнбергским трибуналом фактов, распространение заведомо ложных сведений о событиях Второй мировой войны, осквернение символов воинской славы и оскорбление памяти защитников Отечества.

Параллельно в административном законодательстве был сформирован самостоятельный блок норм, направленных на пресечение публичных форм посягательств на историческую память, включая запреты на пропаганду и демонстрацию нацистской символики (ст. 20.3 КоАП РФ), злоупотребление свободой массовой информации и распространение материалов, отрицающих установленные Нюрнбергом факты либо оскорбляющих память защитников Отечества [15].

Конституционные изменения 2020 года придали регулированию исторической памяти новый уровень нормативной определенности, закрепив обязанность государства по защите исторической правды и недопустимость умаления подвига народа при защите Отечества (ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ) [2]. В институциональном плане данные ориентиры были дополнены положениями Федерального конституционного закона № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», связавшими полномочия в сфере науки, образования и культуры с задачами охраны исторической памяти [16].

Завершающий на сегодняшний день этап связан с институционализацией государственной политики в сфере исторического просвещения: Указом Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения [3], закрепившие историческое просвещение как управляемую государством деятельность по формированию коллективной исторической памяти и противодействию искажению исторического прошлого.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к вопросам охраны исторической памяти в своих актах, подтверждая допустимость правовых ограничений в данной сфере при соблюдении баланса с конституционными правами и свободами. Соответствующие позиции были сформулированы, в частности, в определениях от 23 октября 2014 г. № 2480-О, от 24 октября 2019 г. № 2923-О, от 23 июля 2020 г. № 1884-О, а также в постановлениях от 27 февраля 2020 г. № 10-П и от 5 марта 2020 г. № 11-П, где Суд подчеркнул конституционную значимость защиты исторической правды, недопустимость реабилитации нацизма и необходимость соразмерного ограничения прав в целях охраны памяти защитников Отечества и общественных интересов [17–21].

Вместе с тем при высокой плотности нормативного регулирования сохраняются нерешенные вопросы, связанные с его согласованностью и эффективностью.

Прежде всего обращает на себя внимание понятийная неопределенность, выражающаяся в отсутствии закрепленных дефиниций категорий, связанных с исторической памятью и исторической правдой, что приводит к их различному смысловому наполнению в праве и правоприменении. Для ее устранения целе-

сообразно нормативно закрепить базовые категории политики памяти, включая «коллективную историческую память», «историческую правду», «политику памяти» и «мемориальную политику», посредством принятия комплексного федерального закона об охране исторической памяти, обеспечивающего унификацию терминологии.

Далее следует отметить фрагментарность правового регулирования, проявляющуюся в отсутствии единой нормативной модели, объединяющей положения различных отраслей законодательства, вследствие чего регулирование исторической памяти осуществляется разрозненно. Преодоление данной проблемы возможно за счет формирования межотраслевой модели, основанной на общих целях, принципах и инструментах политики памяти.

Отдельную проблему формирует усиление охранительного и запретительного регулирования, использующего оценочные формулировки без четких юридических критериев применения, что затрудняет прогнозирование правовых последствий и создает риск различий в судебной практике. Снижение правовой неопределенности возможно путем конкретизации таких понятий, как «явное неуважение к обществу» и «оскорбление памяти», через указание на конкретные формы поведения.

Существенные трудности выявляются и в цифровой среде: судебная статистика Российской Федерации фиксирует рост и последующую стабилизацию числа осужденных за деяния, связанные с реабилитацией нацизма (28 лиц в 2022 году и по 52 лица в 2023 и 2024 годах), при том что большинство таких дел связано с распространением информации в сети Интернет, а фактический объем нарушений превышает число выявленных случаев [22]. Повышение эффективности регулирования возможно через развитие механизмов мониторинга информационного пространства и координацию взаимодействия уполномоченных органов и экспертного сообщества.

Проблемным остается и вопрос соразмерности назначаемых наказаний, поскольку судебная практика демонстрирует широкий диапазон санкций, включая меры, не связанные с лишением свободы. Для преодоления разнородности санкционной практики целесообразно формирование единых подходов правоприменения на уровне высших судебных инстанций.

Наблюдается также перекос предметного охвата правового регулирования: основной массив норм сосредоточен на охране памяти о Великой Отечественной войне, тогда как иные исторические периоды практически не получают нормативного отражения. Коррекция данного перекоса возможна путем расширения позитивного правового регулирования с использованием инструментов законодательства о культуре и памятных датах без пересмотра приоритетного статуса регулирования памяти о Великой Отечественной войне.

Наконец, сохраняется критическое отношение к нормативному вмешательству в сферу исторического знания и памяти, в связи с чем приоритетным направлением становится развитие механизмов исторического просвещения, включая интеграцию тематики исторической памяти в образовательные стандарты, поддержку музейных и архивных проектов и взаимодействие государства с научным и экспертным сообществом.

Современные условия развития общественных отношений характеризуются усилением внешних и внутренних вызовов в сфере исторической памяти, связанных с искажением исторических событий, информационным противоборством и распространением противоправного контента в цифровой среде, что получило отражение в нормативных правовых актах Российской Федерации.

Проведенное исследование показывает, что в России сформирован значительный массив правовых инструментов регулирования коллективной исторической памяти, включающий позитивные, охранительные и управленческие механизмы, однако динамика информационной среды и трансформация публичного пространства обусловливают необходимость его дальнейшего совершенствования.

С теоретической точки зрения коллективная историческая память представляет собой самостоятельный социальный феномен, обладающий ментальной, символической и институциональной природой и влияющий на общественную консолидацию, гражданскую идентичность и устойчивость государственности, что исключает фрагментарный правовой подход.

Выявленные проблемы понятийной неопределенности, фрагментарности регулирования и особенностей правоприменения в цифровой среде подтверждают необходимость развития юридических механизмов охраны исторической памяти, а предложенные направления их совершенствования позволяют сформировать более целостную и устойчивую модель правового воздействия.

Список литературы

1. Тощенко Ж. Т. Историческая память и социальное действие : монография. М. : Юрайт, 2019.

2. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

3. Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : утверждены Указом Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2694.

4. Лотман Ю. М. Память культуры // Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. С. 302–319.

5. Дорский А. Ю., Дорская А. А. Историческая память в праве: теоретико-правовой анализ. СПб. : Алетейя, 2018.

6. Пашенцев Д. А. Историческая память и право: проблемы взаимодействия // Государство и право. 2020. № 6. С. 118–120.

7. Емельянова Т. П. Коллективная память: социально-психологические подходы. М. : Институт психологии РАН, 2016.

8. Корнющенко-Ермолаева Н. С. Историческая память как социально-философская категория // Вестник философии. 2017. № 3. С. 60–68.

9. Дахин А. В. Институциональные формы коллективной памяти в современном обществе // Социум и власть. 2015. № 4. С. 41–43.

10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007.

11. Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 11. Ст. 943.

12. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1928.

13. Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 3. Ст. 168.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

16. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 45. Ст. 7061.

17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2014 г. № 2480-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 2.

18. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2019 г. № 2923-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2020. № 2.

19. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2020 г. № 1884-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2021. № 1.

20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2020 г. № 10-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 9. Ст. 1213.

21. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10. Ст. 1345.

22. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации // Судебная статистика Российской Федерации. URL: stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17.

Абдрахманов А. И.[1],
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СЕМЬЯ ТУРГЕНЕВЫХ КАК ЯРКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЕКАБРИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

На декабрь 2025 года в Россия приходится знаменательная дата – 200 лет выступления декабристов. Официальная оценка этого события менялась в зависимости от господствующей, для каждого исторического этапа, доктрины. Соответственно можно наблюдать колебание установки от «преступного впадения мятежников в соблазн губительных для России идей», на имперском этапе отечественной истории, до «героически – жертвенного выступления», в терминах советской историографии. На современном этапе оценка мятежа на Сенатской площади, в значительной части, определяется мировоззренческой позицией оценивающего. Авторы, склонные еврооптимистическому видению мира, усматривают в участниках выступления носителей прогрессивной тенденции. Близки к таковой оценке историки марксистского направления. Для приверженцев же традиционалистского подхода, декабристы остаются опасными, одержимыми чуждыми Отечеству умозрительными химерами, смутьянами. И именно эта одержимость сподвигла заговорщиков на открытое преступление долга присяги.

Объективно, нарушение военнослужащим означенного долга, является тяжким преступлением, даже при том, что мотивы такового могут оказаться и бескорыстными, и, даже исторически прогрессивными. К примеру, в общественном мнении изначально оказалось не принятым осуждать представителей гвардейского корпуса за участие в заговоре по свержению законного правителя России – Петра III. Да, лейб-гвардейцы преступили долг присяги императору, но ведь совершили это во имя и на благо России. Так что на «несмываемом грехе клятвопреступления» по отношению к Петру Федоровичу публичные суждения изначально не концентрировались, – здесь мятежники выбрали «правильную сторону» истории. Также не прийто клеймить цесаревича Александра (как и всех остальных участников цареубийства) за фактическое соучастие в заговоре, направленном на свержение через лишение жизни своего отца, законного императора России Павла I.

Ситуация же с декабристами, как минимум, в правовом плане, более определенная. Здесь имеется четко выраженная официальная позиция, недвусмысленный, приведенный в исполнение, судебный приговор. И все же, в двухсотую годовщину рокового выступления, в научном, общественном представлении нет единой позиции в толковании мотивов участников декабристского движения. Нельзя говорить и о полной информированности современного общества

[1] © Абдрахманов А. И., 2026.

о представлениях «дворянских революционеров», их судьбах. Следовательно, тематика декабристского движения, характеристики и мотивы его участников, сохраняют значение для более полного и объективного понимания прошлого нашей страны.

Видными сторонниками и участниками декабристского движения является дворянская семья Тургеневых. Прежде всего, представители этой семьи не в одном поколении, еще и до оформления декабристских организаций, принадлежали к прогрессивному направлению общественной жизни. Глава семьи, Иван Петрович Тургенев крупный симбирский помещик, являлся одной из «центральных фигур… масонско-просветительского кружка, душой которого был Новиков» [7, с. 7]. Причем Иван Петрович характеризуется не только, как влиятельный масон, а еще и ревностный мартинист. Известно, что мировоззренческая позиция мартинистов истекала «… из евангелического принципа равенства людей перед Богом, неприятия любых проявлений рабства. С конца XVIII века в России мартинистами называли всех противников крепостного права» [2, с. 19]. Соответственно, и Иван Павлович вел активную деятельность по переводу и изданию мистической литературы, распространению идей европейского гуманизма, поддержке различных прогрессивных начинаний.

Не удивительно, что и сыновья Ивана Павловича Тургенева – Андрей, Александр, Николай и Сергей, мировоззренчески формировались «в атмосфере мартинизма» [7, с. 7]. Разумеется, конкретная форма участия каждого из братьев в прогрессивном движении была различной. Самый старший из них, Андрей много внимания уделял заказу, переводу и распространению в России всей издаваемой в Германии литературы. Характерно, что среди выбранных Андреем Тургеневым работ, были переведены биография Бенджамина Франклина и труды Руссо. Не удивительно, что Ю. М. Лотман относил Андрея Ивановича к плеяде «ранних представителей литературно-общественной программы дворянской революционности» [7, с. 9]. Итак, Андрей Тургенев с ранней юности проявлял себя, как одаренная, деятельная личность, которая безусловно со всей полнотой раскрылась бы в поднимающемся общественном подъеме, но в 1803 году перспективный юноша скоропостижно скончался в возрасте 21-го года. Второй из братьев – Александр, уже в Геттингенском университете приобщившийся «к духу свободомыслия, политической свободы» [7, с. 13], тем не менее занимал умеренно прогрессивную позицию, воздерживаясь от прямого участия в тайных организациях декабристов. Тем не менее, Александр Тургенев последовательно настаивал на либеральных преобразованиях и отмене крепостного права, в связи с чем его имя «неразрывно связано с проблемой генезиса русской либеральной традиции» [7, с. 5].

Наиболее же решительно проявлял себя третий брат – Николай. Он выразительно утверждал свою убежденность в российской косности и отсталости, категорически отвергая крепостное право, настаивая на безусловном следовании нашей станы европейским образцам, как безусловно более цивилизованном, прогрессивном выборе. Как отмечается, «прививка в России европейских либеральных ценностей казалась ему единственно возможным условием цивилизованного существования страны» [7, с. 52]. Именно Николай Иванович осознан-

но вступил в декабристский Союз благоденствия, заняв в нем значимое, видное положение.

И наконец самый младший из братьев – Сергей, по традиции, учившийся за границей, там же и приступивший к службе на дипломатическом поприще. Перед Сергеем открывались широкие перспективы, но тот юноша настолько пылко разделял убеждения старших Тургеневых, так остро переживал неудачу выступления декабристов, столь болезненно воспринял суровость наказания его участников, что в итоге перенес сильнейшее неровное потрясение, вскоре после которого и скончался.

Итак, как видим, отец и сыновья Тургеневы представляли ту часть прогрессивной общественности, которая прониклась критическим настроем к политико-экономическому устройству своей страны не из-за испытываемых лично лишений бедности, ограничений своего невысокого социального статуса, отсутствия поддержки «в верхах». Напротив, это была семья зажиточных помещиков, с достаточным, для отсутствия у кого-либо из их круга материальных проблем, числом крепостных. По биографиям Тургеневых видно, что оплата обучения и проживания за границей не представляла для них ощутимой сложности, ибо на все это семье вполне хватало дохода с ее подневольных крестьян. Отсюда же, оклад за службу не имел для представителей этого зажиточного рода существенного значения. Сергей, например, трудился в зарубежных посольствах вообще без оплаты – собственный, помещичий бюджет позволял этому юноше не испытывать жизненных стеснений по причине отсутствия оклада для его должности.

Грех было жаловаться и на отсутствие влияния, должного для успешной карьеры, статуса. Отец – Иван Тургенев имел значительный вес в высших кругах, и после отставки с воинской службы занимал престижные, статусные должности, в частности, ректора Московского университета. Все сыновья работали по гражданской части в заграничных представительствах России, либо на статусных должностях в высших органах власти Империи. Ни до, ни после оставления службы, в биографиях братьев Тургеневых не наблюдалось ничего подобного мытарствам М. В. Ломоносова, либо Н. В. Гоголя, которым, как известно, приходилось терпеть нужду, заботиться о добыче средств на свой хлеб насущный, впадать в долги.

В революционно-демократической среде, в позднейшей советской историографии, имело место пояснение, согласно которому поддержка антикрепостнических, революционных замыслов выходцами из верхов дворянского сословия свидетельствовала о способности лучших из представителей правящего класса проникнуться бедами и трудностями простого народа. Так, характеризуя подвиг декабристов, академик М. В. Нечкина приводит слова А. И. Герцена советовавшего молодому поколению «понять все величие, всю силу этих блестящих юношей, выходящих из рядов гвардии, этих баловней знатности и богатства, оставляющих свои гостиные и свои груды золота для требования человеческих прав, для протеста, для заявления, за которое – и они знали это – их ждали веревка палача и каторжная работа» [5, с. 160].

Справедливости ради, отметим, что сам Николай Тургенев неизменно настаивал на том, что не считал и не считает декабристские объединения чем-то про-

тивозаконным, антиправительственным, воспринимая их лишь как один из светских дискуссионных клубов, нечто подобное общественно-литературному салону. Соответственно, этот декабрист никаких правительственных кар для себя не ожидал, утверждая, что воспринял заочный смертный приговор за участие в заговоре с изумлением. И всю свою дальнейшую жизнь Николай Иванович старался обосновать необоснованность обвинительного вердикта, доказывая отсутствие в своем участии состава преступления. И, кстати, он много в этом отношении добился – Н. И. Тургенев не только так и не подвергся задержанию, но и, что может показаться невероятным, не был лишен своего служебного оклада и имения. Продолжая получать служебные выплаты, доход со своих крепостных, Николай Иванович без потрясений занимался отстаиванием собственных интересов, общественной, публицистической деятельностью за границей. Со временем, эта жертва «господствующей в России тирании» дождалась общей амнистии участников декабристского движения, позволившей светилу российского свободомыслия без ограничений посещать Россию, когда бы к тому ни возникала охота, либо надобность. Так что в приведенном случае, герценовское утверждение об изначальной жертвенности «блестящих юношей… баловней знатности и богатства» не подтверждается.

В ситуации же с помещичьими владениями братьев Тургеневых можно отметить, что эта семья придерживалась не столько социального, сколько либерального мировоззрения. Последнее же, как известно, базируется на уважительном отношении к частной собственности, даже если ее источники не безупречны с прогрессивной точки зрения. В означенном контексте, поместье, прикрепленные к нему крестьяне, принадлежали роду Тургеневых по закону, так что формально-юридически семья имела все права пользоваться своим родовым имуществом. Кроме того, в литературе приводится несколько свидетельств тому, что Тургеневы все же выражали намерение освободить своих крепостных, но каждый раз тому мешали различные обстоятельства. В ряду последних: матушка братьев была против этого, управляющий имениями препятствовал, сособственники имений не позволяли предоставить крестьянам вольную. Буквально, «…имение составляло собственность всего семейства Тургеневых, а не одного Николая Ивановича. Екатерина же Александровна, и без того напуганная скандальной известностью сына, категорически отказывалась освободить своих крестьян» [4, с. 45].

Да еще ко всему, Николай Тургенев многословно обосновывал, что по российскому законодательству предоставление крепостным вольной являлось очень непростой, трудоемкой задачей. Из числа множества приводимых примеров тому, упомянем следующий: «Прежде всего, помещик, желавший освободить своих крестьян, должен был подать прошение уездному предводителю дворянства; тот обязан был, прибывши на место, спросить крестьян, желают ли они получить свободу. Потом дело отправлялось к губернатору, от него к министру внутренних дел, потом в Сенат, потом к государю. При той медлительности, с которой в России вершатся дела, особенно такие, в которых чиновники редко идут навстречу добрым намерениям просителей, для соблюдения всех этих формальностей требуются годы» [6, с. 200]. При ознакомлении с сетованиями

Николая Ивановича на удручающе громоздкую процедуру освобождения крестьян от крепостной зависимости, возникает одна ремарка. Можно сострадать мытарствам Акакия Акакиевича, капитана Копейкина, для которых просто добиться приема у сановитой особы представляло собой изрядную трудность. Николай Иванович же занимал высокую и влиятельную должность – секретаря Государственного совета. В качестве секретаря, кандидата на пост начальника одного из департаментов, он лично знал многих влиятельных сановников, пользовался их доверием и уважением. Н. И. Тургенев участвовал в разработке нескольких законопроектов, принимал участие в разрешение целого ряда обращений в сенат. И при всем этом не удается обнаружить намерения этого видного прогрессиста направить свое влияние на упрощение порядка предоставления крепостным вольной. Глядишь, хоть в какой-то степени оказал бы такую услугу освободительному движению. Но, Николай Иванович предпочел добровольную отставку и позицию – «я то был готов, но вот это тираническое государство Российское…».

Так что, пришлось Николаю Тургеневу клеймить «рабство российское», проживая, путешествуя, занимаясь филантропией из доходов, полученных от собственных крепостных. Впрочем, Николай Иванович здесь не одинок, подобным образом (на такие же доходы от подневольных крестьян) сражался с реакционным российским укладом и А. И. Герцен.

Характеризуя воззрения братьев Тургеневых, подчеркнем, что каждый из них исповедовал определенную форму либерализма. Причем наиболее решительным, деятельным проводником прогрессивных (в контексте западноевропейской апологетики) идей выступал именно Николай Иванович Тургенев. В тематической литературе последнего принято обозначать не просто в качестве одного из представителей либерального направления, а ученого деятеля, экономиста, входящего в число основателей российского либерализма. И здесь возникает необходимость обратиться к самому понятию «либерализм». В новейший период истории России либералом стало принято считать, прежде всего, сторонника европейско-атлантического цивилизационного выбора. В то же время, изначальное понятие либерализма предполагает все же не столько определенную, отрицающую остальные позиции, точку зрения, а готовность уважать иные, нежели чем у позиционирующего себя либералом, лица, взгляды и мнения. Как минимум признавать право иных взглядов на существование, воспринимать аргументы оппонента, вникать в их обоснование.

В означенном контексте, при ознакомлении с работами Н. И. Тургенева, обращает на себя внимание безусловное восприятие Николем Ивановичем западноевропейской – атлантической цивилизации, как образца общественного устройства. В то же время Н. Тургенев недвусмысленно выражал скептическое отношение самому бытию, устройству России. В частности, ранее автором уже отмечался резкий тургеневский негатив относительно протекционистских мер со стороны именно русского правительства. Буквально, «Тургенев выступал категорическим противником протекционизма, проведение которого предполагалось в интересах России» [1, с. 515].

Весьма характерны и полемические приемы, применяемые либеральным декабристом к адресатам, не разделяющим его цивилизационного, прогрессивно-

го подхода к народам и странам, не соответствующим критериям видного симбирского помещика. Некоторые примеры способности источника цитируемых утверждений уважать чье-либо, кроме своего, мнение: «только патриотизм раба мог продиктовать ему (речь идет о генерале М. Ф. Орлове – примеч. авт.) подобный протест»; «в глазах испорченных и тупых людей (это уже о не соглашающихся с аргументами Николая Ивановича соотечественниках – примеч. авт.) призыв к… морали был равнозначен призывам разрушительным…»; «самая тупая нерассудительность (имеются в виду российские чиновники, и, отчасти, министр внутренних дел В. П. Кочубей – примеч. авт.)»; «одна ученая скотина (это уже в адрес иностранца, а именно, консервативного прусского публициста – примеч. авт.), попытавшаяся… щегольнуть своей тяжеловесной эрудицией» [6, с. 49, 56, 694, 88]. Как видим, перед нами череда определенных, как «тупых», «испорченных», «скотов», – оппонентов либеральных идеалов господина Н. И. Тургенева.

Но, последний не ограничивается подобными эпитетами в адрес конкретных, не угодивших видному демократу, личностей. В своей готовности уважать что-либо, не совпадающее с его собственными требованиями, Николай Тургенев замахивается на масштабные обобщения, клеймя русское общество, как таковое: «причина совершенной против меня несправедливости… – это неразвитость страны и людей. Дикарь не понимает, почему в хорошо устроенных государствах правосудие окружено множеством формальностей… презрение к человеческой жизни – характерная черта варвара. Когда к присущей России неразвитости цивилизации присоединяются нравы и обычаи, на которых лежит отпечаток рабства, легко понять, как трудно… идеям справедливости и истины проложить себе дорогу» [6, с. 91]. Наряду с недвусмысленной «цивилизационной» оценкой нашей страны, отметим характерное преподнесение российского морального, нравственного уровня: «неодобрение, вызываемое всякой низостью… в цивилизованной стране часто толкающее к самоубийству того, на кого обрушивается сей… залог общественной нравственности, – все это совершенно неизвестно в России» [6, с. 91]. Оценку подобным утверждениям, дал близкий друг семьи Тургеневых, поэт В. А. Жуковский, отметив цитируемые сочинения, не как прогрессивные, либо дискуссионные, а как проникнутые «враждебностью к России» [6, с. 625]. И содержание приведенных цитат не позволяет спорить с таковым заключением. Добавим, что в силу ряда причин, явное отчуждение произошло между Н. И. Тургеневым и выжившими в опале декабристами. В итоге, перед нами разновидность либерализма, не как признания права на отличное от «прогрессивно-правильного», либо просто иное, мнение, а как безальтернативного европейско-атлантического цивилизационного выбора. П. И. Бартенев едко характеризовал подобное поклонение перед Европой, как «идеалом», «нескладным обезьянством европейства» [3, с. 343]. А. В. Давиденко же характеризует подобных «либералов», как «доморощенных низкопоклонников Бонапарта» [3, с. 352], имея в виду не столько личность Наполеона, сколько его «европейскость».

Таким образом, в след за своим отцом, все четыре брата Тургенева принадлежали к просветительскому направлению мысли в России. За исключением

рано, до оформления рассматриваемого направления, скончавшегося, старшего из братьев – Андрея, все они, при разной степени вовлеченности, искренне поддерживали движение декабристов. И наиболее серьезно сопричастный к декабристской организации – Николай Тургенев, видел будущее России в следовании в фарватере западно-европейских держав, в качестве безальтернативного, определяющего выбора. Означенное направление нельзя признать единственным из допускаемых «дворянскими революционерами» вариантов. Так, известны серьезные программные разногласия между Н. И. Тургеневым и П. И. Пестелем. Тем не менее и отмеченное либеральное, в сегодняшних терминах, скорее «европтимистическое», направление в декабристской среде присутствовало, в определенной степени выступив предтечей позднейшего буржуазно-демократического крыла российской оппозиции.

Список литературы

1. Абдрахманов А. И. Инструменты податной практики как предмет дискуссий по определению основ фискальной политики Российской империи // Образование и право. 2024. № 12. С. 514–518.

2. Вишленкова Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань, 1997.

3. Давиденко А. В. «Содействовать против вражеских замыслов и покушений…»: труды и подвиги российской полиции в 1812 г. : очерки. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.

4. Ляшенко Л. М. Декабристы: Новый Взгляд. М. : АСТ-Пресс Книга, 2011.

5. Нечкина М. В. Декабристы. М. : Наука, 1982.

6. Тургенев Н. Россия и русские. М. : ОГИ, 2001.

7. Тургенев А. И., Тургенев Н. И. Избранные труды. М. : Росспэн, 2010.

Яцкова А. П.[1],
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ТРИАДА ГРАФА С. С. УВАРОВА: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ И СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Обеспечение устойчивого развития, отвечающего национальным интересам, является ключевой задачей для любого современного государства. Национальные интересы, в свою очередь, формируются под влиянием множества факторов, среди которых духовные ценности нации играют важнейшую роль. Именно эти ценности, представляющие собой комплекс идей и смыслов, образуют то, что мы называем национальной идеей. Государство проявляет повышенный интерес к идеям, поскольку они обладают колоссальной властью над сознанием людей, способной как к созиданию, так и к разрушению государств. Вся история человечества, по сути, является свидетельством постоянной смены господствующих идей.

В рамках российского научного сообщества наблюдается активное и многоаспектное исследование феномена национальной идеи, охватывающее политический, геополитический, историко-культурный, философский, религиозный и управленческий контексты. «Тем не менее, к настоящему моменту не выработано унифицированное определение термина «национальная идея». В научной литературе представлены различные интерпретации данного концепта: как лозунговое выражение нравственно-духовных ценностей, национальных интересов и идеалов, формирующих поведенческие модели в обществе; как цель, отражающая потребности народа и разделяемая его подавляющим большинством; как популярное в обществе представление о желаемом образе жизни; или как своего рода «цивилизационный код», определяющий долгосрочную траекторию развития государства. Параллельно с этим, вопрос о целесообразности и необходимости национальной идеи для страны является предметом интенсивных научных и общественных дискуссий, в ходе которых высказываются диаметрально противоположные мнения, от признания ее вредоносности до констатации ее отсутствия как национальной катастрофы» [2].

Идеи, обладают универсальным значением, превосходящим рамки национальных интересов. В отличие от интереса, идея охватывает убеждение в необходимости чего-либо для более широкого круга лиц, вплоть до всего человечества. Примером национальной идеи может служить римская Pax Romana, которая зародившись и получившая юридическое оформление в период принципата, стала предшественницей европейской идеи. Последняя, в свою очередь, про-

[1] © Яцкова А. П., 2026.

явилась в трех классических идеологиях Нового времени: консерватизме, либерализме и социализме.

Русская философская и общественно-политическая мысль на протяжении длительного времени разрабатывала вопрос о русской национальной идее и ее сущности. На протяжении истории Российского государства предлагались разнообразные концепции развития – «Новый Константинополь» Ярослава Мудрого, «Новый Иерусалим» Никона, «Государство всеобщего блага» Петра I, «Всемирная христианская империя» Павла I, теория «официальной народности», идея мировой революции и лозунг «нового политического мышления». Все эти концепции можно рассматривать как попытки сформулировать «национальную идею».

Жизнеспособность государственности в долгосрочной перспективе напрямую зависит от наличия национальной идеи. Исторический опыт, начиная с древнейших цивилизаций, убедительно демонстрирует эту закономерность. Так, Римская империя, руководствуясь идеологемой Pax Romana, целенаправленно реализовывала проект глобального доминирования. Московская Русь также обладала четкой идеологической установкой, выраженной в концепции Третьего Рима и образном понятии «Святая Русь». В XIX в. была сформулирована тернарная идеологема – «Православие. Самодержавие. Народность».

Эта триада, несомненно, задумывалась как универсальный имперский принцип, обозначающий фундаментальные опоры государства. И если предыдущие лозунги были ориентированы на военные круги («За веру и верность», «За веру и царя», «За веру, Царя и Отечество»), то будучи министром народного просвещения С. С. Уваров предлагал свой принцип широким гражданским слоям населения, рассматривая просвещение, науку и литературу как средства для поддержания и усиления государственности. В его интерпретации, данная формула должна была лечь в основу государственной идеологии. В дальнейшем, она стала мощным консолидирующим лозунгом для консервативных политических сил, отстаивающих уникальный, отличный от западного, путь исторического развития России.

Первый элемент триады – «Православие» – виделось как колыбель русской государственности, как вековой завет предков, как вершина нравственного совершенства, и никто не осмеливался подвергать сомнению или оспаривать этот священный идеал. Оно ассоциировалось с основополагающим принципом русской государственности, являлось унаследованной верой предков и служило высшим нравственным ориентиром, не порождая при этом сомнений или дискуссий относительно самой сути этого идеала.

Второй член формулы – «Самодержавие» – С. С. Уваров рассматривал самодержавие как «консервативный принцип», необходимый для поддержания стабильности и целостности империи. Несмотря на его почтение к монархии и лично императору, именно империя представляла для него наивысшую ценность. Уваров считал, что Россия, будучи носителем византийского христианского мировоззрения, призвана донести его до Запада. Он предвосхитил важную идею о том, что русско-имперский центр должен привлекать не только силой, но и своей уникальной культурной и духовной традицией, воплощая концепцию Третьего Рима.

Третий элемент – «Народность» – раскрытие его сути вызывало определенные затруднения в связи с восстанием декабристов. Поэтому С. С. Уваров говорил о «народности» в контексте развития образовательной сферы: приспособить «всемирное просвещение к нашему народному быту, к нашему народному духу».

Вторая половина XIX – начало XX в. ознаменовались не забвением, а активной переработкой уваровской триады. Н. Я. Данилевский предложил тернарную идеологему, включающую «Православие. Славянство. Крестьянский надел». Народничество полностью отвергало самодержавие, полагая, что основой «русского социализма» станет крестьянская община. Русские консерваторы, в лице К. Н. Леонтьева и И. А. Ильина, обогатили триаду, добавив к ней такие понятия, как «экономика», «быт», «наука», «искусство» и «право». Черносотенцы же предложили свою модификацию – «Православие. Самодержавие. Русская народность» – придав народности более выраженный национальный оттенок. Марксисты же категорически отвергали уваровскую триаду. После 1917 г. она была вытеснена большевистской формулой – «Власть Советам! Фабрики рабочим! Землю крестьянам! Мир народам!». Даже в годы Великой Отечественной войны, солдатский девиз «За Родину, за Сталина!» в своей усеченной форме отражал преемственность с традиционным воинским призывом «За Веру, Царя и Отечество!».

Возникает вопрос: насколько исчерпаны возможности применения уваровской триады в современном контексте? Насколько реально применить ее принципы к реалиям сегодняшней России и постсоветских государств?

В современной России переход к уваровской триаде пока не проявился, обозначена лишь его тенденция. Согласно О. А. Платонову, «главными духовными идеалами современной русской мысли остаются духовная цельность, неразрывность веры и жизни, добротолюбие, соборность, нестяжательство, державность и патриотизм» [1]. Четверть века народы бывшего СССР находятся на пути возрождения своих национальных традиций, охватывающих в первую очередь национальные вероисповедания и культуры. В связи с этим, именно традиция выступает в роли цементирующей силы, способствующей воссоединению этих народов. Нравственные установки, присущие их традиционным религиям, по-прежнему находят отклик у народов бывшего СССР. В нынешней межгосударственной, этнической и политической обстановке, «православие», как первый элемент исторически сложившейся триады, может быть осмыслено через призму «традиции» как объединяющего фактора.

Согласно трактовке С. С. Уварова, второй элемент его триады подчеркивал ценность империи как таковой, а не только царской власти. Анализ имперских форм государственности выявляет устойчивую геополитическую тенденцию: стремление к формированию империй как инструмента глобального влияния. Государства, такие как СССР, Россия, США и КНР, не будучи в строгом смысле империями и не имея монархов, имели и имеют выраженные имперские черты. Их можно условно отнести к «квазиимпериям» – влиятельным геополитическим образованиям, распространяющим свое воздействие на весь мир. В цивилизационных империях народы находят комфорт благодаря пресечению национальной исключительности и защите прав меньшинств. Российская импе-

рия, в частности, позволяла провинциям сохранять свою культурную специфику, а национальные элиты интегрировались в имперскую элиту. Цивилизационная империя, по А. А. Проханову, – «это симфония. Это симфония народов, симфония языков, симфония пространств, симфония культур и верований. Это организация разрозненного, рассеченного человечества в огромную симфонию. Поэтому не надо бояться слова «империя»…» [5]. Таким образом, и второй член уваровской триады может быть адаптирован к современным политическим реалиям.

Современное осмысление «народности» выходит за рамки узкого определения, предложенного С. С. Уваровым в XIX веке, которое сводило ее лишь к вопросам образования. Сегодня народность понимается как форма солидарности, где каждый член общества, опираясь на традиционные ценности и имперское единство, ощущает свою значимость в рамках единого государственного организма – России. Такое видение народности созвучно стремлениям современных левых движений к социальной справедливости и не вступает в противоречие с православным вероучением, исламом и другими традиционными конфессиями. Хотя Конституция Российской Федерации запрещает установление государственной идеологии, история свидетельствует о том, что без идеологической основы сложно добиться побед в войнах.

По мнению Ф. А. Папаяни «разработка и внедрение обществом новой идеологической концепции представляет собой нетривиальную задачу, создание объединяющей идеологемы представляется вполне реальным. Для постсоветских государств неоидеологема «Традиция, Империя, Народность» артикулируется как современная и рациональная интерпретация исторической триады Уварова. «Традиция» в данном контексте означает возврат к собственным культурно-религиозным и этническим корням и ценностям, а также формирование уважительного и бережного отношения к другим народам и их культурам. «Империя» трактуется как цивилизационная модель государственного устройства, объединяющая многонациональное и многоконфессиональное сообщество, подобное семье народов или симфонии культур. «Народность» же охватывает элементы народовластия, включая широкое применение референдумов и представительство граждан в местных органах самоуправления, а также реальное равноправие в его советском понимании. Следовательно, идеологема «Традиция, Империя, Народность» по своей сути декларирует патриотический консенсус, способный объединить не только разнонаправленные политические силы, но и различные этносы и конфессии всего постсоветского пространства. Эта триада имеет все основания для того, чтобы стать основополагающим элементом российской идеологии» [4].

Согласно убеждению современного исследователя А. Д. Каплина, «Уваровская триада – это не просто эпизод, этап русской мысли, истории первой половины XIX в. С. С. Уваров, пусть и в сжатой форме, обратил внимание на коренные русские начала смысл коренных начал в сегодняшней жизни видится таким: подлинное православие и восстанавливаемое на его основе духовно-хозяйственно-культурно-бытовое своеобразие. А такое изменение содержания неизбежно будет способствовать и наиболее органичному государственному устроению» [3].

Список литературы

1. Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI в. / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2016.

2. Воскресенская Н. О., Ялозина Е. А. Национальные идеи и государственные девизы как отражение духовных ценностей общества: теория и практика // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 8 (121). С. 39–45.

3. Каплин А. Д. Исторический контекст появления триады «Православие, самодержавие, народность», ее интерпретация и значение // История: факты и символы. 2014. № 1. С. 60–69.

4. Папаяни Ф. А. Современное прочтение уваровской триады // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 26–37.

5. Проханов А. А. Хождение в огонь: Путешествие по собственной жизни. М. : Молодая гвардия, 2011.

Трофимов В. В.[1],
начальник Научно-исследовательского института
государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного университета
имени Г.Р. Державина,
профессор кафедры теории
и истории государства и права
Юридического института
Тамбовского государственного
технического университета,
доктор юридических наук, доцент

Челбаев Д. В.[2],
младший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного университета
имени Г.Р. Державина,
ассистент кафедры теории
и истории государства и права
Юридического института
Тамбовского государственного
технического университета

ЦИФРОВАЯ ПАМЯТЬ ПРАВОВЫХ СМЫСЛОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Современная правовая мысль все чаще обращается к феномену памяти в праве. Это является одним из значимых путей поиска и определения культурно-правовой идентичности обществом и основой для выстраивания новых стратегий и смыслов, так как только опираясь на прошлое, можно понимать настоящее и думать о будущем. Действительно, любая идеология питается исторической памятью. Правовая идеология как идейный каркас общественно-правовой системы здесь не исключение. Вместе с тем, в современном мире, где начинают доминировать цифровые технологии, подобные правоидейные процессы и явления также приобретают новый формат существования. Цифровая реальность как новая плоскость социального бытия ощутимо меняет то, как социум обращается с прошлым и правом. То, что уже порой не готова или не способна сохранять и запечатлевать человеческая и социальная память, запоминает и хранит память цифровая, при этом в силу своей технологической базы она вполне «настроена», чтобы не только дополнять и где-то необходимым образом заме-

[1] © Трофимов В. В., 2026.
[2] © Челбаев Д. В., 2026.

нять, но и в перспективе вытеснять обычную социальную память, сигнализируя для последней, что в ней уже как бы нет явной потребности, так как «цифра» выполняет (готова выполнять) все основные мемориальные функции. А это уже те процессы, которые не могут не находить отражение в правовой идеологии в целом, где идейным центром уже становится не человек и его ценность, а нечто иное, чему пока еще не найдено полное понимание и определение (робот, искусственный интеллект, цифра и пр.). Представляется, текущие идеологические конструкции воспроизводят на новой основе прежние идеи и ценности. А информационные технологии делают память практически неограниченной по объему и одновременно уязвимой к манипуляции. Думается, право, выступая одним из ключевых механизмов упорядочивания общественного опыта, оказывается включенным в эти процессы не только в виде норм, регулирующих цифровую среду, но и в виде особого слоя правовых смыслов, закрепленных в коллективной памяти социума. Очевидно, что современная правовая идеология в таких условиях уже не может мыслиться вне специфической цифровой памяти, накапливающей, структурирующей и транслирующей эти смыслы.

В правовой сфере историческая память давно стала неотъемлемой ценностью. Недаром защита «исторической правды» и памяти защитников Отечества возведены сегодня в ранг конституционных ценностей Российской Федерации. Так, в чч. 2–3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации прописано:

«2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство.

3. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [1].

На наш взгляд, именно память служит фундаментом идентичности и преемственности, благодаря чему правовая идеология обретает глубину. Известный теоретик права А. И. Клименко пишет: «Именно система идей, выражающих ценности, есть содержание правовой идеологии, образующей уникальную смысловую структуру, универсальной формой для которой является „идея права“» [2, с. 52]. Такая система включает ценностный (аксиологический) и рационально-концептуальный уровни. Однако она была бы неполной без опоры на прошлый опыт. Иными словами, очевидно, правовая идеология обязательно содержит «памятный» компонент – обращение к накопленным смыслам прошлого. В условиях цифровой реальности формы этой памяти неизбежно трансформируются: цифровая память выступает новой средой сохранения правовых смыслов. Далее постараемся обосновать и обрисовать в настоящем исследовательском материале, как цифровая память становится инструментом и структурным элементом современной правовой идеологии.

Прежде всего, отметим, что память давно встроена в право на нормативном уровне. Исследователи права, в том числе А. А. Дорская и Д. А. Пашенцев, рассматривают так называемые «мемориальные законы» [3, с. 10]. Речь идет о нормативных актах, с помощью которых государство закрепляет и охраняет кол-

лективную память о значимых событиях, героях, символах. Согласно определению, мемориальное законодательство представляет собой «совокупность нормативных правовых актов, эксплицирующих историческую память социума и определяющих не только отношение общества к прошлому, но и его существование и функционирование в настоящем» [4, с. 24]. Проще говоря, через такие акты государство фиксирует, что именно из исторического наследия следует увековечить. Примеры включают законы об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, о днях воинской славы и памятных датах, о государственных наградах, а также нормы ответственности за искажение истории. Очевидно, сохранению исторической памяти служат не только памятники и топонимы, но и законодательство. Например, установление юридической ответственности за использование нацистской символики или реабилитацию нацизма, закон «О днях воинской славы и памятных датах России» и др. [3, с. 11–12]. Тем самым право напрямую охраняет коллективную память, превращая ее из ускользающего опыта в нормативно закрепленные ценности. Мемориальные нормы выступают своеобразным мостом между прошлым и настоящим: они определяют официальный пантеон героев и событий, формируя тем самым ценностные ориентиры общества. Представляется, государство, вводя нормы о памятных датах, юбилеях, монументах, обеспечивает правовую охрану тех образов прошлого, которые считает значимыми для национальной идентичности и идеологии. Таким образом, правовая память (т. е. отражение прошлого в праве) исторически была и является важным компонентом правовой жизни и правовой идеологии, задолго до цифровой эпохи.

Переход к цифровой реальности существенно расширил возможности хранения и распространения правовой информации, вследствие чего в публичной и профессиональной коммуникации оформляется то, что уместно обозначить как цифровую память правовых смыслов. В широком смысле цифровая память представляет собой совокупность электронных средств и технологий, обеспечивающих запись, хранение и тиражирование информации. Однако, как представляется, принципиально важно подчеркнуть, что речь идет не только о технике, но и о специфическом механизме диахронной смысловой связи. Так, А. В. Соколов определяет социальную память как «движение воплощенных в знаковой форме смыслов в социальном времени», а диахронная коммуникация, по существу, реализуется через звено памяти, которое удерживает и переносит смысловые сообщения [5, с. 133]. Представляется, именно поэтому цифровая память правовых смыслов в современном социуме выступает не вспомогательным «архивом», а инфраструктурой воспроизводства и трансляции правового опыта и идеологических представлений о праве.

Если ранее правовая память опиралась преимущественно на бумажные архивы законодательства, библиотечные собрания и картотеки судебной практики, то сегодня эту функцию выполняют цифровые архивы и базы данных, справочно-правовые системы, государственные реестры и электронные библиотеки. В цифровом обороте аккумулируются нормативные тексты, судебные решения, доктринальные массивы, что формирует особую прецедентную и доктринальную память правоприменения. Думается, именно цифровые носители стали основ-

ной инфраструктурой правовой памяти, причем диапазон их форм простирается от персональных и облачных хранилищ до распределенных реестров. Ключевыми свойствами цифровой памяти выступают емкость, доступность и сетевое воспроизводство, когда правовые сюжеты прошлого оказываются включенными в постоянный оборот и становятся доступными широкому кругу участников правовой коммуникации. В результате, как представляется, сегодня невозможно говорить о современной правовой идеологии без учета ее цифровой инфраструктуры, поскольку цифровая память фактически становится условием существования актуальной правовой идеологии [6, с. 25–26].

Важно подчеркнуть, что в условиях цифровой реальности цифровая память правовых смыслов является не просто техническим фоном, а элементом структуры правовой идеологии социума. Классически структура правовой идеологии включает ценностный и рациональный компоненты, а также «памятный» компонент, обеспечивающий связь с прошлым, который в цифровую эпоху проявляется с особой очевидностью. При этом цифровая форма фиксации существенно влияет на содержание правовых идей и ценностей. Во-первых, цифровая реальность задает новые рамки интерпретации прошлого: то, что оцифровано, индексировано и включено в массивы данных, воспринимается как более доступное и тем самым как более «значимое» прошлое. Во-вторых, цифровая память воздействует на ценностный уровень правовой идеологии, поскольку через цифровые архивы и официальные ресурсы транслируются определенные образы права и истории, а государство, контролируя каналы памяти, закрепляет приоритетные идеалы, что подтверждается конституционным закреплением памяти о защитниках Отечества и недопущения искажения прошлого как ценностей. В-третьих, цифровая память интегрирует память в прогнозирование, поскольку доступ к крупным массивам правовых данных делает возможным выявление тенденций и построение моделей развития правового регулирования.

При этом, как показывает Л. Б. Зубанова, цифровая память существует в двойном режиме, как в формате медиа архива документированной памяти, так и функционирующего потока живых воспоминаний и интерпретаций в коммуникации пользователей, что ведет к постоянной конкуренции нарративов и перераспределению символического веса прошлого [7, с. 19]. Следовательно, цифровая память правовых смыслов становится пространством, где пересекаются государственные, экспертные и общественные стратегии памяти, и именно здесь формируется значительная часть правоидеологических представлений социума о должном, справедливом и легитимном. Тем самым проблема цифровой памяти правовых смыслов может быть поставлена как проблема не только хранения, но и идеологической селекции, иерархизации и публичной актуализации правового прошлого в условиях цифровой реальности.

Подводя некоторый итог, представляется, что цифровая память – это не просто технологическое новшество, а структурный элемент правовой идеологии в цифровой реальности. Очевидно, правовая идеология всегда опиралась на память о прошлом, но цифровая реальность изменила форму этой опоры. Как мы видим, сейчас исторический правовой опыт сохраняется и транслируется через цифру и именно поэтому цифровая правовая идеология обрела материальную

основу. Представляется, без цифровой памяти разговор о правовой идеологии XXI века был бы излишне абстрактным. Интеграция же «памятного» элемента придает ей конкретность и глубину: ценности и идеи получают поддержку в виде оцифрованных фактов, прецедентов, текстов. Тем самым подтверждается мысль, что правовая идеология в условиях цифровой реальности – не новый обособленный феномен, а продолжение развития традиционной идеологии с модификацией ее элементов. В данной статье мы показали, что памятный элемент, наряду с ценностным, рациональным, прогностическим и другими, стал одним из ключевых элементов правовой идеологии сегодня. Цифровая память обеспечивает преемственность идеологических смыслов и участвует в их формировании наравне с ценностями и целями. Перспективы дальнейших исследований видятся в комплексном анализе всех элементов правовой идеологии в цифровую эпоху: от аксиологических сдвигов до трансформации правосознания под влиянием медийных форматов. Это имеет свои и позитивные и вызывающие сомнения сдвиги и проявления. Особенно смущать может то, что человек как носитель ресурса мозговой памяти передает эту функцию машине и тем самым постепенно теряет способность самостоятельно помнить то, что требуется помнить, продолжая ощущать себя человеком разумным и цивилизованным. И данные аспекты тоже не следует упускать из поля зрения. Вместе с тем, уже сейчас очевидно, что цифровизация не отменяет базовых элементов идеологии, но наполняет их новым содержанием. Цифровая память в этом ряду играет особую роль хранителя и переводчика прошлого опыта в цифровое настоящее и будущее правовой системы. Ее осмысление позволяет глубже понять процессы формирования цифровой правовой идеологии и подготовить основу для дальнейшего теоретического осмысления правовой идеологии в условиях стремительно меняющейся цифровой реальности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2023.

3. Дорская А. А., Пашенцев Д. А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 6. С. 5–15.

4. Скоробогатов А. В. Мемориальное законодательство как маркер суверенитета // История государства и права. 2024. № 6. С. 24–29.

5. Соколов А. В. Социальные коммуникации : учебник. СПб. : Профессия, 2014.

6. Скоробогатов А. В. Юридизация памяти о Великой Отечественной войне // Пролог. 2025. № 2. С. 18–28.

7. Зубанова Л. Б. Цифровая память в пространстве мемориальной культуры: образы прошлого в медиатехнологиях будущего // Челябинский гуманитарий. 2020. № 3 (52). С. 15–22.

Карпов А. Г.[1],
доцент кафедры административного,
финансового и информационного права
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук

Журавлев В. В.[2],
начальник кафедры
административного права
и административной деятельности
Рязанского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

НАУЧНАЯ ШКОЛА ПРОФЕССОРА А. П. ШЕРГИНА: ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ, АНАЛИЗ НАСТОЯЩЕГО, ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

В административно-правовой науке имя Анатолия Павловича Шергина, несомненно, известно всем. Выдающийся ученый, мыслитель, практик, чьи взгляды приобрели всеобщее признания в научном мире, а предложенная им концепция административной юрисдикции долгие десятилетия выступает одним из флагманов развития административно-правовой доктрины, привлекая внимание и порождая многочисленные дискуссии исследователей данной проблематики, которые способствуют ее дальнейшему развитию. Весомый клад профессора А. П. Шергина в популяризацию науки административного права [1] подтверждается значительным числом работ в данной области, направленных на развитие концептуальных основ административно-деликтного права [2–6] и совершенствование административной деятельности органов и подразделений внутренних дел.

Отмеченные фундаментальные работы получили заслуженное признание и выступили основой для формирования научной школы профессора А. П. Шергина, объединившей многочисленных последователей его научных взглядов и идей эволюционного развития современной административно-правовой доктрины. Началом ее развития стала разработанная Анатолием Павловичем концепция административной юрисдикции, которая обосновала теоретические подходы и основные составляющие деятельности, связанной с производством по делам об административных правонарушениях, которая осуществляется органами публичной администрации и их должностными лицами. Эволюция представленных взглядов на административно-юрисдикционную деятельность

[1] © Карпов А. Г., 2026.
[2] © Журавлев В. В., 2026.

органов внутренних дел получила дальнейшее развитие при совершенствовании деятельности налоговых и таможенных органов. Несомненной заслугой А. П. Шергина следует считать его комплексный подход к проработке вопросов административной юрисдикции, который нашел свое отражение в глубоком исследовании проблем эффективности административно-правовых санкций. Результатом социологических исследований, проведенных в нескольких субъектах нашей страны, стала разработка методики оценки их эффективности при реализации функций органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Не менее важной представляется и нормотворческая деятельность А. П. Шергина, которым в составе авторского коллектива ВНИИ МВД СССР была проделана огромная работа по разработке концепции кодекса РСФСР об административной ответственности, призванная упорядочить нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы административно-юрисдикционной деятельности союзного государства. В 1976 году результаты, достигнутые авторским коллективом, были рассмотрены и одобрены на расширенном заседании Ученого совета ВНИИ МВД СССР, а затем и на заседании Научно-методического совета МВД СССР, что стало несомненным успехом научной школы А. П. Шергина.

Дальнейшее развитие идей и взглядов, заложенных концепцией административно-юрисдикционной деятельности, привело к логическому обоснованию профессором А. П. Шергиным не только теоретической возможности, но и практической необходимости выделения в российской правовой системе административно-деликтного права, обладающего собственным предметом, особенностями метода правового регулирования, а также необходимым уровнем нормативной организации. Осознавая значительный потенциал разработанных представлений о сущности и правовой природе административно-деликтного права, автор аргументировал возможность его изучения в рамках учебной дисциплины, предложил структура и основные институты, разработал макет учебного курса.

Актуальность такой работы несомненна, поскольку осмысление вектора развития науки административного права привело к познанию первопричин административной деликтности, а, следовательно, выявлению и систематизации факторов риска (социально-экономических, организационных и правовых), оказывающих непосредственное влияние на эффективность института административной ответственности. Наличие отмеченных теоретических разработок позволило А. П. Шергину представить концепцию риск ориентированного подхода [7, с. 12; 8] в вопросе противодействия административной деликтности, основанного на своевременном выявлении и купировании угроз, прямо или опосредованно влияющих на совершение правонарушений.

Отмеченная проблематика, попав в сферу внимания А. П. Шергина, стала новым импульсом для последовательного расширения сферы проводимых им научных исследований, которые стали основой для формирования концепции административной политики. Обосновывая научное внимание к этому вопросу, автор пишет: «устоялось и применяется в доктрине обобщающее понятие «правовая политика» («юридическая политика») как вектор развития правовой си-

стемы государства в целом» [9, с. 107–108]. Потребность в ее осмыслении как политико-правового феномена обусловливается масштабностью применения мер административной ответственности, которая, в том числе, провоцируется высоким уровнем социальной конфликтности и напряженности, порождаемых их применением, а также все расширяющимся кругом субъектов административно-юрисдикционной деятельности, что закономерно снижает эффективность государственного управления данной сферой общественных отношений. Осознавая реальную потребность в разработке и утверждении единой концепция государственной политики по противодействию правонарушениям, А. П. Шергин предложил методологическую модель построения единых политических ориентиров, призванных защитить общественные отношения не только от административных правонарушений, но и преступлений, совершение которых все чаще обусловливается во многом схожими причинами, а также имеет однотипный механизм реализации. Подобный подход, по нашему мнению, имеет как положительный моменты для эволюции административно-правовой доктрины, так и порождает отдельные дискуссионные вопросы. Несомненным плюсом концепции административной политики, разработанной А. П. Шергиным, является ее межотраслевой характер, который определяется схожестью отдельных административных деликтов и преступлений, а также вполне соотносится с общим вектором государственной политики, направленным на дальнейшее развитие института административной преюдиции. Одновременно, демонстрируемый подход порождает некоторую правовую неопределенность в вопросе теоретической возможности выработки единой системы мер, направленных, например, на профилактику семейно-бытовых правонарушений и преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности. Несмотря на это, следует полностью поддержать профессора А. П. Шергина в том, что отсутствие научно обоснованных ориентиров в области административной политики негативно сказывается как на качестве и системности административно-деликтного законодательства, так и на организации административной практики. Отмеченное подтверждает обоснованность заложенного автором базиса формирования политического вектора административной политики, а также выбора средств и механизма их практической реализации в целях эффективного противодействия административной деликтности.

Немаловажным представляется и дар профессора А. П. Шергина стратегически оценивать перспективы дальнейшего развития административно-правовой науки. Так, в своем научном труде «Дорожная деликтология» [10] автор отмечает все возрастающее значение нарушений ПДД в структуре современной административной деликтности. Масштабность этого негативного явления, увеличение числа лиц, ежегодно привлекаемых к административной ответственности, а также рост социально-экономических и демографических потерь выступают серьезными факторами риска для обеспечения национальной безопасности нашей страны.

Профессор А. П. Шергин отмечает, что эффективность предупреждение административных правонарушений в области дорожного должна базироваться на детальном изучении первопричин их совершения. В свою очередь сам ком-

плекс мероприятий по их предупреждения, учитывая специфику рассматриваемой сферы, целесообразно развивать как обособленное научно-практическое «направление в системе превентивной деятельности, которое можно условно назвать дорожной деликтологией».

Подобный подход следует охарактеризовать не просто как целесообразный, а как научно обоснованный с позиции необходимости принятия исчерпывающего комплекса в первую очередь предупредительных мер, направленных на сохранение бесценных человеческих ресурсов. Более того, дорожная деликтность обладает несомненной спецификой, выделяющей ее из общей массы административных правонарушений, в связи с чем все более актуальным становится вопрос усиления роли убеждения регулирования указанной сферы правоотношений.

Отмеченное позволяет полностью согласится с мнением А. П. Шергина, который мотивированно доказывает: «Реальная профилактика предполагает деятельностный подход к превенции, учитывающий конкретные факторы, детерминирующие совершение определенных видов противоправных деяний. На основе их исследований вырабатываются алгоритмы деятельности по предупреждению правонарушений» [10, с. 24].

Таким образом, вклад профессора А. П. Шергина в развитие науки административного права огромен, а заложенные им идеи будут выступать вектором ее развития еще долгие годы.

Список литературы

1. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : монография : в 12 т. Т. 8. Административное право в системе современного российского права / [А. М. Воронов и др.] ; под ред. Р. Л. Хачатурова, А. П. Шергина. М. : Юрлитинформ, 2022.

2. Социологическое исследование эффективности административно-правовых санкций за нарушения общественного порядка (по материалам Калужской области) / [И. И. Веремеенко и др.]. М. : [б. и.], 1973.

3. Попов Л. Л., Шергин А. П. Управление. Гражданин. Ответственность (Сущность, применение и эффективность административных взысканий). Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1975.

4. Шергин А. П. Административная юрисдикция. М. : Юридическая литература, 1979.

5. Шергин А. П. Административно-деликтное право и законодательство : статьи, выступления, размышления : сборник научных трудов. М. : ВНИИ МВД России, 2015.

6. Административный штраф: теоретические, нормативные и правоприменительные аспекты : монография / [М. В. Андреянов и др.] ; под общ. ред. А. П. Шергина. М. : ВНИИ МВД России, 2020.

7. Шергин А. П. Административная деликтолизация // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сборник статей по материалам ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного

деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича (Санкт-Петербург, 24 марта 2017 г.) : в 3 ч. Ч. II. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 7–15.

8. Шергин А. П. Опыт административно-правовых исследований во ВНИИ МВД России // Теория и практика административного права и процесса : материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. Д. Сорокина (Небугские чтения) (п. Небуг Туапсинского района Краснодарского края, 2–4 октября 2014 г.) / отв. ред. В. В. Денисенко, С. Г. Денисенко. Небуг : Цицеро, 2016. С. 21–31.

9. Шергин А. П. Избранные научные труды / сост. и предисл. А. С. Дугенец. М. : Юрлитинформ, 2025.

10. Шергин А. П. Дорожная деликтология // Безопасность дорожного движения. 2024. № 2 (33). С. 23–26.

Григорьев А. В.[1],
начальник кафедры философии
и идеологической работы
научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОРЫ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Актуальность обращения к проблемам исторической памяти и патриотическим ценностям обусловлена современными негативными тенденциями, связанными с распространением деструктивных идеологических течений. В этой связи особенно важно обратить внимание на уязвимость такой социальной группы нашего общества как молодежь. На повестке дня остро стоит вопрос разработки эффективных механизмов противодействия экстремизму и распространению радикальных идеологий в молодежной среде. В первую очередь это связано с тем, что использование радикальных идеологий является одним из эффективных инструментов осуществления цветных революций, что приводит к свержению легитимной власти и потере государственного суверенитета. Республике Беларусь и Российской Федерации этому эффективно удается противостоять. Благодаря чему это стало возможно? Конечно же, это эффективная организация патриотической работы с населением, использование методов информационного противоборства, проведение государственной молодежной политики, качественная идеологическая работа по формированию системы патриотических ценностей, обращение к исторической памяти, сплочение белорусского и российского общества на этом основании и др.

В 90-е гг. XX в. на постсоветском пространстве на вопросы патриотических ценностей и историческую память не обращали должного внимания. В некоторой мере население было разочаровано коммунистической идеологией как единственно верной. Все это происходило на фоне распада СССР и низкого уровня жизни. Что же в этот момент происходило в сознании людей? В сознании населения на постсоветском пространстве возник так называемый духовный вакуум, который нуждался в заполнении. Начался процесс создания и функционирования религиозных сект, которые проповедовали жертвоприношение; политических сил, которые пытались насильственным путем захватить власть; так называемых неправительственных организаций, которые под предлогом демократии готовили почву для осуществления государственных переворотов.

Тогда мы наблюдали новое для того времени явление как информационная экспансия, когда с помощью бесконфликтного проникновения в информационную сферу вытеснялась сложившаяся система ценностей, происходило замещение их другими ценностями и установками. Постепенно это могло бы привести

[1] © Григорьев А. В., 2026.

к атмосфере бездуховности, негативному отношению к культурному наследию, обесцениванию подвига Великой Победы, а в дальнейшем с помощью манипулирования общественным мнением это привело бы к политической напряженности и хаосу.

Благодаря главе белорусского государства в 2003 г. в Беларуси была начата системная идеологическая работа. В учреждениях образования Беларуси был введен обязательный учебный курс «Основы идеологии белорусского государства», что дало определенные результаты. Однако сегодня не прекращается информационное воздействие на сознание населения с помощью различных мессенджеров, дискредитация органов государственной власти, распространение фейков и так далее. Как это стало возможным?

При осмыслении этого вопроса следует учитывать, что цветные революции никуда не исчезли. Они плавно перекочевали из XX века в XXI в. Уже давно очевидно: нет необходимости завоевывать государства с помощью оружия, если есть технологии, которые оказывают деструктивное влияние на сознание человека. Незыблемость очевидных для нас патриотических ценностей (любовь к Родине, служение народу, единство нации, национальная культура, преемственность поколений и др.) оказались уязвимыми перед лицом деструктивных политических технологий. В результате мы чуть было не столкнулись со снижением доверия граждан к основным государственным и прогосударственным общественным институтам, созданием препятствий функционированию государственных и общественных институтов; проявлением экстремизма в любых его формах, возникновением массовых и иных беспорядков, в результате которых создается опасность для жизни и здоровья людей. А ведь именно так сформулированы основные угрозы национальной безопасности в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [1].

Возникает закономерный вопрос: как всему этому противостоять, когда при этом не прекращаются попытки насаживания коллаборационистской символики, тенденциозные трактовки моральных и религиозных устоев, навязыванием нам несвойственных культурных моделей, искажение исторических событий? И это при условии, что центральное место в исторической памяти народа занимает тема Великой Победы. В сознании людей война воспринимается как тяжелое испытание советского народа, а вклад наших народов в Победу выступает главным предметом национальной гордости. Деструктивному воздействию оказались подвержены смыслообразующие жизненные ориентиры народа. Например, происходит переосмысление института семьи. Это приводит к сожительству, разводам, неполным семьям и так далее.

Каким образом всему этому противостоять? Конечно, же это правовое регулирование общественных отношений. В Республике Беларусь и Российской Федерации приняты необходимые нормативные правовые акты. При решении этой проблемы юристы, конечно, предложат нам дальнейшую криминализацию общественно опасный деяний, ужесточение юридической ответственности за все виды преступлений экстремисткой направленности. Криминологи отметят, что ужесточение ответственности не приводит к искоренению преступности, совершенно справедливо обратив наше внимание на профилактику правонарушений.

Право как социальный регулятор воздействует лишь на часть общественных отношений (наиболее важных), а остальные общественные отношения отдаются на откуп иным социальным нормам в виде морали, нравственности, традиций, обычаев и норм религии. Особенно это проявляется в сфере идеологии, когда человек отдает предпочтение иным социальным регуляторам нежели праву. Тогда становится очевидным, что в современных условиях неслучайно следует уделять большое внимание правовому воспитанию и просвещению, формированию у граждан высокого патриотического сознания, возвышенного чувства верности к своему отечеству, готовности выполнения гражданского долга, важнейших конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Согласно положениям Концепции национальной безопасности Республики Беларусь обеспечение слаженного и эффективного функционирования системы идеологического воспитания, идейно-патриотической работы с молодежью, повышение правовой грамотности населения предоставляет одно из направлений нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности [1].

Основная задача государственной политики в области воспитания определена Президентом Республики Беларусь: «Воспитать патриота-гражданина, одухотворенного идеалами добра и социальной справедливости». Сегодня важно воспитать не только законопослушного гражданина, а человека осознанно и активно исполняющего свой гражданский долг. Это предполагает уважение к государственным символам, героическому прошлому, культуре своего народа, любви к родному языку. Можно утверждать, что на основе возвышенных чувств патриотизма укрепляется любовь к Родине, появляется чувство ответственности за сохранение материальных и духовных ценностей.

Для современного мира характерен кризис идентичности: национальной, политической, социально-экономической, духовной. Именно в такие сложные периоды развития жизнеспособность государства и общества определяют историческая память и система патриотических ценностей, выступая факторами консолидации общества в условия современных вызовов и угроз.

Список литературы

1. Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2025 г. № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь». Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2025.

Чесовская М. Г.[1],
начальник кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина,
кандидат исторических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ (О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСКАЖЕНИЯМ ИСТОРИИ РОССИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ)

На протяжении длительного периода времени концепт «историческая память» является предметом междисциплинарного анализа целого спектра наук об обществе и человеке: истории, социологии, философии, антропологии, этнографии, психологии и других. За последние десятилетия накоплен значительный опыт постижения содержания, форм и значения исторической памяти для существования и воспроизводства современного социума как системного единства. В отечественной и зарубежной науке сформировались основные направления научного анализа исторической памяти как сложного явления, характерного для современного общества. Базовые смыслы концепта «историческая память» трактуются учеными в рамках определившихся исследовательских парадигм и понимаются по-разному: как индивидуальная память о прошлом (на разных уровнях индивидуального сознания человека), как коллективная память о прошлом, характерная для общества в целом и для отдельных социальных общностей, являющихся его составляющими, как универсальная форма сохранения и передачи жизненно значимого социального опыта, сформированного предшествующими поколениями. Очевидно, что одной из задач современной науки является необходимость выработки интегративных теоретико-методологических оснований для понимания «истории памяти» [1, с. 31–32].

Историческая память, являясь ярким выражением национального самосознания, базовых ценностей и принципов организации жизни общества, представляет собой категорию конституционного права. В общетеоретическом смысле категории конституционного права представляют собой явления, обладающие обобщающими, универсальными характеристиками, обремененными значительными аксиологическими смыслами, реализующимися в системных отношениях между личностью, обществом и государством.

В тексте Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года, принципы понимания и трактовки истории России не нашли своего отражения, поскольку историческая повестка не представлялась законодателю актуальной и своевременной. В тексте Конституции исторические аспекты государственности ограничивались лишь положениями об «исторически сложившемся госу-

[1] © Чесовская М. Г., 2026.

дарственном единстве», о «памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» (Преамбула), а также часть 3 статьи 44 устанавливала обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры [2]. Лаконичность Конституции 1993 года в отношении исторического прошлого во многом объяснялась отсутствием в тот период научного и общественного консенсуса по ключевым проблемам исторического развития. Особенно это касалось советского периода истории, который стал объектом суровой критики со стороны профессиональных кругов историков и общественных деятелей, занявших лидирующие позиции в дискуссиях и придерживавшихся преимущественно либеральных взглядов.

Этот пробел был восполнен поправками в Конституцию 2020 года, которые содержали положения о историческом единстве тысячелетней традиции Российской государственности, о глубокой преемственности связи и цивилизационной неразрывности в развитии различных этапов российской истории. Статья 67 Конституции Российской Федерации прямо гласит о правопреемстве современной России с Союзом ССР в части территории и членства в международных организациях, участия в международных договорах. Указано на наличие исторической преемственности в развитии Российского государства, государственного единства, памяти предков, «передавших нам идеалы и веру в Бога». В части 3 названной статьи устанавливается обязанность государства по созданию и защите мемориальной концепции, подчеркивается ответственность государства за сохранение памяти защитников Отечества [2].

Таким образом, в Конституции постулируется принцип единства исторического прошлого тысячелетней Российской цивилизации, теоретические основания исторического образа России исключают возможность негативного толкования содержания и смыслов исторического творчества единого российского народа на разных этапах его развития. Кроме закрепления обязанностей государства по формированию основ исторической памяти российского народа, в Конституции содержатся теоретические положения, нацеленные на формирование устойчивого ценностного консенсуса разных слоев российского общества в отношении к своей истории. Специалисты в области конституционного права единодушны в признании высокой значимости проделанной работы для обогащения аксиологической составляющей других конституционно-правовых категорий: «защита исторической правды», «патриотизм», «гражданственность», «общероссийская культурная идентичность» [3, с. 22].

Эти концептуальные положения стали методологической основой для выработки основ государственной политики в сфере сбережения исторической памяти современного многонационального российского народа, которая нацелена на установление новой обязанности государства обеспечивать защиту исторической правды, противодействовать стремлениям умалить память защитников Отечества, подвиг народа, защищающего свою Родину.

Одной из дискуссионных продолжает оставаться проблема соотношения «исторической памяти» и «исторического знания» [4, с. 335–336]. Следует иметь в виду, что понятие коллективной исторической памяти народа тесно связано

не только с истинностью и достоверностью исторического знания, но и с представлениями о правде и справедливости, утвердившимися в общественном сознании и базирующимися на освоении духовного, социального, политического опыта, наполненного нравственными и гражданскими чувствами народа по отношению к своему прошлому [5, с. 8]. Выдающийся русский историк Н. М. Карамзин одним из первых обратил свое вниманием на то, что невозможность «изобретения» исторического прошлого не исключает, а предполагает формирование представлений о «гражданских доблестях» и «национальных идеалах», что превращает историческое знание в основополагающий фактор формирования общественного сознания, придает исторической памяти глубокий нравственный и гражданский смысл [6, с. 24–25].

Уязвимость исторической памяти как элемента общественного сознания перед лицом агрессивных технологий внешнего влияния объясняется ее сущностной спецификой: историческая память, в отличие от исторического знания о прошлом, представляет собой коллективный жизненный опыт предшествующих поколений, пережитый, прочувствованный, эмоционально насыщенный. Это коллективное прочувствованное понимание прошлого, опирающееся на общеразделяемое представление о базовых ценностях, определяющих цивилизационную и национальную идентичность общества. Таким образом, историческая память – это духовная память общества, коллективное представление не только о событиях прошлого, но и о нравственных движущих силах, о духовных мотивах тех, кто творил историю [5, с. 7].

Процесс формирования исторической памяти представляет собой сложную систему взаимодействия различных субъектов: политиков, журналистов, деятелей искусства и культуры, священнослужителей. Особое и самое ответственное место в этом ряду занимают профессиональные историки, призванные определить, классифицировать и верифицировать исторические источники, которые могут стать основой для широкого общественного обсуждения, для формирования беспристрастного представления о прошлом, включая самые сложные страницы истории, для генезиса индивидуальной и коллективной идентичности.

Таким образом, историческая память представляет собой один из базовых элементов общественного сознания, вне которого поминание современности невозможно. Особенно остро эта функция исторической памяти проявляется в переходные периоды развития, когда состояние общественной системы характеризуется крайней неустойчивостью, противоречивостью, неопределенностью в понимании базовых ценностей, обеспечивающих процесс преемственного развития. Прерывание традиции – основы процесса воспроизводства идентификационных характеристик общества как уникального коллективного исторического субъекта, особенно негативно сказывается на ментальном здоровье молодого поколения, вступающего в период активной социальной жизни, берущего на себя ответственность за настоящее и будущее страны.

Процесс генезиса исторической памяти в обществе неразрывно связан с поиском национальной идентичности и с формированием национальной картины прошлого. Вариативность исторической памяти (в контексте присущих ей возрастных, социальных, национальных характеристик) формирует весьма «мо-

бильную» картину прошлого, подверженную влияниям самого разного толка. Подобные тенденции все более отчетливо проявляют себя в условиях стремительного развития технического прогресса и информационных технологий, которые активно вторгаются в процесс коммеморации, виртуализируя пространство памяти, погружая его в неконтролируемый поток информации, верификация которой крайне затруднена. Если еще несколько десятилетий назад традиционные средства фиксации исторической памяти – архивы, музеи, памятники и так далее – имели неоспоримую монополию на формирование исторического самосознания общества, то в последнее время их место все чаще занимают информационные технологии, что, по меткому выражению американского политолога Ж.-В. Мюллера, по значению для процесса ретрансляции памяти можно сравнить с изобретением печатного станка, с процессом угасания устной памяти, связанной с эпохой Возрождения [7, с. 5].

В последнее время особенно остро встали вопросы противодействия чрезмерной политизации исторического прошлого, что находит свое воплощение во все более активном вмешательстве правящих элит в процессы формирования исторического самосознания народов посредством идеологизации «исторической политики» и «политики памяти». Наиболее чувствительные историческое проблемы сегодня перестали быть предметом научных дискуссий, вышли за пределы академических сообществ и стали достоянием широких журналистских, публицистических кругов, далеких от профессионального анализа, выплеснулись в пространство социальных сетей, приобрели характер открытого ментального противостояния. Современные правящие элиты западных стран не скрывают своего стремления, в угоду решения конъюнктурных проблем современности, переписать прошлое, игнорируя очевидные, доказанные исторические факты. Подобное положение вещей особенно пагубно сказывается на формировании исторического мировоззрения молодого поколения, которое сталкивается с настоящими «битвами за прошлое», с «войнами памяти» [4, с. 338].

Необходимо иметь в виду, что наряду с традиционными факторами, порожденными течением жизни и оказывающими влияние на процесс формирования исторической памяти (экономическое развитие, функционирование социальных институтов – воспитание, образование, семья, культура и т. д.), на рубеже XX и XXI веков все большее значение приобретает процесс развития информационных технологий, усиливающееся противостояние ведущих стран мира, претендующих на ведущую роль в едином информационном пространстве. Бурное развитие технологий искусственного интеллекта все активнее вмешивается в суверенное пространство формирования исторической памяти стран и народов, преследуя цель переформатирования общественного сознания, переписывания истории в интересах сторонников модели однополярного мира. Информационное противостояние перемещается из средств массовой информации в социальные сети, где методы манипуляции индивидуальным и коллективным сознанием приобретают все более изощренные формы. Идеологическим расхождениям придается форма ценностных конфликтов, борьба за геополитическую гегемонию предстает в виде борьбы за «демократию», «социальный прогресс» и «новые культурные нормы». Стремление обрести власть над обще-

ственным сознанием умело маскируется за постмодернистскими лозунгами о «плюрализме», о «свободе личности», об «относительности традиционных нравственных норм», что создает предпосылки для искажения не только исторического прошлого, но и для создания ложной картины современности.

Целенаправленное искажение истории России преследует цель не только ослабить страну, сдержать ее развитие и, в конечном итоге, присвоить природные богатства, использовать их в своих интересах, «переформатировать» общественное сознание, лишить народ «исторического чувства», превратив его в инструмент достижения своих геополитических целей.

Противодействие попыткам искажения истории представляет собой задачу, тесно связанную с укреплением национальной безопасности России на современном этапе. Искажение (фальсификация) истории представляет собой часть геополитической борьбы за судьбы мира, за утверждение власти над ним посредством создания выгодной политическим элитам картины прошлого и настоящего. Сохранение власти над миром может быть обеспечено, в том числе, и за счет делигитимации исторических оснований прежней мировой системы, в рамках которой Россия занимала прочное место в ранге великой державы.

Ярким примером подобного рода технологий «работы» с прошлым может служить организованная, хорошо подготовленная кампания по пересмотру и переоценке роли Советского Союза во Второй мировой войне и вклада советского народа в победу над нацизмом. Идеологизированная атака на советский период нашла свое отражение и в учебной литературе – от школьного до высшего образования, что, как составляющая ментальной войны против России, создало предпосылки для «переформатирования» целых поколений молодых людей, с легкостью отказывавшихся от побед своих великих предков в угоду политической конъюнктуре.

Таким образом, направление и содержание развития современного мира демонстрируют необходимость совершенствования работы по противодействию искажению истории, по активизации борьбы за умы молодого поколения. Данные Конституцией Российской Федерации правовые основания государственной политики формирования и сохранения исторической памяти российского народа поддержаны широким общенациональным консенсусом в понимании исторически сформированных нравственных ценностях, прошедших испытания трагическими событиями национальной истории.

Список литературы

1. Романова К. С. Дискурсы исторической памяти // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4 (24–25). С. 31–36.

2. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

3. Мазаев В. Д. Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 7. С. 15–31.

4. Грибан И. В. Историческая память как исследовательская парадигма: анализ современных подходов // Бюллетень науки и практики = Bulletin of Science and Practice. 2016. № 11. С. 334–342.

5. Тихонова В. А. Историческая память: духовно-этический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2 (94). С. 6–12.

6. Карамзин Н. М. История государства Российского : в 6 кн. Кн. 1. Т. 1–2. М. : Книжный сад, 1993.

7. Müller J.–W. Introduction: the power of memory, the memory of power and the power over memory // Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past. Cambridge, 2004. P. 1–35.

Гамалей А. А.[1],
доцент кафедры теории
и истории права и государства
Дальневосточного филиала
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук

Гамалей С. Ю.[2],
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
Дальневосточного юридического института
МВД России имени И.Ф. Шилова,
кандидат исторических наук, доцент

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В СССР

Каждая страна мира имеет свою многовековую историю, на протяжении которой, благодаря деятельности деятелей культуры и искусства, происходило формирование национальной культуры. Достижения культуры представлены в виде тех памятников, которые олицетворяют национальные особенности каждого государства каждого народа. Их сохранение является первоочередной задачей каждого государства, которое ценит свою историю и желает сохранить память о ней. Именно поэтому исторический опыт свидетельствует, что завоеватели всегда начинали уничтожать наследие того народа, который они поработили, чтобы этот народ забыл свою историю, потерял свой национальный дух. Уничтожение культурных ценностей государства под влиянием политических или экономических причин есть уничтожение духовного стержня народа, его населяющего. Сегодня государственные органы Российской Федерации предпринимают огромные усилия для сохранения уже имеющихся памятников истории и культуры, а также возрождения ранее разрушенных (утраченных) памятников, в том числе и в период существования советского государства.

Советское государство на протяжении всего периода существования уделяло значительное внимание вопросам охраны и использования культурного наследия. В программе РКП(б), принятой в 1919 г., говорилось о необходимости сделать доступным для трудящихся масс «все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся в распоряжении исключительно эксплуататоров». Большевики не просто понимали значение буржуазной культуры; они не уничтожали ее в полном объеме, а пытались поставить на службу стране. На протяжении 1918 г. Совет народных комиссаров издал более 20 декретов и распоряжений, содержание которых фиксировали различ-

[1] © Гамалей А. А., 2026.
[2] © Гамалей С. Ю., 2026.

ные мероприятия, направленные на сохранение культурных и исторических ценностей. А на протяжении 1920–1960-х годов совершенствование нормотворчества в данном направлении продолжалось. В 1970-е годы на XXV съезде КПСС была поставлена задача улучшить работу по охране музеев и пропаганду памятников истории и культуры.

В 1976 г. вышел закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», который был первым в истории советского законодательства общесоюзным законом о памятниках, который завершил процесс законодательного урегулирование вопросов сохранения и использования памятников культуры в СССР. В нем кодифицировались положения ранее действовавших нормативных актов по этому вопросу, а также содержался ряд новых норм, направленных на дальнейшее улучшение организации охраны и использования памятников [4, с. 42]. Отметим, что уже в 1970-е годы в СССР активно использовалась практика обсуждения законов общественностью. Это произошло и с данным нормативно-правовым актом. В его обсуждении приняло участие население всего Советского Союза. В результате поступило свыше 1 600 предложений и замечаний от коллективов различных учреждений и организаций, творческих союзов, обществ охраны памятников и обычных граждан. Все эти предложения были рассмотрены Комиссиями по народному образованию, науке и культуре, Комиссиями предложений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Итогом работы данных органов стало заключение по новому законопроекту. А отдельные предложения получили отражение в данном законе.

Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» охватывая нормы различных отраслей советского права – государственного, административного, гражданского, уголовного – констатировал правовую природу охраны и использования памятников как комплексного правового института, структурно обособленного в самостоятельную часть системы советского законодательства (ст.ст. 2, 3, 32, 33). В ст. 3 закона состав законодательства об охране и использовании памятников определялся как совокупность нормативных актов об охране и использовании памятников, образующий внутренне согласованную, соподчиненную систему [1]. Иерархия актов внутри этой системы предполагала главенствующую роль вновь принятого закона, поскольку все издаваемые акты впоследствии должны были ему соответствовать (ст. 3). Таким образом, закон 1976 г. стал для советского права узловым, включающим нормы уже имеющихся законов и создающим базу для последующего развития законодательства в данной сфере.

С учетом сложившейся практики нормативного регулирования в СССР в ст.ст. 9 и 15 закона предусматривалось, что Совет Министров СССР определяет порядок осуществления государственного учета памятников и установления правил их охраны, использования и реставрации. До этого времени данные вопросы решались в соответствии с Положением об охране памятников СССР 1948 г. [2]. Отметим, что с учетом федеративного характера советского государства немаловажное теоретическое и практическое значение имел вопрос о разграничении компетенций между Советским ССР и союзной республикой

в области законодательства. Данный вопрос составлял сферу совместной компетенции СССР и союзной республики (согласно Конституции СССР 1936 г.) что соответствовало союзно-республиканской форме управления в области культурного строительства. Новый закон устанавливал наиболее существенные положения, но он не исчерпывал все аспекты правовой охраны и использования памятников. Оставляя значительную область общественных отношений для последующего регулирования, закон с учетом сложившейся практики определял, на каком уровне – союзном или республиканском – возможно принятие того или иного решения. Так, исходя из действующего в советском государстве порядка, предусматривалось, что законодательством СССР определялся порядок государственного учета памятников, находящихся в музеях и архивах (ст. 11), порядок изъятия памятников у предприятий, учреждений, организаций (ст. 16), порядок выдачи разрешения для вывоза памятников в исключительных случаях за границу на постоянный срок (ст. 28) [1].

В ряде статей закона предусматривалось совместное ведение Союза ССР и союзной республики в регулирование общественных отношений, связанных с охраной и использованием памятников. Такого рода случаи были предусмотрены, например, ст.ст. 6 и 7 – о государственном управлении и контроле за охраной и использованием памятников [1]. При чем данные статьи были позднее конкретизированы в законодательстве союзных республик применительно к сложившейся у них системе соответствующих республиканских органов и их компетенций.

В результате советское законодательство предусматривало следующий порядок. Списки памятников общесоюзного значения утверждались в порядке предусмотренным законодательством СССР. Списки памятников культуры республиканского значения утверждались Советами Министров союзных республик. Законодательством союзных республик был установлен и порядок утверждения списков памятников культуры местного значения. В данных случаях этот вопрос решался министрами культуры республики, либо местными областными, городскими Советами депутатов трудящихся. В то же время основные, общие моменты порядка представления памятника в пользование регулировалось союзными законодательными актами. Так, ст. 19 закона предусматривала определенный порядок установления зон охраны памятников, а статья 23 устанавливала исключительные случаи, когда допускался снос или перемещения памятника.

При этом отметим, что для советского государства все памятники истории и культуры являлись достоянием советского народа. Именно поэтому закон охранял их независимо от того, в чьей собственности они находились. В отличие от Положения об охране памятников культуры 1948 г. новый закон определял круг субъектов права собственности на памятник. В ст. 4 закона было написано, что памятники истории и культуры находятся в собственности государства, а также колхозов, иных кооперативных организации, их объединений, общественных организаций и в личной собственности граждан [1]. Особое внимание в законе уделялось памятникам, находившимся в частной собственности граждан. К таким видам памятников закон относил: предметы старины, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства, строе-

ния, рукописи, коллекции, редкие печатные издания, другие предметы и документы. Если данные предметы представляли историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, они ставились на учет, причем необходимость данного учета объяснялась оказанием содействия в обеспечении их сохранности, так как сами граждане могли содержать их в ненадлежащих условиях, которые приводили к их разрушению. Отметим, что правило ст. 12 было основано на сложившейся в СССР практике охраны памятников. При этом норма аналогичного содержания была известна в истории советского законодательства ранее: подобное правило содержалось в подписанном В. И. Лениным декрете «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г. [3, с. 72]. В новом законе содержалась новая норма о том, что продажа, дарение или иное отчуждение памятников истории и культуры допускается с обязательным предварительным уведомлением государственных органов охраны памятников (ст. 4). Данное предписание распространялось на все случаи отчуждения памятников. Предусматривалось также, что государство имеет преимущественное право покупки. Естественно, что в современных условиях мы понимаем, что данные правила ограничивали право сособственника, но в советском государстве эти ограничения объяснялись спецификой объекта права (культурное достояние народа), что и обуславливало контроль со стороны государственных органов за сохранностью и надлежащим содержанием памятников.

При этом в советском законодательстве было сформулировано определение «памятники истории культуры», которыми являются сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную художественную или иную культурную ценность. При этом понятие включало в себя не только продукты деятельности человека, но и объекты окружающей среды, связанные с историческими событиями. При этом в положении 1948 г. использовался термин «памятники культуры» [2], а в законе 1976 г. – «памятники истории и культуры», что естественно свидетельствовало о расширении данного понятия. Статья 5 закона определяла следующие виды памятников: памятники истории, памятники археологии, памятники градостроительства и архитектуры, памятники искусства [1], документальные памятники, при этом перечень памятников в ст. 5 не носил исчерпывающего характера.

Государственный учет – важная сторона деятельности органов охраны памятников. В советском государстве она была направлена на выявление памятников, имела своей целью их регистрацию и взятие под государственную охрану. Именно в процессе учета осуществлялась идентификация объектов в качестве памятников.

Советские законы об охране памятников безусловно способствовали повышению ответственности государственных органов за состояние охраны и использование памятников в советской стране. Так, исключительно по согласованию с государственными органами составлялись проекты планировки, застрой-

ки и реконструкции городов и других населенных пунктов. имеющих памятники (ст. 22), производились строительные, мелиоративные, дорожные и другие работы, которые могли создавать угрозу для существования памятников. Советские органы охраны памятников в соответствии со ст. 25 имели право приостанавливать все вышеперечисленные виды работ в случае возникновения в процессе их проведения опасности для памятников.

Таковы были основные нормы советских законов, что позволяет говорить, что в 1970-е гг. в советском государстве были качественно, юридически грамотно проработаны законы об охране и защите памятников культуры. Советское государство, как и Российская Федерация, осознавало роль культурного наследия русского народа, бережно относилась ко всем объектам культуры, предоставляя гражданам возможность знакомиться с великим достоянием прошлого.

Список литературы

1. Закон СССР от 29 октября 1976 г. № 4692-IX «Об охране и использовании памятников истории и культуры» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 44. Ст. 628.

2. Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» // Собрание постановлений и распоряжений Совета Министров СССР. 1948. № 1-8.

3. Гузынин Н. Г., Гуляк И. И., Золотарев С. П. Россия в контексте современной цивилизации: философский и исторический аспекты : монография. Ставрополь : Ставропольский государственный аграрный университет, 2020.

4. Фролов И. В. Становление региональных институтов реализации государственной политики охраны культурного наследия в начале 1990-х гг. (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) // Северный регион: наука, образование, культура. 2025. Т. 26, № 1. С. 40–49.

Стрелкова Н. В.[1],
доцент кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат социологических наук, доцент

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОИЗВОДНАЯ ОТ ДОМИНИРУЮЩИХ В ОБЩЕСТВЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ

Правовая связь служит онтологическим основанием, посредством которого национальное и патриотическое единение переходит в форму государственного единства. Патриотическое единение невозможно без учета специфики и укрепления российской цивилизационной и национальной идентичности [1], без чего невозможны обеспечение социальной стабильности и безопасности [2], защита массового сознания [3] и в целом – сохранение цивилизационного суверенитета России [4] в условиях современного глобального кризиса [5] и обострения аксиологического противостояния культур [6] и цивилизаций [7].

Юрген Хабермас в работе «Гражданство и национальная идентичность» отмечал: «Демократическое гражданство может иметь прочные основания и при этом выходить за рамки простого юридического статуса лишь в том случае, если оно наличествует в виде потребляемых ценностей общественного благополучия и взаимного признания различных существующих форм жизни» [8, с. 23]. Таким образом, Хабермас подчеркивает, что гражданская идентичность не ограничивается формальным статусом гражданина, а опирается на систему ценностей, включающую социальное благополучие, взаимное признание и уважение разнообразия культурных форм жизни. Это особенно актуально в условиях плюралистических обществ, где важна интеграция различных групп через общие ценности.

Национальная идентичность – часть гражданской идентичности: это когда человек осознает, что он часть определенной нации. Особенности российской национальной идентичности напрямую связаны с особенностями российской нации. На этом этапе возникает вопрос, о какой нации идет речь? Ведь Россию часто называют многонациональным государством. В то же время слово «Россия» происходит от слова «Русь», что указывает на особую роль русского народа в формировании и развитии Российского государства. Поэтому особенности российской национальной идентичности во многом определяются особенностями русской национальной идентичности. И здесь необходимо иметь в виду различение гражданской нации и нации этнической, различение нации и этноса.

Этнос – это естественная антропогенетическая культурная общность. Этнос самодостаточен и не нуждается в государстве, его жизнь регулируется обычаем и моралью. Нация – это общность гражданская, политическая. Нация – это продукт государства и политико-гражданская общность, регулируемая правом

[1] © Стрелкова Н. В., 2026.

[9, с. 247]. Этнической нацией, на наш взгляд, может называться государствообразующий этнос. Гражданская нация – это совокупность граждан одного государства.

Этническая идентичность предполагает осознание единства с определенной культурой и народом. А национальная идентичность – осознание единства с определенным государством. Так, с этнической точки зрения человек ощущает себя, например, татарином, евреем, калмыком или чеченцем, а с национальной точки зрения каждый из них ощущает себя россиянином или русским татарином, русским евреем, русским калмыком, русским чеченцем.

Формирование и существование Российского полиэтнического государства стало возможным благодаря отсутствию у русского народа претензий на национальную исключительность и превосходство, что было предопределено православным ядром русской культуры, без приобщения к которой других братских народов (при сохранении, разумеется, своеобразия их культур) невозможно формирование и укрепление российской национальной идентичности.

Сегодня мы, к сожалению, наблюдаем, как пацифизм, гуманизм, вера в свободу, равенство и братство оказались призрачными и неестественными для большинства живущих на Земле. Борьба великих империй и сильных государств за мировое господство сталкивается с борьбой национальных достоинств. Странное сочетание глобализма и национализма присутствует в нашу историческую эпоху. При возрастающей миграции растет национальное самосознание, сплачиваются национальные государства, даже самые малочисленные народы хотят подчеркнуть свою этническую особенность и неповторимость и обладать самостоятельностью. Н. А. Бердяев отмечал данный феномен еще в XIX и XX вв. Он писал: «…наряду с энергиями космополитическими, социалистическими и гуманитарно-пацифистскими, XIX в. – самый космополитический и самый националистический век» [10, с. 247]. Такую же тенденцию мы наблюдаем и сейчас. Синхронно с ростом национального многообразия, уменьшается обособленность народов и государств. Человечество идет к глобализму через индивидуализацию наций и культур. Возможно, что к единству люди Земли идут через войны и конфликты. «История – парадоксальна и антиномична, процессы ее – двойственны. Ничто в истории не осуществляется по прямой линии. Мирным нарастанием, без раздвоения и жертв, без зла, сопровождающего добро, без тени света. Расы и народы братаются в кровавой борьбе» [10, с. 185]. Распространение сверхдержавами своей культуры по всему земному шару происходит грубо, цинично, милитаристски, утилитарно однобоко, в пользу и в интересах своих. Духовный кризис западных культур, сомнение и разочарование в прагматизме и позитивизме западного сознания ведет к поиску новой мудрости и веры на Востоке и в России.

Россия является мостом, она великая империя по рождению, нам чужд в этой связи пафос владычества и захватничества. При этом России нельзя останавливаться на своем славянофильстве, современные реалии заставляют нас переходить к зрелому сознанию – всемирно-историческому, которое переплетает самосознание нации с перспективами мировой истории. В России всегда идея мессианства находила отклик, практически все русские философы говорили о России

как стране с исторически особой судьбой, призванной объединить человечество на тех или иных основаниях. Часто духовность, жертвенность, мультикультуризм русских обозначался в качестве основания для объединения мира.

Социально историческая и философская мысль в России должна уже преодолеть отрицательный национализм и космополитизм, найти их единство в мировом сообществе и глобальном пространстве. сейчас мы наблюдаем, что западные страны нельзя объединить в единый тип мировой культуры. По событиям в социальной и политической жизни, миграционным потокам и расовому противостоянию мы понимаем, что Запад сейчас – это весьма неустойчивое образование, в нем скрыты противоположные начала, различные культурно-исторические типы и направленности социальной реальности, часто взаимоисключающие и враждебные друг к другу. Перед нашими мыслителями сейчас стоит задача в поднятии уровня национальной мысли в ее связи с задачами, которые стоят перед мировым сообществом. Перед Россией, как и перед Америкой и Европой как представителями Запада, будут поставлены с особой остротой как внешние, так и касающиеся их духовные вопросы о Палестине, Турции, Индии, Китае, как представителях Востока. Бердяев еще в начале XX в. писал, что Россия должна явить себя по типу Востоко-Западной культуры. Но основные западные шаблоны мышления – тотальный прагматизм и утилитарность – не годятся для будущего России так же, как и закостенелое славянофильство. Время требует нового подхода: соединить национальное самосознание с универсальным. Для движения России вширь, в мировое сообщество, необходимо как-то урегулировать обострившиеся больные славянские вопросы. В основу славянской идеи можно взять воспитанный в Советском Союзе духовный универсализм и всечеловечность, помноженные на бескорыстие, отличительное для русского народа. Все старые традиционалистские идеи уже устарели, для решения современных задач надо начинать уже мыслить по–новому. Надо, чтобы снова вспомнили о глубине и доброй воле русской души, о ее бескорыстии и широте, а не только вспоминали нашу тяжелую руку «тоталитарного государства». Надо вновь прорабатывать славянскую идею без угрозы оружием. Эта славянская идея должна исходить не от государства, а прежде всего от общественных институтов, молодежного движения, работы интеллигенции и т. п. Это более далекая перспектива, но неизбежная, и ее необходимо прорабатывать, невзирая на военные и политические конфликты, хитрости политических расчетов и международной дипломатии. Философ и политический деятель А. Г. Дугин справедливо утверждает, что для того, чтобы понимать свою идентичность с народом, недостаточно знать историю страны, важно понимать логику исторического процесса, последовательность этапов, перспективы развития и направление движения [11].

Список литературы

1. Общественные трансформации и цивилизационная идентичность России: материалы Всероссийского круглого стола / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность. Вып. 7 / отв. ред. П. П. Марченя. М. : ИПЛ, 2018. С. 245–279.

2. Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности: материалы Всероссийского круглого стола / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность. Вып. 6 / отв. ред. П. П. Марченя. М. : ИПЛ, 2017. С. 292–322.

3. Массовое сознание в системе взаимодействия власти и общества: материалы Всероссийского круглого стола / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность. Вып. 6 / отв. ред. П. П. Марченя. М. : ИПЛ, 2017. С. 352–378.

4. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и перспективы / [С. Р. Аблеев и др.] // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. : материалы дискуссии Международного круглого стола (Москва, 27 марта 2015 г.) / Институт социологии РАН. М. : [б. и.], 2016. С. 877–903.

5. Кризис как фактор социального развития: история и современность / [С. Р. Аблеев и др.] // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. : материалы дискуссии Международного круглого стола (Москва, 27 марта 2015 г.) / Институт социологии РАН. М. : [б. и.], 2016. С. 855–876.

6. Фундаментальные ценности России и Запада: аксиологическое измерение столкновения цивилизаций в XXI веке: материалы Всероссийского круглого стола / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность. Вып. 6 / отв. ред. П. П. Марченя. М. : ИПЛ, 2017. С. 323–351.

7. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии / [С. Р. Аблеев и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.

8. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М. : KAMI : Academia, 1995.

9. Рыбаков С. Е. Философия этноса. М. : ИПК Госслужбы, 2001.

10. Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Амрита-Русь, 2024.

11. Дугин А. Г. Угрозы для России и поиск идентичности // KM.RU. URL: https://www.km.ru/glavnoe/2001/11/09/tribuna/aleksandr-dugin-ugrozy-dlya-rossii-i-poisk-identichnosti.

Сатушиева Л. Х.[1],
доцент кафедры конституционного
и административного права
Института права, экономики и финансов
Кабардино-Балкарского
государственного университета
имени Х.М. Бербекова,
кандидат юридических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ КАК ТРАДИЦИОННАЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Современный мир, окутанный процессами глобализации и цифровизации, несмотря на очевидные преимущества, не лишен недостатков, вызовов и реальных угроз. Общеизвестным является, что существенной отрицательной чертой глобализации является потеря национальной идентичности на фоне шума мировых «трендов». Актуальность темы исследования обусловлена глубокими трансформациями, которые переживает современное российское общество в условиях вызовов глобализации, информационных войн и пересмотра исторических нарративов. В этом контексте обращение к традиционным духовно-нравственным ценностям становится императивом государственной культурной политики и, соответственно, предметом научной рефлексии. Среди таких ценностей историческая память и преемственность поколений занимают особое, системообразующее место, формируя основу национального самосознания и культурного кода.

Каждое государство проживает свою уникальную судьбу, ряд исторических событий, забывать которые – своего рода преступление против себя. Потому фиксировать происходящее, максимально оберегать исторические факты от своевольного толкования и передавать историю из поколения в поколения – важнейшая задача любого государства. Историческая память – то, что отличает государство от хаотичного объединения людей, живущих на одной территории. Именно она выполняет ряд важнейших функций в духовно-нравственной жизни российского общества. Таковыми являются:

Идентификационная функция. Она является основополагающей для формирования национального самосознания. Историческая память отвечает на ключевые вопросы «Кто мы?», «Откуда мы пришли?» и «Что нас объединяет?». Она создает прочную основу для общероссийской гражданской идентичности, которая строится не на абстрактных понятиях, а на осознании принадлежности к единому историческому и культурному пространству. Через знание ключевых событий (как побед, так и трагедий), понимание роли своей страны в мировом историческом процессе, а также через связь с культурными и религиозными традициями предков, у индивида формируется чувство сопричастности к судьбе своего народа и государства.

---

[1] © Сатушиева Л. Х., 2026.

Интегративная (консолидирующая) функция. Данная функция служит мощным социальным «клеем», скрепляющим общество. В условиях социального, этнического и возрастного разнообразия историческая память объединяет различные группы вокруг системы общих ценностей и символов. Она способствует преодолению разобщенности и формированию единой гражданской общности. Общие мемориальные практики, такие как День Победы, знание национальных героев, уважение к государственным символам, – все это создает поле разделяемого всеми опыта. В моменты внутренних кризисов или внешних угроз именно обращение к этому общему историческому фундаменту позволяет сплотиться и действовать сообща. Формируется устойчивое коллективное «мы», которое является основой национального единства и способности общества противостоять как внутренним распрям, так и внешнему давлению.

Ценностно-трансляционная функция. Эта функция обеспечивает культурную преемственность и духовное наследование. Историческая память выступает в роли «моста между поколениями», обеспечивая передачу от старших к младшим духовно-нравственных ориентиров, традиций, моделей поведения и моральных принципов. Через семейные предания, систему образования, литературу, искусство и фольклор транслируются такие базовые ценности, как справедливость, милосердие, взаимопомощь, жертвенность, долг перед Отечеством и семьей [5]. Она сохраняет «культурный код» нации, не позволяя ему раствориться под влиянием глобализационных процессов или сиюминутных трендов.

Воспитательная функция. Она напрямую связана с формированием личности гражданина и патриота. Являясь основой патриотического воспитания, историческая память целенаправленно формирует у молодежи чувство гражданской ответственности, уважения к наследию предков и активную личную позицию по отношению к будущему своей страны [9]. На конкретных исторических примерах героизма, трудовых подвигов, научных и культурных достижений, а также на осмыслении ошибок прошлого у молодых людей воспитываются такие качества, как любовь к Родине, готовность к служению, критическое мышление и уважение к закону. Она показывает не абстрактные идеалы, а реальные образцы для подражания. Как результат, воспитывается не просто законопослушный гражданин, а человек, который чувствует личную ответственность за сохранение и приумножение исторического наследия, понимая, что он – звено в цепи поколений, и от его действий зависит судьба страны.

В России важность сохранения исторической памяти и преемственности поколений в тех или иных проявлениях поддерживалась всегда. Историко-правовой анализ показывает, что ценность исторической памяти находила свое отражение в правовых актах на всех этапах развития российского государства. Эта преемственность проявлялась в различных формах: от прямого заимствования правовых норм до символического наследования государственных традиций и идеологических устоев. Так, «Русская Правда» (XI–XII вв.) – ярчайший пример преемственности. Она не была создана с нуля, а кодифицировала существовавшие обычаи и правовые традиции восточных славян, передававшиеся устно из поколения в поколение. Нормы, регулирующие кровную месть, наследование, семейные отношения, были освящены временем и авторитетом пред-

ков. Следование им было вопросом сохранения социального порядка [10] Принцип наследования княжеского стола «от отца к сыну» (лествичное право) обеспечивал непрерывность княжеской династии Рюриковичей, что делало власть законной в глазах общества. Летописные своды («Повесть временных лет») не только фиксировали историю, но и служили обоснованием прав князей на власть, доказывая преемственность их прав от легендарных основателей. В имперский период (XVIII – начало XX в.) преемственность также рассматривалась как доктрина государственности. Свод законов Российской империи (1832 г.), Основные государственные законы (1906 г.) – наиболее крупные акты того времени. Провозглашенная С. С. Уваровым «Теория официальной народности» законодательно закрепляла связь между прошлым, настоящим и будущим России. Самодержавие представлялось как неизменная, унаследованная от предков форма правления. Идея «Москва – Третий Рим» подчеркивала преемственность духовной и государственной миссии. В Своде законов подчеркивалась непрерывность государственной традиции от древнерусской государственности. Советский период (1917–1991) отличался революционным разрывом и созданием новой традиции. Формально революция отрицала все «старорежимное» наследие, но на практике была вынуждена создать свою собственную преемственность. Конституция 1936 года закрепляла принцип преемственности целей построения коммунизма. Воспитание «нового человека» – советского гражданина – было направлено на передачу этих идеалов следующим поколениям. Однако, несмотря на отрицание, советское право негласно переняло многие институты и структуры дореволюционного права (например, в гражданском, уголовном процессе), адаптировав их под новые идеологические задачи. А вот постсоветский период характеризовался острым кризисом исторической идентичности. Он был вызван деидеологизацией, переоценкой советского наследия и столкновением конкурирующих версий прошлого. Этот кризис наглядно продемонстрировал, что вакуум исторической памяти ведет к анемии, разобщенности и утрате ценностных ориентиров.

Ответом на эти вызовы стало активное укрепление роли исторической памяти и преемственности поколений как элементов государственной политики в современном российском государстве. Сегодня в России поддержка исторической памяти и преемственности поколений осуществляется через целый комплекс государственных, общественных и культурных институтов. Так, в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» прямо указывается на необходимость «воспитания гражданственности и патриотизма», опирающегося на «историческое и культурное самоосознание, преемственность поколений» [2]. В первую очередь важно понимать, что в «зоне риска» находится молодое поколение. Обладая свойственным для юности максимализмом и неокрепшей психикой, молодые люди легко поддаются влиянию извне. В условиях цифровой эпохи, когда информация распространяется с невероятной скоростью, именно молодежь становится наиболее уязвимой для деструктивного воздействия, направленного на разрыв исторической преемственности и искажение национальной идентичности. В этой

связи становятся особенно востребованными системные усилия по укреплению исторической памяти и обеспечению духовной преемственности. Важнейшая роль принадлежит обновленным подходам к просвещению и патриотическому воспитанию.

Так, в российских школах, помимо привычных уроков истории, внедрены «Разговоры о важном». Занятия призваны формировать у детей гражданскую идентичность и патриотизм, любовь к Родине, уважение к ее истории и культуре, понимание таких ценностей, как семья, дружба, труд, взаимопомощь, справедливость, нравственные ориентиры и критическое отношение к негативным явлениям. Говоря об исторической памяти, первое, о чем важно упомянуть, это, конечно, страшная и беспощадная Великая Отечественная война. Это относительная свежая рана в нашей истории, которая не может и не должна быть забыта. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в современной России – это не просто дань уважения прошлому, а краеугольный камень национальной идентичности, гражданского сознания и духовно-нравственного фундамента общества. Сохранение исторической правды – это вопрос национального суверенитета и справедливости по отношению к 27 миллионам советских граждан, отдавшим жизни. Это не позволяет миру забыть, с каким абсолютным злом сражался советский народ. Отрадно утверждать, что современное российское государство делает все возможное, чтобы поддерживать память о подвиге предков. Дети, начиная с детского сада, узнают о героическом прошлом своей страны, своей семьи. Для всей страны 9 мая – особенный день в календаре. День, когда каждого охватывает «радость со слезами на глазах». Активно внедряемые и бурно развивающиеся мемориальные практики, такие как «Бессмертный полк», доказывают, что память о великом подвиге и личном вкладе каждого солдата не только не ослабевает, но и становится крепче, передаваясь из поколения в поколение. Эта традиция – не просто шествие с портретами, это живая нить, связывающая эпохи, когда правнуки с гордостью несут по улицам городов лица своих прадедов, чьи имена навсегда вписаны в историю. Благодаря таким инициативам, история перестает быть сухими строчками в учебнике, а оживает в семейных рассказах, в архивных документах, в осознании собственной причастности к великому наследию [7]. Если проанализировать современное законодательство, то в нем можно обнаружить неоднократные упоминания преемственности поколений. Уже на конституционном уровне, в Преамбуле основного закона, указывается на сохранение исторически сложившегося государственного единства. Статья 44 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на доступ к культурным ценностям и обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия. Более того, поправки 2020 года в Конституцию еще раз доказали и особо подчеркнули заданный вектор развития. Теперь в тексте закона прямо закреплено, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» (ст. 67.1) [1]. Кроме того, в нормативной базе надо отметить такие законы, как Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)

народов Российской Федерации» [3], Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне» и многие другие [4].

Стоит признать, что не все вопросы могут быть исчерпывающим образом урегулированы законодательно. Безусловно, нормативное закрепление необходимо, оно задает направление дальнейшего развития общества и государства. Но где-то трудно говорить об императивных началах. Так, нельзя принудить человека под угрозой юридических санкций, «обеспечивать преемственность поколений». Такая обязанность не может быть признана юридической, поскольку само словосочетание не несет определенной конкретики. Что-то должно оставаться в обществе без указки и давления, а просто из осознанной необходимости. Здесь речь уже про искреннее желание народа не «раствориться» в глобальной среде, а сохранить свою уникальность.

Ярким примером являются народы Северного Кавказа. Здесь история и мудрость не пылятся в книгах, а живут в устах старейшин. Каждому ребенку с малых лет известны имена его предков, их поступки, слава или уроки ошибок. Здесь род – это не абстракция, это живой организм, частью которого ты являешься. Испокон веков, на Кавказе красной нитью проходит идея о безусловном уважении к старшим, о следовании местным обычаям и традициям. Существуют неписаные, но строгие своды правил (например, кодекс «Къонахалла» у чеченцев и ингушей, «Езден Адет» у балкарцев, «Адыгэ хабзэ» у адыгов и т. д.), которые передаются из уст в уста. Эти кодексы регулируют все сферы жизни – от гостеприимства и уважения к старшим до поведения на войне [11]. Они и есть концентрированная история и философия народа, его духовный стержень. Через сказания, легенды и грандиозные эпосы (как «Нартский эпос», общий для многих кавказских народов) молодежи передаются идеи героизма, справедливости и мужества. Традиции здесь постоянно воспроизводятся в живом творчестве, в том числе, молодежью. Молодые люди предпочитают играть свадьбы в соответствии с обычаями, в национальных костюмах, танцевать национальные танцы и готовить национальные блюда. Активно развивается местная эстрада, выходят песни на родных языках, популяризируется национальная хореография. Пример Северного Кавказа очень показателен, поскольку мы видим народы, не просто сохранившие свою историю, а дающие ей жизнь и продолжение сегодня. Таким образом, в стремительном водовороте глобализации, где стираются границы и нивелируются уникальные культурные коды, историческая память и преемственность поколений выступают тем духовным якорем, который позволяет народу сохранить свою идентичность и историческую субъектность. Проведенный анализ наглядно демонстрирует, что для России эти ценности были и остаются не просто элементом культурной политики, а фундаментальным условием самого существования государственности. От «Русской Правды», вобравшей в себя мудрость вековых обычаев, через имперскую доктрину официальной народности и советский проект создания «нового человека» – красной нитью проходит осознание того, что сила нации – в ее памяти, а будущее – в преемственности. Современное российское государство, извлекая уроки из кризиса идентичности постсоветской эпохи, конституционно закрепи-

ло этот тысячелетний принцип. Законодательство, образовательные проекты, масштабные мемориальные практики, подобные «Бессмертному полку», – все это выстраивается в единую систему, призванную защитить историческую правду от искажений, а молодое поколение – от разрушительного влияния информационных угроз. Однако, как показывает живой пример народов Кавказа, где традиция дышит в каждом слове, танце и обычае, никакой закон не может заменить ту внутреннюю, осознанную потребность каждого человека быть звеном в великой цепи поколений. Судьба России в XXI веке зависит не только от технологических прорывов или экономических успехов, но и от того, сумеем ли мы сохранить и передать ту «радость со слезами на глазах», то чувство сопричастности к великому прошлому, которое и рождает ответственность за будущее. В этом диалоге эпох, где право создает рамки, а образование – возможности, подлинная жизнь исторической памяти происходит в сердцах людей, в их искреннем желании быть наследниками своей, а не чужой, истории. И в этом залог того, что Россия, объединенная памятью предков, сохранит свое уникальное лицо и духовный суверенитет в глобализирующемся мире.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/.

3. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 15.10.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

4. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6643/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

5. Абдушукурова И. К., Самадов Б. К. Преемственность поколений и воспитание молодежи // Вестник науки и образования. 2021. № 10-3 (113). С. 83–85.

6. Давыдова Ю. А., Суханова Е. Д., Веселов Н. А. Патриотизм как социальный механизм формирования исторической памяти // Primo aspectu. 2022. № 1 (49). С. 18–22.

7. Ермилова Д. Ю. Память о войне – проблемы и перспективы теории и практики // Сервис plus. 2020. Т. 14, № 4. С. 123–135.

8. Климов В. А. Историческая память как фактор социализации (генеалогический аспект) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2007. Т. 7, № 1. С. 8–13.

9. Лебедева Л. Г. Социализация личности в дискурсе преемственности поколений // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 116–125.

10. Меркулов В. И. Русская Правда и истоки древнерусского права // Русин. 2014. № 2 (36). С. 104–116.

11. Сатушиева Л. Х. Кодекс чести народов Кавказа как нравственно-этический регулятор общественных отношений // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 40–44.

Афзалетдинова Г. Х.[1],
доцент кафедры «Теория права,
гражданское право и гражданский процесс»
Юридического института
Российского университета транспорта,
кандидат юридических наук

АДАПТАЦИЯ КАК ПРАВОВОЙ И ОБЩЕНАУЧНЫЙ ФЕНОМЕН

Право, будучи системным сложным образованием, осуществляет свое регулятивное воздействие благодаря наличию в структуре правовой системы элементов и блоков, обладающих статическими и динамическими свойствами системы. К элементам первой группы можно отнести правотворчество, нормативные, правоприменительные, правотолкующие акты, правоотношения, субъективные права и обязанности, различные правовые учреждения, правовое сознание, правовые принципы, правовые и духовно-нравственные ценности. Последняя юридическая категория, не смотря на не достаточную изученность, способствует сохранению исторической памяти и преемственности поколений, об этом речь пойдет подробнее далее. К элементам, которые условно обладают динамическими свойствами, можно отнести: правосудие, юридическую практику и др. Не стоит упускать из внимания внутрисистемные связи: структурные, функциональные, генетические связи и прочие.

Способность права являться открытой и динамической системой обеспечивается благодаря его способности к адаптации, которая проявляется в форме права – системе законодательства.

Дефиниция «адаптация» является общенаучным феноменом. Выделяется адаптация организационная; к деятельности конкретного предприятия, организации (профессиональная); к новому коллективу (социально-психологическая [1, с. 13; 2, с. 102]; приспособление работника к новым условиям работы, психическим и физическим нагрузкам, рабочему месту и др. (психофизиологическая) [3, с. 339]. В биологии адаптация рассматривается как приспособляемость организмов к условиям жизни, что обусловлено их изменчивостью. Социальная адаптация рассматривается как «процесс и результат приспособления индивида к условиям социальной среды» [4, с. 93]. В той или иной степени она сопровождает человека на протяжении всей жизни, ее проявление возрастает при кардинальных изменениях вида деятельности или социального окружения: профессии, места жительства, выполняемых трудовых обязанностей, направленности обучения.

Адаптация находит свое проявление и в системе права и системе законодательства. В связи с активным развитием новых развивающихся технологий требуется время для и их качественного «внедрения» в различные сферы общественной жизни, в том числе и правовую сферу. Кроме того, адаптивное регулирование осуществляется посредством соответствующего правового механизма,

[1] © Афзалетдинова Г. Х., 2026.

направленного на расширение правомочий, предоставление правовых стимулов слабо защищенным субъектам (инвалидам, участникам войн и военных операций) в целях условного «выравнивания» их с другими субъектами, вовлечения их в правовую жизнь. Примером адаптивного правового регулирования является постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1960 «Об утверждении Правил предоставления и оплаты услуг по санаторно-курортному лечению, медицинской реабилитации лиц, указанных в ч. 10 ст. 7 Федерального закона «О бюджете фонда Пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов», в центрах реабилитации Фонда Пенсионного и социального страхования Российской Федерации», предоставляющее указанной категории лиц упрощенный порядок по лечению и реабилитации [5].

Адаптация, используемая в различных сферах общественной жизни, является незримой частью бытия. Адаптация, сопровождающая развитие в различных сферах и инновационную деятельность в частности, без которой сложно представить социальную модернизацию.

Рассмотрим влияние на адаптивное правовое регулирование духовно-нравственных ценностей. Принятый в ноябре 2022 года Указ главы государства «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6], являясь документом стратегического планирования и управления, способствует углублению ценностной политики, противостоянию негативным тенденциям по подмене ценностей, возможности их иного толкования, что имеет место в США и Западной Европе.

Подрастающее поколение в ходе обучения получает не только знания, но и воспитание, основу которого составляют духовно-нравственные ценности. Законодательное закрепление последних и государственной политики в данном направлении является не только важным и значимым для общества и государства в целом, а также детерминирует сохранение наций и народов, приобретением духовно-нравственными ценностями возможности государственной охраны и защиты.

Системы права различных государств, вне зависимости от принадлежности к правовой семье, имеют ценностную основу, большая часть которых отражена в первую очередь в Основном законе страны, поэтому они имеют стратегический характер.

Правовые ценности и принципы права тесно связаны, поэтому некоторые общеправовые принципы – справедливость, равенство, свобода, являются и ценностями тоже, хотя не все подходы к изучению права солидарны с данной точкой зрения.

Духовно-нравственные ценности способствуют формированию основы для последующих ценностно-правовых оценок, суждений, дискуссий, защиты исторической памяти, недопустимости попытки переписать историю, нивелировать подвиг нашего народа. В связи с этим велика значимость внесения соответствующих поправок к текст основного закона страны [7].

Проводимая ценностная политика в Российской Федерации может рассматриваться в широком и узком смысле. В первом случае – это выражение посред-

ством закрепления в правовых нормах нравственных ориентиров различных категорий субъектов, а в узком смысле как «политико-правовой курс по закреплению и защите тех духовно-нравственных идеалов, которые объединены государственническим началом и способствуют самоидентификации российского социума в свете нарастания очагов международной напряженности [8, с. 40].

Ценностная политика охватывает своим содержанием целый ряд функций.

Традиционные духовно-нравственные ценности лежат в основе общероссийской гражданской идентичности, укрепляют гражданское единство.

Необходимо отметить тесную связь гражданских ценностей между собой, поскольку сложно добиваться обеспечения патриотизма без гражданственности, невозможно декларировать достижение служения Отечеству без соблюдения ценности историческая память и преемственность поколений и т. д.

Требуются теоретико-правовые исследования по изучению правового механизма ценностной политики, с целью определения слабых сторон и совершенствования рассматриваемой правовой конструкции, снижения правовых рисков. Правовые средства и укрупненные блоки рассматриваемого правового механизма должны преследовать цели: противодействие попыткам переписывания истории, уважение к старшему поколению, пропаганда традиционных российских духовно-нравственных ценностей, поддержка традиционных религиозных конфессий и их роли по сохранению ценностей и др.

Таким образом, адаптация в праве, являясь проявлением динамических свойств правовой системы немыслима без такой основы как духовно-нравственные ценности, роль которых в государственной политике и обеспечении национальной безопасности страны сложно переоценить. Без обращения к таким правовым ценностям, как историческая память, патриотизм, гражданственность, ответственность за судьбу Отечества и другим сложно представить воспитание подрастающего поколения и противостояние негативным и антинравственным тенденциям, пытающимся проникнуть в нашу страну.

Список литературы

1. Сухова Е. В. Поведенческая агрессия больных туберкулезом легких и способы ее коррекции // Туберкулез и болезни легких. 2003. № 12. С. 70–74.

2. Сухова Е. В., Сухов В. М., Корнев А. В. Социальные последствия туберкулеза легких // Пульмонология. 2005. № 6. С. 101–104.

3. Николаевский Е. Н. Психофизиологическая адаптация как важное звено адаптации сотрудников организации // Инновационная наука. 2016. № 9. С. 338–340.

4. Смирнов И. П. Адаптация выпускников // Профессиональное образование. 2006. № 2. С. 93–95.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1960 «Об утверждении Правил предоставления и оплаты услуг по санаторно-курортному лечению, медицинской реабилитации лиц, указанных в части 10 статьи 7 Федерального закона „О бюджете фонда Пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов“, в центрах реабилитации Фонда Пенсионного и социального стра-

хования Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495324/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

6. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

7. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

8. Зубов В. В. Ценностная политика в Российской Федерации: правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 38–47.

Зыкова С. В.[1],
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВО НА ПАМЯТЬ: ОТ ЭТИКИ ПАМЯТИ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Память – не просто личное переживание, но и основа существования общества в целом, которая формирует идентичность как личности, так и нации. Глобализация, стремительное развитие цифровых технологий и обострение информационных конфликтов выводят проблему исторической памяти за рамки философского дискурса – она приобретает отчетливо правовое измерение. В современный период можно наблюдать попытки переписывания прошлого, начиная от замалчивания трагических эпизодов истории, и заканчивая героизацией агрессоров и стигматизации пострадавших. Подобные явления требуют не только моральной оценки, но и выработки правовых механизмов противодействия.

Смысл концепции «права на память» состоит не в субъективном стремлении к запоминанию, а в юридически обеспеченной возможности сохранять, осмыслять и передавать далее знания о минувших событиях. В отличие от свободы слова, это право несет в себе императивный компонент: оно обязывает общество хранить память о жертвах, признавать совершенные ошибки и противостоять намеренному забвению. В условиях информационных манипуляций право на память превращается в ключевой элемент правовой безопасности как отдельной личности, так и социума в целом. Можно сказать, что «в условиях информационного давления право на память становится элементом правовой безопасности личности и общества» [5, с. 10].

Цель исследования состоит в том, чтобы показать, как этика памяти трансформируется в юридическую ответственность, и обосновать необходимость признания права на память как самостоятельного института современного права.

Право на память – это составное право, включающее в себя элементы личной, коллективной и культурной идентичности, охраняемые правом. Оно может быть определено как право человека как члена определенного социума на сохранение, интерпретацию и публичное представление знаний, мнений, оценок и представлений о событиях, явлениях и процессах прошлого, имеющих ценностное значение для сохранения, развития и эффективного функционирования общества, с которым он себя идентифицирует.

Это право имеет двойственную природу:

1) индивидуальное измерение – право отдельного человека на личное воспоминание, на сохранение памяти о предках, на свободу интерпретации прошлого в рамках своей совести;

---

[1] © Зыкова С. В., 2026.

2) коллективное измерение – право группы, народа, нации на общее прошлое, на символическое представление своей истории, на защиту от ее искажения [4, с. 90].

Коллективное право на память особенно актуально в контексте травматического прошлого – войн, репрессий, геноцидов. Здесь память становится не просто фактом, а условием справедливости и примирения. По сути память о жертвах – это моральный долг, который трансформируется в правовую обязанность.

Право на память тесно связано с другими правами человека: правом на достоверную информацию – если государство фальсифицирует прошлое, оно нарушает это право [3, с. 65]; правом на свободу мысли и совести – искажение истории ведет к манипуляции сознанием; правом на культурное наследие – память является частью нематериального культурного наследия [2, с. 15]; правом на личную жизнь – в случае с жертвами репрессий, их память – часть личной идентичности.

Таким образом, право на память – это синтетическое право, вбирающее в себя элементы гражданских, культурных и политических прав. Его реализация способствует укреплению правовой культуры, гражданской ответственности и национального согласия.

Этика памяти – это система моральных норм, регулирующих отношение к прошлому. Она включает в себя уважение к памяти жертв, честность в интерпретации исторических фактов, ответственность перед будущими поколениями, справедливое осмысление как подвигов, так и преступлений.

Однако этика сама по себе не имеет механизма принуждения. Она полагается на добровольность, совесть, общественное мнение. В условиях, когда память становится инструментом пропаганды, когда искажение истории используется для легитимации агрессии или подрыва стабильности, этики недостаточно, а требуется правовое обеспечение. Право на память – это юридическая формализация этических норм. Оно переводит моральную обязанность помнить в правовую обязанность защищать память.

Коллективная память – это общее представление группы о своем прошлом, формирующее ее идентичность. Она передается через образование, СМИ, мемориальные практики, праздники, памятники. Именно через память человек осознает себя как часть народа, страны, цивилизации [6, с. 91–95].

Фальсификация истории – это покушение на национальную идентичность. Когда государство или группы интересов переписывают прошлое, они меняют основу, на которой строится общество. Такие действия не просто искажают факты – они подрывают доверие, ведут к социальной поляризации, ослабляют гражданское единство. Поэтому защита коллективной памяти – это вопрос национальной безопасности.

Государство как легитимный представитель общества несет особую ответственность за сохранение исторической правды. Оно должно обеспечить доступ к архивам, поддерживать объективное историческое образование, финансировать мемориальные проекты, противодействовать фальсификации истории в СМИ и интернете.

Право на память может быть реализовано в различных формах:

1. Мемориальное законодательство – законы, запрещающие отрицание геноцида, реабилитацию нацизма, осквернение памятников.

2. Коммеморативные практики – государственные и общественные церемонии, дни памяти, поминальные акции, основанные на мобилизованной коллективной памяти о значимых событиях или известных людях прошлого.

3. Монументальная пропаганда – строительство и сохранение памятников, мемориалов, музеев.

4. Нарративы в образовании и СМИ – учебники, документальные фильмы, публикации, формирующие общественное сознание.

5. Цифровые формы памяти – онлайн-архивы, виртуальные мемориалы, платформы наподобие «Бессмертного полка».

Эти формы не просто символичны, а имеют правовую силу. Например, осквернение памятника может повлечь уголовную ответственность по ст. 243.3 УК РФ (надругательство над телами погибших и местами захоронения), а отрицание Холокоста – по ст. 354.1 УК РФ (реабилитация нацизма) [7].

Нарушение права на память может выражаться в отрицании или оправдании преступлений против человечности; осквернении памятников, могил, мемориалов; распространении ложной информации об исторических событиях, замалчивании трагедий, массовых репрессий; принуждении к пересмотру исторической истины и др., за что предусмотрена уголовная, административная и гражданско-правовая ответственность в соответствии с российским законодательством.

Таким образом, право на память следует рассматривать не в качестве дани прошлым эпохам, а как стратегическую инвестицию в будущее общества. Ключевая задача права на память состоит в обеспечении преемственности поколений и укреплении гражданского единства. Благодаря этому праву формируется правовая культура, базирующаяся на принципах справедливости и уважения к человеческому достоинству. Это право позволяет обществу извлекать уроки из исторического опыта; предотвращать повторение трагических сценариев прошлого; выстраивать свое развития на основе ответственности, а не мифологизированных представлений.

Важно подчеркнуть: право на память не ограничивает свободу, а, напротив, создает для нее необходимые условия. Только такое государство, которое может честно посмотреть и осмыслить свое прошлое, может построить справедливое общественное устройство и претендовать на демократию и долгосрочный мир.

Юридическая ответственность за нарушение данного права – это не цензура, а гарантия сохранения памяти о жертвах и защита исторической правды от различных политических манипуляций. Переход от этического осмысления памяти к юридической ответственности говорит о зрелости общества, о его способности не только хранить информацию о событиях прошлого, но и предпринимать активные действия в целях сохранения исторической правды.

Представляется, что память – это живая сила, способная изменить настоящее, и только когда мы узаконим эту силу, мы сможем противостоять несправедливости, обеспечить преемственность между поколениями, для которых прошлое не будет являться поводом для раскола, а станет основой единства и взаимопонимания.

Список литературы

1. Васильев А. А., Кроткова Н. В., Зеленин Ю. А. Мемориальное право: проблема концептуализации и пределы нормативного регулирования // Государство и право. 2024. № 10. С. 113–122.

2. Конвенция ЮНЕСКО о защите и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения : принята в Париже 20 октября 2005 г. на 33-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. Париж : ЮНЕСКО, 2005.

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. : принят Резолюцией 2200 (XXI) на 1 496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН : пакт ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII с заявлением : вступил в силу для СССР с 3 января 1976 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831).

4. Неверов А. Я. Конституционное закрепление права российских граждан на историческую память // Общество и цивилизация. 2025. Т. 7, № 3. С. 89–93.

5. Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Право на историческую память в системе прав человека // Пролог. 2024. № 2 (42). С. 7–18.

6. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М. : Ваш формат, 2017.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. Щедрина Т. Г., Пружинин Б. И. Философские свидетельства Великой Победы // Вопросы философии. 2025. № 5. С. 5–9.

Мельник Е. В.[1],
доцент кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА И ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В 1918–1926 гг.

Становление советского государства сопровождалось переосмыслением роли самого государства, его органов и учреждений. Обозначенные хронологические рамки показывают эволюцию взглядов советского общества по данному вопросу.

Разрушение существовавшей в российской империи правоохранительной системы не привело к уничтожению сыскной полиции. Это объясняется небывалым всплеском преступности, которой надо было противостоять. Поменялось название с полиции на милицию и начался поиск ее подведомственности. Поскольку новое учреждение сочетало в себе функции разыскные и судебные, начались дискуссии о его ведомственной принадлежности. Оперативно-разыскные функции сближали его с органами госбезопасности, судебные – с наркоматом юстиции, но подведомственно оно было НКВД РСФСР.

В условиях гражданской войны и разгула преступности фактически в стране сложилась чрезвычайная ситуация, требовавшая экстренных и оперативных мер реагирования. Поскольку новая власть неохотно шла на сотрудничество со старорежимным аппаратом сыщиков, но испытывала острый дефицит кадров, то делала ставку на благонадежных идейных преданных советской власти чекистов. В качестве примера можно привести бывшего сотрудника ВЧК А. М. Трепалова, возглавившего Московский уголовный розыск и успешный опыт его оперативно-разыскной работы. Пополнение штатов разыскных учреждений сотрудниками ВЧК способствовал повышению эффективности их работы, но не устраняло существовавших разногласий по поводу их функций и подведомственности.

В годы гражданской войны ВЧК принимала самое широкое участие в борьбе с общеуголовной преступностью и прежде всего с бандитизмом, разбоями, хищениями и т. п. Это объяснялось, кроме всего прочего, еще и слабостью аппаратов уголовного розыска. Стратегическая линия развития взаимоотношений между этими государственными органами, разграничения между ними компетенции была определена еще в 1919 г. на III Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий: по мере укрепления милиции и уголовного розыска органы государственной безопасности будут передавать в их ведение борьбу со спекуляцией, должностными, хозяйственными и др. преступлениями [3, с. 294–295].

По окончании гражданской войны было принято несколько решений о разграничении полномочий милиции и ВЧК, об организации между ними взаимо-

[1] © Мельник Е. В., 2026.

действия. Милиция по фактам бандитизма обязывалась передавать информацию в органы ЧК и все оперативные действия по ликвидации бандитизма проводить с ведома или под руководством органов ЧК. Уже тогда, как видно, обозначились признаки, свидетельствующие о тенденции подчинить органы милиции ВЧК. Совмещение Ф. Э. Дзержинским постов председателя ВЧК-ГПУ и наркома внутренних дел способствовало этому. В апреле 1921 г. он был назначен одновременно и наркомом путей сообщения. В числе предпринятых по инициативе Дзержинского мер было организационное объединение транспортных ЧК и уголовного розыска.

Приказом ВЧК от 12 июля 1921 г. аппараты уголовного розыска на путях сообщения передавались в оперативное подчинение транспортных отделов ВЧК. Начальники ТОВЧК получили право контролировать в полном объеме работу уголовного розыска (гласную и негласную). Кроме того, дела о проступках и преступлениях работников аппаратов уголовного розыска должны были разрешаться ВЧК. Таким образом, органы уголовного розыска были превращены в подсобные аппараты транспортных отделов ВЧК.

Уже в первые годы НЭПа для более эффективной борьбы с хищениями социалистической собственности и должностными преступлениями в составе крупных аппаратов уголовного розыска начали создаваться специальные подразделения – 2-е бригады, – которые действовали в самом тесном контакте с экономическими отделами органов ГПУ. Уголовный розыск все активнее включался в борьбу с этими видами преступлений.

Создание 2-х бригад, а затем и ведомственного уголовного розыска явилось реакцией на рост количества преступлений в хозяйственной сфере. В итоге, органами власти отмечалось, что «если в 1924 г. на железных дорогах различными способами было похищено 16 млн пудов грузов, а за четыре последующих года – 121 тыс. пудов при одновременном росте грузооборота белее чем в 4 раза» [7, с. 129].

Важно рассмотреть вопрос о взаимодействии и разграничении полномочий органов милиции и государственной безопасности в борьбе с фальшивомонетничеством. При решении этого вопроса исходили из того, что уголовный розыск накопил достаточный опыт оперативно-разыскной работы и были выявлены недостатки организации борьбы с преступностью, вызванные децентрализацией органами милиции.

Бурный рост фальшивомонетничества наметился в первые годы НЭПа. По данным уголовного розыска в 1920 г. было зарегистрировано 166 дел, в 1921 г. – 288, в 1922 г. – 1 588 [6].

Уголовный розыск активизировал борьбу с фальшивомонетничеством. К августу 1923 г. были ликвидированы 12 фабрик в Москве, Киеве, Харькове и др. городах. Соответствующие меры принимались и органами госбезопасности. Центророзыском была высказана идея создания единого органа для осуществления общего руководства, координации деятельности ОГПУ и милиции [4]. 24 августа 1923 г. при ОГПУ СССР была образована тройка по борьбе с фальшивомонетничеством и соответствующие тройки при местных органах ОГПУ, в состав которых вошли оперативные работники уголовного розыска. Коллегия

ОГПУ поручила начальнику Центророзыска сформировать такие тройки во всех крупных городах. При экономическом управлении ОГПУ, кроме того, была создана комиссия по борьбе с фальшивомонетничеством, куда вошли начальник Центророзыска и сотрудник Центророзыска НКВД РСФСР.

После создания троек по борьбе с фальшивомонетничеством уголовный розыск не прекратил самостоятельной борьбы с этими преступлениями, более того, он осуществлял основной объем работы (60 % всех дел о фальшивомонетничестве раскрывалось уголовным розыском, 40 % – ОГПУ; все экспертизы проводились научно-техническим отделом ОУР НКВД РСФСР).

Благодаря своевременным и решительным мерам, предпринятым уголовным розыском и ОГПУ, в 1924 г. фальшивомонетничество по сравнению с 1923 г. сократилось более чем в 2 раза. Поэтому комиссия при Экономическом управлении ОГПУ СССР признала, что борьба с фальшивомонетничеством потеряла ударный характер [2]. Малый Совнарком РСФСР 30 декабря 1924 г., исходя из этого, а также учитывая, что основной объем работы по борьбе с фальшивомонетничеством выполняется уголовным розыском, передал ее из ведения ОГПУ в Центророзыск. ОГПУ СССР опротестовало это решение, приведя ряд доводов. Во-первых, именно за рубежом осуществляется фабрикация денежных знаков, во-вторых, у органов ОГПУ более широкие возможности применять наказания во внесудебном порядке, в-третьих, децентрализация управления уголовным розыском в общесоюзном масштабе. Поскольку доводы были убедительными, было решено сохранить общее руководство борьбой с фальшивомонетничеством за ОГПУ [5].

Активно взаимодействовали уголовный розыск и органы государственной безопасности в предупреждении, раскрытии иных преступлений: контрабанда, лжекооперативы и прочее [8]. НКВД РСФСР был издан циркуляр об активизации оперативно-разыскной деятельности по борьбе с ними. Залог успеха, подчеркивалось в циркуляре, составит «контактная работа с ОГПУ». Взаимодействие должно быть конкретным по каждому делу и должно «выражаться в обсуждении вопроса, чьей компетенции подлежит то или иное преступление, и кто из этих органов дознания лучше и успешнее сможет раскрыть дело» [9].

Однако определяющими во взаимоотношениях между органами государственной безопасности и уголовного розыска стали другие тенденции, а именно, применение внесудебной репрессии.

Схожесть функций, совпадение целей и задач, использование во многом одинаковых форм и методов работы, предпринимавшийся неоднократно попытки организационного объединения, совмещения поста наркома внутренних дел и председателя ВЧК-ГПУ в одном лице, наконец, – высказывавшиеся в порядке дискуссии предложения, подтолкнули места при проведении в жизнь лозунга упрощения и удешевления государственного аппарата к слиянию аппарата уголовного розыска и ГПУ. Сторонников этого шага выступал Ф. Э. Дзержинский. Он писал: «В силу продиктованной жизнью необходимости выделения уголовного розыска из милиции и обнаружившейся затруднительности самостоятельного его существования, естественным выходом является включение уголовного розыска на правах отдела в состав ГПУ, который таким образом явился бы

единым мощным аппаратом борьбы со всякого рода преступностью, распределяющим эту борьбу между своими специальными отделениями…» [1].

Программа разграничения компетенции в таком случае оказывалась если не разрешенной, то близкой к этому. Однако важным оставался вопрос под чьим началом должно было произойти это объединение.

В конце 1923 г. по инициативе НК РКИ и ОГПУ началась подготовка ликвидации НКВД и передаче милиции и уголовного розыска в ведение ОГПУ. Однако, вмешательство А. Рыкова и М. Калинина остановило этот процесс. Решено было его отложить. Работа продолжилась в 1924 г. Г. Ягода направил в Президиум ЦИК СССР проект постановления (предварительно согласованный с Дзержинским) о расширении прав ОГПУ в целях борьбы с бандитизмом, где уголовный розыск в оперативном отношении переходил в подчинение ОГПУ. 9 мая 1924 г. проект был утвержден. На места был направлен циркуляр, разъяснявший, что милиция и уголовный розыск могут переходить в оперативное подчинение органов ОПГУ только в местностях, объявленных в установленном порядке неблагополучными по бандитизму. ОГПУ со своей стороны направило циркуляр в подчиненные органы 22 мая 1924 г. с расширительным толкованием данного постановления. Так, по их версии под оперативное руководство ОГП местные аппараты уголовного розыска в оперативном отношении переходили повсеместно.

В результате на местах начался процесс сращивания уголовного розыска и ОГПУ. Это привело к бурным обсуждениям последствий данного решения.

Наркомы внутренних дел высказались по данному поводу так. Такое подчинение в республиках будет воспринято как попытка сузить их самостоятельность, снизит контроль и надзор за уголовным розыском и милицией как со стороны прокуратуры, так и общественности, что отрицательно скажется на состоянии законности. Аппарат милиции и уголовного розыска будут использоваться прежде всего в интересах ОГПУ, это ухудшит работу по борьбе с преступностью и подорвет охрану интересов трудящихся.

Вопрос о толковании постановления Президиума ЦИК СССР от 9 мая 1924 г. в результате был разрешен изданием совместной инструкции. Она гласила, что подчинение милиции и уголовного розыска органам ОГПУ возможно лишь в местностях, объявленных неблагополучными по бандитизму. В них органам ОГПУ предоставлялось право давать задания милиции и уголовному розыску «исключительно соответствующие целям борьбы с бандитизмом». Начальники органов милиции по требованию органов ОГП должны были предоставлять в их распоряжение гласный и негласный состав угрозыска и «наружную вооруженную силу милиции с тем расчетом, чтобы текущая работа их не останавливалась» Учебные заведения могли привлекаться лишь в исключительных случаях. Угрозыск по требованию органов ОГПУ должен был передавать туда незаконченные дела по бандитизму и знакомить с имеющимися по ним материалам.

ОГПУ в 1926 г., реагируя на всплеск хулиганства, в основном среди молодежи, предлагало возложить на него борьбу с тяжкими проявлениями этого вида преступления. Действовать предполагалось уже проверенными методами –

объявлением местности неблагополучной по хулиганству и проведением мероприятий на тех же основах, что и с бандитизмом.

В 1926 г. НКВД РСФСР, опротестовывая постановление СНК РСФСР о разгрузке Москвы от нищих, писал, что «административная высылка доказала свою нецелесообразность, так как она приводит лишь к переброске паразитического элемента из одного места в другое. Фактически, высылка во внесудебном порядке (активно применявшаяся ОГПУ) превращалась в обмен за государственный счет преступниками между республиками. Однако ОГПУ это практику не только не прекращало, но и активно увеличивало, что приводило к серьезным трениям между уголовным розыском и чекистами.

В связи с последующим обострением международной обстановки в 1927 г. начали высказываться идеи о военизации милиции и уголовного розыска. Для достижения поставленной цели надо было изжить многоначалие и установить единоначалие. В 30-гг. многое было реализовано, в частности передача милиции в ведение ОГПУ СССР. Отчасти переход к этому начался с конца 20-х гг.

Список литературы

1. Докладная записка Ф. Э. Дзержинского // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 38. Д. 2. Л. 74.

2. Доклад о криминогенной обстановке в Москве // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 59. Д. 5. Л. 2–6.

3. Из истории ВЧК, 1917–1921 гг. : сборник документов. М. : Госполитиздат, 1958.

4. Приказ от 1923 г. «О создании единого органа для осуществления общего руководства, координации деятельности ОГПУ и милиции» // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 45. Д. 7. Л. 171–172.

5. Решение о сохранении общего руководства борьбой с фальшивомонетничеством за ОГПУ // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 59. Д. 5. Л. 33.

6. Сводные статистические данные о состоянии преступности // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 73. Д. 13. Л. 6.

7. Стрелковая охрана путей сообщения. М., 1929.

8. Циркуляр о взаимодействии МУРа с другими подразделениями // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 73. Д. 74. Л. 3.

9. Циркуляр о взаимодействии МУРа с другими подразделениями // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1425. Л. 2.

Фролова Т. Н.[1],
доцент кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат социологических наук, доцент

МЕНТАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Вопросы национальной безопасности российского государства сегодня остаются весьма актуальными. Развитие технологий наряду с возможностями создают новые риски. России в условиях жесткого духовного, идеологического, информационно-психологического, геополитического, экономического и военно-политического противостояния с западными оппонентами необходимо находить адекватные ответы на множество возникающих вызовов.

Важнейшим компонентом национальной безопасности на фоне глобальных трансформаций и вызовов становится ментальная безопасность, включающая в себя защиту идентичности, мировоззрения, психоэмоционального состояния общества. Ментальный ресурс нации становится определяющим в формировании вектора развития и сохранения общества.

К проблеме ментальной безопасности России в современных геополитических условиях обращаются многие исследователи, в том числе: А. М. Ильницкий [4], И. Н. Караваев [6], С. С. Никитина, И. Л. Миронов [7], Е. П. Борзова, А. А. Ковалев [2] и др.

В исследованиях последних лет немало говорилось об информационных, информационно-психологических, гибридных войнах, где основной мишенью стала Россия [8]. Совершенствование отработанных методик воздействия на сознание, технологическая эволюция позволяют говорить сегодня о войне ментальной. Объектом этих войн являются миропонимание противостоящего общества, его глубинные мировоззренческие основания, исконные устои. Угроза разрушительного идеологического воздействия на общество актуализирует необходимость защиты ментального иммунитета нации, выстраивания эффективной стратегии защиты.

Само понятие «война» в настоящее время значительно расширено, а к арсеналу вооруженного противостояния в рамках конфликта многие авторы добавляют и нелетальные средства государственного противоборства. Гибридный характер современного противостояния включает информационно-психологическое воздействие на умы людей, ментальное переформатирование социальных групп, влияние на принципы, убеждения и устои целого народа по заданному образцу.

Территорией угроз сегодня стала информационная среда, в которую включены наряду с традиционными СМИ различные интернет-ресурсы, социальные сети и т. д. Однако, при отсутствии монополии власти на информацию проис-

[1] © Фролова Т. Н., 2026.

ходящее в виртуальном пространстве сегодня не поддается государственному регулированию, контроль возможен лишь за оконечными физическими устройствами. Особую опасность в этих условиях представляют онлайн-платформы, контент которых содержит материалы экстремистского характера, призывы к насилию, ведет к разжиганию ненависти, пропагандирует запрещенные вещества, использует техники зомбирования населения, ведущие к разрушению личности. Верифицировать информацию, как правило анонимную, достаточно сложно. Аналитики медиасреды отмечают, что именно в Интернете протекает и значительная часть коммуникаций протестных сообществ.

Одной из форм борьбы с незаконным контентом, деструктивными сайтами и источниками в блогосфере, нарушающими законодательство России, сегодня является их блокирование по решению суда или по требованию правоохранительных органов. Сайты и сетевые адреса, веб-страницы в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации признано запрещенным, внесены в Единый реестр [10, ст. 15.1].

Технологическая эволюция общества совершенно закономерна. Сложно найти сегодня сферу, где бы не нашлось применения новым интеллектуальным технологиям, потенциал которых пока не до конца осознан. В то же время, всеобъемлющее внедрение цифровизации создает множество угроз разного уровня. В контексте данной статьи речь идет о применении современных технологий, нацеленных на изменение сознания противника, воздействие на процессы принятия решений, «перепрошивку» идентичности.

Таким образом, понятие ментальной безопасности общества включает защиту духовной сферы, мировоззрения народа, его менталитета, духовно-нравственных основ. Недооценка ментальных угроз может привести общество к необратимым последствиям.

И. Н. Караваев в своих работах отмечает, что арсенал современных технологических средств противоборства, способных воздействовать на сознание человека, по своему разрушительному воздействию существенно превышает эффективность традиционных средств вооруженной борьбы [6, с. 37].

В полной мере это ощутило на себе российское общество в последние десятилетия. Размывание самобытной русской культуры, ее «вестернизация», насаждение низкопробного масскульта стали следствием агрессивной политики коммерциализации культурной жизни в России. Современная культурная продукция перестала восприниматься как носитель и источник духовно-нравственных и эстетических образцов, а опустилась до утилитарно потребительского уровня, представляя собой набор банальностей и шаблонов. Недооценка же культуры грозит утратой важнейшего духовного ресурса.

К неоднозначным результатам привели трансформации в просвещении: экспансия зарубежных образовательных практик и методик, присоединение к Болонской системе, отказ от собственной модели образования. Подход к сущности образования как к «услуге» отменил ее духовную и культурную значимость для общества [1, с. 17].

На нравственное состояние общества оказывает влияние качество духовно-религиозного пространства. Как отмечал десятилетие назад президент России,

российское общество сегодня испытывает явный дефицит духовных скреп. Сказалось длительное воздействие антихристианского манипулирования, подмена традиционных религий России радикальными сектами и оккультными практиками.

Трансформация традиционных ценностей в полной мере затронула такой социальный институт, как семья, закладывающий в процессе первичной социализации духовно-нравственные ценности и культурные традиции своего народа, образцы поведения в обществе. Разрушение традиционного взгляда на семью привело к изменению семейно-брачных отношений, утрате межпоколенных связей, демографическим проблемам общества.

Таким образом, объектом трансформации стала ментальная область российского общества – культура и образование, религия, полиэтничность – то есть область духовности.

Механизм передачи социального опыта, освоения мира, сохранения ментальных основ общества невозможен без родного языка, вобравшего в себя пройденный исторический путь. На сложной взаимосвязи языка и ментальных основ акцентировал внимание Н. Н. Болдырев: «Культура и традиция, язык, образ жизни и религиозность образуют собственного рода „матрицу“, в рамках которой формируется ментальность» [13]. Разрушая «матрицу», народ утрачивает идентичность.

На важность защиты базовых духовно-нравственных ценностей российского общества, культуры и исторической памяти указано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [9]. Россия столкнулась с глобальными вызовами, разрушающими базовые ценности и смыслы. В числе угроз негативная интерпретация истории, «отмена» русской культуры, утрата межпоколенной связи, разрушение многовекового межнационального и меконфессионального согласия и социального единства. Атаке подвергаются духовно-нравственные ориентиры и моральные нормы, традиционные ценности, составляющие основу культурного кода [11].

Как отмечает известный русский философ А. Г. Дугин, сама «история утратит смысл, если мы упустим из вида ее неизменный полюс, ее ядро и ее ось, которыми и является русская структура, русская идентичность, русский Дазайн» [3, с. 433].

Таким образом, ментальная война – это война с отложенными последствиями. Уничтожая наше прошлое и настоящее, противник разрушает наше будущее.

Если ментальная война стратегически направлена на поражение коллективного сознания противной стороны, то когнитивное воздействие выступает в качестве уровня оперативного. В его фокусе способ мышления целевой группы, способ конструирования и понимания реальности, деградация социального самочувствия, подрыв доверия к «процессам и подходам, необходимым для эффективного функционирования групп, обществ или даже наций» [5].

Особого внимания в процессах ментальной защиты требует молодежь как наиболее уязвимая социальная группа. Отсутствие достаточного жизненного опыта, кризис идентичности, нестабильность установок, молодежный скепсис и максимализм, проблемы когнитивного развития и негативные социальные

факторы становятся благоприятной почвой для деструктивного влияния и манипуляций.

Под психологические особенности молодежной аудитории адаптирован комплекс специфических методов и приемов информационно-психологического, эмоционального воздействия, целью которых является формирование устойчивых взглядов и установок, образцов социального взаимодействия, этических норм.

Инструментом разрушительного влияния становятся различные цифровые платформы, сетевые сообщества, лидеры влияния. Информация, подающаяся в определенном контексте, представленная однобоко или искаженно, пропаганда насилия и жестокости, культивирование эстетически убогих образцов субкультуры ломают психику молодежи, формируют мировоззренческие установки молодого поколения, дезориентируют, выстраивают стереотипы и убеждения. Неконтролируемое виртуальное пространство дает возможность заинтересованным политическим кругам экспериментировать со сменой жизненных парадигм российской молодежи, управлять протестными настроениями и генерировать радикальные идеи. Молодежь, как наиболее активная социальная группа в цифровой среде, особенно подвержена подобным рискам. Процессы личностного становления молодых людей через опыт виртуального мира противостоят социализации в реальности. «Они очень доверяют интернету и соцсетям, а к самой жизни у них доверие минимальное» [12, с. 166].

Иная реальность, созданная искусственным интеллектом, цифровыми технологиями, где часто невозможно отличить реальность от вымысла, истину от дезинформации, способна формировать ложные цели и нарративы. Усугубляет проблему фрагментарное мышление и отсутствие критического подхода к информации. В антитезе «критическое мышление VS искусственный интеллект» побеждает второй.

Воздействие на молодые умы направлено на подрыв доверия к законам и институтам власти, ментальную переориентацию, формирование негативной интерпретации российской истории, русской культуры, отрыв от традиционных ценностей, вымывание из сознания понятия «Родина».

Защищая свою идентичность, важно помнить, что собственный народ, его история и культура, традиции и ценности, родная природа и язык и составляют то, что мы называем Родиной. Способность видеть уникальность своей истории и культуры, уважение к прошлому укрепляют устойчивость национального сознания к внешним вызовам и угрозам.

Сохранение идентичности, укрепление духовно-нравственных основ, противодействие деструктивному влиянию способствуют интеграции и устойчивому развитию российского общества. Ментальная безопасность общества, таким образом, является наряду с оборонной, экономической, технологической, политической неотъемлемым элементом национальной безопасности России.

Список литературы

1. Аблеев С. Р. Образование в России: некоторые последствия либеральных реформ // Философские исследования и современность. Вып. 7 / отв. ред. П. П. Марченя. М. : ИПЛ, 2018. С. 15–24.

2. Борзова Е. П., Ковалев А. А. Ментальные войны как новый вызов современному миру // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 70–76.

3. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос I. Царство Земли. Структура русской идентичности. М. : Академический проект, 2019.

4. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль, 2021. № 8. С. 19–33.

5. Джура Е. Информационно-психологическая защита в когнитивной войне // B17.ru. URL: https://www.b17.ru/article/461175/.

6. Караваев И. Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии // Военная мысль. 2022. № 3. С. 35–42.

7. Миронов И. Л., Никитина С. С. Ментальная безопасность России: педагогические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 182–184.

8. Митин А. В. Гибридные войны как реальная угроза современности // Философские исследования и современность. Вып. 11 / отв. ред. П. П. Марченя. М. : ИПЛ, 2022. С. 230–233.

9. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

10. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.

11. Фролова Т. Н. Проблема ментальной безопасности в условиях цифровизации // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 2. С. 144–148.

12. Шалыгина Н. В. Игреки и центениалы: новая ментальность российской молодежи // Власть. 2017. № 1. С. 164–167.

13. Евстафьева С. А., Афанасьева И. И., Чуева Л. М. и др. Язык как способ выражения национального менталитета // Молодой ученый. 2019. № 49 (287). С. 488–490.

Порватова Л. В.[1],
доцент кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

РОЛЬ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Духовно-нравственное воспитание курсантов ведомственных образовательных организаций МВД России представляет собой системообразующий элемент их профессионального становления. Оно направлено на формирование личности, сочетающей глубокие правовые знания с высокой гражданской ответственностью, моральной чистотой, верностью служебному долгу и традициям правоохранительных органов. В этом контексте преемственность поколений выступает не просто вспомогательным инструментом, а фундаментальным педагогическим и социально-психологическим принципом, обеспечивающим устойчивость и целостность профессионального сообщества. Актуальность темы обусловлена необходимостью противостояния деструктивным влияниям, рискам разрыва исторической памяти и потребностью в консолидации личного состава вокруг общенациональных ценностей.

Сохранение ценностных основ развития прогрессивного российского общества является одной из приоритетных задач педагогического сообщества. Укрепление социальной структуры в многонациональном государстве, создание условий для полноценного развития самой личности возможно при усилении в воспитательном и образовательном пространстве объединяющей идеи патриотизма [2, с. 76].

Патриотическое воспитание в образовательных организациях системы Министерства внутренних дел России – неотъемлемая часть государственной политики, в которой патриотизм рассматривается как часть национальной идеи, смысл которой заключается в том, чтобы посвятить себя развитию страны. Преемственность поколений в педагогике понимается как связь между различными этапами развития, при которой предыдущий этап готовит почву для последующего, обеспечивая передачу накопленного опыта, знаний, норм и ценностей.

Формы и механизмы реализации преемственности в образовательных организациях МВД России представляют собой сложный, многоуровневый комплекс, органично вплетенный во все сферы деятельности курсантов. Эффективная система здесь не может быть сведена к эпизодическим мероприятиям, она носит непрерывный характер и интегрирована в учебный процесс, внеучебную деятельность и будущую служебную практику, создавая тем самым целостную воспитательную среду. Центральным звеном этой системы выступает институт наставничества. Ветераны органов внутренних дел активно принимают участие

[1] © Порватова Л. В., 2026.

в воспитании современного поколения. Такой наставник является живым воплощением корпоративных традиций и носителем практической мудрости, накопленной в реальных служебных ситуациях. Его влияние проистекает не столько из инструкций, сколько из личного примера, истории жизненного и профессионального пути, способности в неформальном общении раскрывать подлинный смысл таких понятий, как честь, долг и офицерское братство. Это превращает абстрактные нормы кодекса чести в осознаваемые и принимаемые внутренние ориентиры.

Параллельно и во взаимосвязи с наставничеством ведется масштабная историко-патриотическая работа, призванная обеспечить эмоциональное и ценностное «погружение» курсанта в корпоративную историю. Создание и деятельность музеев истории органов внутренних дел и самой образовательной организации служат материальной основой для этой работы. Однако ключевым элементом являются непосредственные встречи – «уроки мужества», диалоги с ветеранами, участниками боевых действий, героями современной службы [1, с. 314–316]. Эти встречи персонифицируют историю, делают ее осязаемой. Церемонии памяти и возложения цветов к мемориалам погибших сотрудников трансформируются из формального ритуала в акт глубокого личного причащения к общему служению, напоминая о высшей цене, которую может потребовать долг.

Важнейшую роль в скреплении связи времен играют сложившиеся ритуалы и традиции, которые придают процессу преемственности высокую символическую и эмоциональную насыщенность. Торжественные церемонии принятия Присяги, вручения первых погон, выпускные церемонии – каждый из этих этапов маркирует переход на новую ступень профессионального становления. Когда в этих действах в качестве почетных гостей или непосредственных участников выступают ветераны, происходит символический акт передачи эстафеты. Личное достижение молодого человека – успешная сдача экзамена, окончание учебы – публично встраивается в континуум общего дела, обретая более высокий смысл как продолжение пути, начатого предшественниками. Этот символический ряд находит практическое и творческое продолжение в культурно-досуговой и проектной деятельности.

Подготовка силами курсантов творческих вечеров, литературно-музыкальных композиций, посвященных истории МВД, требует от них не пассивного усвоения, а активного осмысления и творческой переработки исторического материала [2, с. 75–77]. Участие же в волонтерских проектах по помощи ветеранам и их семьям создает ситуацию личной ответственности и благодарности, формируя не абстрактное уважение, а глубокую, эмоционально окрашенную причастность к судьбам конкретных людей, отдавших часть жизни службе.

Таким образом, преемственность реализуется через синтез личного примера, исторической памяти, символического действия и практического поступка, создавая устойчивый мост между прошлым, настоящим и будущим органов внутренних дел.

В рамках современной государственной политики Российской Федерации, направленной на укрепление национальной идентичности и гражданской солидарности, патриотизм утвердился в качестве ключевой общественной и нрав-

ственной ценности. Особое стратегическое значение в этом процессе отводится системе образования, призванной формировать у подрастающего поколения осознанную гражданскую позицию и готовность к служению Отечеству. Для образовательных организаций Министерства внутренних дел России эта задача приобретает исключительную значимость, так как от внутреннего убеждения будущего сотрудника, от его ценностных ориентиров напрямую зависят верность долгу, закону и профессиональная состоятельность. В этой связи патриотическое воспитание в ведомственных вузах перестает быть лишь частью учебно-воспитательной работы, становясь стержнем формирования служебной идентичности и неотъемлемым элементом национальной безопасности.

Процесс профессионального становления курсанта совпадает с завершающим этапом первичной социализации, что налагает на вуз особую ответственность. Образовательная организация МВД становится тем критически важным институтом, который не только дает специальные знания, но и целенаправленно интегрирует молодого человека из разнородной социальной среды в единое корпоративное и общенациональное ценностное пространство. Данный принцип реализуется в двух взаимосвязанных плоскостях.

Первая плоскость – это преемственность в процессе адаптации и интеграции. Курсантский коллектив формируется из молодых людей с различным семейным, культурным и образовательным опытом. Задача вуза – не нивелировать это разнообразие, а, опираясь на общую цель служения закону, сплавить его в единое братство, основанное на уважении к ведомственным традициям и государственным символам. Институт наставничества, ритуалы посвящения и принятия Присяги, единая форма и распорядок выступают здесь практическими механизмами, через которые личный опыт индивида связывается с коллективной историей и миссией органов внутренних дел [4, с. 337–339].

Вторая, содержательная плоскость преемственности – это прямая трансляция исторического опыта, профессионального этоса и духовных ориентиров от поколения ветеранов к поколению курсантов. Именно здесь культурно-исторический и военно-исторический компоненты воспитания обретают живое, осязаемое измерение. Речь идет не о простом ознакомлении с хронологией событий, а о воспитании гордости через призму личного подвига и служения. Встречи с ветеранами, работа с архивами устной истории, изучение конкретных судеб сотрудников, погибших при исполнении долга, – все это позволяет курсанту воспринимать патриотизм не как идеологическую схему, а как нравственный выбор, совершаемый реальными людьми в экстремальных обстоятельствах. Такая связь с предшественниками воспитывает не только чувство благодарности, но и личную ответственность за продолжение их дела, за честь мундира и доверие общества.

Таким образом, патриотическое воспитание в вузах МВД, основанное на преемственности поколений, выполняет двойную функцию. С одной стороны, оно закладывает фундамент для сохранения единого социокультурного пространства страны, формируя у будущих стражей правопорядка глубокую личную сопричастность судьбе России. С другой – оно обеспечивает внутреннюю дисциплину профессионального сообщества, передавая из поколения в поколение кодекс чести, взаимовыручки и верности Присяге. Современная воспитательная среда

ведомственных вузов активно развивает эту традицию, интегрируя патриотические смыслы как в учебные курсы (через изучение истории государства и права, профессиональной этики), так и в насыщенную внеучебную деятельность: научные кружки, исторические конференции, поисковую работу, волонтерские проекты помощи ветеранам. Именно синтез теоретического знания, живого общения с носителями традиций и практики служебного товарищества создает ту устойчивую систему ценностей, которая позволяет курсанту осознать себя наследником и продолжателем дела защиты Отечества на самом ответственном его рубеже – обеспечении правопорядка и безопасности граждан.

Эффективность данной системы определяется ее комплексным и интегрированным характером. Институт наставничества, историко-патриотическая работа с использованием методов устной истории, ритуалы и традиции, проектная и волонтерская деятельность создают многомерное воспитательное пространство [2, с. 75]. В нем учебное знание, внеучебная активность и будущая служебная практика связываются в единый континуум, где прошлое, настоящее и будущее ведомства воспринимаются как неразрывное целое.

Таким образом, целенаправленное укрепление и научно-методическое совершенствование системы преемственности поколений является стратегической инвестицией в кадровый потенциал МВД России. Это гарантирует не только передачу профессиональных компетенций, но и воспроизводство морально устойчивой, ответственной личности сотрудника, чья гражданская позиция и служебное поведение укоренены в глубоком понимании исторической миссии органов внутренних дел. В конечном итоге, такая работа обеспечивает не просто подготовку квалифицированных специалистов, а формирование наследников и хранителей традиций – офицеров, для которых патриотизм является осознанным служением, а долг – продолжением дела, начатого предшественниками. Это и составляет основу национальной безопасности и духовного суверенитета страны в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Беженцева А. Р., Симонова Л. Б. Отражение понятия «патриотизм» в сознании современного студенчества // Поколение будущего: взгляд молодых ученых – 2021. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 314–319.

2. Колесникова Ю. П., Евдокимова Ю. В., Чумакова Я. В. Патриотическое воспитание как важная составляющая духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения // Культурно-образовательная среда: современные тенденции и перспективы исследований. Белгород : Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2020. С. 75–78.

3. Кучер К. В. Гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание в современном вузе // Традиции и инновации в формировании патриотизма и гражданственности среди российской молодежи. Новосибирск : Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы, 2020. С. 187–191.

4. Мальченкова В. В. Патриотическое воспитание в профессиональной подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 11-2. С. 337–341.

Шукюров Ш. Т.[1],
доцент кафедры
административной деятельности ОВД
Академии полиции
МВД Азербайджанской Республики,
представитель МВД Азербайджанской Республики
в Научно-консультативном совете
при Совете министров внутренних дел
государств – участников СНГ,
доктор философии по праву, доцент

ПОНЯТИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Правовую охрану Конституции призваны осуществлять все органы государства в пределах своих полномочий. Деятельность органов каждой из ветвей государственной власти должна быть направлена на укрепление суверенитета государства, единства государственной власти в целях осуществления общей для всех органов государства задачи – обеспечение реализации и реальной защиты прав и свобод человека и гражданина, провозглашенных высшей ценностью общества и государства.

Таким образом, гарантом конституционных ценностей выступает деятельность всех государственных органов и должностных лиц, которая осуществляется ими путем применения разных правовых средств в пределах делегированной компетенции [1, с. 16].

С. И. Адиньяев отметил, что: «Одним из главных условий успешного функционирования любой социальной системы, в том числе и правоохранительной, является объединение усилий и возможностей ее составных частей для достижения общих целей. Любое государство представляет собой более или менее целостную систему, обладающую множеством интегративных свойств.

Будучи призванным, обеспечить определенную урегулированность и упорядоченность социальных отношений, оно само обладает или должно обладать качеством единства, состоять из совокупности государственных органов в строго определенной зависимости составляющих компонентов с присущими ему внутренними (системными) и внешними (функциональными связями), взаимосвязями и взаимодействиями. Взаимодействие как деятельное проявление целостности любой системы органически присуще ей, в силу чего носит объективный характер.

Взаимодействие полиции с другими государственными структурами в процессе нормотворческой, правоисполнительной и правоохранительной деятельности можно определить как законодательно закрепленные формы совместной деятельности государственных органов, участвующих в реализации правоохранительной функции, и направление на обеспечения эффективного решения стоящих перед ними задач» [2].

---

[1] © Шукюров Ш. Т., 2026.

О. В. Беляева обосновала: «Как известно, одним их условий эффективного функционирования государства, является объединение усилий и возможностей его составных частей для достижения общих целей и задач» [3].

А. Р. Каитова указала, что: «Как писал известный ученый П. А. Сорокин: „Взаимодействие есть родовое понятие социального явления: оно может служить моделью последних. Изучая строение этой модели, мы можем познать и строение всех общественных явлений. Разложив взаимодействие на составные части, мы разложим тем самым на составные части самые сложные общественные явления“.

Упорядоченность отношений в таком взаимодействии, как правило, выражается в согласованности деятельности по целям, месту и времени деятельности отдельных звеньев внутри системы или различных органов, имеющих общие цели, задачи в определенных сферах общественной жизни, связанных с юридической деятельностью. Вопросы взаимодействия суда с другими правоохранительными органами:

– субъектным составом, в котором одной из взаимодействующих сторон выступает государственный орган или должностное лицо, наделенные государством специальным правовым статусом и выполняющим заранее заданные (определенные правовыми предписаниями) ролями (функциями);

– действиями, которые должны или могут совершать субъекты правоприменения (они относятся преимущественно к числу правомерных);

– взаимными связями и отношениями, которые также приобретают вид правовой связи или правового отношения;

– взаимными воздействиями, являющимися формами и средствами правового воздействия, то есть путем предоставления прав и возложения обязанностей, а также посредством информации о праве в юридическом смысле;

– наличием определенного правового результата взаимодействия» [10, с. 23].

О. А. Челпанченко определил, что: «Термин „взаимодействие“ может употребляться в двух смыслах. В философии взаимодействие как категория означает всеобщую форму связей тел и явлений, осуществляющуюся в их взаимном изменении или процесс влияния тел друг на друга. Взаимодействие определяет существование и структурную организацию всякой материальной системы, ее свойства – без способности к взаимодействию материя не могла бы существовать. Таким образом, в философии взаимодействие понимается как любое воздействие тел или явлений друг на друга» [14, с. 11].

Взаимодействие ОВД и судебной власти – это ключевой процесс в правовой системе, включающий **информационный обмен** (ОВД передают материалы в суд для расследования и обвинения, суд выносит решения), **исполнение судебных решений** (ОВД обеспечивают безопасность и порядок в суде, а также исполняют приговоры), а также **координацию** для борьбы с преступностью, защиты прав граждан и обеспечения правопорядка, что реализуется через совместные совещания, документооборот и общие цели.

Обратимся к взаимодействию полиции с общественностью, к ее уровню. М. Е. Югай указал, что: «Практика взаимодействия органов полиции с общественностью возникла в качестве важного стратегического дополнения к тра-

диционной практике работы правоохранительных органов и направлена на создание партнерских отношений между полицией и обществом.

Такой подход меняет практику достижения целей, но не сами цели полицейской деятельности. Этими целями по-прежнему являются следующие:

– поддержание правопорядка, общественного мира и безопасности;
– защита основных прав и свобод личности, прежде всего, права на жизнь;
– предупреждение и раскрытие преступлений;
– оказание содействия и услуг обществу, направленных на сокращение страха перед преступностью и на предупреждение угрозы общественных беспорядков и ухудшения добрососедских взаимоотношений».

Основной предпосылкой взаимодействия полиции с общественностью является идея о необходимости больше задействовать местное население в укреплении безопасности и общественного порядка, а также в решении проблем преступности в местах проживания, поскольку полиция не может выполнять эту задачу сама по себе. Чтобы добиться такого партнерства, полиция должна быть больше интегрирована в общество и должна укреплять свою легитимность путем согласованных с населением действий, а также работы по улучшению качества услуг, оказываемых населению.

В зависимости от отрасли знаний, в рамках которой происходит рассмотрение термина «взаимодействие», в данное понятие вкладывается различное содержание. Так, с точки зрения философии термин «взаимодействие» можно определить как категорию, которая призвана отражать взаимное воздействие друг на друга различных объектов, обусловленное этим воздействием изменение их состава и функции, а также их взаимный переход.

В юридической науке в данный термин вкладывается иной смысл: он означает одну из форм организации, при помощи которой обеспечивается согласованность всех принимаемых решений и действий для достижения конкретной цели [15].

Взаимодействие органов внутренних дел (ОВД) и судебной власти – это целенаправленный, правовой процесс совместной деятельности, направленный на защиту прав человека.

А. Г. Головко обосновал, что «для успешного осуществления прав и свобод граждан необходимы три основополагающих момента: во-первых, признание государственной властью неотъемлемых прав и свобод за своими гражданами; во-вторых, закрепление этих прав и свобод в действующем законодательстве; в-третьих, создание и поддержание в качественном рабочем состоянии реального механизма осуществления указанных прав и свобод.

С принятием на референдуме 12 декабря 1993 года новой Российской конституции завершился обозначившийся в 1991 году период, в рамках которого осуществлялся поворот правовой системы Российской Федерации к признанию и гарантированию прав человека и гражданина. «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», – гласит статья 2 Конституции Российской Федерации. Более того, государство обязано гарантировать осуществление этих прав и свобод, что определено в ст. 45 Конституции Российской Федерации.

Правоохранительная система как «комплекс государственно-правовых средств, методов и гарантий, обеспечивающих защиту общественных отношений от противоправных посягательств» имеет непосредственное отношение к гарантированию прав и свобод граждан. В силу этого государственные органы правоохранительного назначения, определяющие субъективный состав правоохранительной системы, являются субъектами указанного гарантирования [8].

В. А. Терехин отметил, что: «Обеспечение прав человека и гражданина – сложный и многогранный социальный процесс. Поэтому сейчас главное, на наш взгляд, в этой области – обеспечить претворение в жизнь конституционных прав граждан, наполнить их реальным содержанием, воплотить в действительность. Вопросы создания эффективного государственного механизма обеспечения прав и свобод индивида являются, таким образом, важнейшей задачей науки и практики».

В государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека главенствующая роль отводится судебной защите. Судебная защита, будучи государственной, юридической защитой, является наиболее эффективным, из всех выработанных мировой практикой, способом охраны прав личности. Уровень судебной защиты – основной показатель правового характера государства и демократичности общества. Посредством суда и судебной защиты реализуется одно из основных (конституционных) прав граждан – право на судебную защиту.

Всеобщая декларация прав человека в статье 8 закрепила: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом». Право на судебную защиту предусмотрено Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Статья 6 Конвенции гарантирует право индивида при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом [13].

Л. Н. Гаврикова указала о том что: «В качестве целей деятельности современной судебной власти российское законодательство устанавливает: защиту основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей ее территории (ст. 3 [Федерального конституционного] закона „О Конституционном Суде Российской Федерации“). При этом обеспечение прав и свобод человека и гражданина – главная цель деятельности судебной власти, а все остальные – лишь подчинены ей. Достижение поставленной цели требует предварительного решения комплекса определенных задач» [6].

Взаимодействие органов внутренних дел (ОВД) и судебной власти – это правовой процесс, направленный на совместную охрану правопорядка и обеспечение законности. Этот процесс включает в себя обмен информацией, координацию действий и сотрудничество для достижения общих целей по защите прав и свобод граждан, общества и государства от противоправных посягательств.

А. Н. Добров, Л. Т. Культемирова рассмотрели: «Что означает понятие „взаимодействие полиции с сообществами и партнерами?“ Основываясь на приня-

том определении выше, можно выделить три главных элемента, на которых строится эта модель.

Первый элемент – партнерство. Вовлечение сообществ, то есть это усилия, которые местная полиция прилагает для развития партнерских отношений с общественностью и членами различных общественных организаций, представляющих объединенные интересы многих жителей через формальные или неформальные структуры. Партнерство в решении проблем безопасности наиболее эффективно в тех сообществах, где наблюдаются более тесные социальные связи. В этой связи, говорят о концепции „коллективной эффективности“. Задачей полиции в таком случае становится развитие партнерских отношений внутри сообществ, для развития социальных связей и сплачивания людей в общих интересах безопасности.

Второй элемент – применение проблемно-ориентированного подхода. Этот элемент тесно взаимосвязан с задачей выстраивания партнерских взаимоотношений между полицией и местными сообществами и придает ей определенную методичность и понимание тактики, так как концепция „партнерства“ может звучать расплывчато для практиков.

Третий элемент: стандарты качества полицейского сервиса. Услуги гражданам предоставляются при установлении соответствующих контактов с полицией.

Понятие «взаимодействие полиции с общественностью» охватывает различные области деятельности, направленной на демократизацию полиции. Это, как отметил Горднер, происходит в четырех сферах или аспектах: философском, стратегическом, тактическом и организационном.

Философский аспект влечет за собой сдвиг в ценностях работы полиции – от традиционной, реактивной полиции к упреждающей, решающей проблемы и ориентированной на человека работе полиции.

Стратегический аспект включает в себя компоненты, которые претворяют философские элементы в жизнь, обеспечивая такое положение, когда политика, приоритеты и распределение ресурсов увязаны с изменением ценностей.

Затем эти два аспекта воплощаются в конкретные программы, инициативы и меняющиеся поведения людей в рамках тактических аспектов. И наконец, именно организационный аспект определяет успех данной концепции. В организационном аспекте основной упор делается на «институционализации» взаимодействия полиции с общественностью с целью обеспечения условий для изменений в общем руководстве и управлении внутри органов милиции, а также для распространения данного аспекта от начальства до подчиненных на всех уровнях иерархии.

В совокупности, все эти аспекты обеспечивают такие условия, когда проблемы и потребности общества находятся в центре деятельности полиции на всех уровнях [9, с. 249].

Взаимодействие ОВД и судебной власти – это **сотрудничество в рамках единой системы правоохранительных органов**, где каждая структура имеет свои функции, но их совместная деятельность необходима для достижения общих целей. Оно базируется на **разделении властей**, но предполагает **координацию усилий** для обеспечения законности, защиты прав и свобод человека,

а также борьбы с преступностью. Это **процесс совместной деятельности**, направленный на решение правовых задач, а не на слияние функций.

А. В. Безруков особо отметил, что: «Важнейшим условием эффективного обеспечения правопорядка является слаженная и скоординированная работа всех правоохранительных органов, которые эффективно взаимодействуют как между собой, так и с другими органами публичной власти, общественностью.

Основной задачей правоохранительных органов является качественное и эффективное обеспечение правопорядка, для этого различные подразделения органов внутренних дел и иных правоохранительных органов консолидируют свои усилия в этом направлении. Поэтому деятельность органов внутренних дел по обеспечению правопорядка осуществляется не только ими самостоятельно и в слаженном взаимодействии их подразделений между собой, но и в конструктивном сотрудничестве с другими органами публичной власти, включая иные правоохранительные структуры, органы местного самоуправления, избирательные комиссии» [5, с. 117].

К основным направлениям взаимодействия органов внутренних дел с другими правоохранительными органами в сфере обеспечения правопорядка относятся: совместный анализ динамики преступной деятельности, прогнозирование дальнейших ее тенденций; рассмотрение и совершенствование практической деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию, предупреждению преступных действий; совместная работа по выполнению региональных и федеральных программ по обеспечению общественной безопасности и правопорядка; использование положительного опыта взаимодействия и координационной деятельности правоохранительных органов; изучение международной практики противодействия преступности, разработка новых предложений в данной сфере; рассмотрение практики применения законов, направленных на борьбу с преступностью, внесение новых предложений; поиск новых решений в области правового регулирования.

Реализация указанных направлений взаимодействия органов внутренних дел и других правоохранительных органов в сфере обеспечения правопорядка осуществляется в определенных формах. Различают процессуальную и организационную формы их взаимодействия.

К основным процессуальным формам взаимодействия органов внутренних дел и других правоохранительных органов можно отнести:

1) образование совместных следственных групп. Такая форма обеспечивает правоохранительным органам несколько вариантов методов поиска и установления лиц, причастных или совершивших преступление, а также быстро реагировать на информацию о противоправных действиях и принимать корректные решения;

2) проведение оперативно-разыскных мероприятий, в их числе опросы, наведение справок, наблюдение, проверочная закупка, оперативное внедрение и масса других, определенных федеральным законом;

3) информирование следователя по итогам проведения разыскных действий по установлению лиц, подозреваемых в совершении преступления;

4) взаимодействие следователя, дознавателя с сотрудником органа, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность по разрешению и организации

встречи последнего с подозреваемым, с целью проведения оперативно-разыскных мероприятий;

5) действия следственного характера совместно с оперативно-разыскными подразделениями;

6) применение мер, направленных на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства (защита потерпевших, свидетелей и др.).

К основным организационным формам взаимодействия относятся: проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов; обмен информацией и проведение совместных целевых мероприятий в целях выявления и пресечения преступлений и нарушений правопорядка, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению; проведение совместных семинаров, конференций, курсов повышения квалификации; издание совместных приказов, инструкций, указаний, подготовка информационных писем и иных организационно-распорядительных документов; разработка и утверждение согласованных планов координационной деятельности; направление совместных информационных писем, справок, обзоров, сборников и других изданий; формирование статистических данных и их эффективное использование, что в комплексе повышает качество работы силовых структур.

В свою очередь, территориальные органы внутренних дел осуществляют свою деятельность во взаимодействии с соответствующими органами государственной власти и органами местного самоуправления [5, с. 118].

В. В. Бегеза обосновал, что: «В законодательстве, регулирующем главные направления деятельности разных структур правоохранительной системы по обеспечению национальной безопасности, целесообразно ввести конкретную классификацию разнообразных форм взаимодействия и сотрудничества, функционирующую в правоохранительных органах. Нормы законодательства, которые назначат классификацию форм взаимодействия и сотрудничества в правоохранительных органах, позволят им детально проработать множество конкретных вопросов и формировать более результативные формы взаимодействия и сотрудничества, стоящих перед правоохранительными органами» [4].

Взаимодействие ОВД и судебной власти – это правовой, целенаправленный и управляемый процесс их совместной деятельности для защиты прав граждан, общества и государства, борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения законности, где ОВД (полиция) выполняет оперативно-разыскные и следственные функции, а суды рассматривают дела, принимают решения и обеспечивают правосудие, опираясь на законы. Это сотрудничество включает обмен информацией, совместные операции, процессуальное взаимодействие (например, санкционирование арестов) и координацию усилий в рамках правового поля.

Место органов внутренних дел в механизме обеспечения прав и свобод личности весьма зримо определяется по деятельности наиболее крупного и функционально емкого структурного подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации – полиции. Как особая система государственных органов исполнительной власти, полиция в целом призвана защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства

от преступлений и иных посягательств, и наделена для этого правом применения мер принуждения. Ее работа строится на основе принципов законности, гуманизма, уважения прав человека, гласности [7].

С. А. Потапова в своем диссертационном исследовании привела ряд основных выводов, которые сводятся к следующему:

1. Представляется принципиально важным рассматривать, взаимоотношения органов внутренних дел и иных правоохранительных органов; не как простое взаимодействие, а как организацию взаимодействия, которая является разновидностью управленческой деятельности и обладает специфическими чертами, которые присущи этому виду деятельности:

1) наличие субъектов, объектов и предмета совместной деятельности;

2) наличие общих целей, задач, направлений деятельности;

3) взаимопонимание, взаимопомощь, взаимоподдержка;

4) стремление к достижению позитивных результатов;

5) более сложные (оптимальные) взаимоприемлемые формы и методы взаимодействия;

6) информационное обеспечение и анализ;

7) оценка совместной деятельности, ответственность участников организации взаимодействия.

2. Сущностью организации «взаимодействия органов внутренних дел с иными правоохранительными органами является основанная на законах и подзаконных нормативно-правовых актах, согласованная по задачам, направлениям и методам деятельность всех его субъектов, осуществляемая в пределах компетенции с объективно необходимым комплексным использованием присущих взаимодействующим субъектам сил и средств, направленная на решение задач и ряда других вопросов [11].

Проведенное частичное исследование представляет оценку состояния этого вопроса и открывает пути ее дальнейшего изучения. Кроме того, оно позволило прийти к определенным выводам, сформулировать ряд теоретических рекомендаций по совершенствованию совместной деятельности названных выше правоохранительных органов, как органов внутренних дел, так и судейских органов в соответствии с новыми задачами, возникающими на ключевых направлениях формирования понятия взаимодействия органов внутренних дел и органов судебной власти, таких как:

1. Обеспечение слаженности всех звеньев и средств правоохранительных органов на последовательное осуществление мер по высокой эффективности рассматриваемой организации взаимодействия.

2. Нормативно-правовое обеспечение организации взаимодействия правоохранительных органов, ее принципов, форм и методов, организационных условий для осуществления деятельности взаимодействующих органов, их компетенцией и целей, согласования и объединения их усилий, возможностей в совместной деятельности.

3. В целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, возникла потребность в разработке и принятии нового основополагающего нормативно-правового акта, регламентирующего организацию взаимодей-

ствия. Необходима систематизация всех правовых основ, регламентирующих правоохранительную деятельность, результатом которого может стать принятие Закона «Об организации взаимодействии правоохранительных органов».

Список литературы

1. Абдуллаев Ф. Роль конституционной юстиции в защите ценностей верховенства закона // Место и значение органа конституционного контроля в эффективном функционировании системы сдержек и противовесов между ветвями государственной власти : материалы Международной конференции (Кыргызская Республика, 9–10 июня 2016 г.). Бишкек, 2017.

2. Адиньяев С. И. Полиция и общество: правовое регулирование взаимоотношений // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2011. № 4. С. 54–61.

3. Беляева О. В. Взаимодействие и сотрудничество органов внутренних дел и общества в современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 10–14.

4. Бегеза В. В. Проблемы взаимодействия правоохранительных органов по обеспечению национальной безопасности // Право и политика. 2022. № 9. С. 20–29.

5. Безруков А. В. Взаимодействие органов внутренних дел с другими органами публичной власти в сфере обеспечения правопорядка // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4. С. 117–122.

6. Гаврикова Л. Н. Судебная власть России в обеспечении прав и свобод человека и гражданина : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Тамбов, 2009.

7. Гунич С. В. Органы внутренних дел как элемент конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02. Хабаровск, 2014.

8. Головко А. Г. Взаимодействие органов внутренних дел с другими субъектами правоохранительной системы в сфере обеспечения прав и свобод граждан (Вопросы теории) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Ростов н/Д., 1999.

9. Добров А. Н., Культемирова Л. Т. Правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка: опыт России и Казахстана // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 248–258.

10. Каитова А. Р. Вопросы взаимодействия суда с другими правоохранительными органами // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2011. № 3. С. 21–28.

11. Потапова С. А. Организация взаимодействия органов внутренних дел с другими правоохранительными органами по противодействию экономической преступности: по материалам Дальневосточного федерального округа : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.11. М., 2010.

12. Степанов О. А. О взаимодействии правоохранительных органов с судейским сообществом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1 (62). С. 39–42.

13. Терехин В. А. Судебная власть в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод граждан: Вопросы теории и практики : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2001.

14. Челпанченко О. А. Взаимодействие и координация органов исполнительной власти в сфере обеспечения национальной безопасности // Административное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 53–58.

15. Югай М. Е. Некоторые аспекты взаимодействия полиции с общественностью // Параграф. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=32882082.

Воротникова И. Г.[1],
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук, доцент

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ И СЕРБИИ

Меняющиеся геополитические реалии, агрессивные заявления лидеров ряда западных стран, искусственно насаждаемая русофобия и исторический ревизионизм привели к намеренному распространению ложных трактовок исторических фактов. Особенно искаженно их интерпретация дается в отношении итогов Второй мировой войны, истинного значения победы над фашизмом и неоценимого вклада в Великую Победу народов Советского Союза, роль которого в освобождении многих стран была исключительно велика.

Следствием подобной ревизионистской политики стал отказ нескольких десятков стран голосовать против героизации нацизма, что оскверняет память бесчисленных жертв. В декабре 2024 года в Нью-Йорке по инициативе Российской Федерации соответствующий проект резолюции был представлен для рассмотрения на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В итоге резолюция «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», соавторами которой, помимо России, стали еще 39 государств из разных регионов мира, в том числе Республика Сербия, была принята подавляющим большинством: за документ проголосовало 119 государств, против выступили 53 делегации, десять стран воздержались [4].

Для России принятие данной резолюции в канун празднования 80-летия Победы во Второй мировой войне является особенно важным. В интервью информационному агентству «Синьхуа» в августе 2025 года в преддверии официального визита в Китай В. В. Путин отметил, что в ряде государств «фактически идет пересмотр итогов Второй мировой войны, откровенно игнорируются вердикты Нюрнбергского и Токийского трибуналов. <…> Историческая правда фальсифицируется и замалчивается в угоду политической конъюнктуре» [1]. В своих выступлениях президент России неоднократно подчеркивал, что «русофобия, ксенофобия, национализм стали орудием реваншистов во многих странах Европы, в Прибалтике и на Украине».

Одной из европейских стран, разделяющих наши исторические взгляды и дипломатические позиции, является Республика Сербия. Двусторонние отношения России и Сербии основываются на многовековых дружественных связях, прочный фундамент которых возведен на общих исторических, духовных, культурных ценностях и традициях, которые объединяют российский и сербский народы.

---

[1] © Воротникова И. Г., 2026.

По мнению российских и сербских историков, пересмотр итогов Второй мировой войны недопустим. Сербский народ знает цену завоеванной Победы. Сербы сражались на одной стороне с русскими во Второй мировой войне и выражают огромную благодарность русским солдатам, с которыми они освободили свою страну.

Являясь небольшим балканским государством, Сербия занимает особое геополитическое положение – практически со всех сторон она окружена странами-членами ЕС и НАТО, интервенцию которых страна пережила в 1999 году. Россия решительно осудила акт агрессии НАТО, назвав его «операцией против суверенного государства». Из памяти сербского народа невозможно стереть бомбардировки территории Югославии силами НАТО и годы, омраченные войнами и санкциями, а также оказанную помощь, поддержку и проявленную солидарность народа России.

После агрессии НАТО и «цветной революции», в результате которой к власти пришли прозападные политики, государственный суверенитет Сербии был значительно ограничен. По Белграду, несмотря на нарушение исторической справедливости, прокатилась волна переименования улиц.

Кроме того, в сферу политической, ценностной и идеологической борьбы было вовлечено образование, контроль над которым стал одним из приоритетов Запада в Сербии. Реформам подверглись все его уровни; содержание программ, формирующее сербскую, славянскую и православную идентичность, систематически удалялось из учебников. Произошла так называемая глобализация образования, стало поощряться изучение английского языка и использование англицизмов в повседневной речи, что привело к ее засорению и появлению у молодежи своего рода гибрида сербско-английского языка. Запад, используя свою «пятую колонну» в сербском образовании, начал внедрять фундаментальные изменения также в осмысление культуры памяти среди молодых сербов [6, с. 107].

Вследствие вредоносной деятельности представителей неправительственного сектора – так называемых «соросят» и «грантоедов», известных в политическом сообществе как «другие сербы» (то есть сербы, поддерживающие политику ЕС, выступающие за НАТО и либерализм), в Сербии укоренилась идея об отсутствии истории, подразумевающая отсутствие культуры памяти. Существует лишь культура воспоминаний, все остальное является вымыслом, ненадежной информацией [6, с. 107].

Примером борьбы в сфере культуры памяти является полемика вокруг названий улиц в Белграде, особенно тех, которые носят имена советских генералов и маршалов, или, по сути, любых российских деятелей. После распада Советского Союза большинство городов Восточной Европы переименовали свои улицы, но в Белграде этот процесс был особенно радикальным: имена партизан и командиров Красной Армии были стерты из названий улиц, а кладбище белградских освободителей было заброшено [3; 6, с. 101]. К 2004 году Белградский городской совет по наименованию улиц и площадей переименовал почти 200 улиц, в том числе названных в честь выдающихся личностей, советских военачальников и героев Красной Армии, которые помогли освободить Белград от нацистских оккупантов в 1944 году [6, с. 101]. И только спустя время удалось устранить эту несправедливость и вернуть улицам Белграда их прежние названия.

Внезапные перемены произошли в 2009 году, когда после почти десятилетия забвения празднование Дня освобождения было организовано под названием «Белград помнит». Мероприятие совпало с государственным визитом Дмитрия Медведева, тогдашнего президента России [3]. Сербские политические лидеры с благодарностью отметили не только вклад Красной Армии в освобождение Сербии, но и роль СССР в Великой Победе [8].

Во время празднования 72-й годовщины освобождения Белграда заместитель мэра города А. Младенович принес извинения российскому народу и Российской Федерации и подчеркнул, что, возвращая эти названия, власти отдают долг и исправляют большую ошибку, допущенную по отношению к героям, освободителям их столицы. Таким образом, справедливость восторжествовала и герои вернули себе то, что по праву принадлежит им и отражает их достоинство [6, с. 104–105].

Эти символические победы над лоббистами НАТО и самим НАТО в Сербии, по мнению профессора белградского Института политических исследований Республики Сербия Зорана Милошевича, не состоялись бы, если бы граждане Сербии не протестовали против вестернизации улиц Белграда, провозглашая, что «Русская цивилизация – это европейская цивилизация. Москва и Санкт-Петербург – европейские города, не меньше, чем Рим, Лондон, Мадрид… Основы современной Европы были заложены в январе 1943 года, недалеко от города, который тогда назывался Сталинградом. Да Европе! Мы принадлежим этому континенту. Нет Европейскому союзу, НАТО, никогда» [6, с. 105]. Сегодня в сербском обществе существует консенсус относительно роли СССР в освобождении Сербии. Несмотря на все трудности и сложную международную ситуацию, российско-советское мемориальное наследие в Сербии практически полностью сохранилось [7].

Подъем Сербской прогрессивной партии и приход к власти в 2012 году во главе с Александром Вучичем ознаменовал политические перемены в стране. Важнейшим направлением деятельности стало восстановление исторической справедливости, борьба с фальсификацией истории и защита исторической правды наряду с сохранением исторической памяти, поскольку прошлое является важной частью коллективной идентичности нации, так как оно определяет истоки, наследие, преемственность и уникальность народа [7].

В 2014 году ко Дню освобождения был проведен праздничный военный парад, на котором присутствовал президент России В. В. Путин. Армия Сербии стала ключевым действующим лицом в сохранении памяти о народно-освободительной войне [3].

Помимо памятного военного парада 2014 года, проведенного в Белграде впервые с 1985 года, официальное объединение двух мировых войн было подтверждено празднованием Дней Свободы (Dani slobode) – двухнедельного мероприятия, посвященного освобождению Белграда в Первой и Второй мировых войнах, которое проходит с 20 октября по 1 ноября, связывая два дня освобождения и включая ряд мероприятий, таких как уличные забеги, концерты, исторические реконструкции, мемориальное шествие, военный парад с демонстрацией вооружения и военной техники и ставший уже традиционным концерт

Ансамбля песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова. Для большинства учеников всех начальных школ Белграда 20 октября начинается с обязательного урока, посвященного битвам за освобождение города в 1944 году [3].

Возвращение страны к увековечиванию памяти о Народно-освободительной войне прошло рука об руку с укреплением отношений между Сербией и Россией. Ветераны, государственные и общественные деятели, дипломаты обеих стран играют ключевую роль в формировании политики памяти о Второй мировой войне, что проявляется в ходе празднования Дня Победы и Дня Освобождения, которые знаменуют сербско-российскую дружбу [3].

Наряду с этими масштабными мероприятиями и акциями, направленными на сохранение исторической памяти, существуют и такие инициативы, как танцевальный конкурс «Вальс Победы», международная конференция «Память победителей», проект «Дороги Победы», включающий экскурсии по местам сражений Красной Армии в Европе и другие культурные инициативы.

Анализируя историческую память сербского народа и проводя параллели с нынешней политикой памяти в Сербии, профессор З. Милошевич приходит к выводу, что тот факт, что весь блок НАТО и Запад в сотрудничестве с сформированной ими в Сербии пятой колонной борются против памяти о подвигах красноармейцев, а также против русских ученых, писателей и других известных людей, свидетельствует о том, что Вторая мировая война еще не закончилась. В данной связи ученый подчеркивает, что речь идет о «мести побежденных» или «культурной войне», в которой они хотят полностью стереть историю и память о важных событиях у сербов и русских, и навязать ложные стереотипы о двух народах [6, с. 100].

Альтернативой деструктивной ревизионистской политике выступает политика сохранения исторической правды, проводимая Россией и Сербией.

Российская политика памяти основывается на таких значимых для российского народа символах, как «День Победы в Великой Отечественной войне» или «9 мая», «Парад Победы», «Бессмертный полк» и «Георгиевская ленточка», объединяющих всех, кому дорога память о подвиге советского солдата, освободившего мир от нацизма.

9 мая, в День Победы, во многих городах России, а с 2016 года в Белграде и других городах Сербии, проходит торжественное мемориальное шествие «Бессмертный полк», когда в нескончаемом потоке людей идут потомки победителей с фотографиями своих родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне и Второй мировой войне. В Москве это памятное шествие по Красной площади как «дань памяти павшим солдатам» с портретом отца-фронтовика возглавляет В. В. Путин, к которому в 2018 году присоединился президент Сербии А. Вучич. Несмотря на все «угрозы, шантаж и чинимые препятствия», в мае 2025 года А. Вучич наряду с другими лидерами прибыл в Москву для участия в масштабных мероприятиях и Параде в честь 80-летия Великой Победы. Президент России высоко оценил политическое мужество своих коллег, их «твердую нравственную позицию, а также решение разделить праздник с россиянами и отдать дань уважения памяти героям Великой Отечественной войны и Второй мировой войны».

Важным шагом в укреплении культурных, образовательных и исторических связей между двумя братскими народами стало проведение в октябре 2025 года

в Белграде учредительного собрания сербского отделения Российского исторического общества. Данное торжественное мероприятие, которое объединило более тысячи участников, состоялось под председательством Александра Вулина, главы Совета сербского отделения, чье назначение на этот пост было воспринято как символ преемственности сербско-российской дружбы [7].

В своем выступлении, проникнутом сильным эмоциональным накалом, А. Вулин подчеркнул неразрывную историческую связь России и Сербии и акцентировал внимание на том, что отделение Русского исторического общества в Сербии является местом встречи всех, кто видит Сербию свободной, независимой и достойной страной, страной, которая без ограничений работает над сохранением мира и исторической правды, а также идеи «сербского мира». При этом первостепенной задачей сербского отделения Российского исторического общества, по его мнению, является борьба против любых искажений истории и сохранение исторической правды о сербском и русском народах. Политик заверил, что Сербия всегда будет верным союзником России, потому что оба народа разделяют одни и те же ценности – веру в суверенитет, свободу и справедливость [7].

Президент Российского исторического общества С. Е. Нарышкин в своем видеоприветствии отметил единство исторических судеб наших народов, которые «вместе одержали победу в борьбе за независимость Сербии от османского ига, вместе прошли через горнило двух мировых войн и под конец XX века одновременно пережили распады своих государств, сопровождавшиеся кровавыми конфликтами» [7]. С. Е. Нарышкин, особо подчеркнул понимание сложного положения Сербии в современном политическом контексте ввиду оказываемого со стороны Брюсселя огромного давления и уважение, которое Россия испытывает к Сербии, ее независимому курсу, последовательности и достоинству.

Российское историческое общество было создано как институт, сохраняющий память об общих победах, страданиях и подвигах народов, разделяющих одну духовную ось, православие и веру в справедливость. Создание сербского отделения Российского исторического общества является еще одним подтверждением того, что культура и история остаются сферой, в которой Россия и Сербия действуют в духе взаимного уважения и поддержки. Перед отделением Русского исторического общества в Сербии стоит задача объединить ведущие сербские и российские научные, архивные и музейные учреждения, поощрять совместные исследования и создать общую платформу для сохранения исторической истины. В числе приоритетов нового филиала изучение многовековых связей между Сербией и Россией, сотрудничество между архивами и музеями, а также организация выставок, научных конференций и образовательных программ, посвященных общему прошлому двух народов [7].

Сегодня отношения между Республикой Сербия и Российской Федерацией находятся на самом высоком уровне и характеризуются пониманием, взаимной поддержкой и динамичным сотрудничеством во всех областях.

В ходе встречи с В. В. Путиным в сентябре 2025 года в Пекине по случаю торжественных мероприятий, посвященных 80-летию окончания Второй мировой войны, президент Сербии А. Вучич отметил, что «Сербия находится в очень сложной ситуации и под сильным давлением» [5]. В этих условиях, опираясь

на историческую память, современная Сербия вынуждена искать баланс между отношениями с западными странами и традиционными связями с Россией.

Несмотря на геополитические факторы, страна смогла отстоять принципиальную позицию и защитить свою независимость. Сербия – единственная страна в Европе, которая не ввела никаких санкций против Российской Федерации и продолжает сохранять свой военный нейтралитет, стремясь к расширению взаимовыгодного сотрудничества с Россией [5]. Общее понимание исторического прошлого и стремление к успешному развитию позволяет выстраивать плодотворное сотрудничество по многим направлениям. В ходе личных встреч и во время телефонных разговоров президенты России и Сербии неоднократно подчеркивали взаимную готовность к укреплению стратегического партнерства, основанного на духовных, культурных и исторических связях между народами двух стран.

Современные вызовы, стоящие перед русским и сербским народами требуют дальнейшего объединения усилий по защите исторической правды и упрочению духовных скреп, чтобы не допустить искажения истории и обесценивания героических подвигов предков, способствовать формированию гражданского самосознания молодежи и передать историческую память будущим поколениям.

Список литературы

1. Интервью информационному агентству «Синьхуа» (30 августа 2025 г.) // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/77864.

2. Опачић Д. Од данас: Руско историјско друштво у Србији! Вулин: Ми смо победа и правда. Наришкин: Заједничка историја (26 октября 2025 г.) // Братство. URL: https://srbratstvo.rs/od-danas-rusko-istorijsko-drustvo-u-srbiji-vulin-mi-smo-pobeda-i-pravda-nariskin-zajednicka-istorija/.

3. Dureinović J. World Wars Entwined: The Belgrade Liberation Day in Serbia's Memory Politics (16.11.2020) // Research Center for the History of Transformations (RECET). URL: https://www.recet.at/blog/detail/world-wars-entwined-the-belgrade-liberation-day-in-serbias-memory-politics.

4. General Assembly Adopts 47 Third Committee Resolutions, including Texts on Nazi Glorification, Children's Rights, Palestine Statehood (17.12.2024) // United Nations. URL: https://press.un.org/en/2024/ga12669.doc.htm.

5. Meeting with President of Serbia Aleksandar Vucic (02.09.2025) // President of Russia. URL: http://en.kremlin.ru/events/president/news/77905.

6. Milošević Z. Historical memory and politics of memory in Serbia: A contribution to the study of NATO's action against the cultural memory in Serbia through examples of street renaming in Belgrade // History and Cultural Memory. Institute for Political Studies. Belgrade, 2024, pp. 99–110.

7. Obradović S. Don't forget to remember: collective memory of the Yugoslav Wars in present-day Serbia // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology, vol. 22 (1), pp. 12–18.

8. Živanović M. Historical Memory of World War II in Serbia: Past and Present (06.05.2025) // Valdai. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/historical-memory-of-world-war-ii-in-serbia-past-a/.

Раков К. А.[1],
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПАМЯТИ

Исследование феномена памяти носит междисциплинарный характер и однозначно не является непосредственным предметом изучения юридической науки или политологии. Память как свойство или элемент сознания человека исследуется сегодня, главным образом, нейрофизиологами [5, с. 319–332]. Прикладные аспекты исследований в области памяти человека вполне объяснимо входят в область интересов медиков и педагогов [2]. В той или иной мере проблема памяти возникает в работах по философии, религии, мифологии [1; 4; 8]. Непосредственно с результатами действия памяти – воспоминаниями имеет дело историческая наука, однако она освобождена от исследования самой памяти. Юридические науки (науки о праве и государстве) так же, во многом, имеют дело с результатами работы памяти, но в соответствующих исследованиях этот момент как правило не рефлексируется и специального значения вопросам памяти не придается.

Вместе с тем, от того, как в праве будут решены вопросы памяти (в том числе юридического регулирования памяти) зависят, пожалуй, самые серьезные сферы жизни общества и государства. По крайней мере, сегодня мы можем наблюдать весьма интересные варианты «преподнесения» результатов работы памяти в политической сфере, образовании, культуре и искусстве, работе средств массовой информации. Речь идет об искажении имевших место фактов, событий или явлений, или вовсе «выброс» в публичное информационное пространство фейков (фактов или событий, не имевших место). И вне зависимости от того, определяем ли мы право как регулятор общественных отношений (позитивистский подход), или более широко – как феномен, конструирующий социальную среду, – такие важные вопросы, как память должны находиться в его (права) орбите.

Безусловно, право не должно и не может регулировать индивидуальную память как нейрофизиологический процесс. То есть право не может регулировать объективные механизмы запоминания и вспоминания. Однако, результаты работы памяти, их подача в публичное информационное пространство и, что очень важно, вопросы интерпретации этих результатов, то есть субъективные процессы, связанные с памятью – непосредственное поле для функционирования права. Именно эти аспекты находятся под влиянием идеологической сферы общественной жизни, которая конструируется в первую очередь посредством правовой идеологии [6, с. 43].

---

[1] © Раков К. А., 2026.

Весьма наглядным примером социального значения памяти является проблема сохранения так называемой коллективной памяти.

Набирающий сегодня стремительные обороты дискурс о первостепенном значении «исторической памяти» и важности различного рода практик по ее сохранению или возрождению требует несколько более разносторонней оценки, чем та, которая существует в рамках этого дискурса.

Следует, по крайней мере, определиться с тем: а) что вкладывается в содержание понятия «историческая память»; б) для чего так важно сохранение этой памяти (каким целям должна служить эта память); в) возможны ли непредсказуемые последствия сохранения или возрождения той или иной памяти (каким целям потенциально может служить конкретная память). Представляется, что подобного рода деятельность (по сохранению или возрождению памяти), в любом случае, должна сообразовываться со смыслом следующего тезиса: «Рассудок и память могут находиться как в согласии, так и в противоречии. Однако память может функционировать исключительно под контролем рассудка. В связи с этим классы и все общество могут поддерживать память либо трансформировать ее» [7, с. 36].

Сегодня мы можем наблюдать сходные процессы по сохранению или возрождению исторической памяти, осуществляемые с различными целями. Так, например, мы видим социально полезные и конструктивные проекты по сохранению исторической памяти о жертвах фашизма и трагических последствиях функционирования данного режима. В то же время сегодня действуют организации, ставящие своей целью дискредитацию социалистического опыта минувшего века, в первую очередь, государственной политики Советского Союза. Названия этих организаций широко известны. По сути, они ведут подрывную деятельность, направленную против интересов российского государства, и занимаются непосредственным разжиганием социальной розни.

Представляется, что право, в частности юридическое право государства, может и должно заниматься регулированием памяти не в целях политической конъюнктурной целесообразности, но в контексте обеспечения безопасного и конструктивного функционирования и развития общества.

Мемориальная функция права [7] может осуществляться не только специально, как в случае с регулированием вопросов памяти и ее результатов. Некоторые концепции, существующие в юридической науке и соответствующие им правовые стандарты (нормы, ценности и принципы, стратегии) сами по себе хранят «отпечаток» коллективной памяти. И эта память так же не всегда свободна от иррационального компонента. Так, например, концепция прав человека, выраженная в огромном нормативно-юридическом массиве современного права, во многом сконструирована в русле мифа свободы, характерного для либеральной идеологии [3, с. 93].

Таким образом в качестве обобщений возможно предложить следующие тезисы:

1. Вопросы памяти должны получить более серьезную разработку в современной правовой доктрине. Для этого необходима более плотная междисциплинарная интеграция юристов с представителями тех отраслей науки, которые изучают память специально.

2. Память, будучи одним из элементов сознания, требует работы с собой. Эта работа не должна быть ограничена психолого-педагогическими практиками, но должна быть расширена в сферу общественного сознания. Отдельного внимания в этом контексте заслуживает работа с так называемой коллективной памятью.

3. Особую важность в контексте работы с коллективной памятью представляет деятельность по развенчанию фейков, интерпретации мифов, разработка грамотной стратегии фиксации, хранения и разархивации элементов социальной памяти.

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004.

2. Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения. М. : Прогресс, 1980.

3. Востроknутов В. А., Клименко А. И. Мифологический компонент в правосознании современного общества : монография. М. : Проспект, 2024.

4. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб. : Университетская книга, 1997.

5. Каменская М. А., Каменский А. А. Основы нейробиологии. М. : Дрофа, 2014.

6. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества : монография. М. : Норма, 2017.

7. Ситников К. А. Мемориальная функция права: к постановке проблемы // История государства и права. 2025. № 1. С. 32-40.

8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007.

Матанцев Д. А.[1],
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ДОБРАЯ ПАМЯТЬ ОБ УМЕРШЕМ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Временные границы бытия личности не ограничиваются рамками жизни человека. В пренатальном периоде человек хотя и не признается еще субъектом права, но уже вовлекается в сферу правового регулирования и подлежит правовой охране. После смерти лица предопределяемые его социально значимыми качествами нематериальные блага продолжают охраняться нормами законодательства. Такой подход позволяет обеспечивать социальную и правовую преемственность, способствует гармонизации и стабильности общества, его морально-нравственных и правовых устоев.

В современных условиях стремительного роста информации (не всегда объективной и достоверной) и развития технологий важно обеспечивать своеобразную неприкосновенность умерших лиц от попыток их дискредитации и дезинформации общества об их жизнедеятельности. При этом это касается не только широко известных, исторически значимых личностей, государственных и общественных деятелей, но также и обычных граждан.

В настоящее время основные дискуссии о правовой охране интересов умерших лиц разворачиваются в рамках отраслевых исследований (главным образом, цивилистических и уголовно-процессуальных).

Гражданское законодательство охраняет такие нематериальные блага умерших, как честь, достоинство, деловая репутация (ст.ст. 150, 152 ГК РФ), изображение (ст. 152.1 ГК РФ), частная жизнь (ст. 152.2 ГК РФ), авторские права (ст.ст. 1228, 1267 ГК РФ).

Обращает на себя внимание подход В. В. Саркисян, которая для характеристики юридически значимых интересов умерших лиц использует распространенный в зарубежном праве термин «постмортемные интересы» и предлагает их более расширенную классификацию [7]. Такие интересы автором подразделяются на две основные разновидности – имущественные и неимущественные. Неимущественные интересы, в свою очередь, включают в себя репутационные, этические и генетические интересы. Указанные выше нематериальные блага относятся автором к репутационным интересам. Этические интересы затрагивают вопросы, связанные с погребением тела умершего или его крионированием, использованием его органов и тканей. Кроме того, с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, искусственного интеллекта неизбежно возникают вопросы продолжения «цифровой жизни» умершего лица (использование его аккаунта, каналов в социальных сетях, дипфейков на основе

[1] © Матанцев Д. А., 2026.

изображения умершего лица). Генетические интересы предопределяются развитием вспомогательных репродуктивных технологий и требуют учета при решении вопроса о консервации и дальнейшем использовании эмбрионов, созданных с использованием генетического материала умершего лица.

В рамках уголовно-процессуального законодательства проблема учета и защиты интересов умершего лица возникает при прекращении уголовного преследования такого лица по не реабилитирующим основаниям.

Одним из наиболее сложных в теоретическом плане вопросов является определение возможности существования субъективных прав и охраняемых законом интересов лица после его смерти.

Классические представления о природе нематериальных благ, их неотчуждаемом характере вкупе с положениями о начале и прекращении правосубъектности человека позволяют говорить о прекращении личных неимущественных прав с момента его смерти.

Из буквального прочтения абз. 3 п. 2 ст. 150 ГК РФ следует интересная конструкция: принадлежавшие умершему лицу нематериальные блага могут защищаться заинтересованными лицами. При такой формулировке остается не до конца понятно: если эти блага ранее принадлежали умершему, кому они принадлежат сейчас? Вряд ли возможно защищать то, что уже утрачено. Действовавшая до 2013 года редакция указанной нормы ГК РФ позволяла заинтересованным лицам не только защищать, но и осуществлять личные неимущественные права умершего (что могло быть свидетельством правопреемства). Действующая ныне редакция ГК РФ, хотя от возможности осуществления личных прав умершего лица отказалась, окончательно вопрос принадлежности самих нематериальных благ и возникающих по их поводу личных неимущественных прав не решила.

Следует обратить внимание, что в решениях Конституционного Суда Российской Федерации отмечалось, что конституционное право на охрану чести и достоинства личности распространяется не только на период жизни лица, а его гарантированная защита относится к числу обязанностей государственных органов [6]. Тем самым можно заключить, что Конституционный Суд признает наличие личных прав лица и после его смерти.

В цивилистической литературе предлагают различные варианты решения этого сложного теоретического «ребуса».

Так, М. Н. Малеина считает возможным существование так называемых «бессубъектных» прав и нематериальных благ, которые существуют автономно от личности умершего [4, с. 25–26]. Концепция «бессубъектных прав» также высказывалась в немецкой юридической науке [5].

Оригинальной подход предлагает В. А. Белов, который считает, что личные права проистекают из особого социально значимого юридического факта (правового состояния), поэтому они имеют «приражение» не только к своему субъекту, но и к основанию возникновения (юридическому факту-состоянию), поэтому могут существовать бессрочно и независимо от своего субъекта [1, с. 175].

Однако данные точки зрения идут в разрез с устоявшимися догматическими представлениями о правосубъектности, правоотношении и выглядят чрезмерно

схоластическими. Представляется, что есть более простой и разумный способ обоснования защиты интересов умершего лица другими лицами. Этот подход проистекает из социальной природы человека, коммуникативного характера его жизнедеятельности, в силу чего личностные качества человека формируют не только его собственное духовное состояние и нуждающиеся в правовой охране нематериальные блага, но и ценностное отношение к ним со стороны других людей (в первую очередь, имеющих с ним лично-доверительные связи). Еще Р. фон Иеринг, признавая существование наряду с субъективным правом охраняемого законом интереса, относил к последнему родственную любовь, почтение перед наследодателем со стороны наследника, соболезнование и доброжелательство [3, с. 53–57].

С учетом сказанного можно поддержать позицию Е. В. Гаврилова о том, что законодательство не охраняет права умершего лица, а охраняет интересы иных лиц, выражающиеся в доброй памяти об умершем. По мнению автора добрая память – «это положительные морально-этические и общественно-социальные качества, принадлежащие человеку до его смерти, которые после смерти человека являются предметом уважения и гордости для общества и заинтересованных лиц, каким-либо образом связанных с человеком, который умер» [2, с. 41]. Примечательно то, что добрая память как объект правовой охраны и право на защиту доброй памяти об умершем находит отражение в законодательстве и судебной практике ряда зарубежных стран (Австрии, Испании, Польши).

Конституционный Суд Российской Федерации наряду с охраной чести и достоинства умершего также отмечает, что гарантии защиты памяти об умерших и сохранение достойного к ним отношения не могут быть исключены из сферы общего (публичного) интереса в государстве, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции Российской Федерации) [6].

Из этого следует, что право на добрую память не может трактоваться как исключительно частное (гражданское) право, принадлежащее узкому кругу заинтересованных лиц (главным образом родственников, наследников). В зависимости от степени публичности умершего лица, «масштабов» его общественной деятельности, заинтересованными лицами может быть признан более широкий круг субъектов (например, организация, в которой осуществлял свою трудовую деятельность человек; иные общественные организации, занимающиеся мемориальной работой; в конечном итоге – государство, если необходимость сохранения доброго имени умершего составляет предмет национального интереса).

Однако при рассмотрении вопросов об охране доброй памяти публичных деятелей необходимо исходить из баланса между частными и публичными интересами, допустимой критической оценкой деятельности этого публичного лица и обеспечения неприкосновенности доброй памяти о нем.

В завершении данного научного очерка необходимо отметить, что добрая память – важнейшая социально-психологическая и правовая ценность, значение которой задает уже сама Конституция Российской Федерации, сначала в преамбуле, а затем в ст. 67.1. Это обстоятельство наряду с другими служит веским аргументом в пользу закрепления права на защиту доброй памяти об умершем в действующем законодательстве Российской Федерации.

Список литературы

1. Белов В. А. Гражданское право : в 2 т. Т. 2. Особенная часть : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2025.

2. Гаврилов Е. В. Добрая память об умершем человеке как нематериальное благо в гражданском праве Российской Федерации и зарубежных стран // Гражданин и право. 2014. № 9. С. 39–47.

3. Иеринг Р. Интерес и право: Правоспособность учредителей. Интерес и право. Непреодолимая сила. Ярославль : Типография Ярославской губернской земской управы, 1880.

4. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: Понятие, осуществление, защита : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 1997.

5. Останина Е. А. О договорном механизме приобретения права на использование элементов образа физического лица // Вестник гражданского права. 2025. № 2. С. 227–265.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2011. № 5.

7. Саркисян В. В. Постмортемные интересы: правовые основы и виды // Наследственное право. 2024. № 4. С. 9–12.

Шингарева Н. В.[1],
доцент кафедры правовых дисциплин
Российского православного университета
святого Иоанна Богослова
кандидат юридических наук, доцент

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА ПРАВА В СУДЕБНИКАХ XV–XVII вв.

Со второй четверти XIV в. Московское княжество стало центром объединения русских земель. Различие в диалектах русского языка требовало создания унифицированной системы языка, на котором будет вестись государственное делопроизводство и формироваться общерусское право. Решение данной проблемы было возложено на органы московского отраслевого управления – Приказы, благодаря повседневной деятельности которых происходило формирование единой терминологии и норм языка приказной письменности [1].

Приказная терминология развивалась на основе разговорной речи жителей Москвы и прилегающих территорий. Благодаря этой связи приказной язык быстро отражал происходившие в общественном развитии изменения. Помимо приказного языка существовал церковнославянский, который издревле выступал как язык высокой письменности, богослужений и науки. Особое место занимал деловой язык, в котором использовались особые правила языкового выражения и оформления текстов, присутствовала греческая и византийская терминология, в частности, процессуальная лексика. Однако употреблявшиеся в деловом языке юридические формулы со временем стали жесткими, неспособными учитывать новые обстоятельства или изменения в обществе, поэтому они стали ограничивать гибкость правового регулирования и препятствовали адаптации права к меняющимся условиям. Поэтому на первый план выходит приказной язык.

Особую роль в развитии приказного языка сыграли договоры Руси с иностранными государствами. Благодаря этому в русском законотворчестве появилась европейская и латинская терминология. Особую роль в этом процессе сыграла переводческая деятельность Посольского приказа. В штате Посольского приказа состояли лица, знающие латынь, польский, немецкий, французский, английский, голландский, белорусский языки.

В XVI в. были заложены ключевые виды документов, используемые в приказном делопроизводстве. Вышестоящие органы передавали указания в форме «грамот», «указов» и «приказов». В Судебниках 1497 и 1550 гг. фигурируют различные виды грамот, обеспечивающих гражданский оборот и оформляющих решение органов власти: бессудная, отпускная, правая, вольная, жалованная, приставная, тарханная, уставная и др.

Особый вид документов представляли собой приговоры, которые содержали официальные постановления, вынесенные как судебными, так и административными органами власти. Зачастую приговоры оформлялись в виде пометок на документах, поступавших от нижестоящих учреждений, или на прошениях

[1] © Шингарева Н. В., 2026.

частных лиц. Когда органы одного уровня обращались друг к другу, они использовали вид документа, называемый «память». Одним из актов приказного делопроизводства являлась «доезжая память», которую выдавали инспектирующему чиновнику, выполняющему определенное поручение. Форма связи между нижестоящими (местные представители управления – воеводы, губернаторы, полковые начальники, приказные люди и разрядные подьячие) органами и вышестоящими были «отписки», в которых содержался доклад об исполнении «государева указа». К числу просительных документов относились сначала «жалобницы», а потом, начиная с 1550-х гг., «челобитные» [5].

В XVI в. усиливается контроль за финансированием и распределением денежных средств, в том числе в военной сфере и в области выплаты жалования служащим государственного аппарата. Были созданы новые виды делопроизводственной документации – десятни, которые представляли собой списки служилых людей по отечеству. В десятнях велся реестр старых служилых военных, в десятни включали новых служилых лиц с последующим их верстанием (установлением оклада жалования). В XVII в. вместо десятен появились разборные книги и книги раздачи денежного жалованья.

Развитие правоохранительной деятельности пополнило приказной язык такими терминами, как «доезд», «нетчик» и др. «Доезд» – это отчет канцелярского служителя о проведенном сыске. «Нетчик» – это человек, не явившийся в соответствующий приказ или на суд. Особые книги «сошного письма», возникновение которых связано с податной реформой середины XVI в., содержали сведения о размерах земельных участков, а также руководство по исчислению окладных единиц (сох и вытей) с учетом качества земли.

Проводимые преобразования в военной области и перенимание западноевропейского военного опыта привели к появлению заимствований из латинского, польского и немецкого языков таких терминов, как «дистанция», «фортеция», «фундамент», «генерал», «гетман», «есаул», «капитан», «капрал», «каптенармус», «комендант», «комиссар», «полковник», «солдат», «хорунжий», «бердыш», «карабин», «мушкет» и др.

Изменения в правовой лексике получили соответствующее отражение в Судебниках XV–XVI вв. Создание Судебников было определено необходимостью формирования единого правового пространства. Языком Судебников 1497 и 1550 гг. был приказной стиль разговорного великорусского языка. В гражданском праве для обозначения владения земельным наделом продолжает использоваться понятие «вотчина». В связи с развитием отношений подданства формируется новая форма феодального землевладения – «поместье» и, соответственно, появляется новый субъект владения – «помещик». В области договорных отношений используются понятия «купчая», «заклад», «крепость», «заемная память», «заемная кабала», «ссудная запись» и др. В области семейных отношений для закрепления перехода имущества использовались древнерусские термины «рядная», «сговорная запись» и др. Наследственная имущественная масса также определяется древнерусским термином «статок».

В уголовном праве для обозначения противоправного деяния применяется понятие «лихое дело», преступник – «лихой человек». Для обозначения убийцы

в Судебниках 1497 и 1550 гг. используются термины «душегубец», «убойца», «головник». Начало формирования тюремного заключения как вида уголовного наказания приводит к заимствованию термина «тюрьма» либо из польского языка, либо из тюркского [2].

Идет процесс совершенствования понятийного аппарата, связанного с правоохранительной деятельностью и отправлением правосудия. «Недельщики» (судебные приставы) занимались оповещением о вызове в суд, помогали в розыске преступника и доставке его в суд. Формируется «система терминов, связанных с судоустройством: „полатный суд“ (судебная палата при Боярской думе конца XVII в.), „судья“ (земский, волостной, посадский, мирской), „встречный суд“, „пристав“, „исправа“, „всчинати“, „вершити взыскание“, „наносити вину“, „наносити суд“ и др.» [1].

В процессуальном праве сосуществовали две формы процесса – «суд» и «розыск». В состязательном процессе дело начиналось на основании челобитной истца, которая в случае принятия судом, визировалась дьяком и приобретала значение «приставной памяти», которая была предварительным уведомлением судьи о тяжбе, которую истец намеревался начинать с известным лицом. На основе «зазывной грамоты», которая выдавалась судебно-административным органом истцу, осуществлялся вызов ответчика в суд. По взаимному согласию сторон, срок их явки в суд мог быть установлен посредством подачи так называемых «отсрочных челобитных». Кроме того, существовали и другие категории челобитных, такие как «управные», «явочные», «повинные», «мировые», «ставочные».

В процессе стороны подкрепляли свои позиции письменными документами и показаниями свидетелей. В Судебниках 1497 и 1550 гг., наряду с понятием «свидетель», использовался древнерусский термин «послух», упоминаемый еще в Русской Правде. В качестве доказательств использовалась «общая ссылка», когда истец и ответчик для подтверждения своих показаний ссылались на свидетельство одних и тех же лиц. Еще одним процессуальным мероприятием был «повальный обыск», состоящий в опросе местных жителей для выяснения обстоятельств дела. Крайне редко стали использовать доказательства предыдущего периода развития процессуального права – «божий суд», «крестное целование».

В ходе развития разыскного (инквизиционного) процесса стала формироваться особая юридическая терминология, закрепленная в Судебниках. Сам процесс расследования именовался «розыском» или «сыском». «Изветная челобитная» была отправной точкой для начала розыска по «государеву слову или делу», она не могла быть анонимной, «изветчик» выступал открыто. «Государево слово или дело» касалось не только преступлений, направленных напрямую против государства или государя, но и о злоупотреблениях властью, казнокрадстве, колдовстве. «Изветная челобитная» адресовывалась органам власти, например, воеводе, в Москве «извет» мог быть отправлен в соответствующий приказ. После получения челобитной проводились «расспросы» изветчика, обвиняемого и свидетелей. Процедура задержания и доставки обвиняемого – «в приводе был». Если обвиняемый был помещен под арест – «держать по прежнему за приставом».

Если обвиняемый не давал показаний, то могла быть применена пытка (расспрос «у пытки»).

Таким образом, в XV–XVI вв. протекает процесс формирования языка законодательства, судопроизводства и официального делопроизводства. Им становится документально-деловой (приказной) стиль русского языка. Законотворческая и правоприменительная деятельность московских приказов позволила выработать единство терминологии и норму языка приказной письменности, в частности, в области юриспруденции. Формирование новой лексики нашло отражение в Судебниках XV–XVI вв.

Список литературы

1. Акишин М. О. Юридический язык Русского государства конца XV – XVII веков // Genesis: исторические исследования. 2016. № 3. С. 168–187.

2. Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб. : ДБ, 2001.

3. Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998.

4. Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М. : Наука, 1978.

5. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века (формуляр, традиционные, этикетные и стилевые средства). Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1974.

Сучкова М. В.[1],
доцент кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Интерес к культурному наследию имеет важное значение для общества, так как знание истории своего народа и его культурных ценностей позволяет осознать свою роль в продолжении этих традиций, способствует формированию уважительного отношения к иным культурам и традициям. В связи с этим необходим анализ и осмысление деятельности Российского государства в предшествующие периоды по охране и сохранения памятников истории и культуры. Обращение к историческому опыту помогает избежать ошибок и выработать наиболее эффективные меры по сбережению национального культурного наследия.

В Российском государстве целенаправленная деятельность по охране историко-культурного наследия стала осуществляться с начала XVIII в. Однако интерес к памятникам старины и бережное отношение к ним зародились гораздо раньше. Еще киевские князья старались привезти на Русь различные артефакты. Большую роль в сохранении памятников древнерусской письменности сыграла Русская православная церковь: деятельность монастырских скрипториев была направлена на пополнение и воспроизведение книжного фонда. В период Московского государства Оружейная палата являлась не только арсеналом, но и была местом хранения знаков великокняжеской и царской власти (инсигний).

Петр I во время Великого посольства 1697–1698 гг., посетив западноевропейские королевские дворы, а также города и кабинеты «кунштов» (собрание произведений искусств и наук, редкостей и чудес) открыл в 1714 г. в России Кунсткамеру. Для формирования коллекции Кунсткамеры был издан указ от 13 февраля 1718 г. «О передаче родившихся монстров в каждом городе коменданту и о назначении за них платы и о штрафе за утайку». Было установлено денежное вознаграждение за «диковинные редкости» и уродов. Необходимо обратить внимание, что указ 1718 г. явился первым законодательным актом, который установил особый порядок обращения с древностями (археологическими находками).

В область интересов императора попали и церковные древности. В 1720 г. было предписано произвести осмотр хранящихся в монастырях грамот и рукописных и печатных книг. В этом же году сенатским указом от 20 декабря было предписано местным властям «во всех эпархиях и монастырях, и соборах» про-

[1] © Сучкова М. В., 2026.

вести инвентаризацию указанных ценностей, а описи представить в Сенат. Синоду было поручено, согласно реестрам описанных ценностей, произвести копирование и после вернуть подлинники в соответствующие монастыри и церкви.

Интерес Петра I к культурному наследию распространялся и на территории, не являющиеся местами исконного проживания русской нации. Были изданы указы по сохранению древностей в отдельных регионах страны. 16 февраля 1721 г. был издан указ «О покупке в Сибири куриозных вещей и о присылке оных в Берг и Мануфактур-коллегию», который был направлен на сохранение предметов, представляющих историческую и культурную ценность Сибири. В 1722 г., будучи в Казани, Петр I, осмотрев руины средневековой столицы Волжской Булгарии, приказал произвести починку поврежденных строений и монументов. 20 апреля 1722 г. вышел указ о сохранении «вещей старых изрядных», при этом особый интерес вызывали те регионы центральной России, которые не пострадали в Смутное время. Таким образом, петровское законодательство явилось основой для дальнейшего формирования нормативного регулирования в сфере выявления, учета и оценки российского культурно-исторического наследия. Однако формулировки основных положений были слишком общими и неопределенными, поэтому в значительной степени выявление таких объектов зависело от компетентности и добросовестности исполнителей на местах.

После Петра I и до воцарения Екатерины II вопросам сохранения памятников культуры уделялось мало внимания. Фактически три указа, изданных при Анне Иоанновне, затрагивали вопросы культурных ценностей. Указы от 4 августа 1732 г. и от 8 апреля 1736 г. предписывали передать в Мастерскую и Оружейную палаты казенные ювелирные изделия. Указ от 20 декабря 1737 г., регламентируя порядок обращения с конфискованным имуществом, особое внимание уделял различным изъятым «куриозитетам».

В правление Екатерины II были приняты меры по сохранению памятников культуры, при этом особое внимание было уделено вновь присоединенным территориям, которые являлись уникальными по плотности и разнообразию археологических, исторических и архитектурных памятников.

Особое значение для сохранения памятников, прежде всего археологических, имел сенатский указ от 9 апреля 1771 г. Указ предписывал при составлении топографических планов включать сведения «о древних курганах и о древних же развалинах, также о пещерах… и о других подобных сему по самой натуре видимых признаках».

Не меньшее внимание было уделено охране письменных памятников. На это были направлены указы 1768, 1779, 1781, 1782 гг. В целом, эти указы регулировали процедуру сохранности старых государственных дел, в частности, при закрытии различных присутственных мест [2].

Синод получил указание копировать древние русские летописи с целью печатания. Результатом этого стало издание большого количества русских летописей, послуживших источниками для написания трудов по отечественной истории.

В XVIII в. законодательство о сохранении архитектурных памятников формировалось в русле организации строительных работ и противопожарных пра-

вил, и понятия «памятник зодчества» не существовало. Деятельность государства по сохранению архитектурных памятников была нерегулярной и несистематичной. В качестве примера можно привести тот факт, что архитектор В. И. Баженов, разрабатывая по поручению Екатерины II, проект Большого Кремлевского дворца собирался разрушить часть зданий XV–XVI веков, не учитывая историческую значимость объектов.

В XIX в. государство старалось регламентировать сохранность отдельных уникальных объектов. На основании указа 4 июля 1822 г. «О сохранении памятников древности в Крыму» были четко указаны государственные учреждения, ведавшие охраной культурного наследия. Такими полномочиями были наделены Министерство внутренних дел, Министерство духовных дел и народного просвещения, Академия наук и Академия художеств. Также в этом указе устанавливалось государственное финансирование для обеспечения сохранности памятников старины [1].

В первой трети XIX века, когда интерес к археологическим артефактам значительно возрос и сформировался рынок для торговли произведениями искусства, российское правительство было вынуждено принять меры для пресечения бесконтрольных археологических раскопок. В 1834 и 1835 гг. были изданы указы, запрещающие поиск древностей на государственных и общественных землях Керченского полуострова без соответствующего разрешения. В 1839 г. для проведения раскопок на казенных землях южных регионов Российской империи было создано Одесское общество истории и древностей, которому было предоставлено исключительное право на эту деятельность. Одновременно, в 1832 г. Академия наук ходатайствовала о возобновлении действия указов Петра I и Екатерины II, предписывающих передачу всех «произведений природы и искусств» в ее фонды. Охрана архитектурных памятников также была усилена указами 1826 и 1827 гг., а с 1837 г. на гражданских губернаторов была возложена ответственность за сохранение старинных замков, крепостей и других древних сооружений.

В связи с возросшим интересом к археологическим артефактам и формированию рынка по торговле предметами искусства в 20–30-х гг. XIX в. российское правительство предпринимает ряд мер по пресечению бесконтрольных археологических раскопок. Указы 1834 и 1835 гг. устанавливали, что на территории Керченского полуострова «никто без дозволения местного начальства не имеет права искать древностей на землях казенных и общественных». Проводить археологические раскопки на казенных землях в южных регионах Российской империи было разрешено только созданному в 1839 г. Одесскому обществу истории и древностей.

В 1832 г. Академия наук подало прошение в министерство народного просвещения с просьбой возобновить действия указов Петра I и Екатерины II, которые регулировали практику передачи всех «произведений природы и искусств» в Академию (указ от 20 июля 1832 г.).

Охрана архитектурных памятников производилась на основании указов от 31 декабря 1826 г. и от 14 декабря 1827 г. На основании «Общего наказа гражданским губернаторам» 3 июня 1837 г. на местные власти в лице граждан-

ских губернаторов была возложена обязанность «иметь попечение и о сбережении по возможности от разрушения всех остатков старых замков, крепостей и других памятников древности».

Однако данные законодательные акты не устанавливали ни четких критериев для выявления памятников архитектуры, ни хронологических рамок древности построек. Отсутствовало и указание на степень ответственности должностных лиц за нарушение законов об охране памятников старины.

Сохранность памятников церковной архитектуры находилась в ведении Синода. Изменение архитектурного облика церковных строений (особенно сооружений древнерусского периода и средневековья, вплоть до XVIII в.), их «поновление» и реставрация осуществлялись с разрешения Синода (распоряжение от 20 апреля 1843 г.).

Основополагающим законодательным актом в сфере защиты и сохранения архитектурных объектов являлся указ от 14 февраля 1848 г. Этот документ категорически запрещал уничтожение древних памятников и требовал неукоснительного соблюдения мер по их сохранению («строго воспретить разрушать памятники древности и непременно блюсти за их сохранением»). В результате, все архитектурные достопримечательности на территории страны перешли под государственную охрану.

В 1859 г. была учреждена Императорская археологическая комиссия, подчиненная Министерству императорского двора. Наряду с органами, упомянутыми в указе 1822 г. и отвечавшими за охрану культурного наследия, эта комиссия получила полномочия по принятию мер для сохранения археологических находок и отдельных артефактов.

В начале XX в. защита архитектурных памятников регулировалась положениями Строительного устава. Эти нормы категорически запрещали «разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и прочих старинных сооружений», возлагая ответственность за нарушения на губернаторов и местную полицию.

Таким образом, система охраны объектов культурного и исторического наследия в Российской империи начала формироваться еще в XVIII в. Однако, несмотря на попытки разработки комплексного закона об охране памятников истории и культуры, предпринятые во второй половине XIX в. (проекты 1871, 1876, 1904, 1908, 1910 гг.), основным упущением оставалось отсутствие единого основополагающего законодательного акта. Многие вопросы в этой сфере решались на уровне ведомственных инструкций. Кроме того, не существовало четких критериев для определения того, является ли объект культурным или историческим памятником, а в нормативных документах использовались расплывчатые термины, такие как «памятники древности» и «исторические памятники».

В период с XIX по начало XX в. в России не было единого органа, ответственного за охрану исторических памятников. Эту функцию выполняли различные государственные учреждения. Указ 1822 г. наделял соответствующими полномочиями Министерство внутренних дел, Министерство духовных дел и народного просвещения, а также Академию наук и Академию художеств.

Во второй половине XIX в. ведущую роль в этой сфере начала играть Императорская археологическая комиссия. Помимо упомянутых ведомств, в рамках своей компетенции охраной культурного наследия занимались также Технико-строительный комитет, Департамент общих дел и Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел.

Список литературы

1. Михайлова Н. В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX века : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2002.

2. Шаманаев А. В., Зырянова С. Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи : учебное пособие. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018.

Иванченко Ю. А.[1],
заместитель начальника кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА В ПРОЦЕССЕ ЛЕГИТИМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Правовая легитимация обеспечивает прямую и обратную связь общества и государственной власти, она выступает как необходимое условие существования гражданского общества и правового государства в их различии и единстве. В этом смысле процесс правовой легитимации государственной власти представляет собой базовый элемент коммуникативной правовой системы взаимоотношений общества и государственной власти.

Эффективность процесса правовой легитимации государственной власти тесным образом связана с тем, насколько она обеспечена юридическими механизмами обретения признания. Правовая легитимация невозможна без их включения, потому как именно они являются необходимым атрибутом, способствующим коммуникации в этом взаимном процессе, теми юридическими способами, которыми пользуются политические системы в стремлении получить и укрепить свою правомочность.

Коммуникативная функция права в процессе легитимации государственной власти представляет собой ключевой аспект, обеспечивающий доверие граждан к институтам государственной власти. Коммуникативный аспект права направлен на уяснение и разъяснение смысла правового предписания, обеспечение безопасного и упорядоченного взаимодействия участников социальных связей [1, с. 27].

Право не просто регулирует общественные отношения, но и служит средством диалога между государством и обществом. Право, будучи инструментом коммуникации, позволяет государственным органам выражать свои намерения и обязывает граждан соблюдать установленные правила. Этот процесс требует активного участия всех сторон, что подтверждает необходимость обратной связи и диалога. Легитимация государственной власти происходит через правовое обеспечение равенства, справедливости и правопорядка, основываясь на ценностях, разделяемых обществом.

Таким образом, право выступает не только как средство контроля, но и как связующее звено между властью и населением, способствуя формированию устойчивых и конструктивных отношений, необходимых для функционирования цивилизованного общества. В этом смысле право становится своеобразным языком, на котором государственная власть сообщает свои намерения и цели, а граждане, в свою очередь, могут свободно выражать свои позиции и ожидания. Эффективная коммуникация позволяет избежать конфликтов и способствует

[1] © Иванченко Ю. А., 2026.

гармонизации общественных отношений. Таким образом, право, выполняя свою коммуникативную функцию, не только укрепляет легитимность государственной власти, но и содействует стабилизации социальной среды, создавая условия для диалога и консенсуса в рамках правового государства.

Для теоретического понимания механизма легитимации государственной власти и оценки легитимности необходимо создать логическую модель. Мы рассматриваем легитимацию как двусторонние коммуникативные отношения между государством и обществом, что подразумевает обмен определенными ресурсами, основанными на нескольких факторах. Ключевыми элементами в этих отношениях являются уровень доверия, обоснованность действий, взаимная ответственность и правовая культура государственной власти.

Легитимность государственной власти представляет собой состояние, имеющее различные уровни. Уровень легитимности определяется тем, насколько эффективно реализуются социальные ожидания и оценки, связанные с действиями органов власти. Поддержка уровня обоснованности невозможна без реальных форм легитимации, которые помогают установить, соответствуют ли действия определенным критериям. Таким образом, взаимодействие между государственными органами и обществом непосредственно влияет на уровень легитимации власти. Интересы легитимации формируют элементы социальной регуляции, которые обеспечивают механизм правовой легитимации.

Важным аспектом коммуникативной функции права является его способность адаптироваться к изменениям в общественных ценностях и потребностях. Этот процесс требует постоянного диалога между гражданами и государством, что позволяет законодательству оставаться актуальным и отражать реальную жизнь общества. Завершает процесс легитимации полноценное включение правового предписания в коммуникацию, протекающую между субъектами [2, с. 31]. В таких условиях право становится инструментом не только регулирования, но и представления интересов различных групп населения.

Важно отметить, что существует значимая закономерность: влияние права на социум тем более ощутимо, чем более активные правовые формы стимулируют волю и мышление людей. Эти легитимационные правовые стимулы воздействуют на интересы, мотивы и установки индивидов, таким образом формируя социальные связи, упорядочивая коммуникацию между обществом и государством, делая ее более целенаправленной и предсказуемой, а также уменьшая уровень неопределенности в отношениях между властью и гражданами.

Тем не менее, формальная законность, лишенная адекватного правового содержания, не может эффективно выступать в качестве надежного механизма защиты от возможных проявлений необоснованности со стороны государственной власти и не станет гарантией соблюдения прав граждан. С точки зрения взаимодействия общества и государства, верховенство права создает приоритет правовых норм над другими механизмами регулирования и утверждает юридическое равенство субъектов, что подразумевает строгое соблюдение правовых норм, прежде всего со стороны самой государственной власти.

В современных условиях ключевую роль в формировании доверия общества к государственной власти играют правовые институты, которые действуют как

посредники в процессе коммуникации между гражданами и государством. Эффективная коммуникация зависит от прозрачности действий властей и доступности правовых механизмов, что в свою очередь способствует укреплению легитимности государственной власти. Граждане, осознавая свои права и возможности их защиты, становятся активными участниками гражданского общества, что создает предпосылки для конструктивного диалога между властью и населением.

Параллельно, развитие институтов общественного контроля позволяет минимизировать формы злоупотребления властью. Этот процесс не только усиливает правосознание граждан, но и приобретает важное значение для формирования правовой культуры в обществе. Повышение правовой грамотности населения служит основой для формирования поколения активных и ответственных граждан, способных не только отстаивать свои интересы, но и защищать общественные блага. Коммуникационная функция права выступает не только инструментом правового регулирования, но и важным фактором, способствующим социальному единству и устойчивому развитию общества.

Таким образом, исследование легитимации государственной власти в правовом аспекте позволяет определить значение права в процессе легитимации государственной власти как коммуникативной системы, сложившейся между органами государственной власти и гражданским обществом. Право как совокупность норм и предписаний оформляет основы деятельности государственной власти, определяет процедуры взаимоотношений населения с государственной властью, но при этом не совпадает с обеспечением законности. Право, являясь средством обеспечения доверия общества к государственной власти, с одной стороны, закрепляет критерии правовой обоснованности управления обществом, с другой – предстает как совокупность гарантий социально-правовой защищенности общества, граждан. Оптимизация уровня легитимности государственной власти возможна посредством развития институтов общественного контроля над деятельностью органов государственной власти, активизации институтов гражданского общества и индивидуальной правовой жизни граждан в коммуникативной системе органов государственной власти и общества.

Список литературы

1. Баринов П. С., Катомина В. А. Коммуникативная функция права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4 (147). С. 22–29.

2. Денисенко В. В. Делегитимация права: причины и способы предотвращения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3 (38). С. 30–35.

Зикунова Н. В.[1],
начальник инспекции по личному составу
Восточно-Сибирского института МВД России

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Сохранение исторической памяти в XXI веке трансформировалось из сферы академического знания и культурной политики в важный элемент обеспечения национальной безопасности и консолидации социума. В Российской Федерации этот процесс институционализирован в рамках целенаправленной государственной политики, реализуемой широким спектром органов публичной власти. Подразделения психологической службы, входящие в структуры силовых ведомств, образовательных учреждений, органов по делам молодежи и иных государственных институтов, являются значимыми акторами данного процесса. Их потенциальный вклад может варьироваться от прямой мобилизационной работы до сложной деятельности по профилактике исторических травм и формированию критического осмысления прошлого. Однако эффективность и легитимность такого участия напрямую зависят от четкости и сбалансированности его правовых основ.

Правовое поле, в котором функционирует психологическая служба государственных органов, представляет собой многослойную конструкцию, где каждый уровень задает определенные рамки деятельности.

На стратегическом (концептуальном уровне) формируются общие цели для всех государственных институтов.

Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности» [1] устанавливает основные принципы, приоритеты и задачи, которые служат основой для организации деятельности психологической службы по сохранению исторической памяти. Указом установлено, что сохранение исторической памяти является национальным интересом и стратегическим приоритетом, что означает, что все государственные органы, включая структурные подразделения психологической службы, должны работать в соответствии с этими целями.

Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2] закрепляет «историческую память и преемственность поколений» в качестве одной из базовых ценностей. В правовом смысле это создает для психологической службы ценностно-нормативный ориентир, предписывающий учитывать и продвигать

[1] © Зикунова Н. В., 2026.

данную ценность в своей работе, особенно в части информационно-воспитательного воздействия.

Базовым является также федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [3], законодательно закрепляющий защиту исторической правды и сохранение исторической памяти как неотъемлемые составляющие патриотического воспитания. На государственные органы возлагается обязанность создания условий для такого воспитания, что порождает правовое основание для вовлечения в этот процесс и психологической службы.

Изданное в рамках реализаций требований данного федерального закона распоряжение Правительства Российской Федерации № 2970-р [4] регламентирует деятельность психологической службы государственных органов по сохранению исторической памяти не как отдельную функцию, а как сквозной, интегрированный элемент государственной молодежной и образовательной политики. Оно задает стратегический контекст, в котором психологическая работа с исторической памятью является обязательной для достижения государственных целей и закрепляет конкретные задачи психолого-диагностического и исследовательского характера. Кроме того, распоряжение требует развития кадрового потенциала в области воспитания, что подразумевает активное участие психологов в создании образовательных программ и стандартов, а также создает систему проектов и мероприятий, где психологическое сопровождение переходит из разряда желательного в категорию профессионально необходимого для их успешной и безопасной реализации. Таким образом, документ не описывает процедуры работы психолога, но создает правовые и организационные условия, обязывающие государственные органы задействовать и развивать структурные подразделения психологической службы в качестве неотъемлемого ресурса для выполнения задач по сохранению исторической памяти в рамках патриотического воспитания.

Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [5] является документом, прямо и системно регламентирующим деятельность психологической службы государственных органов в области сохранения исторической памяти. Он задает рамки деятельности психологической службы – историческое просвещение как инструмент формирования идентичности; определяет задачи психологической службы – противодействие фальсификациям, воспитание патриотизма, работа с целевыми группами; предусматривает инструменты психологической службы – научные исследования, методическая работа, информационное противодействие; устанавливает организационные механизмы ее деятельности – межведомственная координация, мониторинг, отчетность. Психологическая служба становится значимым исполнителем политики государства в области сохранения исторической памяти, обеспечивая эмоциональное, когнитивное и поведенческое измерение исторического просвещения.

На специальном уровне действуют нормы, непосредственно охраняющие символику и нарративы исторической памяти.

Ценностный и идеологический контекст, который психологическая служба должна учитывать в своей работе, обеспечивая эмоциональную, когнитивную и поведенческую вовлеченность граждан в сохранение исторической памяти, задают федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80 «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [6] и ст. 354.1 УК РФ [7], устанавливающие правовые запреты и табу. Для психолога они означают наличие «красных линий» в профессиональной коммуникации: использование исторических примеров, разработка тренингов и программ должны осуществляться в строгом соответствии с этими нормами, исключая любые формы отрицания или оправдания преступлений нацизма.

Ведомственный уровень – наиболее конкретный и обязательный для психолога уровень регулирования.

Уставы, положения и инструкции о психологической службе конкретных государственных органов и организации в них психологической работы (например, приказ МВД России «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [8]), как правило, не содержат прямой отсылки к «исторической памяти». Однако она имплицитно содержится в таких стандартных задачах, как формирование и поддержание благоприятного социально-психологического климата в служебных коллективах, формирование и развитие у сотрудников профессионально значимых психологических качеств, а также формирование морально-психологической готовности личного состава к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях и поддержание надлежащего морально-психологического состояния сотрудников.

Научно-теоретическое осмысление практической реализации данных задач позволяет констатировать их неразрывную связь с историческим дискурсом. Это находит выражение в следующих формах деятельности: коммеморативные практики, приуроченные к знаковым историческим датам, актуализация в групповой работе сюжетов о героических поступках предшествующих поколений, а также проактивная работа по дискредитации и нейтрализации ревизионистских нарративов и попыток фальсификации истории в служебных коллективах.

Следовательно, в системе нормативного регулирования можно выделить основное прямое формально-юридическое основание для осуществления психологом деятельности в сфере сохранения исторической памяти. Таким основанием выступает внутриведомственный организационно-распорядительный документ, декларирующий выполнение воспитательной функции. Историко-патриотический компонент при этом выполняет роль содержательно-смыслового наполнения (контента) данной функции, операционализируя ее в конкретных профессиональных действиях и коммуникативных практиках психолога.

Описанная система регулирования порождает ряд серьезных проблем, требующих научного и практического разрешения.

Во-первых, отсутствие единого нормативного акта, который бы четко определял цели психологической работы с исторической памятью (адаптация, мобилизация, терапия травмы?), допустимые методы (информирование, дискуссия, суггестия?) и критерии ее эффективности приводит к произвольному тол-

кованию обязанностей психолога и риску подмены психологических методов идеологической индоктринацией.

Во-вторых, имеется коллизия «государственный заказ vs. профессиональная этика». Психолог, особенно в силовых структурах, является государственным служащим, обязанным исполнять приказы. Одновременно он связан нормами профессиональной этики (принципы конфиденциальности, не причинения вреда, уважения автономии личности). Возникает противоречие: как реагировать на высказывания сотрудника, расходящиеся с официальной исторической позицией, но являющиеся частью его картины мира? Где грань между формированием патриотизма и психологическим давлением? Ведомственные инструкции не дают ответов на эти вопросы.

В-третьих, существует правовая неопределенность в работе с «травматической памятью». Историческая память, особенно о войнах, репрессиях, катастрофах, носит травматический характер. Профессиональная психологическая работа с потомками носителей травмы, с коллективными последствиями исторического потрясения является сложной задачей. Однако в действующем законодательстве и ведомственных регламентах отсутствуют правовые механизмы и ресурсное обеспечение для подобной деятельности. Работа сводится к общим воспитательным мероприятиям, не решающим глубинные психологические проблемы.

На основе вышеизложенного можно констатировать, что деятельность психологической службы государственных органов по сохранению исторической памяти в настоящее время регулируется через систему стратегических установок и широких формулировок ведомственных задач. Основной проблемой является не столько отсутствие норм, сколько их неспецифичность, ведущая к этико-правовым коллизиям и потенциальному выходу за рамки профессиональной компетенции психолога.

Оптимизация регулирования видится в разработке и утверждении на межведомственном уровне методических рекомендаций (стандарта) по психологическому сопровождению вопросов исторической памяти в государственных органах. Документ должен разграничить просветительскую, воспитательную, диагностическую и коррекционную функции психологической службы, закрепить этические ограничения и рекомендовать научно обоснованные методики. Кроме того, следует внести соответствующие разделы в ведомственные программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации психологов, включающие основы исторической психологии и медиации исторических конфликтов, а также инициировать междисциплинарные (юристы, психологи, историки) исследования по вопросам правовых и этических границ психологического воздействия в сфере исторического сознания с целью выработки более тонких правовых конструкций.

Таким образом, формирование четких, сбалансированных и профессионально ориентированных правовых основ деятельности психологической службы государственных органов является необходимым условием для превращения исторической памяти из инструмента мобилизации в ресурс для психологического благополучия и осознанной гражданской идентичности.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

3. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 октября 2025 г. № 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517324/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

5. Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476013/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

6. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6643/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. Приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 20.10.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_486292/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

Феднева Н. Л.[1],
доцент кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

ПРОБЛЕМАТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОДЕРЖАНИИ «ПРОГРАММЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ, ВКЛЮЧЕННЫХ В КАДРОВЫЙ РЕЗЕРВ ОРГАНОВ, ОРГАНИЗАЦИЙ, ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ»

Отношение к истории как к ресурсу для сплочения общества имеет место во многих странах, и Россия в этом ряду является скорее правилом, чем исключением. Осуждение «Ивана, не помнящего родства» не случайно вошло у нас в поговорку. Отличительной особенностью российского государства, объективность которой пытаются отрицать неолибералы-глобалисты, стала проводимая на всем протяжении его развития политика поддержания патриотической направленности образования. С момента своего становления как социального института, начавшегося в эпоху Нового времени, российское образование обязательно включало изучение истории, содержание которой изменялось в зависимости от потребностей власти и общества, а также от уровня развития исторической науки.

Потенциал принципа исторической преемственности учитывался не только в государственной политике в отношении образования, но и по ряду других направлений деятельности государства. Многовековой опыт поддержания традиций укрепления и защиты Отечества, охраны порядка, нашел отражение в законодательном закреплении необходимости увековечения памяти о героях, внесших особый вклад в упрочение силы и могущества страны; в проведении массовых мероприятий к памятным датам; в содержании российской наградной системы; в инициировании и финансировании государством, совместно с общественностью, установления памятников и мемориалов, посвященных историческим событиям.

Традиционно ведущая роль в сохранении и развитии политического курса на преемственность поколений в деятельности защитников отечества принадлежит силовым структурам. И на рубеже XX–XXI веков после некоторого временного перерыва, возникшего в связи с «перестройкой» и последующей трансформацией правоохранительной системы, в подразделениях по личному составу МВД России произошла институционализация направления деятельности, связанного с изучением истории и традиций стражей порядка.

Решением министра внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцева в 2014 г. в системе морально-психологического обеспечения деятельности

[1] © Феднева Н. Л., 2026.

органов внутренних дел была организована историческая работа, издан ряд ведомственных организационно-распорядительных документов [1, с. 45]. О признании особой важности проведения этой работы среди личного состава свидетельствует включение темы «Историческая работа в органах внутренних дел» в дополнительную «Программу профессиональной подготовки сотрудников, включенных в кадровый резерв органов, организаций, подразделений МВД России». Эта программа разработана в соответствии с требованиями примерных дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки сотрудников, утвержденных руководством ГУРЛС МВД России 23 июня 2022 г.

Понятие «историческая работа» используется в нормативных документах МВД России для определения направления деятельности по укреплению традиционных ценностей и сохранению исторической правды. Историческая работа рассматривается в них как основа патриотического воспитания личного состава подразделений МВД, восстановления и развития исторической преемственности институтов, выполняющих функции охраны порядка. Понимаемая в широком смысле, в масштабах государства и общества, историческая работа в ОВД является важным фактором укрепления национального согласия и духовной общности народов нашей страны.

Целью данной публикации является привлечение внимания к вопросам методологии изучения темы «Историческая работа в органах внутренних дел» с сотрудниками, включенными в резерв на повышение, обучающимися по «Программе профессиональной подготовки». Первоочередной задачей в этом ряду является конвенциональное определение основных терминов и соответствующих понятий, заложенных в программу и необходимых для усвоения обучающимися. Актуальность проблемы усиливается в связи с тем, что консенсуса отечественных ученых по их пониманию и определению пока нет. Задача осложняется тем, что формой изучения темы является семинар, к которому предшествующая лекция не предусмотрена.

Для понимания ситуации с понятийным аппаратом обучающимся предлагается необходимая историческая справка. Дело в том, что на Западе с 80-х годов прошлого века началось активное обсуждение перспектив развития исторической науки, вызванное значительными расхождениями в понимании объекта и предмета ее изучения. Полемика осуществлялась сначала в научных кругах: последние представители доминировавшей ранее в Европе школы «Анналы» поставили под сомнение необходимость изложения политической истории своих стран, заменив ее нарративом «истории повседневности». В исторической науке начался процесс «деконструкции мифов» о величии государств-империй и лидеров, окруженных ранее ореолом поклонения. По мнению ряда критически настроенных интеллектуалов, имперская идеология, лежавшая в основе и отдельных социальных групп, и исчерпала себя в изменившихся условиях глобализации. Показательным в этом смысле стал проект французского издателя П. Нора «Франция. Места памяти» (Les lieux de mémoire) (1984–1986). Проект был воспринят общественностью России в целом заинтересованно; встретил как восторженное отношение в либеральных кругах, так и критическое от-

ношение ряда историков. Отдельные тексты проекта, наряду с программной вступительной статьей П. Нора были изданы на русском языке [7].

Постепенно на Западе процесс создания образов прошлого перемещался из правительственных и научных кабинетов в общественные структуры. Решающую роль в этом процессе играли средства массовой информации, которые еще в XIX в. начали формировать общественное мнение в отношении прошлого, а в условиях информационной революции и глобалистского курса США и западноевропейских стран получили неограниченные возможности влияния на массовое сознание. Сегодня не секрет, что целью ряда СМИ стало формирование общественного сознания как нивелированного наднационального коллективного бессознательного, для чего были использованы и критика «имперской политики», и призывы к «преодолению прошлого».

Обсуждение вышло за рамки национальных европейских историй и перешло в сферу истории стран, освободившихся от колониальной зависимости и обратившихся к своему наследию с целью пересмотра сложившихся ранее в метрополиях оценок и подходов. Некогда завоеванные и потерявшие свою независимость, народы пытались вернуть свою культуру, традиции, язык в целях самоопределения и поддержания своей уникальности, обращаясь при этом к прошлому. Проблема обострилась в связи с ростом миграции и, как следствие, с усилением фрагментации общественного сознания в европейских странах.

В начале XXI века обсуждение окончательно перешло из научной сферы в средства массовой информации, затронуло предвыборные кампании и парламенты. В ходе дискуссий из европейского общественного сознания и из сознания европейских элит начала постепенно вытесняться парадигма исторической науки как таковой со свойственными ей методами и принципами. Понятие «история» постепенно размывалось, подменялось понятием «memory studies»: дословно – «изучение памяти», «разработка памяти». У нас термин переводится как «историческая память» и не имеет определенной дефиниции. Наряду с ним используются такие термины, как «коллективная память», «официальная память», «историческая память», «политика памяти», «мемориальная политика», «историческая политика», «официальная политика памяти» и другие [2, с. 21]. Конкретная история, основанная на фактах, объявлялась необъективной, ангажированной, обслуживающей тоталитарные режимы и устаревшей; ее предлагалось дополнить (а по возможности и заменить) категорией памяти как коллективного бессознательного. При этом для неподготовленного читателя различия между понятиями «историческая память» и «история», которые не являются взаимозаменяемыми, сглаживались. Объективно попытки подмены памятью истории облегчали процесс манипулирования общественным сознанием за счет возможности произвольного конструирования элементов, отключающих верифицируемую составляющую памяти. Не сравнимое ни с чем по масштабам влияние на коллективное сознание оказывали разработанные по мотивам исторических сюжетов, «историоризированные» компьютерные игры, созданные искусственным интеллектом ролики на около исторические темы, блокбастеры, использовавшие элементы экскурса в прошлое.

Этот подход встретил сопротивление ряда профессиональных историков и представителей общественности, инициировавших так называемые мемори-

альные законы, призванные стать инструментом реализации официальной политики памяти на национальном уровне. Эти законы коснулись прежде всего памяти о Второй мировой войне. 13 июня 1990 г. во Франции был принят Закон № 90-615 «О пресечении любых расистских, антисемитских или ксенофобных действий», получивший неофициальное название «Закон Гейссо» (по имени своего инициатора – коммуниста Жана-Клода Гейссо) [3, с. 315]. Согласно данному закону была установлена уголовная ответственность за отрицание Холокоста. В дальнейшем становление политики памяти в европейских государствах имело свои особенности, обусловленные спецификой их исторического развития и соотношением политических сил в конкретный момент принятия закона.

В целом же, мемориальное законодательство стало продуктом ментального и интеллектуального развития государств, вступивших в стадию постиндустриального развития, на которой возник потенциал неограниченной доступности для широких масс информации о прошлом, а также возможность изначального создания на основе медиатехнологий образов прошлого, не подпадающих под существующие способы верификации. Функции мемориального законодательства в этих условиях оказались весьма неоднозначными – они могли включать регулирование с помощью санкций за нарушение уже установленных запретов, законодательное закрепление новых оценок прошлого, поощрение определенной деятельности в сфере исторических исследований. Принятие и изменение мемориальных законов позволяло элитам в критические моменты канализировать общественный протест в необходимое русло.

После ознакомления обучающихся с изложенной выше информацией, изучение темы «Историческая работа в органах внутренних дел» преподаватель подводит к выводу о необходимости разделить два понятия – понятие истории как науки и понятие исторической памяти. История как наука стремится к точному отражению прошлого и делает это с помощью научных теорий и подходов, предполагающих создание «объективной» (т. е. убедительной с точки зрения рацио) картины. Историческая же память отличается от истории мифологичностью, склонностью воспроизводить прошлое на основе воображения, порожденного чувствами и ощущениями настоящего. Этот подход (хотя и с некоторыми оговорками, касающимися наличия взаимовлияния и взаимосвязи истории и исторической памяти) предлагается в пособии коллектива авторов И. В. Грибан, В. Н. Земцова, А. А. Постниковой, Н. Ф. Шестаковой [4, с. 10] и представляется относительно адекватно отражающим сложившуюся понятийную ситуацию.

Далее преподаватель подчеркивает, что термин «историческая память», активно внедряемый в последние десятилетия в нашей стране, как в публицистику, так и в научный оборот, в Конституции Российской Федерации отсутствует [5, с. 22]. Отталкиваясь от Конституции Российской Федерации с дополнениями 2020 г., мы можем говорить о таком понятии, как «историческая правда». Обучающимся предлагается обратиться к статье 67.3, в которой говорится: «Российская Федерация чтит *память защитников Отечества*, обеспечивает защиту *исторической правды* [курсив наш – Н. Ф.]. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Очевидно, что в новой редакции Конституции речь идет не о сохранении памяти вообще, не об аб-

страктных «местах памяти», а об отдании долга вечной памяти конкретным героям – защитникам Отечества. Вместе с тем, введенное в поправках понятие «историческая правда», являясь понятием исторической науки, имеет явно более узкий смысл, чем понятие «историческая память», и также подразумевает конкретность, верифицируемость, подтверждение практикой. Принимая данную поправку, законодатель избежал софистической подмены понятий, которая может возникнуть при беспредметно широком толковании термина «память» и которую мы наблюдаем в ряде мемориальных законов зарубежных стран.

Статья 67.3 Конституции является правовым основанием для противодействия попыткам фальсифицировать российскую историю, и, таким образом, «противодействие посягательствам на историческую правду теперь имеет конституционную основу» [8, с. 38]. В этом смысле рассмотренные выше поправки работают на укрепление суверенитета российского общества в духовной сфере. В этом же направлении действует и ст. 88 Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г., в которой термин «историческая память» присутствует, но поставлен в один ряд с употребляемым в Конституции термином «историческая правда». В Указе говорится: «участились попытки фальсификации российской и мировой истории, искажения *исторической правды* и уничтожения *исторической памяти*».

До сведения обучающихся доводится, что понятие «историческая правда» до сих пор не обозначено в отраслевом законодательстве и требует теоретического обоснования и инкорпорирования в правовую действительность [6, с. 30]. То же самое можно сказать и о понятии «историческая память». Поэтому на практике мы руководствуемся заложенным в Приказ Министра внутренних дел термином «историческая работа», который позволяет описательно определить конкретный функционал указанного направления деятельности. *Историческая работа* в ОВД – это деятельность, проводимая в органах, организациях и подразделениях системы МВД России по изучению истории Отечества и органов внутренних дел, накоплению и использованию исторических знаний в интересах совершенствования правоохранительной практики, обучения и воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Важнейшим направлением, по которому проводится историческая работа, является увековечение памяти погибших при исполнении служебных обязанностей. Обучающимся предлагается ознакомиться с Законом Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» (с изменениями и дополнениями от: 22 августа 2004 г., 3 ноября 2006 г., 23 июля 2008 г., 18 июля 2011 г., 5 апреля 2013 г., 3 июля 2016 г., 5 декабря 2017 г., 19 июля 2018 г., 1 апреля 2020 г., 30 апреля 2021 г., 1 мая, 19, 29 декабря 2022 г., 13 июня 2023 г., 9 ноября 2024 г.). В законе употребляется термин «память погибших при защите Отечества», т. е. речь идет о конкретных людях и событиях; подчеркивается, что уважительное отношение к памяти погибших при защите Отечества или его интересов является священным долгом всех граждан. Внимание обучающихся обращается на обоснованность избирательного употребления законодателем термина «память», предлагается перечислить конкретные категории лиц, память о которых подлежит увековечению,

согласно закону. Далее предлагается ответить на вопрос, память о каких еще объектах увековечивается; осветить основные формы увековечения памяти погибших при защите Отечества.

В соответствии с приказом МВД России от 23 июня 2021 г. № 484 «Об утверждении Порядка зачисления сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации навечно в реестр сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и Порядка издания книг Памяти в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», навечно в реестр зачисляются сотрудники, погибшие при выполнении служебных обязанностей, умершие вследствие увечья или иного повреждения здоровья (заболевания), полученного при выполнении служебных обязанностей, и удостоенные звания Героя или награжденные за проявленное мужество и отвагу орденами. В процессе комментирования приказа до обучающихся доводятся принципы организации исторической работы – конкретность и предметность, направленность на личность героического сотрудника. Обучающимся предлагается ознакомиться с формой представления к зачислению навечно в реестр сотрудников органов внутренних дел.

Другим, не менее важным направлением исторической работы является проведение массовых мероприятий в связи с информационными поводами, такими, как юбилеи и памятные даты, отражающие важнейшие вехи истории российской государственности и органов внутренних дел. Деятельность в этом направлении регулируется Федеральным законом от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». В последние десятилетия историко-мемориальная деятельность МВД по разработке и реализации программы увековечения памяти выдающихся деятелей и руководителей правоохранительных органов России получила значительное развитие. Только к 300-летию российской полиции было открыто более 20 мемориальных объектов[1].

Далее обучающимся предлагается изучить и прокомментировать Положение об организации деятельности музеев и комнат истории органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденное приказом МВД России от 24 декабря 2008 г. № 1145[2]. Выставочные экспозиции являются центрами исследования, хранения и экспонирования исторических, боевых и служебных реликвий,

---

[1] В том числе: памятная доска и бюст первому генерал-полицмейстеру г. Санкт-Петербурга А. М. Девиеру; мемориальная доска на месте ссылки А. М. Девиера в г. Охотске Хабаровского края; памятник первому министру полиции Российской империи А. Д. Балашову в д. Шапки Ленинградской области, а также памятный знак на месте его бывшего родового имения; бюсты основателю российской полиции Петру I в Уфимском юридическом институте МВД России и Барнаульском юридическом институте МВД России; памятник на могиле министра внутренних дел Российской империи В. К. Плеве в г. Санкт-Петербурге; памятник гению русского уголовного сыска И. Д. Путилину в Белгородском юридическом институте МВД России, памятник руководителю уголовного сыска Российской империи Аркадию Францевичу Кошко в Москве.

[2] Музеи, которые в настоящее время организационно входят в структуру культурных центров ГУВД своих регионов и называются выставочными экспозициями.

предметов и документов, раскрывающих героизм сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Представляется, что изучение темы «Историческая работа в органах внутренних дел» на основе изложенного методологического подхода, будет способствовать проведению в жизнь государственной политики, направленной на установление общероссийской гражданской идентичности, воспитания патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России.

Список литературы

1. Дерешко Б. Ю. Правовые и организационные основы исторической работы в органах внутренних дел Российской Федерации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 4 (67). С. 45–49.

2. Дорская А. А. Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение : монография. СПб. : Астерион, 2023.

3. Дорский А. Ю., Черногор Н. Н. Вторая мировая война как социальная травма: сравнительный анализ российского и французского законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 2. С. 311–331.

4. Грибан И. В., Земцов В. Н., Постникова А. А. и др. Историческая память и историческая политика в образовательном пространстве : учебное пособие. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2023.

5. Лавров В. В. Понятие «историческая правда», закрепленное в части 3 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 1 (87). С. 21–27.

6. Комарова В. В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 22–31.

7. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. и др. Франция-память. СПб. : Издательство СПбГУ, 1999.

8. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма ; Инфра-М, 2020.

Колосов И. В.[1],
доцент кафедры теории
и истории государства и права
юридического факультета
Московского университета имени А.С. Грибоедова,
кандидат юридических наук

КОГДА ПАМЯТЬ ИМЕЕТ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ: ПОДХОД ФИЛОСОФИИ ПРАВА ДЖ. УОЛДРОНА

В современной юридической науке и практике все больше обсуждается вопрос о том, как память, индивидуальная или коллективная, может приобретать юридическое значение, не оставаясь лишь только исторической или психологической сущностью. В связи с этим интересны взгляды Дж. Уолдрона, представителя позитивистского подхода к праву, который хоть и известен в первую очередь исследованиями иной направленности – о верховенстве права, либерализме и собственности, тем не менее, философско-правовые вопросы о влиянии памяти на право, в частности об исторической несправедливости и о роли коллективной памяти, им также поднимаются.

Ввиду этого настоящая статья направлена на то, чтобы реконструировать позицию Дж. Уолдрона по философско-правовым вопросам преемственности, коллективной идентичности, компенсации вреда за несправедливые действия, произошедшие в прошлом, для того, чтобы показать в каком смысле память по Дж. Уолдрону становится условием легитимности, ответственности и устойчивости правопорядка.

В фундаментальной работе «Верховенство права и мера собственности» [1] Дж. Уолдрон занимается поиском соотношения таких категорий как верховенство права и частная собственность. Хоть с его точки зрения верховенство права представляет собой формально-процедурную ценность [2, с. 245], в рамках этой ценности особую роль играет стабильность, которая стала «одним из важных аспектов традиционного понимания верховенства права» [1, с. 75]. Ценность постоянства права заключается в том, что такая правовая среда, формируя стабильность ожиданий, предоставляет субъектам права возможность «планировать и замышлять свое будущее» [3, с. 221]. Однако постоянство имеет значение не только для перспективы, но и для ретроспективы. А формально-процедурная ценность права, о которой говорит Дж. Уолдрон, предполагает память о прошлых нормах и обязательствах.

Так, судебный процесс «Lucas v. South Carolina Council», на который ссылается Дж. Уолдрон [1, с. 16–17], показывает, что изменение законодательства, негативно влияющее на собственника (в данном процессе ограничивающее право собственника земельного участка на застройку, что снижает его рыночную стоимость), не просто влечет финансовые потери, но и нарушает легитимные ожидания, основанные на предшествующем правовом регулировании. В таком

[1] © Колосов И. В., 2026.

случае в идеях Дж. Уолдрона память в форме устойчивого правового контекста становится юридически значимым условием стабильности.

Таким образом, память у Дж. Уолдрона – это не просто психологическое восприятие человеком прошедших событий, это некий квазиструктурный элемент легитимности, обеспечивающий правовую преемственность между настоящим и прошлым. Данный тезис находит свое дальнейшее развитие в другой работе Дж. Уолдрона, посвященной суверенитету, преемственности и компенсации вреда за ранее произошедшие несправедливости [4]. Так, память о первоначальных правах сохраняется как некая точка, на которую опираются при оценке легитимности настоящих правоотношений. Более того, права, которые когда-то несправедливо были отобраны, по-прежнему существуют в виде некого потенциального притязания, которое, при определенной конъюнктуре (если только обстоятельства не изменились настолько, что нарушался бы принцип справедливости в случае возвращения status quo), может быть предъявлено в будущем. Хоть данный тезис зачастую подвергается отчасти справедливой критике [5], это не отменяет того, что верным будет утверждение о том, что Дж. Уолдрон рассматривает память не просто как психологический феномен, но как сущность, которая в отдельных случаях будет учитываться при принятии юридически значимых решений.

При этом такой подход к памяти во многом не соотносится с представлениями других современных юридических позитивистов. Так, Г. Л. А. Харт в своем фундаментальном труде «Понятие права» [6] отказывается от связи права с моралью, настаивая на том, что право есть система первичных и вторичных правил, где ключевую роль играет правило признания. Правило признания – это юридически значимая практика официальных лиц, которые ссылаются в рамках своей деятельности на источники как на авторитетные, тем самым легитимируя их. Эта практика невозможна без устойчивого воспроизведения норм во времени и памяти в части того, какие нормы были приняты и признаны. В этом контексте память хоть и принимается во внимание, скорее все же она должна учитываться лишь только как исторический факт.

Напротив, у Дж. Уолдрона память сама по себе становится моральным императивом, даже если она не закреплена в качестве формального правила. Так, Дж. Уолдрон исходит из того, что долг признания прошлого не исчезает даже тогда, когда правовое регулирование закрепило новое положение вещей [4]. Можно предположить, что Дж. Уолдрон развивает хартовский позитивизм, наделяя его нормативным содержанием, которое Г. Л. А. Харт намеренно исключал. Если Г. Л. А. Харт стремится очистить право от морали, чтобы сохранить его аналитическую ясность, то Дж. Уолдрон указывает на значимую роль памяти. Тем не менее Дж. Уолдрон остается позитивистом, он не выводит право из морали, но требует от правовой системы морального ориентира, в котором память играет ключевую роль.

Коллективная память во многом может быть соотнесена с политическими процессами. В связи с этим имеет значение взаимосвязь памяти и демократии – коллективного «мы» как субъекта общественного правосознания. При таком подходе память может рассматриваться не как «пассивное хранилище фактов»,

а как активное условие коллективного правосознания. В этой части подход Дж. Уолдрона не вполне соотносится с позицией иных исследователей. В частности, по мнению Р. Познера [7, с. 595], избиратель не моральный агент, а рациональный актор, стремящийся к достижению наиболее выгодного для него исхода. Тем не менее, остается надеяться, что в современном демократическом обществе коллективное правосознание обеспечит при принятии законов воспроизведение своей идентичности через процедуры публичного обсуждения своего прошло и будущего. Без памяти о прошлых заслугах и уроков предшествовавших поколений законодательный процесс может потерять свою нравственную ориентацию и превратиться на фоне стремления к достижению частных интересов в простой «торг».

В наибольшей степени влияние памяти на право отражается в концепции Дж. Уолдрона о компенсации при исторической несправедливости. Ее осуществление даже в символическом размере может быть важным для сохранения памяти и идентичности сообществ – семей, племен, наций, партий, то есть для общественных объединений, которые существуют гораздо дольше, чем отдельные индивиды [8, с. 5–7]. «Пренебрегать историческими фактами – значит совершать насилие над этой идентичностью и, следовательно, над обществом» [8, с. 6].

Однако при определении размера компенсации временной фактор имеет большое значение. Пострадавшая сторона подвергается неправомерному ущербу, а нарушитель незаконно извлекает выгоду вплоть до того момента, пока нарушенное право не будет восстановлено (что аналогично в частности накоплению процентов за невыплату долга). Ущерб пострадавшего и выгода нарушителя увеличиваются с течением времени, что не в полной мере учитывается в модели Дж. Уолдрона, на что указывают Л. Мейер и Т. Валигор [5, с. 20–21]. Более того, если проводить такой экономический анализ для целей определения размера справедливого возмещения за ранее нарушенное право, то остается также нерешенным вопрос «упущенной выгоды», имея, конечно, в виду не предпринимательскую категорию, а те недополученные материальные и нематериальные блага, которые бы получила пострадавшая сторона, будь ее статус не нарушен неправомерным вмешательством.

Кроме того, как обосновывают Дж. Шер [9] и Б. Боксилл [10, с. 88–90], выявить справедливый размер компенсации мешает «проблема неидентичности», поскольку с субъективной стороны является неочевидным приравнивание размера неблагоприятных последствий нарушения для потомков пострадавшего лица (с размером таких последствий для самого исторически ранее пострадавшего лица), поскольку не они непосредственно испытывали нравственные и (или) физические страдания ввиду такого нарушения.

Вместе с тем юридическое значение памяти у Дж. Уолдрона состоит не в том, чтобы вернуть прошлое, произведя полную реституцию, возместив весь ущерб, в том числе с учетом фактора времени, а в том, чтобы признать память и произошедшие ранее события как необходимую предпосылку легитимности настоящего. Так, в более поздней работе Дж. Уолдрон различает реституцию и компенсацию за сам акт несправедливости [11, с. 450]. Таким образом, даже если

в процессе исторического развития возникшая ранее несправедливость была устранена и реституция как таковая больше не требуется, то исходя из концепции Дж. Уолдрона должно сохранится потенциальное требование компенсации, пусть даже символической, даже в форме признания права без материальной выплаты. Это подтверждает, что память по Дж. Уолдрону не просто исторический артефакт, а нормативное условие справедливости права, которое сохраняется даже при условии изменения обстоятельств.

Таким образом, право до Дж. Уолдрону представляет собой структурный элемент правовой онтологии, без которого невозможны (или, по крайней мере, затруднительны) ни верховенство права, ни легитимность, ни демократия, ни справедливость. Юридическое значение памяти состоит в том, что память направлена на то, чтобы не только учесть предшествовавшую историю правовых взаимодействий в рамках конкретных правоотношений, но и обеспечить нормативную устойчивость во времени правовой системы, позволяя праву быть не просто инструментом текущего правового регулирования, а «связующей тканью» между поколениями.

Список литературы

1. Уолдрон Дж. Верховенство права и мера собственности / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Издательство Института Гайдара, 2020.

2. Коваль С. В. Рецензия на книгу: Уолдрон, Дж. (2020) Верховенство права и мера собственности. Пер. с англ. С. Моисеева. М. : Изд-во Института Гайдара. – 144 с. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 1 (23). С. 243–253.

3. Raz J. The Rule of Law and it's Virtue // The Authority of Law. New York : Oxford University Press, 2011, pp. 210–226.

4. Waldron J. Supersession and Sovereignty // Julius Stone Address, August 3, 2006, NYU School of Law, Public Law Research Paper, no. 13-33, pp. 1–27.

5. Meyer L. H., Waligore T. Supersession and Compensation for Historical Injustice // Critical Review of International Social and Political Philosophy. London : Informa UK Limited, 2024, pp. 1–25.

6. Харт Г. Л. А. Понятие права / под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб. : Издательство СПбГУ, 2007.

7. Posner R. A. Book Review (reviewing Jeremy Waldron, Law and Disagreement (1999) // Columbia Law Review. 2000, vol. 100, pp. 582–592.

8. Waldron J. Superseding Historical Injustice // Ethics. 1992, vol. 103 (1), pp. 4–28.

9. Sher G. Transgenerational Compensation // Philosophy & Public Affairs. 2005, vol. 33 (2), pp. 181–200.

10. Boxill B. R. A Lockean Argument for Black Reparations // The Journal of Ethics. 2003, vol. 7 (1), pp. 63–91.

11. Waldron J. Supersession: A Reply // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2022, vol. 25 (3), pp. 443–458.

Манаева Е. К.[1],
старший инспектор
организационно-аналитического отдела
Академии управления МВД России

Научный руководитель:
Борисов А. В.,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЭВОЛЮЦИЯ МЕМОРИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

В современном мире информационные и символические ресурсы приобретают стратегическое значение, вопросы интерпретации прошлого и исторической политики, занимают важное место в защите интересов суверенитета государства, а также формирования национальной идентичности. Историческая политика понимается как целенаправленная деятельность государства по конструированию и закреплению в общественном сознании официальной версии исторического прошлого, осуществляемая через систему правовых средств и организационных механизмов. Актуальность темы находит свое прямое отражение в современной государственной политике, а именно, в «Основах государственной политики в области исторического просвещения» 2024 года [1], где защита исторической правды рассматривается как элемент обеспечения национального суверенитета.

Феномен инструментального использования прошлого властью не является прерогативой новейшего времени. Его истоки могут быть обнаружены в более ранние исторические периоды, в частности, в рамках культурного, политико-правового развития Российской империи. Несмотря на то, что термин «историческая политика» отсутствовал в то время, практика целенаправленного регулирования исторического знания, образования и коммеморации была одним из важных инструментов государства для решения задач легитимации власти, интеграции многонационального населения и формирования имперской идентичности.

Данное исследование ставит целью выявить и проанализировать правовые и организационные основы этой политики, проследив ее эволюцию от первых шагов в XVIII веке до кризиса в начале XX столетия.

Теоретической основой исследования выступает синтез социологического, политологического и, что наиболее значимо для правового анализа, собственно правового подхода. В его рамках историческая политика интерпретируется как

---

[1] © Манаева Е. К., 2026.

практическая реализация «мемориальной функции права» – одной из основных социальных функций, характеризующей целенаправленное воздействие права на индивидуальную и коллективную память с целью формирования общего исторического нарратива [2, с. 39]. Право, обладая свойствами нормативности, формальной определенности и государственной принудительности, выступает важным инструментом для легитимации, структурирования и закрепления в публичном дискурсе определенных образов прошлого. Это подтверждается и современной российской государственной практикой, где утвержденные в 2024 году «Основы государственной политики в области исторического просвещения» [1] являются прямым выражением мемориальной функции права в ее современном виде.

Формирование правовых основ исторической политики Российской империи было тесно связано с общегосударственными процессами модернизации, централизации власти и становления абсолютной монархии. В XVIII веке были заложены ее фундаментальные институты, создана нормативная база, определились ключевые субъекты регулирования.

Началом в институционализации государственного заказа на историю можно считать Указ Петра I от 28 января 1724 года «Об учреждении Академии наук и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицентных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга» [3, Т. 7. № 4443]. Данный документ имел важное значение: не просто создавал научный центр, но и предписывал академикам «сочинять историю и книги политические», превращая историческую науку в официальный инструмент формирования государственной идеологии, что отличалось от практики летописания предыдущего времени. Указом устанавливался механизм цензурного контроля через президента Академии, что обеспечивало соответствие исторических трудов интересам власти.

Правовой базой для системы воспроизводства исторического знания стал Указ Елизаветы Петровны от 24 января 1755 года «Об учреждении Московского университета и двух гимназий» [3, Т. 14. № 10346]. Он закрепил преподавание истории как обязательной дисциплины на философском факультете, создав тем самым кадровый резерв для государственного аппарата. Организационным новшеством стало создание трехуровневой системы (гимназия – университет – академия) и предоставление университетским изданиям определенной автономии от общей цензуры при контроле ученого совета. Этот баланс между государственным надзором и академической свободой оказался весьма устойчивым.

Одновременно формировалась система контроля над историческим дискурсом. Указ Екатерины II от 4 декабря 1783 года «О вольных типографиях» [3, Т. 21. № 15634], разрешая частное книгопечатание, устанавливал обязательную предварительную цензуру в Управе благочиния с дополнительной экспертизой исторических сочинений в Академии наук. Данная модель была развита «Уставом о цензуре» от 9 (21) июля 1804 года [3, Т. 28. № 21388], который установил запрет на трактовки прошлого, «противные правительству», и персональную ответственность авторов. Цензурные комитеты при университетах классифицировали исторические труды на учебные (строгий контроль), научные (относительная свобода) и популярные (пропагандистские).

Параллельно создавались научно-государственные учреждения, выполнявшие роль связующего звена между властью и ученым сообществом. Общество истории и древностей российских, учрежденное в 1804 году при Московском университете, финансировавшееся из казны и действовавшее по утвержденному уставу [3, Т. 31. № 24492], занималось археографическими экспедициями и публикацией источников, формируя документальную основу для официальной историографии. Комиссия для составления законов созданная по инициативе Александра I 1 (13) января 1810 года [4], под руководством М. М. Сперанского, систематизируя законодательство, заложила принцип исторической преемственности российского права, обосновывая связь имперских институтов с древнерусской традицией.

Особую роль играли религиозные и репрессивные институты. Московская духовная академия учрежденная в 1814 году [3, Т. 32. № 25673] под контролем Святейшего Синода, разрабатывала богословское обоснование сакральности царской власти и особой миссии русского православия. Министерство полиции [5] (1811–1819), а затем Третье отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии с 1826 года [6, Т. 1. № 449], осуществляли тайный надзор за общественными настроениями и пресечение «неблагонамеренных» исторических интерпретаций. Цензурные уставы 1826 («чугунный») [6, Т. 1. № 403] и 1828 годов [6, Т. 3. № 1979], принятые в правление Николая I, формировали систему запретов, направленную на подавление любой альтернативы официальной доктрине «Православие. Самодержавие. Народность».

К середине XIX века сложилась децентрализованная, но иерархичная модель управления исторической политикой. Множественность субъектов (Синод, МНП, МВД, Академия наук, университеты, ученые общества) при доминирующей роли монарха, чья воля, выраженная в указах и манифестах, реализовывалась через административный ресурс ключевых ведомств. Единого законодательного акта, комплексно регулировавшего историко-мемориальную сферу, в империи не принималось. Регулирование осуществлялось посредством совокупности норм, содержавшихся в актах, относящихся к образованию, цензуре, церковному управлению и пр.

Пореформенный период и рубеж XIX–XX веков стали временем систематизации, усиления контроля и поиска новых форм адаптации исторической политики к условиям модернизации, роста общественной активности и политических кризисов.

Важнейшим направлением стало создание государственных научных учреждений, призванных систематизировать изучение прошлого. Именной Указ Александра II от 23 мая 1866 года «Об учреждении Императорского Русского исторического общества» [6, Т. 41. № 43333] (ИРИО) создал официальный центр исторических исследований, пользующийся правом доступа к архивам, но обязанный отчитываться перед МНП. Положение об Императорской Археологической комиссии от 2 февраля 1859 года [6, Т. 36. № 33984] предоставило этому ведомству исключительное право на проведение археологических раскопок на казенных и частных землях, а также на учет и сохранение всех обнаруживаемых древностей. Эти организации, возглавляемые представителями элиты

(великие князья, высшие чиновники), фактически превращали академические исследования в направляемую государством деятельность, соответствовавшую его идеологическим и политическим задачам.

Законодательство в области образования являлось важным правовым инструментом для формирования официальных исторических представлений. Хотя Университетский устав 1863 года [6, Т. 38. № 39770] и предоставил высшим учебным заведениям автономию, на практике свобода исторических исследований и преподавания была существенно ограничена сохранявшимися за Министерством народного просвещения полномочиями по утверждению учебных программ, распределению финансирования и влиянию на кадровые решения. Контрреформы Александра III привели к принятию нового Устава 1884 года [7, Т. 4. № 2404], ликвидировавшего университетскую автономию и передавшего право назначения профессоров в области истории на усмотрение МНП. Положение о начальных народных училищах 1864 года [6, Т. 39. № 41068] ввело обязательное преподавание отечественной истории, а Ученый комитет МНП стал главным цензурным органом для учебников, что позволило централизованно контролировать содержание исторического нарратива.

Административный надзор за общественными объединениями, в том числе занимавшимися изучением истории, был существенно ужесточен и формализован. Циркуляр Министерства внутренних дел 1866 года «Относительно обществ, товариществ и иных подобных собраний» установил единый разрешительный порядок их создания и деятельности. Данный нормативный акт обязывал регистрировать все кружки и сообщества, включая исторические, и предоставлял администрации право запрещать обсуждение вопросов, которые могли быть расценены как «вредные государственному порядку». Таким образом, частная историческая инициатива ставилась под прямой предварительный контроль органов МВД.

Политические потрясения начала XX века – Первая русская революция 1905–1907 гг. и становление «Думской монархии» – потребовали правовой и организационной адаптации исторической политики. «Временные правила о печати» от 24 ноября 1905 года [7, Т. 25. № 26803] отменили предварительную цензуру, но сохранили ответственность за распространение сведений, «подрывающих уважение к власти», что создало инструмент для сдерживания «нежелательных» исторических интерпретаций. Основные государственные законы от 23 апреля 1906 года [7, Т. 26. № 27805], ограничив самодержавие, одновременно сакрализовали образ монарха (ст. 4), обеспечивая правовую основу для подавления альтернативных исторических концепций. Несмотря на дискуссии в Государственной Думе о прошлом (например, о статусе Польши или наследии Земских соборов), реальные рычаги управления – бюджет, назначения, цензурная практика – остались в руках правительства [7, Т. 26. № 27424].

Необходимость патриотической консолидации в преддверии Первой мировой войны вызвала создание новых общественно-государственные организации мемориального характера. Императорское Русское военно-историческое общество 1907 года (ИРВИО) занялось системной героизацией военного прошлого, активно готовя празднование 100-летия войны 1812 года. Общество защиты и со-

хранения памятников искусства и старины 1909 года, возглавляемое великим князем Николаем Михайловичем, взяло на себя функции популяризации наследия как зримого свидетельства «тысячелетней государственной традиции». Беспрецедентная кампания в честь общенационального празднования 300-летия Дома Романовых, опиравшаяся на ресурсы как старых (МНП, Синод), так и новых (ИРВИО) институтов, была призвана мобилизовать патриотические чувства через демонстрацию династической преемственности и имперского величия. Эти субъекты исторической политики, формально общественные, финансировались из казны и координировали свои действия с правительством.

На протяжении всего имперского периода историческая политика была направлена на достижение устойчивого комплекса взаимосвязанных целей, определявшихся фундаментальными задачами государства. Центральной из них являлась легитимация самодержавия через конструирование нарративов о божественной природе и исторической преемственности царской власти. Одновременно история служила инструментом формирования и национальной идентичности. Прошлое использовалось и для сплочения общества перед лицом внешних угроз или внутренних вызовов модернизации через культ побед и героев. Важнейшим направлением было упорядочивание публичного дискурса путем утверждения истории через систему образования и цензуры, а также легитимация внешнеполитических действий и территориальных претензий через апелляцию к историческим правам и миссии.

Реализация этих целей обеспечивалась целенаправленным использованием государством комплекса правовых и административных инструментов: созданием подконтрольных научных и образовательных учреждений; цензурным контролем; утверждением единых учебных программ и организацией масштабных юбилейных мероприятий; мемориальной политикой и деятельностью музейного дела. Однако эффективность данной модели управления историческим сознанием снижалась по мере развития общества. Во-первых, жесткий идеологический контроль тормозил развитие научного знания и провоцировал отчуждение между властью и академической средой. Во-вторых, авторитарные методы регулирования дискурса, основанные на запретах, теряли действенность в условиях роста грамотности и возникновения после 1905 года публичного политического пространства, зачастую достигая обратного результата – повышения общественного интереса к «запретным» историческим сюжетам.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что историческая политика Российской империи представляла собой сложную, эволюционировавшую, но внутренне целостную систему, ядром которой выступало право, реализующее свою мемориальную функцию. Не будучи закрепленной в специальном законе, она существовала как совокупность взаимосвязанных правовых норм и институтов, пронизывающих различные сферы государственного управления – от науки и образования до полицейского надзора.

Множество ведомств и организаций осуществляли историческую политику в своей сфере, но общее направление задавалось волей монарха и высших органов власти, а скрепляющей основой служила идеология, наиболее емко выраженная в триаде «Православие. Самодержавие. Народность». Правовые акты –

указы, уставы, циркуляры – были не просто документами, а инструментами конструирования символической реальности, легитимирующей существующий порядок.

Изучение имперского опыта формирования исторической политики через призму права имеет не только академическое, но и практическое значение. Оно позволяет увидеть исторические корни современных механизмов взаимодействия власти, исторического знания и общественного сознания, понять устойчивость определенных моделей легитимации и интеграции, а также критически осмыслить риски, связанные с чрезмерной идеологизацией прошлого и использованием права исключительно как инструмента силового навязывания «официальной» версии истории.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476013/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

2. Ситников К. А. Мемориальная функция права: к постановке проблемы // История государства и права. 2025. № 1. С. 32–40.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

4. О плане работ Комиссии составления законов // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1251. Оп. 1. Д. 12.

5. Об общем учреждении Министерств : манифест от 25 августа 1811 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3100/.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881) : в 55 т. СПб., 1830 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881–1913) : в 33 т. СПб., 1830 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

Широкова А. А.[1],
старший преподаватель
кафедры истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ПРОКУРОРОВ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

20 ноября 2025 г. исполнилось 80 лет с начала работы Международного военного трибунала в Нюрнберге. Историко-правовое значение деятельности советских прокуроров в Нюрнберге невозможно переоценить. Их деятельность внесла уникальный вклад в становление институтов международного уголовного права.

СССР на Нюрнбергском процессе был представлен командой обвинителей: главный обвинитель – прокурор Украинской ССР (в дальнейшем Генеральный прокурор СССР) Р. А. Руденко, Генеральный прокурор СССР К. П. Горшенин, помощник главного обвинителя Н. Д. Зоря, заместитель председателя Верховного суда СССР И. Т. Никитченко. В результате слаженной работы команды обвинителей от четырех союзных держав обвинение было предъявлено 24 нацистским лидерам. 1 октября 1946 г. в соответствии с Уставом Международного военного трибунала 12 подсудимых были приговорены к смертной казни.

Историко-правовое значение участия советских прокуроров на Нюрнбергском процессе состоит в том, что в ходе их работы были сформулированы основополагающие начала, которые впоследствии были признаны международным сообществом и явились фундаментом для формирования отрасли международного уголовного права [1, с. 12]. В первую очередь следует отметить, принцип неотвратимости наказания. Советские обвинители блестяще доказали планы и факт развязывания нацистской Германией агрессивной войны. Они внесли огромный вклад в установление исторической правды для будущих поколений. Их грамотная работа позволила создать правовую и документальную основу для исторической памяти о Второй мировой войне. Советские прокуроры представили миру систематизированные, прошедшие судебную проверку доказательства злодеяний нацизма. Тысячи документов, километры кинопленки, сотни свидетельских показаний, собранные на пепелищах Хатыни, в Бабьем Яру, на местах концлагерей, стали официально установленными историческими фактами. Это навсегда лишило возможности отрицать или преуменьшать масштаб трагедии.

Во-вторых, закрепление преступлений против человечности в уголовном законодательстве. Нюрнбергский процесс явился уникальным событием в истории. Впервые руководители государства были осуждены за преступления про-

[1] © Широкова А. А., 2026.

тив мира, военные преступления и преступления против человечности. «Суд народов», как называли Нюрнбергский трибунал, сурово осудил нацистский режим, его институты, должностных лиц и их практику и на долгие годы определил вектор политико-правового развития. Работа Международного военного трибунала и сформулированные в то время нюрнбергские принципы придали импульс развитию международного гуманитарного и уголовного права, способствовали созданию других механизмов международного уголовного правосудия [2]. Советские прокуроры сделали особый акцент на массовом, идеологически мотивированном истреблении мирного населения на оккупированных территориях СССР и привели неопровержимые доказательства – фотографии, вещественные доказательства, показания выживших.

В-третьих, признание преступными целых организаций. 1 октября 1946 г. международный военный трибунал вынес свой исторический приговор – Приговор во имя мира. Помимо физических лиц, которым были назначены различные виды наказаний, Трибунал также признал преступными карательные организации: СС, СД и Гестапо [3, с. 25].

Выработанные принципы получили свое дальнейшее развитие во многих международных актах, таких как Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него» 1948 г. и Женевская Конвенция «О защите гражданского населения во время войны» 1949 г. [4, с. 416]. 20 декабря 1945 г. Союзным контрольным Советом для Германии был принят Закон № 10, который уполномочил союзные державы арестовывать «военных и других преступников, которые не были подсудны Нюрнбергскому трибуналу», и постановил учредить трибуналы для суда над ними [5, с. 104].

Довольно часто можно встретить высказывания о том, что на судебных разбирательствах Нюрнбергского процесса нарушалось действовавшее международное право. Например, у подсудимых отсутствовало право на отвод судей, их заместителей и обвинителей [6, с. 763–770]. Но следует отметить, что данное право в сложившейся обстановке реализовать было крайне сложно. Поскольку Трибунал был создан странами, пострадавшими от действия преступников, то говорить о «непредвзятости» было невозможно [7, с. 92–93]. Анализ исследований по данному вопросу приводит к выводу о том, что критика Нюрнбергского процесса как «правосудия победителей» лишена юридических оснований [8]. Трибунал в Нюрнберге подчеркнул, что «…преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены нормы международного права» [9].

В годы Великой Отечественной войны СССР понес самые большие человеческие потери (около 27 млн человек). Советские прокуроры выступали в Нюрнберге как полномочные представители этих миллионов погибших, давая им голос в зале суда. Это был акт высшей исторической справедливости.

Таким образом, убедительная работа советской стороны продемонстрировала миру моральную правоту и юридическую состоятельность СССР как победителя фашизма. Несмотря на разногласия, советская команда смогла работать с коллегами из других стран, чтобы добиться общего приговора. Это был по-

следний акт единства антигитлеровской коалиции. Советские обвинители показали выдающееся умение работать с огромными массивами документов, а ораторские способности Р. А. Руденко и Н. Д. Зори отличались не только эмоциональной силой, но и безупречной юридической аргументацией.

Список литературы

1. Бастрыкин А. И. Следственный комитет Российской Федерации как орган, отстаивающий Нюрнбергские принципы // Итоги Нюрнбергского процесса и вызовы современности : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 24 ноября 2016 г.) / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. С. 11–18.

2. Заявление Международной ассоциации прокуроров по случаю 70-летия создания Международного военного трибунала в Нюрнберге // The International Association of Prosecutors. URL: www.iap-association.org.

3. Сайдумов Д. Х., Симбагаев Р. Р. Нюрнберг: приговор во имя мира – научный труд профессора А. Н. Савенкова как важный вклад в отечественную историко-правовую науку // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2025. Т. 54, № 2 (74). С. 20–27.

4. Тимофеева А. А., Сурикова А. А. Нюрнбергский процесс в аспекте современной политики // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 415–417.

5. Глотова С. В. Преступления против человечества: генезис и современное понимание концепции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 101–108.

6. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси : принят в г. Лондоне 8 августа 1945 г. // АО «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/901737883.

7. Бахновский А. В. Деятельность международных трибуналов как важный элемент развития международного права // Теория и практика общественного развития. 2015. № 23. С. 92–94.

8. Шепова Н. Я. Нюрнбергский трибунал: неотвратимость наказания // Военно-промышленный курьер. URL: http://vpk-news.ru/articles/3043.

9. Приговор Международного военного трибунала // Historic.ru. URL: http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st048.shtml.

Гарина О. В.[1],
старший преподаватель
кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИЗМ» И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Формирование общей государственной системы противодействия терроризму заняло продолжительное время, при этом отдельные ее элементы сложились еще в период Российской империи. Так, в 1878 г. было создано «Особое совещание», целью которого было разработать стратегии для обеспечения стабильности и безопасности в Империи [1, с. 88]. Целесообразно изучение опыта противодействия преступлениям террористической направленности.

Хронологические рамки исследования противодействия преступлениям террористической направленности ограничены периодом 1881 – февраль 1917 г., когда сложилась относительно стабильная система органов государственной власти. Ведущая роль в этой деятельности принадлежала общей и политической полиции – Департаменту полиции и Отдельному корпусу жандармов [2, с. 163].

Выбор периода 1881 – февраль 1917 г. обусловлен событиями, которые имели место тогда быть. Это:

А. 1 марта 1881 г. – покушение на императора Российской империи Александра II. Отмечаем, что преступники были арестованы и привлечены к наказанию.

Б. В начале XX в. от террористов пострадало значительное количество государственных деятелей: в 1901 г. – министр народного просвещения Н. П. Боголепова, 1902 г. и 1904 г. министры внутренних дел Д. С. Сипягин и В. К. Плеве соответственно, 1905 г. – московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович Романов, 1911 г. – председатель Совета министров П. А. Столыпин. В период 1908–1910 гг. было совершено 19 957 террористических актов и экспроприаций, в которых пострадали как государственные служащие, так и частные лица [3, с. 32]. «Террор стал кошмаром властей» [4, с. 130]. Полиция широко использовала агентов среди революционеров, которые были основными субъектами совершения преступлений террористической направленности. Последние не брезговали сотрудничеством с уголовниками в операциях, связанных с продажей оружия и контрабандой. Таким образом, с 1881 г. по февраль 1917 г. государство столкнулось с новой для него угрозой безопасности в целом и в частности – существовавшей системе управления.

В Российской империи в основных нормативных правовых актах не было закреплено определение «терроризма». В целом в исторический период с 1881

[1] © Гарина О. В., 2026.

по 1917 г. мы наблюдали развитие государства, которое не учитывало потребности общества и мировые тенденции. Государственная власть проигнорировала «внутренний голос», голос населения, народа, что в конечном итоге привело к разрушению Российской империи.

Проявления преступлений террористической направленности характерны для разных исторических периодов развития Российского государства. Изменился подход преступников к их совершению. Если ранее они совершали свои деяния в отношении государственных деятелей, то в истории современной России от рук террористов страдает мирное население.

Перечень преступлений террористической направленности пополняется до настоящего времени и это негативная тенденция. Вместе с тем, сформулированные определения терминов «терроризм», «террористическая деятельность», «террористический акт» представляют собой синтез исторического опыта и современного понимания указанные категорий.

Отмечаем, что в Российской Федерации действует совокупность нормативных правовых актов, содержащих понимание «терроризма», «террористической деятельности» и «террористического акта» [5, с. 72]. К ним относятся:

– п. 1 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – ФЗ № 35-ФЗ) [11];

– п. 2 ст. 3 ФЗ № 35-ФЗ;

– п. 3 ст. 3 ФЗ № 35-ФЗ;

– ст. 205 УК РФ;

– абз. 2, 3 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [12].

К преступлениям террористической направленности относятся деяния, преступность которых установлена ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ [6, с. 58; 7, с. 92; 8, с. 103].

Анализ вышеприведенных положений позволяет сформулировать вывод о преемственности отдельных составов преступлений террористической направленности и расширения их перечня путем закрепления противоправности деяний, в которых объектом преступного посягательства стали ранее не существовавшие общественные отношения. При этом цель сохранилась. В Российской империи и Российской Федерации преступники, совершения преступления террористической направленности желали оказать воздействие на органы власти.

В такой ситуации отмечаем, что законодателем в ФЗ № 35-ФЗ предложено универсальное понимание терроризма, а вот конкретизация преступлений террористической направленности реализована в УК РФ [13].

Таким образом, нельзя не отметить, что же такое террористический акт в современном понимании – это совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений ор-

ганами власти или международными организациями [9, с. 158]. Стоит также указать, что данное противоправное деяние в зависимости от квалифицирующих признаков наказывается лишением свободы на срок от десяти до пожизненного лишения свободы.

Террористический акт является внешним частным проявлением терроризма. Терроризм – это прежде всего идеология. Попытка реализовать на практике ее положения как раз и выражается в совершении преступления террористической направленности.

Определим, что же включает в себя понятие терроризма и какие его типы можно выделить:

1. Социальный или же политический тип заключается в том, что противоправные действия преступников направлены на причинение вреда политическим объектам, нарушение экономического порядка в стране, изменение конституционного строя в стране. Целью данного типа терроризма является свержение власти и изменение общественного строя.

2. Национальный терроризм представляет собой сложное явление, широко распространенное в мире, когда народные массы, не имеющие своего унитарного государства, начинают бороться за свою независимость, за превосходство одной нации над другой, с целью создания своего отдельного, независимого государства.

3. Религиозный тип является одним из самых опасных типов терроризма, который выражается в крайней неприязни к представителям какой-либо расы, вероисповедания, идеологии, в основе данных террористических действий лежит радикальная идея нетерпимости и насилия для достижения определенных целей, противодействие религиозному терроризму требует глубокого изучения природы возникновения этой проблемы.

4. Криминальный тип терроризма практически не встречается в наши дни, в основном цель заключается в разборках криминалистических групп друг с другом из-за соперничества, выражается в использовании таких методов как: устрашение, вооруженные столкновения, заказные убийства с целью принудить противоположную сторону пойти на какие-либо уступки.

ФЗ № 35-ФЗ содержит определение термина «терроризм». В качестве основных дефиниенсов используются «идеология насилия», «практика воздействия на принятие решения», «устрашение населения», «иные формы противоправных насильственных действий».

Говоря о понятии «терроризм», стоит сказать, что современный терроризм становится одной из главных проблем человечества, на сегодняшний день, ведь он представляет угрозу национальной безопасности. Он угрожает фундаментальным человеческим ценностям, таким как право человека на жизнь, свободу, собственность и национальным интересам России. Субъект, придерживаясь идеологии терроризма, вполне возможно стремиться достичь «благородную» цель, но прибегая к противоправным методам ее достижения, он нарушает безопасность человека, общества и государства. Таким образом, идеология терроризма ошибочна и противоправна уже в самом начале.

Цифровизация – это процесс перевода информации в цифровую форму и повсеместного использования цифровых технологий. Террористические органи-

зации адаптировались к этой новой реальности, превратив ее в новое пространство для своей деятельности – киберпространство. Это привело к появлению новых форм терроризма и трансформации старых. Так, кибертерроризм стал проявлением терроризма в цифровую эпоху. Его цель – использование кибернетических средств для атаки на критическую информационную инфраструктуру государства с целью вызвать массовые разрушения, хаос, человеческие жертвы и устрашение. Атака на объекты критической инфраструктуры представлена взломом систем управления энергосетями, систем водоснабжения, транспорта и финансового сектора. Атаки на серверы МВД, спецслужб, систем экстренного вызова приводит к дестабилизации работы государственных служб. Атака на медицинские центры, больницы, поликлиники и иные учреждения здравоохранения, в которых человек рассчитывает получить помощь и зачастую стоит вопрос жизни и смерти, нарушение их работы в результате кибертерроризма может привести к гибели пациентов.

Использование цифровых технологий для поддержки «традиционного» терроризма является одной из распространенных форм его проявления. Цифровые технологии стали инструментом для повышения эффективности офлайн-атак. Так, цифровые инструменты (мессенджеры) используются для вербовки и распространения радикальных идей, посредством создания закрытых каналов и групп, где ведется целевая пропаганда, поиск уязвимых лиц и их идеологическая обработка. В онлайн-СМИ и видеохостингах быть опубликованы качественно смонтированные ролики, демонстрирующие силу и «справедливость» террористических организаций, чтобы привлечь сторонников. Вызывает опасение создание «эхокамер». Алгоритмы соцсетей могут непреднамеренно способствовать попаданию пользователя в информационный пузырь, где он видит только радикальный контент, что ускоряет процесс радикализации. Цифровые ресурсы используются для коммуникации и координации [10, с. 22], финансирования, планирования и подготовки атак, информационно-психологической войны.

Трансформация терроризма с учетом цифровизации общества определяет новые проблемы для общества. Киберпространство не имеет национальных границ, что затрудняет юрисдикцию и преследование преступников. Террористы могут действовать анонимно, а структуры становятся сетевыми, без четкого иерархического центра. Для проведения кибератаки или радикализации через интернет не требуется больших ресурсов, в отличие от организации классической террористической ячейки. Панические настроения и дезинформация распространяются со скоростью света. Соблюдения баланса между безопасностью и правами человека на приватность является крайне сложной дилеммой.

Таким образом, современное понимание терроризма представляет собой результат осмысления и сведения воедино отдельных видов деятельности – это квинтэссенция исторического опыта. Прежде чем сформулировать актуальное понимание терроризма, в нормативных правовых актах были представлены отдельные формулировки деяний, которые можно отнести к проявлениям террористической деятельности.

Цифровизация стала катализатором и мультипликатором угрозы терроризма. Она не отменила его классические формы, но породила новые, более изощрен-

ные и опасные – кибертерроризм, и сделала традиционный терроризм более эффективным за счет использования цифровых инструментов для вербовки, финансирования и планирования. Борьба с этим явлением требует комплексного подхода. Он заключается в усилении кибербезопасности и работы спецслужб, но и развития медиаграмотности населения, создания эффективных систем контртеррористической пропаганды в интернете и выработки новых форм международного сотрудничества.

Список литературы

1. Порватова Л. В. История формирования правоохранительной политики в сфере обеспечения информационной безопасности в России // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы : материалы IX Всероссийской межвузовской студенческой научно-практической конференции : приурочена к 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Москва, 3 декабря 2024 г.). М. : Московский педагогический государственный университет, 2025. С. 86–89.

2. Выходов А. А. Функции МВД в сфере государственного управления Российской империи начала 80-х – середины 90-х годов XIX века // Вестник государственного и муниципального управления. 2023. Т. 12, № 4. С. 163–171.

3. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М. : Крон-Пресс, 1997.

4. Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М. : Росспэн, 1997.

5. Курдуков А. Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям террористического характера, совершаемым ненасильственными способами : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4. Екатеринбург, 2024.

6. Преступления против общественной безопасности : учебное пособие в таблицах / [Д. А. Безбородов и др.] ; под ред. А. Н. Попова. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020.

7. Обухов И. А. Особенности расследования преступлений террористического характера в условиях действия правового режима контртеррористической операции : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.12. Барнаул, 2018.

8. Рарог А. И., Палий В. В. Уголовно-правовое противодействие терроризму и экстремизму : учебное пособие. М. : Проспект, 2021.

9. Новокшонов Д. В., Евстратова Ю. А., Гульбинский Ю. В. Противодействие преступлениям террористической направленности: уголовно-правовой аспект : учебное пособие. Белгород : Эпицентр, 2022.

10. Дудченко Л. В. Правовые аспекты организации массовых мероприятий с использованием современных информационных технологий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 3 (69). С. 22–27.

11. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 63-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Семенова Е. Л.[1],
старший преподаватель
кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
факультета милиции
общественной безопасности
Академии МВД Республики Беларусь

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛНЕНИЯ ВЫСЫЛКИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Институт выдворения занимает одно из значимых мест в обеспечении правопорядка и общественной безопасности, поскольку в условиях современного развития общества миграционные процессы имеют свойство постоянного развития, изменения и применения.

Высылка иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь представляет собой одну из мер государственного принуждения, заключающуюся в выдворении за пределы государства лиц указанной категории в интересах национальной безопасности Республики Беларусь, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод граждан Республики Беларусь и других лиц [2].

В научной литературе отсутствует единая точка зрения относительно содержания понятия «высылка» и ее четких оснований. Отсутствие такого единого научного подхода порождает некоторые проблемы в практической деятельности правоохранительных органов, принимающих и исполняющих решение о высылке.

В частности, нормативно не урегулирован критерий «достаточности» для рассматриваемой меры государственного принуждения, что приводит к неоднозначному толкованию применения данного основания. Например, не совсем понятно, является ли основанием для ее применения совершение одного правонарушения или необходимо наличие систематических нарушений белорусского законодательства. При этом стоит обратить внимание, имеет ли в данном контексте значение, к какой категории правонарушения относится противоправное деяние.

Анализ процедуры высылки позволяет сделать вывод, что данная мера государственного принуждения применяется к законно находящимся на территории Республики Беларусь иностранным гражданам и лицам без гражданства.

Как правило, обстоятельствами для рассмотрения вопроса о высылке выступают степень общественной опасности (вредности) совершенного противоправного деяния, личность лица, законность пребывания на территории Республики Беларусь, совершение противоправных деяний в прошлом, наличие близких родственников на территории Республики Беларусь, официальное трудоустройство и прочее.

---

[1] © Семенова Е. Л., 2026.

В частности, например, следует обратить внимание на задачи, закрепленные в ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, к которым относятся: укрепление семьи как естественной и основной ячейки общества на принципах общечеловеческой морали, недопущение ослабления и разрушения семейных связей; охрана материнства и отцовства, прав и законных интересов детей, обеспечение благоприятных условий для развития и становления каждого ребенка [1].

Данные положения играют немаловажную роль при принятии решения о высылке иностранного гражданина или лица без гражданства. Конечно, это не может означать, что при систематическом нарушении законодательства Республики Беларусь, наличие у указанного субъекта семьи или иждивенцев не всегда будут являться основанием неприменения высылки, однако такие предпосылки законодатель допускает. Каждый случай рассматривается индивидуально и, как правило, отображение таких сведений помещаются в материалы дела о высылке.

При детальном изучении вопросов о высылке можно констатировать наличие ряда правовых пробелов. Определение выбора государства, в которое в последующем обязуется выехать иностранный гражданин или лицо без гражданства по истечению установленного ему в постановлении срока о выезде, а также способа выезда законодатель предоставил лицу, в отношении которого принято решение о высылке, однако например, отсутствие у последнего денежных средств на приобретение проездных билетов порождает необходимость принятия решения о высылке только в принудительном порядке с применением мер по задержанию, поскольку в данном случае имеется реальное опасение, что иностранный гражданин или лицо без гражданства могут уклониться от выполнения решения о высылке путем добровольного выезда. Притом законодатель не устанавливает конкретный срок для исполнения постановления о высылке.

К слову, в настоящее время высылка может быть осуществлена в добровольном порядке и в принудительном. Относительно последнего подхода, то следует отметить, что при исполнении постановления о высылке в принудительном порядке, иностранный гражданин или лицо без гражданства обязуется оплатить расходы, связанные с реализаций принятого в отношении него решения. Однако зачастую у указанного лица отсутствует такая возможность ввиду невозможности определения ходатайствующего лица на территории Республики Беларусь или в связи с игнорированием установленных требований. В последующем компетентный орган организовывает возмещение понесенных расходов в судебном порядке. Такой исход событий может негативно сказываться на экономической составляющей государства и требует дополнительного времени и ресурсов для подготовки соответствующих материалов.

Также имеется опасение полагать, что лицо, фактически не выехав с территории Республики Беларусь, совершит новое противоправное деяние, влекущее применение мер юридической ответственности. В такой ситуации можно рассматривать вопрос о приостановлении высылки или ее отмене.

Белорусское законодательство содержит положения, согласно которым отметка о высылке в паспорт гражданской принадлежности лица может не проставляться по решению органа, вынесшего постановление о высылке, что, в свою очередь, создает вероятность въезда после высылки.

Важную роль с практической точки зрения занимает вопрос обжалования решения о высылке. Так, иностранный гражданин или лицо без гражданства, а равно его представитель, на любой стадии рассмотрения вопроса о высылке могут предоставить возражения и доводы против такого решения. Вместе с тем, например, принятие решение органом государственной безопасности по собственной инициативе или по ходатайству заинтересованных государственных органов о высылке могут носить гриф для служебного пользования, что, в свою очередь, создает определенные проблемы правового регулирования отстаивания иностранными гражданами и лицами без гражданства своих прав и законных интересов.

Таким образом, высылка, являющаяся одной из мер государственного принуждения, как особая юридическая процедура и мера государственного принуждения в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, для реализации поставленных целей должна содержать нормативное закрепление оснований ее применения, полностью исключая свой неопределенный характер.

Отсутствие единообразного подхода с практической составляющей компетентных органов оказывает неблагоприятные условия реализации решения о высылке, в том числе затрагивая интересы сторон при обжаловании в силу полного отсутствия ее сроков. Анализируя такой вариант событий, можно отметить, что тем самым создаются предпосылки нарушений основополагающего элемента правовой системы, обеспечивающей справедливость и защиту прав личности иностранного гражданина или лица без гражданства.

Список литературы

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. (с изм. и доп. от 09.12.2025) // Эталон-онлайн. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900278.

2. Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» (с изм. и доп. от 12.07.2025) // Национальный правовой портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11000105.

3. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 3 февраля 2006 г. № 146 «Об утверждении Положения о порядке высылки иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь» (с изм. и доп. от 31.08.2021) // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. URL: https://mvd.gov.by/uploads/dgim/ПСМ_от_03.02.2006_146.pdf.

4. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 15 июня 2012 г. № 75 «Об установлении перечня заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения» (с изм. и доп. от 03.02.2023) // Эталон-онлайн. URL: https://etalonline.by/webnpa/text.asp?RN=w21226072.

Иванченко С. В.[1],
старший преподаватель
кафедры государственно-правовых дисциплин
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
кандидат юридических наук

ТРАДИЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК СРЕДСТВА КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРАВОВОЙ СРЕДЕ

Традиционные российские духовно-нравственные ценности играют ключевую роль в формировании правовой среды, способствуя эффективному коммуникативному взаимодействию. Основываясь на глубокой культурной и исторической традиции, традиционные ценности способствуют созданию устойчивых отношений между участниками правового процесса. Честность, справедливость и уважение к другим становятся не только этическими, но и правовыми нормами, формируя культуру общения в обществе.

В современных условиях такие ценности служат связующим звеном между различными правовыми системами, обеспечивая понимание и уважение к особенностям каждой культуры. Духовные традиции, пронизывающие российское общество, позволяют преодолеть языковые и культурные барьеры, облегчая процесс правового взаимодействия. В конечном итоге, интеграция традиционных отечественных ценностей в правовую практику не только укрепляет правосознание граждан, но и создает основу для эффективного правоприменения, что, в свою очередь, способствует устойчивому развитию общества.

Традиционные российские духовно-нравственные ценности также способствуют формированию правовой культуры, где приоритетом выступает соблюдение законности и социальная ответственность. Важным аспектом является воспитание правосознания, основанного на уважении прав личности и обязательствах перед обществом. Это, в свою очередь, формирует не только правовую, но и моральную ответственность граждан перед своим сообществом. Ключевую роль в этом процессе играют образовательные институты, которые, интегрируя традиционные ценности, формируют у населения уважение к правовым нормам. Таким образом, происходит передача духовного наследия, которое служит основой для формирования юридической грамотности и социальной активности.

Гармония между духовной и правовой сферами создает условия для сотрудничества и взаимопонимания между различными слоями общества. Это взаимодействие становится особенно важным в условиях современных вызовов, когда традиционные ценности помогают искать компромиссные решения и укреплять общественное доверие.

Современное общество сталкивается с многочисленными вызовами, требующими новых подходов к правовому регулированию и социальному взаимо-

---

[1] © Иванченко С. В., 2026.

действию. В таких условиях особую значимость приобретает интеграция традиционных духовно-нравственных ценностей в правоприменительную практику. Это создает прочный фундамент для формирования гражданской ответственности, способствуя укреплению правопорядка и стабильности.

Важно отметить, что традиционные духовно-нравственные ценности не только передают знания, но и воспитывают личность, осознающую свои права и обязанности. Люди становятся активными участниками гражданского общества, принимая осознанное участие в его жизни, что в свою очередь способствует построению правовой культуры. Социально-обусловленная государственная политика по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей должна реализовываться с опорой на институты гражданского общества и общественное мнение, что и обеспечит ему защиту и самодостаточность основополагающих моральных регуляторов как непреходящей основы российской государственности [1, с. 67].

Кроме того, акцент на традиционных ценностях способствует более глубокой связи поколений, укрепляя социальные связи и доверие. Взаимодействие между различными слоями общества, основанное на взаимопонимании и уважении, создает прочные условия для диалога и совместного поиска решений в сложных ситуациях. Так, традиционные православные ценности играют значительную роль в формировании современного российского права, пронизывая его основы духовностью и моральностью. Воспитанные на принципах любви к ближнему, справедливости и милосердия, эти ценности находят отражение в законодательных актах и правоприменительной практике. Моральные ориентиры, выраженные в священных текстах и святоотеческом наследии, становятся неотъемлемой частью правосознания и правовой культуры общества.

Современное российское право стремится учесть эти традиции, что приводит к гармонизации светских и религиозных аспектов жизни. Например, в области семейного права наблюдается акцент на моральной ответственности и защиты семьи, вдохновленной православными устоями. Эффект православной этики также заметен в области социальной справедливости, когда законодательство обеспечивает защиту наиболее уязвимых слоев населения. Таким образом, взаимодействие традиционных православных ценностей и современного права не только обогащает правовую систему, но и способствует формированию более устойчивого и морального общества.

Необходимость сохранения вектора влияния традиционных ценностей на российское право в современных условиях становится все более актуальной. В условиях глобализации и культурных трансформаций важно опираться на исторически сложившиеся моральные ориентиры, которые сформировались под воздействием православной культуры. Традиционные ценности не только создают правовые нормы, но и служат основой для формирования общественного сознания, способствуя укреплению социальной стабильности.

Религия, в частности православие, обладает мощным потенциалом для оказания влияния на правовую систему. Она может способствовать не только сохранению, но и развитию норм, основанных на справедливости и человеческом достоинстве. Важно, чтобы общественные инициативы интегрировали эти ценно-

сти, создавая гармоничное сообщество, где право становится проекцией моральных идеалов.

Использование религиозных ресурсов в правотворчестве может привести к более полному отражению потребностей и интересов общества. Православие, как свидетельство многовековых традиций, предоставляет богатый опыт и мудрость, которые могут быть полезны в решении современных правовых вызовов.

Таким образом, интеграция духовно-нравственных ценностей в правовую сферу не только обогащает юридическую практику, но и является важным инструментом для формирования гармоничного общества. Содержание традиционных российских духовно-нравственных ценностей указывает на сложный характер их внутренней структуры, в рамках которой объединяются ценности различной социально-политической значимости [2, с. 49]. Ключевым аспектом данного процесса является необходимость формирования у молодежи правового сознания, основанного на традиционных духовно-нравственных принципах. Это позволит молодым людям понимать ценность закона как инструмента защиты не только прав индивидов, но и интересов общества в целом.

В конечном итоге, только путем синергии традиционных духовных ценностей и современных правовых норм возможно построение устойчивого общества, где каждое поколение сможет внести свой вклад в решение социальных проблем. Для достижения этой цели необходимо разработать доступные информационные ресурсы, позволяющие создать безопасное пространство для обсуждений и обмена мнениями. Совместные усилия государства и общества смогут создать эффективную и устойчивую систему правового просвещения, способную укрепить традиционные российские духовно-нравственные ценности.

Список литературы

1. Адамянц С. Т. Духовно-нравственные ценности российского общества как объект правового обеспечения: вопросы теории и практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150). С. 61–68.

2. Устиленцев К. А. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект правового исследования // Право и управление. XXI век. 2024. № 1 (70). С. 44–51.

Рудакова О. Н.[1],
старший преподаватель
кафедры психологии, педагогики
и организации работы с кадрами
Академии управления МВД России

ЗАЩИЩАЯ СВОЕ ПРОШЛОЕ, ОТСТАИВАЕМ БУДУЩЕЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Современная глобальная дискуссия о правах человека переживает фундаментальные изменения. Если в XX веке она была сосредоточена преимущественно на идеологическом противостоянии, то сегодня центральной осью разногласий становится конфликт между универсалистской, либеральной моделью и многообразием традиционных культурно-религиозных систем (азиатской, исламской, восточнославянской и др.). Данное противоречие особенно остро проявляется в контексте интерпретации естественных прав человека – тех неотчуждаемых прав (на жизнь, достоинство, свободу и др.), которые продиктованы самой природы человека.

В последние годы на фоне усиления процессов суверенизации и поиска странами собственных путей развития, основанных на историческом опыте, все более очевидной становится невозможность механического наложения западных стандартов на иные правовые традиции и менталитеты. Историческая память выступает базовой национальной ценностью, моральным ориентиром, играет ключевую роль в формировании национальной идентичности и является ключевым фильтром, через который воспринимаются и усваиваются идеи прав человека.

Необходимо признать, что Всеобщая декларация прав человека 1948 года, безусловно, стала историческим достижением. Однако, как справедливо отмечают многие исследователи Л. И. Глухарева, И. В. Гончаров, В. А. Карташкин, Р. М. Юсупов и другие, процесс ее разработки не был в полной мере инклюзивным. Например, продемонстрированное в монографии Н. В. Варламовой историческое исследование наглядно демонстрирует, что при формировании «философской архитектуры» Декларации в рамках опроса ЮНЕСКО более 80 % ответов поступило из стран Западной Европы, Северной Америки и Британского содружества, в то время как голос социалистических стран, Азии, Африки и Латинской Америки составил лишь 6 %. Это привело к доминированию в документе позиции западных стран, укорененной в конкретной исторической традиции [1, с. 67–69].

Следствием стало растущее отторжение. Как точно указывает К. В. Бендас [2], а также ученые Е. Т. Байльдинова, Е. А. Лукашева, J. Donnelly, навязывание универсальных стандартов без учета местного контекста является формой культурного империализма и ведет к конфликту. Разногласия настоящего времени

[1] © Рудакова О. Н., 2026.

касаются не столько перечня прав, сколько их философского основания, иерархии и соотношения с обязанностями. Для многих обществ, переживших колониализм, насильственную модернизацию или коллективные травмы, приоритетными являются права коллективные (народа, общины, семьи), социальная справедливость и солидарность, что прямо вытекает из их исторического опыта и памяти.

В контексте этого, историческая память не просто набор фактов о прошлом, а живая система ценностей, традиций, смыслов и правовых интуиций, формирующая идентичность народа. Она определяет, что в данном обществе понимается под достоинством личности, каковы границы неприкосновенности, как соотносится право на жизнь с долгом перед родом и отечеством. Попытки фальсификации или забвения ключевых элементов этой памяти [3] (таких как преступления колониализма, этнические чистки, расизм, геноцид) являются, по сути, покушением на право народа на свою идентичность, которое можно рассматривать как производное от естественного права на самоопределение.

В этом контексте политики и эксперты из стран, отстаивающих свой суверенный путь развития (Лаос, Венесуэла, Никарагуа, Сирия и др.), о необходимости солидарности и взаимовыгодного сотрудничества, основанного на уважении исторического выбора, закономерны. По мнению Председателя «Единой России» Д. А. Медведева, успешное развитие возможно и вне рамок навязываемой западной модели [4]. Это подчеркивает необходимость переосмысления международного диалога о правах человека, где традиционные ценности, созданные историей, перестанут рассматриваться как «пережиток», а будут признаны легитимным основанием для национально-специфической интерпретации универсальных принципов.

Ответом на вызовы времени становится кросс-культурный подход, который, как подчеркивают В. А. Карташкин [5, с. 51] и Л. Х. Мингазов [6, с. 63], признает универсальный характер основных прав человека, но допускает их относительность в части реализации, обусловленную национальными, историческими и культурными факторами. Поскольку каждое общество имеет свои уникальные национальные религиозные и культурные традиции и обычаи, которые формируют восприятие прав и свобод. Поэтому навязывание одной модели прав человека может вызвать сопротивление и привести к конфликтам. Кросс-культурный подход сосредотачивается на общих ценностях, которые, несмотря на разнообразие культурного контекста, остаются стабильными и общепризнанными. Данный подход исходит из поиска «общего знаменателя» – непреходящих общечеловеческих ценностей (стремление к справедливости, запрет на пытки и рабство, уважение к жизни), которые, однако, исторически конкретно воплощаются в разных цивилизациях.

Такой подход позволяет:

– легитимировать многообразие. Признать, что интерпретация достоинства в индивидуалистическом обществе будет различаться, и обе имеют право на существование, если соблюдают минимальный универсальный стандарт;

– сохранить историческую память. Рассматривать право народа на сохранение и защиту своей исторической памяти как элемент права на культурную идентичность, тесно связанный с личным достоинством его членов;

– обеспечить кросс-культурный диалог. Сместить фокус с менторского поучения на равноправный диалог, целью которого является не унификация, а взаимное обогащение и поиск совместных решений глобальных проблем.

Кросс-культурный подход не отменяет универсальность базовых принципов, а лишь подчеркивает, что путь их воплощения лежит через призму местного культурно-исторического контекста. Он представляет собой синтез, где общечеловеческие ценности (уважение к жизни, достоинству, свободе) наполняются конкретным смыслом, извлеченным из исторического опыта и традиционных ценностей каждого народа.

Сохранение исторической памяти – это не консервативный жест, а процесс, направленный на утверждение права народа на собственное будущее, основанное на самостоятельно осмысленном прошлом. Историческая память формирует ценностную рамку, позволяющую эмоционально оценивать происходящие явления и процессы. Интерпретация естественных прав человека не может быть вне истории и вне культуры. Поскольку, чтобы право на жизнь, ее достоинство и неприкосновенность личности, было подлинно укорененным и эффективно защищаемым, должно быть взаимосвязано с ценностной системой, сформированной коллективной исторической памятью общества.

Таким образом, кросс-культурный подход приобретает особую значимость в условиях становления многополярного мира предлагает путь вперед. Он позволяет преодолеть тупиковую дихотомию «универсализм и релятивизм», заменяя ее моделью «универсальность в многообразии». Аристотелю, греческому философу и эрудиту, принадлежат слова: «Мы не можем изменить направление ветра, но можем настроить паруса так, чтобы добраться до желаемой точки», которые актуальны сегодня, именно мы, настоящее поколение взрослых должны настроить эти паруса так, чтобы воспитать наших детей достойными гражданами России, сохранив для них их будущего мир устойчивого развития и культурного многообразия [7].

Как справедливо заметил В. А. Карташкин, права человека должны быть инструментом объединения, а не разъединения всех государств и народов [5, с. 51]. Таким объединяющим началом может стать уважение к тому, как разные народы, исходя из своего уникального исторического пути и памяти, воплощают в жизнь общие гуманистические идеалы. Защищая свое прошлое и традиционные ценности как их квинтэссенцию, народы отстаивают свое право на суверенное понимание и построение справедливого будущего, тем самым обогащая все человечество.

Список литературы

1. Варламова Н. В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация : монография. М. : ИГП РАН, 2024.

2. Коробов П. Христиане не верят в права человека // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/746440.

3. Лавров заявил, что Запад напрямую поддерживает геноцид русских (30.05.2023) // РИА «Новости». URL: https://ria.ru/20230530/genotsid-1875093595.html.

4. «Единая Россия» проводит первый Международный форум сторонников борьбы с современными практиками колониализма (15.02.2024) // Единая Россия. URL: https://er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-provodit-pervyj-mezhdunarodnyj-forum-storonnikov-borby-s-sovremennymi-praktikami-kolonializma.

5. Карташкин В. А. Права человека и современные международные отношения : сборник статей. М. : Норма, 2024.

6. Мингазов Л. Х. Универсализм прав человека и культурное многообразие мира // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150, кн. 5. С. 61–66.

7. Нигматуллина Т. А., Ибраев Б. М. Межкультурный диалог в условиях вызовов многополярного мира // Этнодиалоги. 2024. № 2 (73). С. 8–21.

Богатырев Д. В.[1],
старший преподаватель кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ

Историческая память представляет собой общепринятые представления о прошлом страны, государства, нации и ходе их развития, ее значимость сложно переоценить, поскольку именно образ прошлого является неотъемлемым элементом социальной памяти, без которой невозможно полноценное существование и отдельной личности, и общества в целом [3, с. 1–3]. Кроме того, она выполняет весьма важные социальные функции, являясь своего рода точкой опоры национальной идентичности и консолидации.

Историческая память на сегодняшний момент претерпевает довольно серьезные изменения в контексте ее сохранения и репрезентации ввиду активной цифровизации практически всех сфер общественных отношений. Подобного рода процессы являются довольно сложными и объемными, они имеют существенное значение для общества и по этой причине требуют вмешательства со стороны государства, поскольку историческая память, являясь частью памяти коллективной, объединяет многие социальные процессы в единое целое, и таким образом, прошлое формирует настоящее и будущее [4]. Следует упомянуть о том, что государство принимает непосредственное участие в формировании цифрового пространства для сохранения исторической памяти, подготавливая соответствующие цифровые архивы, базы данных, цифровые копии исторических документов и т. д.

Цифровизация исторической памяти предполагает процесс, в рамках которого цифровые технологии используются для сохранения, систематизации и трансляции исторического наследия. Его следует рассматривать как особый вид информационных правоотношений, в связи с чем возникает необходимость соответствующего правового регулирования, позволяющего учитывать все специфические черты данного процесса, в свою очередь именно государство должно выступать гарантом защиты исторической памяти, реализуя в этих целях различного рода правовые механизмы. Иными словами, происходит юридизация сохранения и цифровизации исторической памяти, которая представляет собой деятельность государства по регламентации системы прав и обязанностей субъектов правоотношений в данной области, а также установлении юридической ответственности за нарушение установленных норм. Процессы цифровизации открывают возможности массовой доступности к историческим источникам,

[1] © Богатырев Д. В., 2026.

значительно упрощая их изучение и репрезентацию, позволяя принимать непосредственное участие в формировании разнообразного исторического нарратива, что несет в себе не только неоспоримые достоинства, но и довольно серьезную опасность, выраженную в виде возможного искажения исторических событий в рамках ее интерпретации.

В данном контексте следует сказать о таком явлении как злоупотребление правом, которое представляет собой реализацию субъективного права вопреки его фактического назначения. Особенность указанного явления заключается в том, что внешне оно маскируется под правомерное деяние, хотя по своей правовой сущности далеко не всегда является таковым, кроме того, подобного рода реализация права может противоречить в том числе и моральным нормам, тем не менее, не выходя за рамки правового поля, рассматриваемое деяние реализуется недобросовестно. Таким образом, историческая память в цифровом формате становится объектом злоупотребления правом, подверженным манипулированию, масштабируемому воздействию и искажению.

Во многом, говоря о злоупотреблении правом в контексте интерпретации исторических событий, предполагается злоупотребление правом на свободу слова, поскольку именно оно позволяет свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. В данном контексте следует упомянуть границы свободы слова, которые содержатся в ст. 29 Конституции Российской Федерации, однако, когда мы говорим о злоупотреблении правом, имеет место быть деяние, которое не выходит за рамки правового поля, а потому формально оно является правомерным, что априори ставит возможность его пресечения под сомнение.

Именно проблема соотношения свободы выражения мнения и защита исторической правды является центральной в контексте противодействия искажению исторической памяти и злоупотребления правом, поскольку современное отечественное законодательство довольно поверхностно касается вопроса законности вольной интерпретации исторических событий. Разумеется, законом так или иначе регламентируется ответственность за их искажение, примером тому может служить ст. 354.1 УК РФ (Реабилитация нацизма), однако в данном случае речь идет о совершении преступления, то есть такого деяния, которое запрещено законом, в то время как злоупотреблении правом не противоречит действующему законодательству, поскольку субъект такого деяния формально имеет субъективные права на его совершение, хотя и использует правовой инструментарий не по прямому назначению. Таким образом, противоправная фальсификация истории и злоупотребление правом хоть и являются смежными правовыми явлениями, тем не менее не тождественны друг другу.

Следует отметить, что искажение интерпретации исторических событий не является единственной возможной формой злоупотребления правом в рамках рассматриваемой проблематики. Такое деяние может проявляться в форме информационных манипуляций в виде представления выборочной информации, блокировке или сокрытии альтернативных точек зрения, насаждении определенного контекста и интерпретации исторических событий и т. д. Проблема заключается в том, что фактически указанные деяния законом напрямую не запре-

щены, при этом их осуществление является достаточно спорным с точки зрения их добросовестности и соответствия исторической этики, а потому в некоторых случаях они могут быть идентифицированы как злоупотребление правом. Следует отметить, что за некоторыми фрагментарными исключениями, в современном российском законодательстве отсутствует единый общеправовой запрет на злоупотребление правом, наиболее близким законодательным запретом в контексте рассматриваемой тематики следует обозначить ст. 4 Федерального закона от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», которой предусматривается недопустимость злоупотребления свободой массовой информации, а потому представляется возможным предположить, что она косвенно касается запрета на злоупотребление правом и в рамках цифровизации исторической памяти, однако с учетом неточности указанного законодательного положения, которое не регламентирует правовую природу и понятие злоупотребление правом, реальное его правоприменение видится затруднительным.

Другой формой злоупотребления в рассматриваемом контексте является ограничение доступа к тем или иным историческим ресурсам, которое выражается в необоснованном отказе от предоставления цифровых копий исторических документов, взимание избыточно большой платы за доступ к ним, приватизация цифровых баз данных без предоставления доступа к ним и т. д. Кроме того, следует упомянуть и неэтичное использование истории и нарратива исторических событий как одну из форм злоупотребления правом, к таковым можно относить монетизацию и популяризацию исторических сюжетов, не соответствующих действительности, эксплуатацию «болезненных» исторических событий в развлекательном контексте, патентование народного творчества и т. д.

Одной из главных причин злоупотребления правом в рассматриваемом контексте является несовершенство законодательства, выраженное в виде юридических пробелов и коллизий, не позволяющих фактически квалифицировать деяние как злоупотребление правом, вследствие чего его предупреждение и пресечение становится невозможным. Так, например, в отечественном законодательстве отсутствуют нормы, регламентирующие использование искусственного интеллекта при формировании репрезентации исторических событий.

Главным способом охраны исторической памяти в контексте ее цифровизации являются укрепление механизмов правовой и экспертной оценки исторического нарратива, а также усиление ответственности за умышленное искажение истории в противоправных целях. Однако в таком случае не следует допускать чрезмерного вмешательства со стороны государства, поскольку это может существенно ограничить право на свободу слова, в данном контексте важным является соблюдение баланса, выраженного в виде соразмерности правового регулирования.

Таким образом, злоупотребление правом в области цифровизации исторической памяти представляет собой внешне правомерное искажение исторического образа прошлого, которое хоть и не противоречит нормам права, тем не менее, не соответствует их назначению и целям, заложенным законодателем. При этом цифровая среда способствует распространению подобного рода явлений, поскольку предоставляет потенциальное расширение возможностей для их реали-

зации. Право, в свою очередь, должно выполнять функцию обеспечения добросовестного обращения с исторической памятью, поскольку оно является значимым общественным благом. С нашей точки зрения, правовое регулирование цифровизации исторической памяти должно строиться на принципах соразмерности и правовой определенности, в данном контексте следует обратить внимание на весьма тонкую грань между свободой выражения мнения и умышленном искажении репрезентации исторических событий. Таким образом, сохранение исторической памяти в рамках процесса ее цифровизации требует вмешательства со стороны государства, которое заключается в построении соответствующих механизмов и гарантов ее защиты.

Список литературы

1. Бегишев Н. Р., Хайруллина А. А. Историческая память в цифровую эпоху: педагогические стратегии сохранения и трансляции культурного наследия // Вестник экономики, управления и права. 2025. № 2. С. 72–78.

2. Градусова В. Н., Самодуров А. А. Вклад ученых в сохранение исторической памяти народа // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16-2. С. 732–733.

3. Егоров А. М., Егоров И. А. Проблема сохранения исторической памяти в контексте современности // Метаморфозы истории. 2022. Вып. 25. URL: https://history-metamorph.ru/index.php?dispatch=selectel.getfile&object_id=99752&object_type=pdf.

4. Замараева Е. И. Проблемы сохранения исторической памяти в эпоху цифровизации // Казанский педагогический журнал. 2022. № 3 (152). С. 263–268.

5. Лезик Е. В., Лагойко А. Г., Прищепа А. С. Цифровизация исторического пространства России: практика сохранения памяти о Великой Отечественной войне // Клио. 2025. № 11 (227). С. 230-235.

6. Скоробогатов А. В. Юридизация памяти о Великой Отечественной войне // Пролог. 2025. № 2 (46). С. 18–28.

Агаев С. А.[1],
начальник кафедры
уголовного процесса
Академии полиции
МВД Азербайджанской Республики,
доктор философии по праву, доцент

Аббасов Э. А.[2],
курсант 4-го курса
Академии полиции
МВД Азербайджанской Республики

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ВИДЕ ДОЗНАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Досудебное производство является важнейшей стадией уголовного судопроизводства, на которой определяются доказательства, устанавливаются обстоятельства совершения преступления и обеспечиваются гарантии прав участников процесса. В Азербайджанской Республике досудебное производство регулируется Уголовно-процессуальным кодексом (УПК), который определяет порядок возбуждения уголовных дел, ведение расследования, а также обязанности следственных органов и защитников. Однако на практике возникают значительные проблемы, которые сказываются на эффективности правосудия, а также на соблюдении прав и свобод человека [5, с. 52].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью выявления существующих проблем и разработки рекомендаций по совершенствованию досудебного производства в рамках азербайджанского законодательства, с учетом международных стандартов прав человека. Целью данной работы является проведение анализа актуальных проблем досудебного производства в виде дознания в Азербайджане и предложений по их решению.

Ранее сказано, что досудебное производство в Азербайджанской Республике регулируется Уголовно-процессуальным кодексом, который был принят в 2000 году и является основным документом, определяющим порядок возбуждения уголовных дел, ведения расследования и судебного контроля на предварительном этапе. Досудебное производство в АР осуществляется путем производства предварительного расследования, которое реализуется в двух формах – предварительное следствие либо дознание. Эти формы имеют принципиальные различия, поскольку, согласно УПК АР, предварительное следствие и дознание действительно самостоятельные и имеют собственную специфику формы расследования. В соответствии с УПК АР дознание может быть двух видов: 1) проведение неотложных следственных действий по уголовным делам, пред-

[1] © Агаев С. А., 2026.
[2] © Аббасов Э. А., 2026.

варительное следствие по которым обязательно; 2) упрощенное досудебное производство по некоторым очевидным преступлениям, не представляющим большой общественной опасности [3, с. 248].

Согласно ст. 214.3 УПК АР дознание в виде проведения неотложных следственных действий организуется в целях установления и закрепления следов преступления. В УПК АР, в отличие от УПК РФ, закреплен перечень неотложных следственных действий, чего нет в российском уголовно-процессуальном законе. Таким образом, азербайджанский законодатель, в отличие от российского, не отказался от конкретного перечня неотложных следственных действий, продолжив тем самым традиции советского уголовно-процессуального законодательства. Другой вид дознания – упрощенное досудебное производство. В целом, оно напоминает упраздненный в России институт протокольной формы досудебной подготовки материалов. Упрощенное досудебное производство осуществляется по очевидным преступлениям (лицо, совершившее преступление, известно), не представляющим большой общественной опасности [3, с. 249].

Перечень очевидных преступлений, не представляющих большой общественной угрозы, по которым в качестве вида расследования проводится упрощенное досудебное производство, определен в ст. 214 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики. Без учета военных преступлений 21 из 22 преступлений данной категории находится в ведении МВД [4]. С этой точки зрения было бы целесообразным разработать законопроект, регулирующий порядок ведения данного вида производства, в соответствии с современными требованиями на основе опыта, накопленного в органах внутренних дел в области расследования упрощенного производства в суде.

Многолетняя практика дознания в сфере упрощенного производства, реальная ситуация в правоохранительной деятельности, полное, объективное и всестороннее расследование, особенно оперативное реагирование на обращения граждан, восстановление нарушенных прав, обеспечение удовлетворенности граждан требуют адаптации ряда действующих норм уголовно-процессуального законодательства к повседневным требованиям.

Так, методика расследования большинства преступлений, предусмотренных статьей 214.4 УПК, требует назначения ряда экспертиз, требующих специальных знаний и навыков в области науки, техники, искусства и других профессий, для изучения особенностей, имеющих значение для дела. К ним можно отнести криминалистические, товароведческие, экспертные заключения по дорожно-транспортным происшествиям и экспертные заключения в области экологических преступлений, нарушений прав собственности на землю, а акты (заключения) рассматриваются как один из основных видов доказательств при привлечении лица к ответственности.

Например, без получения заключения судебно-медицинского эксперта невозможно в течение 24 часов определить степень тяжести телесного повреждения, полученного потерпевшим в результате противоправного деяния, и дать характеристику деяния согласно соответствующей статье Уголовного кодекса АР (ст. 128 или 127.1 УК в случае причинения легкого или менее тяжкого вреда

здоровью или телесного повреждения, не причинившего вреда здоровью), ст. 157 (избиение) Кодекс административных правонарушений АР. В таком случае права гражданина нарушаются путем возбуждения уголовного преследования без оснований, в противном случае дознавательный орган сталкивается с неопределенностью, по какой статье возбудить уголовное дело в короткий срок.

Поэтому открыть упрощенную процедуру в течение 24 часов с момента поступления жалобы или в течение предложенного часа практически невозможно. Так, заключения о причинении легкого или менее тяжкого вреда здоровью потерпевшего, размере имущественного ущерба, создающего или исключающего преступление, определение вины водителя в извещении о дорожно-транспортном происшествии, а также заключение эксперта о размере ущерба, причиненного природе в результате незаконного рыболовства, итоговое служебное заключение правоохранительного органа о том, является ли деяние преступлением в простых или отягчающих случаях. Формы неполучения таких заключений и справок в короткий срок создает практические трудности и приводит к низкому качеству предварительного расследования, принятию необоснованных процессуальных решений, неполному и поверхностному расследованию упрощенной процедуры.

По сути, в целях обеспечения объективности необходимо применять правило проведения предварительной проверки в течение 3 дней, при невозможности этого – в течение 10 дней, а также в течение 30 дней после получения экспертного заключения, как это предусмотрено статьей 207 УПК АР надо применить так же и упрощенному досудебному производству по некоторым очевидным преступлениям, не представляющим большой общественной опасности.

Опыт проведения протокольной (упрощенной) формы предварительного расследования сразу после получения экспертного заключения имеется и в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан.

В уголовно-процессуальном законодательстве России уголовное дело «переводится» в упрощенную форму производства в течение 24 часов и завершается в течение 10 суток, если обвиняемый примиряется с обвиняемым, представляет вещественные доказательства, возмещает ущерб и сотрудничает со следственным органом в рамках уголовного дела. Приведенные примеры доказывают, что невозможно все случаи деяния какого-либо лица определить в течение 24 часов и подвергнуть уголовному преследованию по конкретной статье Уголовно-процессуального кодекса АР, и должны быть установлены разумные сроки для обеспечения объективности расследования и сбора доказательств.

Таким образом предлагаю следующие предложения:

1) срок проведения открытого упрощенного производства составит не позднее 30 дней, считая со дня поступления жалобы;

2) день получения заключения экспертизы будет являться днем открытия упрощенной процедуры, и до момента получения заключения предварительная проверка будет проводиться в сроки, предусмотренные статьей 207 УПК АР;

3) в результате будет реализован механизм «подача жалобы – получение экспертного заключения – открытие упрощенной процедуры – завершение ее не позднее 30 дней».

Следует также отметить, что в связи с тем, что лицо, совершившее преступление, не было установлено в течение 24 часов и, следовательно, «раскрытие» деяния не было обеспечено в этот период, согласно действующим в настоящее время нормам и срокам, ст.ст. 128 (легкий вред здоровью), 127.1 (менее тяжкий вред здоровью), 221.1 (хулиганство), 263.1 (дорожно-транспортное происшествие) УК АР и некоторым другим преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, предварительное следствие осуществляется в форме следствия [2, с. 145, 146, 233, 264]. Нельзя сделать вывод, что в результате данный опыт отрицательно влияет на нагрузку дознавательного органа.

Из статистики последних трех лет видно, что из-за нехватки времени для упрощенного производства в суде, открытом в органах внутренних дел, количество ходатайств о возбуждении уголовных дел без окончания следствия в 2022 году с 3 326 до 1 360 (41 %), в 2023 году с 3 624 до 1 511 (42 %), в 2024 году составило с 3 744 до 1 629 (44 %) [6]. Это связано с несоответствием действующего законодательства в практике.

Кроме того, в рамках более широкого определения объема нарушенного вознаграждения в статье 293.1 УПК АР предлагается заменить слова «потерпевший, его законный представитель или представитель» словами «физическое лицо, его законный представитель или юридическое лицо, его представитель». Таким образом, если из этой статьи исключить «законного представителя физического лица», то право на обращение родителя, опекуна, являющегося законным представителем несовершеннолетнего потерпевшего с ограниченной процессуальной неспособностью, будет ограничено.

В заключение следует подчеркнуть, что проблемы досудебного производства в Азербайджане требуют комплексного подхода к решению. Несоответствие между теоретическими нормами закона и реальной практикой дознания, нарушения прав обвиняемых, недостаточный контроль за работой правоохранительных органов создают серию вызовов, которые необходимо решить для того, чтобы обеспечить правосудие и защиту прав граждан.

Предложения, выдвинутые в рамках данного исследования, направлены на улучшение практики досудебного производства в виде дознания и повышение эффективности уголовного процесса в целом. Важно, чтобы все изменения были нацелены не только на улучшение работы правоохранительных органов, но и на защиту прав человека, что станет важным шагом на пути к укреплению правового государства в Азербайджане.

Список литературы

1. Конституция Азербайджанской Республики : принята на всенародном голосовании (референдуме) 12 ноября 1995 г. // Президент Азербайджанской Республики. URL: https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution.

2. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (ред. от 05.01.2018). Баку : Qanun, 2018.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (ред. от 10.02.2025). Баку : Qanun, 2025.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики : утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ (ред. от 28.02.2025) // Континент. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id =30420280.

5. Гаджиев И. В. Право на защиту в досудебном производстве.

6. Интернет-материалы Государственного статистического комитета Азербайджанской Республики = Dövlət Statistika Komitəsinin Kitabxanası. URL: https:// www.azstat.gov.az/Kitweb/axtar.

Безбородова Л. А.[1],
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Куксов В. А.[2],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕМЕЦКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЦИФРОВОГО НАСЛЕДИЯ И ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОНЛАЙН-ПАМЯТИ

Цифровизация повседневной жизни привела к тому, что значительная часть юридически релевантной информации – договоры, переписка, финансовые операции, результаты творчества, личные фотографии и видео – существует преимущественно в электронной форме. После смерти пользователя возникает вопрос о судьбе этих цифровых следов: должны ли они рассматриваться как элементы наследственного правового поля или как сугубо личные данные, доступ к которым даже после смерти ограничен? В немецком праве для обозначения этой проблематики закрепился термин digitaler Nachlass – «цифровое наследие» [11].

Параллельно формируется более широкое культурно-правовое измерение – онлайн-память. Мемориализированные аккаунты, семейные цифровые архивы, блог-платформы и облачные хранилища становятся пространством сохранения биографической памяти и коллективной идентичности. Правовой режим такой «онлайн-памяти» определяется на стыке наследственного права, защиты персональных данных, телекоммуникационной тайны и постмортальных личных прав.

Методологически работа опирается на формально-юридический, сравнительно-правовой и дискурс-аналитический методы, что соответствует междисциплинарному характеру исследований в рамках кафедры иностранных языков.

Отправной точкой для понимания digitaler Nachlass служит классический принцип универсального правопреемства (§ 1922 BGB): с открытием наследства имущество наследодателя переходит к наследникам как единое целое [2]. В аналитической записке научной службы Бундестага подчеркивается, что этот принцип охватывает и те правовые позиции, которые связаны с использованием электронных сервисов, – при условии, что речь идет не о строго личных правах, а о имущественных и договорных отношениях [5].

В немецких источниках и консультационных материалах под цифровым наследием понимается совокупность всех правовых позиций и данных, которые остаются после смерти пользователя в цифровой среде:

---

[1] © Безбородова Л. А., 2026.
[2] © Куксов В. А., 2026.

– договорные отношения с провайдерами электронной почты, облачных сервисов, социальных сетей;

– учетные записи в онлайн-банкинге, платежных системах и интернет-магазинах;

– зарегистрированные доменные имена и связанные с ними права;

– цифровые медиаархивы (фотографии, видео, тексты, блоги, форумы) [6; 7; 10].

Систематизированное изложение этой проблематики дают монографии С. Герцог и М. Прунса «Der digitale Nachlass in der Vorsorge- und Erbrechtspraxis» («Цифровое завещание в практике пенсионного обеспечения и наследственного права») [6] и С. Функ «Das Erbe im Netz. Rechtslage und Praxis des digitalen Nachlasses» («Наследие в сети. Правовое положение и практика цифрового завещания») [7]. Авторы исходит из того, что цифровое наследие, как правило, не образует отдельной категории права, а подчиняется общим нормам наследственного законодательства: по принципу универсального правопреемства наследники «вступают в цифровые шаги» наследодателя, продолжая его договоры и получая доступ к релевантным данным.

При этом немецкие источники подчеркивают необходимость разграничения имущественного и неимущественного измерения цифрового наследия. С одной стороны, доступны к наследованию имущественные права (например, право требования к провайдеру, денежные активы на электронных счетах, авторские права на цифровые произведения). С другой – возникают вопросы, связанные с тайной связи и правами третьих лиц: переписка, сообщения в социальных сетях и мессенджерах содержат данные не только наследодателя, но и иных лиц, чья конфиденциальность также подлежит защите [5; 8].

Тем самым цифровое наследие в немецкой доктрине понимается как «срез» традиционных институтов наследственного и информационного права, требующий адаптации, но не радикальной переработки базовых принципов.

Ключевым моментом в становлении правового режима цифрового наследия в Германии стало решение Федерального суда (BGH) от 12 июля 2018 г. по делу Facebook (запрещен в России, принадлежит корпорации Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации) (III ZR 183/17). Суд признал, что договор о пользовательском аккаунте в социальной сети подчиняется общему правилу универсального правопреемства, а потому переходит к наследникам аналогично другим договорным отношениям [3].

Федеральный суд прямо сопоставил содержимое аккаунта с традиционной аналогией «корреспонденции в бумажном виде»: сообщения в социальной сети были приравнены к письмам, подлежащим передаче наследникам вместе с остальной перепиской [3]. Это сравнение оказало существенное влияние на последующую доктрину, поскольку тем самым цифровые коммуникации были концептуально включены в пространство семейной и культурной памяти, а не оставлены в сфере исключительно личных, непередаваемых прав.

Одним из центральных аргументов в споре являлась телекоммуникационная тайна. Противники признания наследуемости аккаунта указывали, что доступ наследников к переписке нарушает тайну связи и права третьих лиц. Федеральный суд, однако, исходил из того, что телекоммуникационная тайна защищает

передачу информации от провайдера к пользователю, но не регламентирует ее судьбу после доставки; в этом отношении к цифровой корреспонденции применимы аналогичные правила, что и к традиционным письмам [3; 9].

В последующей редакции 2020 г. (III ZB 30/20) Федеральный суд уточнил, что «доступ» к аккаунту означает предоставление наследникам полноценного входа в профиль, а не только представленные копии отдельных данных (например, PDF-выгрузки сообщений) [4]. При этом суд провел значимое различие между пассивацией и активным использованием аккаунта: наследникам может быть предоставлено право чтения и обработки цифровых материалов, но не право продолжать коммуникацию от имени умершего.

Немецкая литература в целом поддержала подход Федерального суда, рассматривая его как подтверждение принципа универсального правопреемства и равенства аналогового и цифрового наследия [6–8]. Вместе с тем в доктрине подчеркивается, что на уровне конкретной практики требуется учет прав третьих лиц, а также детальная проработка механизмов, позволяющих ограничить доступ к отдельным, особенно чувствительным сегментам цифрового архива.

Важно отметить, что решение по делу Facebook стало ориентиром не только для практики судов, но и для консультативных материалов, разрабатываемых федеральными органами и потребительскими организациями. В брошюрах Министерства юстиции и потребительских объединений цифровое наследие описывается с учетом этой судебной позиции: наследники, как правило, получают право доступа к аккаунтам, но пользователю настоятельно рекомендуется заранее определить в завещании или в «цифровом распоряжении», кому и в каком объеме будет предоставлен этот доступ [5; 10].

Понятие digitaler Nachlass (цифровое наследие) в немецких источниках постепенно дополняется идеей «онлайн-памяти». Речь идет не только об экономическом аспекте цифрового наследия, но и о сохранении биографических и семейных нарративов в форме фотографий, блогов, переписки, записей в социальных сетях. В постановках и комментариях подчеркивается, что цифровые архивы становятся функциональным аналогом семейных альбомов и бумажной корреспонденции, традиционно хранимых и передаваемых из поколения в поколение [3; 7; 11].

Вместе с тем возникает вопрос о соотношении онлайн-памяти и постмортальных личных прав. В немецком праве признано, что личное право на защиту чести и частной жизни сохраняет свое действие и после смерти, реализуясь через ближайших родственников. В цифровом измерении это означает, что наследники вправе не только получать доступ к аккаунтам, но и защищать умершего от искажений и манипуляций его цифрового образа (например, от несанкционированного изменения профиля, публикаций от имени умершего, использования фотографий без согласия семьи) [11].

Отдельная линия дискуссии связана с так называемыми «мемориальными аккаунтами» (Gedenkzustand), которые предлагают крупные платформы. По условиям использования, опубликованным на немецком языке, пользователь может при жизни указать «контакт по наследству» либо выразить волю относительно превращения аккаунта в мемориальный профиль [9].

Эти платформенные решения взаимодействуют с национальным правом: с одной стороны, они упрощают управление онлайн-памятью; с другой – не могут отменить действие принципа универсального правопреемства и прав наследников, официально гражданским правом.

В консультационных материалах подчеркивается, что эффективное управление онлайн-памятью возможно только при сочетании правового и организационного моментов:

– фиксации в завещании или отдельном документе волеизъявления относительно цифрового наследия;

– ведения «реестра доступов» (списка аккаунтов и паролей), доступного доверенному лицу;

– регулирования статуса аккаунтов (удаление, мемориализация, передача наследникам) [5; 10].

Таким образом, концепция онлайн-памяти в немецком дискурсе опирается на три взаимосвязанных блока: наследственное право, постмортальные личные права и договорные отношения, предоставляемые цифровыми платформами.

Для кафедры иностранных языков важным аспектом является корректная передача немецких терминов, связанных с цифровым наследием и онлайн-памятью.

Во-первых, термин digitaler Nachlass буквально переводится как «цифровое наследие»; в русскоязычных текстах иногда встречаются варианты «цифровой наследственный массив», «цифровой след». Немецкие источники подчеркивают, что речь идет именно о части наследственных отношений, а не о самостоятельной категории, поэтому целесообразно сохранять термин «цифровое наследие» и пояснять его связь с принципом универсального правопреемства [5–7].

Во-вторых, понятие Gesamtrechtsnachfolge трактуется как «универсальное правопреемство»; для обучающихся важно видеть, как это абстрактное понятие конкретизируется в дискуссиях о цифровых аккаунтах и облачных сервисах. Работа с немецкими текстами BGH и аналитическими записями Бундестага позволяет проследить, каким образом этот термин применяется к новым объектам права [3–5].

В-третьих, интерес представляет немецкая терминология, описывающая онлайн-память: Gedenkzustand eines Kontos, digitale Spuren, postmortales Persönlichkeitsrecht (памятное состояние учетной записи, цифровые следы, посмертное право на неприкосновенность частной жизни). При переводе этих выражений необходимо учитывать, что они не всегда имеют устоявшиеся эквиваленты в российском законодательстве; поэтому оправдан прием сочетания кальки и описательного перевода с кратким пояснением в примечаниях.

Использование аутентичных немецких источников по проблематике цифрового наследия позволяет не только раскрывать содержание соответствующих правовых институтов, но и формировать у обучающихся устойчивые навыки работы с терминологией наследственного и информационного права.

Таким образом, немецкая правовая система демонстрирует последовательную попытку интегрировать цифровое наследие в рамки традиционного наследственного права, опираясь на принцип универсального правопреемства и не со-

здавая радикально новых категорий. Решения BGH по делу Facebook сыграли ключевую роль в том, чтобы приравнять аккаунты в социальных сетях к иным имущественным и коммуникационным позициям наследодателя и тем самым признать их частью наследственной массы [3; 4; 9].

Одновременно выстраивается правовой режим онлайн-памяти, в котором цифровые архивы рассматриваются как важный элемент семейной и общественной памяти, а постмортальные личные права и защита данных третьих лиц ограничивают объем допустимого доступа и использования цифровых материалов. Консультативные материалы государственных органов и потребительских организаций подчеркивают необходимость превентивного регулирования цифрового наследия самим пользователем – через завещательные распоряжения, «цифровые завещания» и настройку параметров аккаунтов [5; 10].

Список литературы

1. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 (BGBl. I S. 1). In der jeweils geltenden Fassung.

2. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). Gesetz vom 18. August 1896. In der jeweils geltenden Fassung, insb. § 1922 BGB (Gesamtrechtsnachfolge).

3. Bundesgerichtshof (BGH). Urteil vom 12.07.2018 – III ZR 183/17 (Digitaler Nachlass/Facebook).

4. Bundesgerichtshof (BGH). Beschluss vom 27.08.2020 – III ZB 30/20 (Zugang zum Facebook-Account der Verstorbenen).

5. Deutscher Bundestag. Wissenschaftliche Dienste. Digitaler Nachlass – Zum Umgang mit Nutzerkonten Verstorbener. WD 10 – 029/12. 24.04.2012.

6. Herzog S., Pruns M. Der digitale Nachlass in der Vorsorge- und Erbrechtspraxis. Herne : NWB Verlag, 2018.

7. Funk S. Das Erbe im Netz. Rechtslage und Praxis des digitalen Nachlasses. Wiesbaden : Springer Gabler, 2017.

8. Herzog S. Der digitale Nachlass und das Erbrecht. Universalsukzession gilt auch in der digitalen Welt // Anwaltsblatt. 2018. S. 472–476.

9. Biermann B. Erste BGH-Entscheidung zum digitalen Nachlass: Facebook-Chats sind auch nur Briefe // Legal Tribune Online. 12.07.2018.

10. Verbraucherzentrale Bundesverband; Europäisches Verbraucherzentrum. Digitaler Nachlass. Broschüre. Berlin, 2023.

11. Digitaler Nachlass // Wikipedia. Die freie Enzyklopädie. Artikelstand: 2025.

Хабарин О. М.[1],
преподаватель кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ФИСКАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Учреждение института фискалов в 1711 г. положило начало законодательному оформлению системы государственного контроля и надзора в России в начале XVIII века. Комплекс внутри- и внешнеполитических обстоятельств, среди которых: рост бюрократического аппарата; увеличение расходов на содержание регулярной армии и проведение масштабного государственного реформирования; активные боевые действия на фронтах русско-шведской, русско-турецкой и русско-иранской военных кампаний – обусловил острую необходимость в подобном институте. Будучи учрежденным стихийно, в своем правовом оформлении фискалитет имел множество изъянов, ставших в дальнейшем одной из главных причин его перманентного реформирования, с которым в основном и были связаны особенности эволюции правового статуса фискала.

Становление и развитие организационно-правовых основ института фискалов общеизвестно до 1730 г., после которого Фискальская канцелярия уже именуется «бывшей» [1], что, в свою очередь, послужило причиной ошибочного представления историков и правоведов о демонтаже фискалата в конце первой трети XVIII века. Однако, скрупулезный анализ законодательства Российской империи доказывает факт дальнейшей эволюции этого государственного института на протяжении всего периода существования Российской империи. В данной статье мы ограничимся первой половиной XVIII века.

Согласно традиционной хронологии, эволюция фискалитета в первой трети XVIII в. разделяется на три этапа. Для первого периода (1711–1718 гг.) характерно оформление организационно-правовых основ деятельности фискалитета. Находясь в тесном взаимодействии с Сенатом и лично царем, фискалы исполняли функции текущего негласного государственного надзора и контроля. Возглавляемый обер-фискалом, фискалитет имел относительно разветвленную иерархическую структуру, основанную как на территориальном (фискалы отсылались для государственного надзора преимущественно в столичные и крупные губернские города), так и на отраслевом принципе (выделялись гражданские, военные, духовные фискалы-протоинквизиторы). Однако, ввиду невысокой эффективности деятельности фискалов, связанной, в первую очередь, с уже упоминавшейся выше непроработанностью правовых основ их функционирования, – возникла очевидная необходимость фундаментальной реформы фискалитета.

Пытаясь реанимировать систему государственного контроля посредством ее структурного реформирования, законодатель переподчиняет рядовых фискалов

[1] © Хабарин О. М., 2026.

учрежденной в 1718 г. Юстиц-коллегии, а провинциал-фискалов – учрежденной в том же году Камер-коллегии, понижая тем самым статус фискалитета и учреждая новый порядок рассмотрения фискальских дел. Однако переход института фискалов в ведение новоявленных коллегий лишь активизировал еще больший рост бюрократии. С одной стороны, учреждения, обязанные заниматься разбором фискальских доношений, под разными предлогами старались этого не делать, с другой – сами фискалы, видя подобное к себе отношение, перестали усердствовать в исполнении своих обязанностей. Своеобразным итогом этого этапа функционирования фискалитета стал арест и последующая казнь обер-фискала А. Я. Нестерова, уличенного в казнокрадстве.

Дальнейшая эволюция фискалов связанна с их очередным переподчинением во главе с новым обер-фискалом (теперь называвшимся государственным фискалом) А. А. Мякининым уже в составе Юстиц-коллегии созданной в 1722 г. прокуратуре. Данная мера, с одной стороны, существенно расширила сферу компетенции фискалитета, который теперь был обязан вести надзор не только за государственными чиновниками, но и за рядовыми гражданами, а, с другой стороны, внесла беспорядок в его структурную организацию, поставив фискалов под контроль сразу трех ведомств: Сената, Юстиц-коллегии и прокуратуры.

После смерти императора Петра I и в условиях начавшихся частых дворцовых переворотов деятельность института фискалов начинает затухать. Именной указ от 28 мая 1725 г. прекращал все дела, возбужденные фискалами до 1721 г., а указ от 15 мая 1730 г. предписывал принять все решенные дела в сенатский архив, а прочие принадлежности «разослать в надлежащие места» [1].

Однако в условиях наступившей в связи с воцарением на престоле Анны Иоанновны умеренной стабилизации государственной жизни, деятельность фискалов возобновилась, но уже в новом ключе. Учрежденная вместо Верховного Тайного совета в 1731 г. Канцелярия тайных разыскных дел нивелировала значение гражданских фискалов в части надзора за государственными чиновниками, а начавшиеся военные кампании (такие как войны за польское наследство, русско-турецкая война и др.) и борьба с ересями – обострили необходимость в деятельности ведомственных фискалов.

Так, Указ «О разборе разночинцев и помещений годных в воинскую службу» [3] обязует фискалов контролировать процесс военной мобилизации, а Инструкция воинским Обер-фискалам и фискалам 1732 г. устанавливает «Обер-фискалы имеют быть один при Военной коллегии, а два при армии, да при каждой полевой дивизии и при гарнизонах по одному фискалу, под дирекциею Генерала-инспектора и воинских инспекторов» [2]. Причем, в случае, если Генерал-инспектор или воинские инспекторы «…по тем доношениям не право следовать будет, о том, полевым и гарнизонным фискалам писать к Обер-фискалу, а им Обер-фискалам доносить Военной коллегии» [2]. Функции полевых и гарнизонных фискалов оставались теми же, что и у гражданских провинциал-фискалов: «…смотреть и взыскание иметь всех интересных и безгласных дел, и когда что усмотрит немедленно доносить; преступителей уставов обличать; накрепко смотреть, чтоб никто из вышних и из нижних офицеров и солдат… людей и лошадей и прочаго казенного к своим услугам и корысти не употребляли…» [2].

Также важно отметить, что фискалы обязаны были «…только проведывать и доносить и при суде обличать» [2], не вмешиваясь в ход дела.

Указы «О введении приходных и расходных книг и счетов» [4] и «О запрещении позументным фабрикантам и серебряного дела мастерам выменивать серебряную монету» [5] делегируют фискалам функции финансового контроля, обязывая их вместе с писарями присутствовать при составлении приходных и расходных книг, контролировать денежную эмиссию.

Деятельность духовных фискалов (протоинквизиторов) регламентировалась такими указами, как: «О пресечении суеверий» [6], «О сожжении флота капитан-лейтенанта Возницына за отпадение от христианской веры» [7] и др.

Таким образом, основные тенденции в эволюции правового статуса фискала определили: чрезвычайность организационно-правового устройства фискалитета, обусловившие недоработки в его законодательной базе; перманентное переподчинение института фискалов новоявленным государственным учреждениям, понизившего его статус от самостоятельного до подведомственного учреждения; ведомственная ориентация деятельности фискалов после 1730 г.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 8. № 5557 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 8. № 6187 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 8. № 6215 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 9. № 6842 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 9. № 6910 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 10. № 7450 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 10. № 7612 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

Старова Е. В.[1],
преподаватель кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ: В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВА

Современная юридическая герменевтика переживает системный кризис, вызванный технологической революцией, социокультурными трансформациями и эпистемологическим переосмыслением природы интерпретации. Традиционные модели толкования права, основанные на поиске объективного смысла текста или восстановлении воли законодателя, демонстрируют свою недостаточность при столкновении с алгоритмическим управлением, глобальным правовым плюрализмом и требованиями социальной справедливости. Данная статья анализирует ключевые этические дилеммы, возникающие перед современным интерпретатором права: дилемму «черного ящика» искусственного интеллекта (Уильям Росс Эшби (1903–1972, Великобритания) ввел понятие «проблема „черного ящика“» (Black Box Problem) в контексте искусственного интеллекта (ИИ), конфликт интерпретативных сообществ в условиях глобализации, противоречие между юридической стабильностью и необходимостью «живого» конституционализма. Методологическим ответом на эти вызовы предлагается синтез философской герменевтики Ханса-Георга Гадамера (немецкий философ, основоположник «философской герменевтики»), теории конструктивной интерпретации американского философа права Рональда Майлса Дворкина и аристотелевской концепции фронезиса (практической мудрости). Кризис классических моделей юридической герменевтики, спровоцированный новыми технологическими, социальными и эпистемологическими вызовами проявляется в том, что традиционный инструментарий толкования права, основанный на поиске объективного смысла текста или воли законодателя, оказывается недостаточным в условиях регуляции алгоритмов искусственного интеллекта и глобализации правовых порядков. Центральное место занимают этические дилеммы, которые возникают перед интерпретатором (судьей, юристом) в этих новых контекстах.

Юридическая герменевтика возникла как реакция на необходимость глубокого осмысления правовых текстов, выявления их истинного значения и правильного применения. Ее истоки уходят корнями в античность, когда первые мыслители начали задумываться над природой права и способами его толкования. Классическими примерами стали работы римского юриста Домиция Ульпиана и средневекового богослова Фомы Аквинского, пытавшихся установить связь между божественным законом и человеческими установками.

Юридическая герменевтика как дисциплина, исследующая принципы и методы толкования правовых текстов, исторически развивалась в рамках дихото-

[1] © Старова Е. В., 2026.

мии формализма и реализма. Если формалистская традиция (от Дж. Остина до Г. Кельзена) видела в толковании технику дедуктивного выведения решения из заранее данных норм, то реалистическая школа (О. У. Холмс, К. Ллевеллин) подчеркивала зависимость интерпретации от социального контекста, психологии судьи и целесообразности. Однако обе эти парадигмы разделяли фундаментальную презумпцию: право, в конечном счете, интерпретируемо человеком для человека в рамках относительно стабильного нормативного универсума.

Однако именно в XX веке эта дисциплина получила новое дыхание благодаря трудам немецкого философа и юриста Эрнста Канторовича, представителя Баденской школы неокантианцев, который обосновал идею плюрализма значений в тексте. Это стало важным этапом в развитии герменевтики, позволившим уйти от строгого буквального прочтения и перейти к поиску глубинных смыслов правовых предписаний.

XXI век поставил под сомнение эти базовые предпосылки. Цифровизация создала правовые тексты нового типа – алгоритмы и код, чья «интенция» растворена в математической логике и данных. Глобализация обнажила радикальный плюрализм интерпретативных сообществ, каждое из которых предлагает собственное прочтение даже таких универсальных концептов, как права человека. Социальные движения требуют от права не стабильности, а справедливости, подталкивая к «живому», динамическому толкованию. В этих условиях классический вопрос юридической герменевтики «как правильно понять право?» сменяется более сложным и этически нагруженным – «какой смысл мы, как сообщество, вправе придать праву в этой конкретной, уникальной ситуации, и какую ответственность мы несем за этот выбор?».

Традиционная герменевтика исходит из того, что правовой текст является продуктом интенциональной деятельности законодателя, чью волю (пусть и опосредованно) можно реконструировать. Однако алгоритм, регулирующий, например, выдачу кредитов или модерацию контента, представляет собой иной тип «текста». Его смысл не в зафиксированной воле, а в функциональности, вытекающей из структур данных, выбранной модели машинного обучения и весовых коэффициентов. Интерпретировать такой «текст» методами грамматического или исторического толкования невозможно. Возникает дилемма фиктивной интенции: должны ли мы приписывать законодателю намерения относительно технологий, которых он не знал и не мог предвидеть или следует полностью отказаться от поиска интенции в пользу телеологического толкования, направленного на минимизацию социальных рисков алгоритмов.

Рассматривая ИИ в качестве интерпретатора привел к дилемме «черного ящика». Системы искусственного интеллекта все активнее используются для анализа юридических текстов, прогнозирования судебных решений и даже подготовки проектов вердиктов. Это порождает фундаментальную этическую проблему. Если судья использует вывод ИИ, который сам по себе является результатом не интерпретируемой (или трудно интерпретируемой) работы нейронной сети («черный ящик»), то на ком лежит герменевтическая ответственность. Можно ли считать понимание судьи аутентичным, если он принимает результат, логику которого не в состоянии полностью постичь. Требует ли этика ин-

терпретации в этой ситуации от судьи либо глубокого погружения в принципы работы ИИ (что практически нереалистично), либо отказа от его использования в принципе, даже в ущерб эффективности.

Смарт-контракты, исполняемые автоматически при наступлении условий, запрограммированных в коде, представляют собой предельный вызов. Их апологеты говорят о «деинтерпретации» права, о переходе от двусмысленных норм к точному исполнению. Однако это иллюзия. Любой код, описывающий условия реального мира («поставка товара», «форс-мажор»), требует интерпретации для своего применения. Дилемма заключается в том, кто становится верховным интерпретатором: суд, разбирающий спор о соответствии кода первоначальному замыслу сторон, или техник, способный объяснить формальную логику программы. Герменевтическая власть незаметно смещается от юристов к программистам.

Концепция Стэнли Фиша об «интерпретативных сообществах» – группах, разделяющих общие стратегии чтения текстов, – становится ключевой для понимания современных герменевтических конфликтов [1]. Глобализация права (международные трибуналы, транснациональные корпоративные стандарты) сталкивает разные сообщества с несовместимыми интерпретационными практиками. Классический пример – противоречие между прагматичным, казуистичным подходом англо-саксонского общего права и системно-догматическим подходом континентальной правовой семьи. Этическое измерение этой проблемы проявляется в дилемме легитимности: чье толкование прав человека – национального конституционного суда, опирающегося на местный культурный контекст, или международного суда, претендующего на универсализм – имеет моральный приоритет. Отказ от диалога ведет к правовому изоляционизму, слепому подчинению, и, как результат, к утрате демократической легитимности.

Идея «живой конституции», которая эволюционирует вместе с обществом, ставит перед интерпретатором мучительный этический выбор между верностью историческому смыслу (оригинализм) и требованиями современной справедливости. Например, должна ли норма о «равной защите закона», принятая в XIX веке в расовом контексте, толковаться как запрещающая дискриминацию по признаку сексуальной ориентации в XXI веке? Оригинализм апеллирует к этике самоограничения судьи, уважению к демократическому решению прошлого. Динамический подход апеллирует к этике ответственности за актуальную справедливость. Это не просто методологический спор, а конфликт этических позиций: консерватизма против прогрессивизма, стабильности против адаптивности.

Современные когнитивные науки и критическая теория (критическая расовая теория, феминистская юридическая теория) доказали: нейтрального, беспредпосылочного толкования не существует. Социальное положение, жизненный опыт, неявные культурные установки интерпретатора неизбежно формируют его «горизонт понимания» (Х.-Г. Гадамер). Это порождает этическую дилемму нового типа. Если предвзятость неизбежна, то что становится этическим императивом для судьи? Классический идеал беспристрастности оказывается недостижимой фикцией. Возможно, новым императивом должна стать рефлексивная осведомленность о своих собственных предрассудках и систематических

усилиях по их учету и коррекции в процессе интерпретации. Это смещает фокус с попытки быть объективным на ответственность за управление собственной субъективностью.

Современные вызовы требуют переосмысления самой природы юридико-герменевтической деятельности. Необходима модель, основанная на трех столпах: герменевтической рефлексии, фронезисе и принципе публичной обоснованности.

Аристотелевское понятие фронезиса, переосмысленное в современной философии (М. Нуссбаум), предлагает альтернативу как механическому применению правил, так и произвольному решению. Фронезис – это способность верно оценить уникальную ситуацию (кайрос), взвесить конфликтующие ценности и найти оптимальное в данных конкретных обстоятельствах действие. Для юридического интерпретатора это означает:

1. Отказ от иллюзии алгоритмического решения сложных герменевтических задач.

2. Признание необходимости суждения, которое всегда включает в себя момент нередуцируемого выбора.

3. Ориентацию не на абстрактную правильность, а на уместность интерпретации в данном социальном и нормативном контексте.

На основе фронезиса можно сформулировать ряд принципов для современного интерпретатора:

1. Принцип диалогичности и включенности. Понимание должно вырабатываться не в монологе интерпретатора с текстом, а в максимально широком диалоге. Это включает диалог с альтернативными интерпретациями, с экспертами (в том числе техническими), с сообществами, которых затрагивает решение. Цель – не консенсус, а обогащение горизонта понимания.

2. Принцип прозрачности обоснования. Особенно критичен в эпоху ИИ. Интерпретатор обязан сделать максимально прозрачным ход своих рассуждений: какие тексты и прецеденты были учтены, какие ценности взвешивались, почему одни аргументы были предпочтены другим, как учитывались (или компенсировались) возможные предубеждения. Даже если используется ИИ, судья должен объяснить, почему он доверяет его выводу.

3. Принцип ответственности за целостность права (Integrity по Дворкину). Интерпретация не должна быть уловкой. Она должна встраиваться в существующую правовую систему как ее лучшее, морально наиболее последовательное продолжение. Это этический ограничитель произвола и гарантия предсказуемости права в долгосрочной перспективе.

4. Принцип ответственности за последствия. Интерпретатор должен осознавать, что его решение формирует не только исход дела, но и правовую реальность будущего. Он несет ответственность за системные эффекты своей интерпретации – за те модели поведения, которые она поощряет или подавляет в обществе.

Таким образом, в новой парадигме интерпретатор – не пассивный передатчик смысла, заложенного в текст, и не всемогущий создатель смысла. Он становится ответственным посредником между традицией права (его текстами, принци-

пами, прецедентами) и насущными потребностями современного общества. Его задача заключается в продуктивном переводе, взяв на себя груз аргументации за тот смысл, который он придает праву здесь и сейчас. Его авторитет зиждется не на непогрешимости, а на рациональности, прозрачности и этической обоснованности его герменевтического выбора.

Основной вывод заключается в необходимости трансформации юридической герменевтики из техники толкования в этику интерпретационного суждения, где центральное место занимает рефлексивная ответственность интерпретатора за последствия своего понимания права в сложном, нелинейном мире.

Юридическая герменевтика стоит на пороге парадигмального сдвига. Технологии искусственного интеллекта, глобальный ценностный плюрализм и кризис классических эпистемологических оснований делают невозможным возврат к простым моделям толкования. Основной конфликт современности разворачивается не между буквой и духом закона, а между технической эффективностью интерпретации и ее этической ответственностью.

Предложенная в статье модель этики интерпретационного суждения не является готовой методологией. Это, скорее, приглашение к рефлексии о фундаментальных условиях возможности справедливого правоприменения в постоянно развивающемся мире. Она смещает акцент с вопроса «что означает эта норма» на вопрос «как мы должны, с учетом всех обстоятельств и нашей ответственности перед прошлым и будущим, действовать, исходя из этой нормы».

Будущее юридической герменевтики лежит не в создании более изощренных техник извлечения смысла, а в развитии культуры ответственного, рефлексивного и диалогического суждения. В эпоху, когда право все чаще говорит на языке алгоритмов, а общество – на языке острой моральной полемики, именно эта способность к этически взвешенной интерпретации становится главной добродетелью юриста и последним оплотом человеческого измерения в праве.

Список литературы

1. Fish S. Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1980.

2. Solum L. Artificially Intelligent Law // SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3337696.

3. Brigham J. The Politics of Constitutional Interpretation // Law & Society Review. 1987, vol. 21 (5), pp. 777–781.

4. Casey B., Farhangi A., Vogl R. Rethinking Explainable Machines: The GDPR's “Right to Explanation” Debate and the Rise of Algorithmic Audits in Enterprise // Berkeley Technology Law Journal. 2019, vol. 34:143, pp. 143–188.

Рябцун А. П.[1],
преподаватель кафедры
социально-гуманитарных
и экономических дисциплин
Дальневосточного юридического института
МВД России имени И.Ф. Шилова

ДИАЛЕКТИКА ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ: СРОКИ ДАВНОСТИ КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ПАРАДОКС

Современная правовая система оказывается в эпицентре фундаментального противоречия: с одной стороны, она стремится к тотальному сохранению памяти через цифровые архивы, вечные базы данных и расширяющуюся практику историко-правовой коммеморации, с другой – объективно нуждается в механизмах целенаправленного забвения. Этот парадокс особенно рельефно проявляется в институте сроков давности, который, с формально-юридической точки зрения, представляет собой технический инструмент правовой определенности, но по своей сущности является сложным философско-правовым феноменом. В условиях, когда цифровые технологии делают потенциально возможным «помнить все», сама возможность забвения превращается из социально-правового автоматизма в предмет сознательного нормативного выбора.

Институт сроков давности в современном правопорядке представляет собой результат длительной исторической эволюции, уходящей корнями в античные социально-правовые практики. Генеалогический анализ позволяет выявить, что правовое забвение изначально формировалось как сложный социокультурный феномен, сочетающий политические, юридические и антропологические измерения.

Феномен забвения впервые получает институциональное оформление в древнегреческой практике амнистии. Классическим примером служит амнистия 403 г. до н. э. в Афинах, провозглашенная после свержения режима Тридцати тиранов. Данный акт представлял собой не просто прекращение преследований, но сознательный отказ от коллективной памяти о гражданском конфликте. Амнистия становилась «технологией политического выживания полиса», позволяющей перевести общество из состояния гражданской войны в состояние правового порядка через целенаправленное ограничение правовой памяти.

Римское право осуществляет систематическую юридизацию феномена забвения через разработку института возражения на иск, основанное на эффекте истечения времени. Изначально исковая давность регулировала отношения по провинциальным землям, устанавливая дифференцированные сроки для присутствующих и отсутствующих лиц. В классический период происходит существенная трансформация: давность приобретает характер универсального правового института, основанного на идее невозможности бесконечного поддержания юридической неопределенности. Римские юристы обосновывали давность «есте-

[1] © Рябцун А. П., 2026.

ственным разумом», признавая временной фактор объективным условием существования права. Особую значимость приобретает разработанная в постклассический период концепция «погасительной давности», которая окончательно закрепляет связь между течением времени и прекращением субъективных прав.

Антропологический анализ демонстрирует, что правовое забвение имеет глубокие доюридические истоки, связанные с ритуалами примирения в архаических обществах. Многие традиционные культуры разрабатывали сложные обряды «сознательного забвения» прошлых обид – от ритуального уничтожения предметов, символизирующих конфликт, до церемоний совместного пиршества, знаменующих прекращение вражды. Эти практики выполняли важнейшую социальную функцию – они позволяли сообществу преодолевать деструктивные последствия конфликта без необходимости его перманентного переживания. Данные антропологические механизмы стали прообразом последующих правовых институтов, реализующих ту же фундаментальную потребность – ограничение воспроизводства прошлых противоречий в настоящем.

Рассмотрение сроков давности через призму философской рефлексии позволяет выявить многомерную природу данного института, обладающего онтологическими, эпистемологическими и этическими основаниями.

Онтологическое измерение сроков давности раскрывается через фундаментальную связь права с временной природой человеческого существования. Право как социальный институт возникает в условиях конечности человеческого бытия, что определяет его темпоральный характер (глубокое осмысление памяти как основы бытия во времени, восходящее к античной философии, лишь подтверждает эту связь [3]).

Временная ограниченность индивидуального существования, смена поколений и историческая изменчивость социальных условий создают онтологические предпосылки для ограничения правовых притязаний во времени. Забвение выступает не как недостаток правовой системы, а как способ ее бытия во времени, позволяющий осуществлять циклическое обновление правового пространства. Институт давности онтологически укоренен в самой природе права как динамической системы, требующей определенности и предсказуемости для выполнения своих функций.

Эпистемологическое обоснование сроков давности связано с принципиальной ограниченностью возможностей реконструкции прошлого в правовом процессе. С течением времени происходит неизбежная эрозия доказательственной базы: утрачиваются вещественные доказательства, исчезают материальные следы, снижается достоверность свидетельских показаний вследствие естественных мнемонических процессов. Правосудие, основанное на ретроспективной оценке событий, сталкивается с нарастающей неопределенностью при установлении объективной истины по мере удаленности во времени рассматриваемых фактов. Сроки давности представляют собой институциональное признание этих эпистемологических ограничений, устанавливая временные границы, за пределами которых правовая оценка прошлого утрачивает необходимую степень достоверности.

Этическое измерение сроков давности раскрывается через призму баланса между памятью о прошлом и интересами будущего. С одной стороны, институт

давности признает право личности на моральное обновление, освобождение от перманентной ответственности за совершенные в прошлом деяния. Эта концепция, восходящая к идеям о возможности исправления и реабилитации, находит свое выражение не только в презумпции утраты общественной опасности лица по прошествии времени, но и в логике смежных правовых институтов, таких как реабилитация лиц, незаконно подвергнутых уголовному преследованию, где восстановление статуса и возмещение вреда также служат целям исправления последствий правовой ошибки и восстановления справедливости (см., например, анализ проблем реализации права на реабилитацию в современном уголовном процессе [6]). С другой стороны, сроки давности отражают этический императив, направленный в будущее, – необходимость освобождения последующих поколений от бремени ответственности за деяния предшественников. Установление временных границ правовой ответственности представляет собой форму межпоколенческой справедливости, обеспечивающую право новых поколений на собственное будущее, не отягощенное бесконечными историческими обязательствами. Таким образом, этическое обоснование давности заключается в нахождении баланса между долгом памяти и правом на забвение как условием морального обновления личности и общества.

Институт давности представляет собой сложный правовой механизм, реализующий диалектическое единство памяти и забвения в различных отраслях права. Нормативное закрепление сроков давности в российском законодательстве отражает поиск баланса между необходимостью защиты нарушенных прав и поддержанием стабильности правопорядка.

В гражданском праве исковая давность устанавливает временные пределы для защиты нарушенного права (ст. 195 ГК РФ), она выступает инструментом балансирования между стабильностью гражданского оборота и защитой интересов кредитора. Согласно ст. 196 ГК РФ [1], общий срок исковой давности составляет три года. Установление временных пределов для защиты нарушенных прав обеспечивает необходимую определенность правоотношений, создавая предсказуемые условия для участников гражданского оборота. Сложность практического применения этого, казалось бы, ясного правила подтверждается современными исследованиями, выявляющими проблемы в определении момента начала течения срока давности – споры между применением объективного (с момента нарушения) и субъективного (с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении) критериев остаются актуальными.

В связи с этим особый интерес представляет институт приобретательной давности, регулируемый ст. 234 ГК РФ [1]. Лицо, добросовестно, открыто и непрерывно владеющее имуществом как своим собственным в течение пятнадцати лет для недвижимого имущества или пяти лет для иного имущества, приобретает право собственности на это имущество. Приобретательная давность демонстрирует уникальный правовой феномен, когда забвение предшествующих правоотношений становится юридическим фактом, порождающим новое право собственности. Данный институт легитимирует сложившиеся фактические отношения, признавая время преобразующим условием правового бытия.

В уголовном праве сроки давности привлечения к уголовной ответственности регламентированы ст. 78 УК РФ [2], они реализуют иной аспект диалектики памяти и забвения. Уголовная давность отражает презумпцию утраты общественной опасности как самого деяния, так и лица, его совершившего, по прошествии значительного времени. Этот институт балансирует между интересами ресоциализации преступника и общественной потребностью в неотвратимости наказания. Через установление временных границ уголовного преследования право признает возможность моральной реабилитации личности и ее возвращения в правовое поле, тем самым осуществляя переход от возмездия к восстановительной справедливости. Однако, как показывает анализ, среди ученых и практиков нет единства в понимании социальной сущности этого института: воспринимается ли он как поощрение правопослушного поведения, как гуманистический акт или как вынужденная процессуально-экономическая мера [4, с. 92].

Институт сроков давности представляет собой не просто технико-юридический механизм, а сложный философско-правовой феномен, требующий многомерного осмысления. Генеалогический анализ выявил исторические корни правового забвения, восходящие к античным практикам амнистии и римским институтам истечения времени. Философское осмысление продемонстрировало онтологическую укорененность сроков давности в темпоральной природе человеческого существования, их эпистемологическую обусловленность пределами правового познания и этическую направленность на баланс между памятью о прошлом и интересами будущего.

Отраслевая реализация институтов давности в гражданском и уголовном праве раскрывает различные аспекты диалектики памяти и забвения. Перспективы развития института связаны с адаптацией традиционных механизмов правового забвения к вызовам цифровой эпохи и формированием нового понимания «права на забвение» в его философско-правовом измерении.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Бабаева А. В., Макарова А. О., Шмелева Н. В. Проблематика памяти в философской традиции Античности // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 6 (63). С. 128–137.

4. Кузнецов В. А. Правопримерный аспект срока давности // Вопросы права. 2025. № 1. С. 82–85.

5. Кузнецов Д. А. Некоторые проблемные вопросы института реабилитации в уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2025. Вып. 2. С. 102–110.

6. Пархоменко С. В., Романова Е. Р. Правовая природа института истечения срока давности в уголовном праве // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4 (103). С. 90–94.

Левкина Е. С.[1],
преподаватель кафедры
гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕТРА I НА ФОРМИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Язык – одна из важнейших характеристик человека. Он представляет собой средство коммуникации в разных сферах: профессиональной, социальной и межкультурной. Язык является важнейшим средством идентификации как индивидуальной, так и коллективной, в том числе этнической и национально-государственной [15]. В Российской Федерации действует Концепция государственной языковой политики, в которой провозглашается единообразие использования государственного языка, а также противодействие излишнему использованию иностранной лексики. Несомненно, основными факторами, влияющими на развитие лексической системы, являются изменения, происходящие в обществе и государстве. В истории российского общества были периоды, когда возрастали темпы языковой динамики, сопровождающиеся обильным заимствованием иностранной лексики. Одним из таких этапов являлся период правления Петра I. Начало преобразовательной политики Петра I было положено после его возвращения из Великого посольства 1697–1698 гг. Как писал П. П. Шафиров, царь отправился в Европу, чтобы «видеть европейские политизированныя (обученныя) государства» и «по прикладу оных, свои пространныя государства, как в политических, так и в воинских и протчих поведениях учредить» [1].

В качестве доктринальной основы для разработки государственных реформ Петром I было взято учение камералистики. Согласно положениям камералистики функционирование государственных органов осуществляется на началах коллегиальности и в соответствии с функциональным принципом, а статус и полномочия чиновников должны были быть строго регламентированы. Петровские преобразования оказали огромное влияние на развитие бытового и официального русского языка. Происходит складывание терминологических систем в различных отраслях права, науки, техники. Создание новых стилей «официально-светской речи, канцелярского, приказно-юридического языка и специально-технических диалектов» приводило к возникновению «новых форм национального русского выражения, сближенных с западноевропейскими языками» [3, с. 56].

Общая тенденция в развитии национальных терминологических систем, и, в частности, российской такова, что «в процессе создания новых терминов опора идет на иноязычные корни и основы, очень часто – на древнегреческие или латинские» [2, с. 266]. Естественно, русский язык, как и иные языки с мно-

[1] © Левкина Е. С., 2026.

говековой историей, обладал свойством саморазвития, поэтому он оказывал противодействие экспансии иностранных слов, предлагая в ряде случаев термины предыдущего законотворческого периода.

Использование европейского опыта государственного управления привело к заимствованию соответствующей юридической лексики. На этот процесс оказал влияние ряд факторов, в частности, изменение административной системы управления государством, реорганизация органов законодательной и исполнительной власти: был создан Сенат, коллегии, канцелярии, магистраты, внедрен ряд новшеств в местное административно-территориальное деление и управление. Важным моментом в этом процессе стало издание указа от 28 февраля 1720 г., утвердившего Генеральный регламент государственных коллегий. Этот документ не только установил новую структуру управления, но и ввел унифицированную терминологию для обозначения должностей в государственном аппарате: появились неизвестные ранее для русского государственного управления должности и названия должностей. Согласно данному регламенту, во главе каждой коллегии стояло «присутствие», состоящее из «президента», «вице-президента», четырех «советников» и четырех «асессоров» [10].

Новая терминология была введена и в административно-территориальное устройство Российского государства. В системе местного управления появились новые должности, названия которых были позаимствованы из шведской и немецкой управленческой практики. Во главе губернии стоял губернатор (от лат. gubernator – правитель), которому помогали ландрихтеры (нем. landrichter – земский судья) [6]. Финансовыми и продовольственными вопросами занимались обер-комиссары (лат. commissarius – уполномоченный) и обер-провиантмейстеры. Во главе уезда был поставлен комендант (фр. commander – начальник крепости). С 1713 г. в уездах действовали ландраты – выборные советники от дворян уезда (нем. landrat – совет, советник). Тайный надзор за местными органами осуществляли фискалы (лат. fiscalis – казенный). Функция охраны общественного порядка и общественного благосостояния была возложена на полицию (древнегр. polis – город, государство). В Регламенте Главного магистрата 1721 г. полиция названа «душой гражданства» [11]. Формирование полицейских органов началось с учреждения в 1718 и 1722 гг. должностей генерал-полицеймейстера в Петербурге и обер-полицеймейстера в Москве [7; 12].

Для обозначения городских органов управления и их представителей были введены новые термины: «магистрат» (лат. magistratus – начальник, представитель власти), «ратуша» (нем. râthûs – дом, где заседает городской совет), «бургомистр» (голл. burgemeester – глава городского управления) и «ратман» (ratmann – советник). В то же время, система сельского самоуправления черпала свою терминологию из традиционных русских понятий, включая «волостной суд» и «староста».

Табель о рангах в 1722 г. стал одним из ключевых элементов реформы государственной службы в Российском государстве. В Табели очень четко прослеживается влияние иностранного законодательства, в первую очередь, шведского и немецкого на формирование названия «чинов» («рангов»).

XVIII в. ознаменовался существенной модернизацией коллежского делопроизводства. Государство стремилось к рационализации этого процесса, вводя за-

конодательные нормы, которые устанавливали единые стандарты для оформления документов и отчетности, а также регламентировали сроки их подготовки. Вводится понятие «документ» (лат. documentum – свидетельство, доказательство). Была изменена форма официальных записей и документов: указом от 11 декабря 1700 г. столбцовая форма ведения документов была реформирована в пользу тетрадной, так как введено новое правило – под каждым документом должна стоять личная подпись [4]. Позднее, указом от 15 февраля 1717 г., было установлено обязательное указание даты составления документа (год, месяц, число) [8]. Для достижения краткости и точности изложения, указ от 22 февраля 1714 г. предписывал оформлять документы по пунктам [9]. Если же указанное правило не выполнялось и смысл распоряжения был непонятен для исполнителей, то согласно указу от 17 апреля 1722 г. данный документ можно было не исполнять [13].

В 1720 г. Генеральный регламент определил структуру и содержание ключевых видов документов. Документы, передаваемые от вышестоящих органов к нижестоящим, включали: «указы», «определения», «постановления», «приказы», «мандаты» (фр. mandate, лат. mandatum – поручение, указ), а также «ордера» (фр. ordre – приказ). Обратная связь и отчетность от подчиненных к руководству выражались в форме «доношений», «реляций» (фр. relation), «рапортов», «мемориалов» (фр. rapport), и «мнений». Для коммуникации между равнозначными государственными структурами и должностными лицами использовались «промемории».

В XVIII в. происходит значительное развитие и усложнение документационных систем, ориентированных на конкретные сферы деятельности. В военной сфере появились разнообразные формы документов, например, «рескрипты», «реляции», «рапорты», «ордера» и т. п. Служебная карьера чиновников фиксировалась в «формулярных» или «послужных списках», окончившим учебные заведения или принятым на службу стали выдавать «дипломы», «патенты» и «аттестаты». В сфере статистической отчетности стали использовать «ревизские сказки» и губернские «сводки». Зарождающийся бухгалтерский учет использует такие понятия как «баланс», «дебет», «кредит» и т. д.

Существенный вклад в становление русской научной терминологии внесли российские ученые. М. В. Ломоносов проводил политику, направленную на минимизацию влияния иностранных языков на русский, одновременно стремясь интегрировать отечественную науку в европейское научное пространство. Он создавал новые русские термины, а также переосмысливал уже имеющиеся.

В течении XVIII в. в лексическую систему русского языка было инкорпорировано около 8,5 тысяч иностранных слов. Несмотря на активное проникновение иностранных слов, церковнославянский язык продолжал служить языком правовых актов. Ярким примером является торжественный указ об отлучении от церкви гетмана Мазепы, написанный в характерной для церковнославянского языка стилистике [5].

В рассматриваемый период возросло значение иностранной специальной литературы, имеющей утилитарное значение, что приводит к развитию отечественного перевода. Однако перед переводчиками встала проблема, так как

в России софункционировали церковнославянский и русский язык, а также существовал приказной язык. При этом монарх считал, что необходимо сохранить значение переводимого текста. 25 февраля 1709 г. царь писал Ивану Зотову: «Надлежит вам к той книжке, которую ныне переводите, остерегаться в том, дабы внятнее перевесть и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию сенс (лат. sensus – смысл, значение) выразумев, на свой язык уж так писать, как внятнее».

Установление закона в качестве доминирующей формы права поставило законодательную власть перед проблемой, которую необходимо было решить в сжатые сроки: обеспечить точность и лаконичность языкового выражения закона. Поэтому в XVIII в. происходит становление терминологии и терминосистемы языка российского законодательства. Из лексического состава нормативных правовых актов изымаются элементы обыденной речи и вводятся четкие правовые термины. Эти понятия являются носителями устойчивых характеристик правовой действительности, составляют семантическое ядро правовой нормы, обладают юридической силой, эквивалентной силе закрепляющего их нормативного акта, и подлежат интерпретации в рамках правоприменительной деятельности.

Основой правовой системы является ее понятийный аппарат, состоящий из системы правовых понятий. В XVIII в. язык закона, сохраняя связь с приказной лексикой, активно развивался за счет заимствований из церковнославянского, европейских и латинского языков. Эти новые термины из европейских и латинского языков породили необходимость их официального толкования, то есть создания юридических дефиниций. Решение этой задачи шло по двум направлениям: первое – глоссирование, то есть пояснение иностранных слов русскими эквивалентами из приказного языка (яркий пример – «Толкование иностранных речей» к Генеральному регламенту). Второе – включение в нормативные акты примечаний, служащих для разъяснения их содержания.

Язык законов должен был сочетать в себе точность и доступность для населения. Закон выступал не только как средство формализации права, но и как инструмент построения «политического общества», выполняя образовательные и полемические задачи.

Таким образом, в XVIII в. происходит становление общеправового понятийного аппарата и его отраслевых подсистем. Факторами, влияющими на формирование юридической терминологии, были «как внешние, экстралингвистические, обусловленные активизацией всей общественно-политической жизни и развитием правовой системы Российской империи, так и внутренние, лингвистические, и прежде всего отсутствие лексико-фразеологических средств для номинирования необходимого понятийного аппарата, с одной стороны, и полиномия, сложившаяся в языке в предшествующий период его развития и в связи с многочисленными заимствованиями, с другой» [14].

Понятие закона формировалось постепенно, его эволюция была связана с историческими этапами развития государства и правовой системы. В XVIII в. меняется понимание закона и, как следствие, предъявляются новые требования к языку закона. В ходе становления юридического языка происходило упорядо-

чивание его терминологии и создание стройной системы. Правовые понятия обретали законодательно закрепленные определения. Параллельно проводилась реформа, направленная на совершенствование документационного обеспечения управленческой и судебной деятельности. Предшествующий правовой опыт активно использовался законодателем: привлекались наиболее жизнеспособные и общеупотребительные слова и словосочетания.

Список литературы

1. Акишин М. О. Государственные преобразования и юридический язык Российской империи XVIII века // Genesis: исторические исследования. 2016. № 4. С. 51–72.

2. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание : учебное пособие. М. : Просвещение, 1979.

3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. : учебник. 3-е изд. М. : Высшая школа, 1982.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 4. № 1817 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 4. № 2213 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 4. № 2218 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 5. № 3203 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 5. № 3068 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 5. № 2774 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 6. № 3534 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 6. № 3708 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 6. № 3883 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 6. № 3970 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

14. Смирнова Н. В. Развитие терминологии гражданского и административного права в русском языке XVIII века : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01. Архангельск, 2009.

15. Концепция языковой политики Российской Федерации : проект Института языкознания РАН, Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Института лингвистических исследований РАН и Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН // Институт языкознания РАН. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/koncepcija_jazykovoj_politiki.pdf.

Беляева А. А.[1],
старший преподаватель
кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Традиционные духовно-нравственные ценности во все времена имели значение для отдельных социальных групп различного масштаба: от семьи до целого этноса. Одной из целей западной пропаганды, направленной на разобщение России, как многонациональной, мультикультурной и светской страны стала духовная сфера общества. Как только духовная сфера освободилась от идеологической окраски после развала СССР коллективный Запад планомерно реализует поэтапную подмену общечеловеческих моральных ценностей индивидуализмом, потреблением и превалирование частных интересов над общими.

Негативное влияние не было бы столь велико, если государство в своем стремлении к демократии и либерализму не сместило бы фокус своего внимания (правовой регламентации общественных отношений) в сторону политической и экономической сферы. Духовная общественная сфера стала площадкой для самореализации граждан и общественных структур в области культуры, науки искусства, спорта и журналистики [7, с. 115], а понятие духовность в моральном общественном сознании приравнялось к религии.

Стоит отметить, что несмотря на провозглашенный Конституцией Российской Федерации светский характер государства. В науке существует обоснованное мнение, что «Россия имеет несколько альтернативное понятие светскости, акцентируя внимание на отделении церкви от государства, а не свободе вероисповедания, что не противоречит субсидированию государством определенных конфессий» [6, с. 57]. Что небезосновательно подчеркивается особой, продиктованной историей, связью Русской православной церкви, которая зарегистрирована как некоммерческая религиозная организация и государства. Межконфессиональные отношения в России на этом фоне весьма обострены, что сделало их легкой мишенью для недоброжелателей.

Минимальное государственное вмешательство в процесс самоорганизации социальных объединений и институционализации в духовной сфере на ряду с многообразием мнений, инициатив и самовыражений породило широкий круг организаций вредно и разрушительно влияющих на общество, действующих под маской институтов гражданского общества и зачастую финансируемых иностранными государствами и действующих «из тени»[2]. Акцент риторики по-

---

[1] © Беляева А. А., 2026.

[2] Общественные организации, не зарегистрированные в установленном законом порядке. Подробнее: [7, с. 115–135].

добных организаций направлен на разность восприятия традиционных духовно-нравственных ценностей российскими народами и религиозными конфессиями, что повлекло всплеск экстремизма, рост межнациональных, этнических и религиозных конфликтов, преимущественно в молодежной среде.

Аксиологическое (ценностное) измерение выступает одной из серьезных угроз национальной безопасности России. Эта проблема, в настоящее время уже получила определенное философское и культурологическое осмысление, которое нашло радикальную политическую поддержку на самом высоком уровне власти [5, с. 14]. Подобная поддержка выражена нормативным закреплением, формирующим политический курс Российской Федерации.

Правовая основа современной ценностной составляющей Российского государства получила свое начало в 2020 г. в конституционных положениях, в частности ст.ст. 67.1, ст. 68 и 72 Конституции Российской Федерации [1] и продолжилась в логической цепочке Указов, к которым относятся:

во-первых, Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», представляющий собой фундаментальный стратегический документ, закрепляющий традиционные духовно-нравственные ценности как элемент национальной безопасности. Одной из стратегических целей объявлена защита ценностей от «деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия» [2];

во-вторых, Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» – нормативный правовой акт оперативного планирования и стратегического обоснования, конкретизирующий и раскрывающий положения Стратегии национальной безопасности. В нем приводится развернутое понятие традиционных ценностей и называются непосредственные угрозы и деструктивные силы (иностранные государства, некоммерческие организации, иностранные агенты и экстремистские организации), определяются задачи по внедрению традиционных духовно-нравственных ценностей в систему образования, науки, культуры и СМИ [3] (иными словами – в духовную социальную сферу);

в-третьих, Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» представляет собой прикладной. Административно-управленческий документ, направленный на создание институционального и правоприменительного механизма для реализации вышеназванного Указа. В нем Правительству и регионам ставятся конкретные задачи: от разработки образовательных программ и научных исследований до мониторинга общественного восприятия ценностей и создание механизмов противодействия их искажению [4]. Фактически запускается процесс поэтапного идеологического распространения ценностей в общество, активное государственное участие в нем при содействии общественных структур.

Система правовых норм, регламентирующих традиционные духовно-нравственные ценности позволяют выявить эволюцию и конкретизацию государственной политики. Названные нормативные правовые акты объединены систе-

мообразующими принципами, ключевыми основами которых является концепция духовно-нравственных ценностей, как элемента национальной безопасности и защиты суверенитета и создание механизмов для их внедрения в общество. Здесь стоит подчеркнуть, что посредством права законодатели переходят от постановки стратегических целей через аксиологическое обоснование к административной реализации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

3. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

4. Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615.

5. Аблеев С. Р., Золкин А. Л., Кушнаренко И. А. Традиционные духовно-нравственные ценности российского общества как основа национальной безопасности России : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025.

6. Акчурин Т. Ф. Российское государство и принцип светскости (аналитический обзор) // Пространство и Время. 2011. № 3. С. 55–65.

7. Беляева А. А. Формы самоорганизации институтов гражданского общества: социологические и правовые аспекты. Орел : Картуш-ПФ, 2025.

Напольских И. М.[1],
преподаватель кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ФОРМИРОВАНИИ ДОВЕРИЯ ОБЩЕСТВА К ГОСУДАРСТВУ

Взаимосвязь государства и личности в аспектах философского, политологического, этического и юридического действительно различна, но и взаимосвязь вполне очевидна, более того, одно обусловливается другим [13]. Доверие общества к государству существенно в силу его влияния на эффективность реализации стоящих перед властью задач. Выступая важнейшей составляющей культурной идентичности народа, историческая память обладает практическим потенциалом в решении государственно-властных задач, поэтому ее значимость не ограничивается духовной сферой жизни общества. Представляется целесообразным рассмотрение исторической памяти в контексте формирования доверия общества к государству.

Исторический процесс не является набором случайных событий, а выступает совокупностью причин и следствий, понимание которых образует представление не только о прошлом, но и настоящем. «Те, кого уже нет, продолжают общаться с нами через оставленное ими наследие. Мы находимся во власти их заветов и в каждом новом поколении стоим перед задачей осмысленного отношения к заветам, которое одно только может уберечь от слепой покорности авторитету, с одной стороны, и от предательского беспамятства – с другой» [14]. Историческая память позволяет в определенной степени познакомиться с сущностью людей, игравших некогда значимую роль, а также принять во внимание силы, приводившие в движение общество. Учет уроков истории определенным образом влияет на эффективность принимаемых властью решений и качество прогнозов на будущее.

Особенно явно практическая значимость исторической памяти прослеживается в переходные периоды, поскольку существенные трансформации социальной действительности нередко сопряжены с переписыванием истории. Изложение исторических фактов в измененном виде существенно влияет на мировоззренческие характеристики общества, побуждая его к конкретным действиям. «Если вам нужно подбить рабочих на всеобщую стачку, женщин на протесты против ущемления их права распоряжаться своим телом, угнетенные меньшинства на борьбу за политические права, – первым делом перерасскажите им их историю» [16].

Доверие общества к государству образуется под воздействием рациональных и иррациональных факторов. Историческую память проблематично отнести лишь к одной из обозначенных групп.

---

[1] © Напольских И. М., 2026.

Как рациональный фактор она проявляется в достижении доверия общества к государству за счет обоснования государственно-властных решений примерами из прошлого. Достаточно ярко это демонстрируется при реализации непопулярных в обществе мер. Конкретные исторические свидетельства позволяют продемонстрировать наличие подобного опыта в прошлом. Подчеркивается, что практика аналогичных решений имела явную пользу для общества, что впоследствии компенсировало вынужденные лишения. К примеру, в начале XVIII в. российским обществом не вполне осознавался масштаб западноевропейских достижений и ценность европейского Просвещения для развития российского государства. Реализация задуманных Петром I реформ требовала существенного изменения уклада общественной жизни, что закономерно вызывало недовольство представителей различных сословий. Сила принуждения нередко применялась для достижения эффективности реформаторской деятельности. Однако без легитимации высшими сословиями решений, принимаемых императором, успех соответствующих изменений едва был бы достигнут.

Формирование доверия к петровским преобразованиям – сложный процесс, состоящий в образовании особого типа национального самосознания. Обозначенные изменения предполагали долгосрочные последствия для российского народа. «Петровские преобразования создали в русской культуре ситуацию культурного билингвизма, когда образованные слои общества начали жить одновременно в двух культурных системах – европейской и традиционно русской» [8, с. 78]. В. О. Ключевский подчеркивал, что «Петр не просто перенимал западные учреждения, но стремился изменить самый дух русской жизни, заменив традиционные формы общественного сознания рациональными принципами государственного строительства» [5, с. 13]. Легитимация обозначенных трансформаций производилась в условиях несогласованности между европеизацией государственных институтов и закрепленными в национальном сознании воззрениями на власть, право и социальный порядок [7].

Доверие к преобразованиям во многом достигалось за счет сферы образования и культурной политики. Создание новой системы образования, ориентированной на европейские образцы, означало формирование принципиально нового типа личности, характеризующегося осознанием глубины и значимости реализуемых в государстве изменений. В инструкции Академии наук 1724 г. указывается: «Академия учреждается для произведения и распространения наук, а наипаче для обучения молодых людей, дабы со временем могли служить отечеству в различных званиях» [7]. Сопутствующее значение для легитимации нового уклада жизни имела тенденция заграничного образования представителей дворянского сословия, а также их обучение с привлечением иностранных педагогов. Создавались условия для более глубокого изучения положительного опыта других государств. Об особой роли данной практики для общества свидетельствует неоднократное ее освещение в произведениях русской литературы. К примеру, повесть Н. В. Гоголя «Невский проспект» содержит следующее описание: «В двенадцать часов на Невский проспект делают набеги гувернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках. Английские Джонсы и французские Коки идут под руку с вверенными их родительскому попечению пи-

томцами» [3]. В произведении А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [11]. Владимир Ленский «из Германии туманной привез учености плоды…». В романе «Дубровский» [12] мадемуазель Миме, будучи родом из Франции, служила гувернанткой в доме Троекурова и занималась воспитанием его дочери Маши.

Историческая память как иррациональный фактор доверия общества к государству играет побуждающую роль. К примеру, память о славном прошлом народа выступает фактором стимуляции его развития в настоящем. Она влияет на эффективность реализации идеологической функции государства. Идеи о продолжении славных подвигов предков, реализации их начинаний и сохранении наследия способствуют построению более амбициозных проектов развития. В то же время, замахнуться – не значит преуспеть. Историю часто творят преувеличенные надежды [16], попытки реализации которых приводят к серьезным негативным последствиям. К примеру, завышенные ожидания со стороны власти в советский период на деле приводили к попыткам «догнать и перегнать» намеченные планы зачастую ценой неоправданных сложностей для народа. В данном случае положительно на доверие общества может влиять осознание государством имеющихся промахов, а также эффективная деятельность по недопущению подобных проявлений в дальнейшем.

Историческая память выступает одной из ключевых духовно-культурных характеристик общества. «Общее историческое прошлое становится особой конструкцией, способствующей формированию потребностей, интересов и ценностей в настоящем» [15]. В коллективном сознании народа историческая память выступает элементом консолидации, способствует объединению разрозненных прежде социальных общностей. Она способствует трансляции и утверждению ценностной составляющей предыдущих поколений, поддерживая их преемственность и взаимосвязь [18]. Учет исторического опыта народа позволяет сформировать представления о желаемой модели взаимодействия с его представителями, в том числе для достижения конструктивных результатов в государственно-властных отношениях. В данном случае историческая память рассматривается не просто как фактор формирования доверия к государству, но выступает важным условием эффективности его действия в контексте управления страной с многонациональным и многоконфессиональным составом населения.

Важным и проблематичным на сегодняшний день аспектом является вопрос сохранения исторической памяти в условиях цифровизации, плюрализма мнений, попыток намеренного искажения исторических фактов. Особенно явно эта сложность проявлена в молодежной среде, поскольку именно данная группа населения склонна с меньшей критичностью оценивать информацию, в силу чего более подвержена различным влияниям деструктивного свойства [17]. В условиях глобализации значимость информации как инструмента управления обществом существенно возросла, причем зачастую это влияние является неосознаваемым и неконтролируемым. Участившимися стали попытки трансформации образов прошлого, во многом определяющих мировоззренческие установки общества на современном этапе. Подобные действия ориентированы на искажение восприятия государства в настоящем и будущем, создание угроз национальной безопасности государства, его стабильности и целостности.

Вопросы сохранения исторической памяти, преемственности опыта поколений занимают ключевые позиции в повестке современного этапа общественного развития. Об этом свидетельствует акцент внимания на обозначенной проблеме в нормативно-правовых актах, принимаемых на различных уровнях [6]. На основании поручения Президента Российской Федерации В. В. Путина по итогам заседания Госсовета, проведенного 22 декабря 2022 г. [10], была разработана и включена в учебные программы образовательных организаций высшего образования Минобрнауки России учебная дисциплина «Основы российской государственности», которая с 1 сентября 2023 г. ведется на первом курсе образовательных программ бакалавриата и специалитета вне зависимости профиля подготовки студентов [4, с. 84]. Введение данной дисциплины было связано с необходимостью укрепления гражданской идентичности, возрождения и развития культурно-духовных ценностей российского общества, повышения уровня правовой культуры граждан, формирования объективного представления о сущности происходящих в обществе процессов, их взаимосвязи с историческими событиями и геополитическими факторами [9, с. 67]. Вышесказанное демонстрирует осознание государством значимости исторической памяти для эффективности государства в целом, сохранения и поддержания доверия общества, культивации и развития духовно-культурных ценностей российского общества.

Таким образом, в формировании доверия к государству историческая память в зависимости от конкретной ситуации предстает как фактором рационального, так и иррационального свойства. Выступая важной частью культурного кода народа, консервирует ключевые черты его ментальности, понимание и учет которых повышает эффективность государственно-властных отношений. Историческая память может иметь сопутствующее значение в легитимации проводимых в государстве преобразований. Являясь безусловно значимой ценностью народа, она обладает практическим потенциалом, что делает обоснованным ее рассмотрение в качестве фактора доверия общества к государству.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

3. Гоголь Н. В. Невский проспект // Петербургские повести : повести, комедии. СПб. : Азбука-Аттикус, 2023. С. 7–47.

4. Клименко А. И., Мазуров И. И., Ситников К. А. Обзор научно-методической межрегиональной конференции по вопросам разработки основных положений модуля «Основы российской государственности» и его внедрения в образовательный процесс вузов правоохранительной направленности // Вестник экономической безопасности. 2025. № 1. С. 84–89.

5. Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 4. М. : Мысль, 1989.

6. Коробицына Л. В. Сохранение исторической памяти в современном российском обществе: к вопросу об актуальном законодательстве // История: факты и символы. 2023. № 1 (34). С. 32–38.

7. Кузьменко В. И. Трансформация традиционных ценностей в политико-правовой доктрине петровских реформ: конфликт модернизации и национальной идентичности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 357–361.

8. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб. : Искусство-СПб, 1994.

9. Напольских И. М. Использование произведений русской литературы в преподавании учебной дисциплины «Основы российской государственности» // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 67–69.

10. Перечень поручений по итогам заседания Госсовета // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421.

11. Пушкин А. С. Евгений Онегин : роман в стихах ; Поэмы ; Драмы ; Сказки. М. : Эксмо, 2011.

12. Пушкин А. С. Дубровский : [сборник]. М. : МИФ, 2024.

13. Сигалов К. Е., Солянко П. Б. Потребности и интересы государства и личности: противоречивая взаимосвязь и взаимообусловленность // Advances in Law Studies. 2025. № 4. С. 46–50.

14. Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. М. : Политиздат, 1991.

15. Ситников К. А. «Историческая память» в лексиконе современного российского права // Труды Института государства и права Российской академии наук = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2025. Т. 20, № 3. С. 76–99.

16. Харари Ю. Н. Краткая история будущего. М. : Синдбад, 2018.

17. Чикаева К. С., Зеленская С. Р. Историческая память как ресурс в формировании гражданской идентичности молодежи // Вектор гуманитарной мысли. 2024. № 4. С. 18–23.

18. Шендрикова С. П. Понятие исторической памяти в отечественной историографии // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 4 (56). С. 147–153.

Ашиткова Т. В.[1]*,*
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ МЕРАМИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Сохранению объектов культурно-исторического наследия в нашей стране уделяется особое внимание. В России насчитывается 160 тыс. объектов культурного наследия [5]. В целях их сохранения и рационального использования разработана и применяется система правовых, организационно-финансовых и материально-технических мер, реализуемых органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Проводимые мероприятия имеют надежную правовую основу. Статья 44 Конституции Российской Федерации предоставляет широкий круг прав и свобод личности в сфере культуры: участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры, доступ к культурным ценностям. Гарантируя каждому право на доступ к культурным ценностям, Конституция Российской Федерации обязывает заботиться о сохранении исторического и культурного наследия [1].

Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» регулирует отношения в области сохранения и использования объектов культурного наследия народов Российской Федерации и устанавливает, что их государственная охрана является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Надлежащее выполнение мероприятий по сохранению культурного наследия контролируется уполномоченными органами. Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 1093.

Сведения об объектах культурного наследия включаются в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, который ведет Минкультуры России.

В стране реализуется Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р.

---

[1] © Ашиткова Т. В., 2026.

По поручению Президента Российской Федерации разработана и 12 декабря 2025 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 3773-р утверждена программа сохранения объектов культурного наследия народов Российской Федерации на период до 2045 года, а также план мероприятий по ее реализации. Главная цель новой программы – сохранение культурного и исторического наследия страны для нынешнего и будущего поколений.

Для органов прокуратуры защита культурного наследия – одна из приоритетных задач. Она решается путем осуществления надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации, исполнением законов, действующих в сфере реализации государственной культурной политики, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в сфере культуры поднадзорными прокуратуре органами, организациями, их должностными лицами, за законностью издаваемых ими правовых актов.

Указанием Генпрокуратуры России от 4 августа 2025 г. № 519/7 «Об организации надзора за исполнением законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия» прокурорам поручено обеспечивать эффективный упреждающий надзор за исполнением законодательства об охране объектов культурного наследия, принимать меры по восстановлению законности, привлечению к ответственности виновных лиц, предупреждению нарушений законов.

Осуществляя надзор, прокуроры систематически оценивают соблюдение требований законодательства, в том числе целевое расходование бюджетных средств, при реализации мероприятий по сохранению и государственной охране указанных культурных и исторических объектов.

Так 16 декабря 2024 г. Тушинский районный суд Москвы вынес приговор по уголовному делу в отношении Н. Белякова, который признан виновным по ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере).

Было установлено, что Н. Беляков, являясь генеральным директором ООО «Архстроймеханизация», зная, что организацией незаконно получена лицензия на осуществление деятельности по реставрации объектов культурного наследия, принял на исполнение четыре государственных контракта на проведение ремонтно-реставрационных работ культурно-исторического памятника «Свято-Сергиевский скит: Келейный корпус», входящего в состав объекта культурного наследия федерального значения Ансамбль Соловецкого монастыря (Архангельская область, Приморский район).

В нарушение требований законодательства виновный организовал выполнение работ лицами, не имеющими соответствующего образования и квалификации, без соблюдения требований технической документации, строительных и реставрационных норм и правил. После этого он предоставил государственному заказчику акты приемки и справки, в которых завысил объемы выполненных работ, необоснованно применил коэффициенты, превышающие их стоимость.

В результате его преступных действий похищены бюджетные средства, выделенные в рамках исполнения федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» на общую сумму свыше 55,8 млн рублей.

С учетом позиции прокурора суд приговорил обвиняемого к пяти годам лишения свободы. Также суд удовлетворил иск заместителя Генерального прокурора Российской Федерации о взыскании с осужденного более 55,8 млн рублей для возмещения ущерба, причиненного преступлением [6].

На регулярной основе, привлекая при необходимости представителей органов охраны объектов культурного наследия, уполномоченных органов государственного контроля (надзора), прокуроры проверяют соблюдение требований, предъявляемых к содержанию, использованию и сохранению таких объектов.

Так, прокуратурой города Ессентуки Ставропольского края в ходе проведенной проверки установлено, что в 2024 г. собственник земельного участка, в границах которого располагается объект культурного наследия федерального значения Курган «Золотушка-1», без согласования с региональным органом провел в пределах охранной зоны земляные работы.

Незаконные действия повлекли за собой необходимость осуществления охранно-спасательных археологических полевых работ стоимостью более 27 млн руб.

По результатам рассмотрения материалов, предоставленных прокуратурой, следственные органы в отношении собственника земельного участка возбудили уголовное дело по ч. 1 ст. 243 УК РФ (повреждение объектов культурного наследия народов Российской Федерации) [7].

При выявлении бесхозяйных или бесхозяйственно содержащихся собственником объектов культурного наследия прокуроры принимают исчерпывающие меры, направленные на передачу их в государственную или муниципальную собственность.

Например, проверкой, проведенной прокуратурой г. Санкт-Петербург, по обращению управления Минкультуры России по Северо-Западному федеральному округу, установлено, что в 2001 г. в рамках уголовного дела о контрабанде культурных ценностей в территориальное управление Минкультуры России в Санкт-Петербурге на хранение передана гравюра первой половины XIX в. «Женщина за шелкопрядным станком». Согласно заключению экспертов, произведение искусства является культурной ценностью. Гравюра находилась на временном хранении уполномоченных государственных органов, прав на владение, пользование и распоряжение культурной ценностью никто не заявил. Прокуратура города направила в суд исковое заявление о признании объекта искусства бесхозяйным имуществом и обращении его в собственность государства. Суд требования надзорного органа удовлетворил. Гравюра обращена в собственность Российской Федерации [8].

Выбор объектов для проверок осуществляется прокурорами исходя из их технического состояния, наличия сведений о выполнении на памятниках каких-либо работ, а также информации о нарушении законодательства в рассматриваемой сфере, полученной в том числе из обращений граждан и по результатам мониторинга средств массовой информации.

Реализуя процессуальные полномочия, прокуроры противодействуют незаконному уничтожению объектов культурно-исторического наследия под видом реконструкции.

Так прокуратура Родниковского района Ивановской области в ходе проведенной проверки установила, что объект культурного наследия «Корпуса красильно-апертурной и бумагопрядильной фабрики» в г. Родники Ивановской области был выявлен в 1974 г.

В 2018 г. на основании акта государственной историко-культурной экспертизы он включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия местного значения – достопримечательного места «Фабрика Товарищества мануфактур Анны Красильщиковой с сыновьями, 1880–1920 гг.».

В нарушение закона в отсутствие разрешительных документов здание «Новая ткацкая фабрика, приготовительный корпус» и часть здания «Прядильная фабрика», являющиеся ценными элементами достопримечательного места, снесены.

В связи с этим прокурор района направил материалы проверки в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. По результатам их рассмотрения возбуждено уголовное дело по ст. 243 УК РФ (уничтожение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации) [9].

Осуществление прокурорского надзора создает дополнительные гарантии сохранения культурного достояния России. «Сложный типологический состав объектов культурного наследия обусловливает комплексный характер правового регулирования отношений по их использованию и охране, выраженный в межотраслевой системе российского законодательства. Правовое регулирование отношений по охране объектов культурного наследия включает в себя нормативные правовые акты как непосредственно регулирующие правоотношения в рассматриваемой сфере, так и иные правоотношения (земельные, градостроительные, имущественные и т. д.)» [2, с. 198]. Контроль (надзор) государственных органов осуществляется, как правило, в рамках узкоспециализированной компетенции, направлен на обеспечение исполнения требований законодательства в определенных конкретных областях деятельности, тогда как прокурорский надзор за соблюдением законности, в том числе в сфере культуры предполагает комплексный подход для сохранения и охраны объектов культурно-исторического наследия, с учетом требований самых различных отраслей законодательства. Прокурорский надзор имеет универсальный надведомственный характер, надзорные полномочия прокуратуры распространяются на практике на все области правовых отношений, которые регламентирует законодательство Российской Федерации [3, с. 131], поэтому прокуратуру определяют, как «системообразующее ядро государственного контроля» [4, с. 31].

Принятие в последнее время ряда программных и организационно-распорядительных документов в сфере охраны и развития культурного достояния Российской Федерации, внесение изменений и дополнений в законодательство об охране памятников истории и культуры ставит перед прокуратурой задачу обеспечения эффективности реализации намеченных мероприятий в рамках соблюдения законности.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2010 г. № 931-О-О «По жалобе гражданки Андроновой Ольги Олеговны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 39 и 40 Градостроительного кодекса Российской Федерации, статьи 13 Закона Санкт-Петербурга „О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге“, статей 7 и 8 Закона Санкт-Петербурга „О порядке организации и проведения публичных слушаний и информирования населения при осуществлении градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге“» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102769/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

2. Лавров В. В. Деятельность органов прокуратуры по обеспечению законности при реализации государственной культурной политики // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 2 (15). С. 194–199.

3. Королев И. А. Прокуратура в системе государственных органов Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 8. С. 130–132.

4. Клочков В. В. Деятельность прокуратуры: типология, классификация // Прокуратура. Законность. Государственный контроль : сборник. М. : Манускрипт, 1995. С. 18–33.

5. Михаил Мишустин провел стратегическую сессию о сохранении объектов культурного наследия России // Правительство Российской Федерации. URL: http://government.ru/news/53670/.

6. В Москве вынесен приговор по уголовному делу о хищении бюджетных средств, выделенных на реконструкцию объекта культурного наследия // Единый портал органов прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5616126/.

7. В Ставропольском крае по материалам прокурорской проверки возбуждено уголовное дело о повреждении объекта культурного наследия // Единый портал органов прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/regional/e7220193/.

8. По требованию прокуратуры Санкт-Петербурга гравюра первой половины XIX века обращена в собственность Российской Федерации // Единый портал органов прокуратуры Российской Федерации: URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_78/mass-media/news/main/e4770672/.

9. В Ивановской области по материалам прокурорской проверки возбуждено уголовное дело об уничтожении объекта культурного наследия // Единый портал органов прокуратуры Российской Федерации: URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5611179/.

Теунова Д. А.[1],
ассистент кафедры
гражданского права и процесса
Института права, экономики и финансов
Кабардино-Балкарского
государственного университета
имени Х.М. Бербекова

ЮРИДИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ «ВОЙН ПАМЯТИ»

Актуализация исторической памяти и ее правовая защита в последние годы стали одним из приоритетов государственной политики Российской Федерации. Закрепление в ч. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации обязанности государства по защите исторической правды ознаменовало новый этап в осмыслении взаимосвязи права и прошлого [1].

Однако попытки законодательного регулирования столь сложного социально-культурного феномена, каким является коллективная память, неизбежно сталкиваются с системными противоречиями. В условиях обострения «войн памяти» на международной арене и внутриполитической дискуссии о трактовке ключевых исторических событий, право призвано выполнять не только охранительную, но и миротворческую функцию. При этом возникает фундаментальный вопрос о теоретических пределах возможностей правового инструментария в урегулировании споров о прошлом, за которыми юридическое вмешательство теряет эффективность и может приводить к обратному результату – углублению общественных расколов и ограничению свободы научного поиска.

Прежде чем анализировать пределы правового регулирования, необходимо определиться с содержанием ключевого понятия. В современной российской правовой доктрине «историческая память» не имеет универсального легального определения, что порождает множественность научных подходов. С одной стороны, она рассматривается как совокупность коллективных представлений о прошлом, формирующих групповую идентичность и систему ценностей [2, с. 3]. В этом аспекте память выступает объектом правовой защиты, так как ее искажение представляет угрозу национальной безопасности и гражданскому миру.

С другой стороны, происходит активная конституционализация данной категории. Введение в Основной закон положения о защите исторической правды (ч. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации) трансформирует ее из сугубо социального феномена в публично-правовую ценность. Это создает основу для формирования так называемого «мемориального права» – межотраслевого института, объединяющего нормы конституционного, уголовного, административного и информационного права, направленные на сохранение достоверного прошлого. Таким образом, историческая память в правовом поле предстает

[1] © Теунова Д. А., 2026.

не как застывший нарратив, а как динамичный объект регулирования, балансирующий между необходимостью сохранения национальной идентичности и риском избыточной криминализации исторических дискуссий.

Фундаментальное противоречие в регулировании исторической памяти заключается в имманентном конфликте между формальной определенностью правовых норм и морально-этической сложностью исторических событий. Юридический язык по своей природе стремится к однозначности и категоричности, необходимой для правоприменения, в то время как историческое познание по своей сути плюралистично и допускает множественность научных интерпретаций одних и тех же фактов.

Попытка выразить средствами права многогранность таких явлений, как массовые репрессии или коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны, неминуемо ведет к редукции. Законодатель вынужден использовать оценочные категории («историческая правда», «фальсификация», «реабилитация нацизма»), содержание которых может кардинально меняться в зависимости от политического и общественного контекста. Это создает правовую неопределенность и ставит вопрос о границе между защитой памяти и ограничением свободы исторического исследования, гарантированной ст. 44 Конституции Российской Федерации [1]. Право, таким образом, способно закрепить официальную версию прошлого, но оно бессильно перед сложной задачей адекватного перевода многомерного исторического опыта на язык статей и норм.

Логическим развитием проблемы пределов юридического языка становится концепция «злоупотребления правом на память». Данное понятие можно определить как ситуацию, когда законодательное закрепление конкретной исторической оценки используется не для защиты национального суверенитета и общественной нравственности, а в качестве инструмента цензуры, политической борьбы или подавления инакомыслия [3, с. 4].

На практике это проявляется в двух основных моделях регулирования. «Запретительная» модель, ярким примером которой в российском праве является ст. 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма»), направлена на криминализацию определенных высказываний и действий, связанных с прошлым. Ее эффективность для общественного согласия спорна: с одной стороны, она создает правовой барьер для крайних форм экстремизма, с другой – может приводить к «эффекту Стрейзанд», лишь усиливая интерес к маргинальным трактовкам истории [4].

В противовес ей существует «мемориальная» модель, делающая акцент не на запретах, а на позитивном укреплении памяти через установку памятников, проведение дней воинской славы, поддержку музеев и архивной работы. Эта модель в меньшей степени порождает конфликты, так как апеллирует к объединяющим, а не к разделяющим символам. Однако именно столкновение этих двух подходов – карательного и созидательного – демонстрирует главный предел права: оно может очертить «красные линии», но не способно сформировать подлинное, а не навязанное уважение к истории. Злоупотребление возникает тогда, когда право переходит грань охраны и начинает насильственно унифицировать историческое сознание, игнорируя его естественный плюрализм.

В контексте поиска баланса между защитой исторической памяти и недопустимостью ее избыточной политизации, судебные процедуры представляют собой особый механизм, потенциально способный преодолеть ограничения юридического языка. Суд, в отличие от законодателя, действует не превентивно, а на основе конкретных фактов и доказательств, представленных в рамках состязательного процесса. Это создает процедурные рамки для установления исторических обстоятельств в формате, максимально приближенном к объективному установлению истины.

Ключевым прецедентом здесь выступает Нюрнбергский трибунал, который не только выполнял функцию правосудия над военными преступниками, но и, на основе тщательного исследования доказательств, сформировал легитимный и общепризнанный исторический нарратив о преступлениях нацизма. В современной российской практике этот потенциал реализуется, например, в делах о реабилитации жертв политических репрессий, где суд, проверяя конкретные документы и свидетельства, восстанавливает историческую справедливость в отношении отдельных лиц, тем самым внося вклад в общую картину прошлого.

Однако и судебный механизм имеет свои теоретические пределы. Суд устанавливает юридически значимые факты, но не может претендовать на монополию в их исторической интерпретации. Его версия истины является формализованной и отвечает на конкретные правовые вопросы (например, был ли факт реабилитации), но не подменяет собой комплексное научное осмысление исторического события [5, с. 65]. Таким образом, суд выступает важнейшим, но не единственным институтом, чья роль заключается не в создании единой версии истории, а в легитимации установленных фактов, что является более узкой, но и более достижимой задачей.

Помимо судебных процедур, значительную роль в преодолении пределов правового регулирования могут играть:

1) создание экспертных советов при государственных органах с участием профессиональных историков;

2) развитие системы общественных слушаний по спорным историческим вопросам;

3) стимулирование академических исследований через грантовые механизмы.

Эти институты способны создавать более гибкие форматы работы с исторической памятью, дополняя жесткие правовые рамки.

Для совершенствования правового регулирования предлагается:

1) разработать методические рекомендации по разграничению научной дискуссии и противоправных действий;

2) ввести в законодательство понятие «добросовестного исторического исследования»;

3) создать специализированные научно-консультативные советы при судах по делам, связанным с исторической памятью.

Реализация этих мер позволит преодолеть выявленные теоретические пределы правового регулирования, сохранив как защиту исторической правды, так и свободу научного поиска.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд фундаментальных выводов о теоретических пределах правового регулирования исторической памяти. Во-первых, право, будучи мощным инструментом кристаллизации коллективных представлений о прошлом, сталкивается с имманентным ограничением, связанным с неспособностью его формального языка адекватно передать моральную сложность и многозначность исторических событий.

Во-вторых, существует объективная граница, за которой правовое вмешательство в сферу исторической памяти перерастает в «злоупотребление правом на память», превращаясь из инструмента защиты в инструмент подавления научной дискуссии и насильственной унификации исторического сознания. Противодействие этому риску требует смещения акцента с исключительно запретительных мер («запретительная модель») в сторону развития процедурных механизмов.

К числу таких механизмов относятся, прежде всего, судебные процедуры, позволяющие легитимировать установление исторических фактов через состязательное рассмотрение доказательств, а также поддержка «мемориальной» модели, основанной на позитивном укреплении памяти. Таким образом, наиболее эффективной стратегией представляется не тотальная юридизация истории, а выстраивание правом таких процедурных рамок, которые, ограждая от крайних форм экстремизма и клеветы, одновременно сохраняют пространство для свободного научного поиска и общественного диалога о прошлом.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке концепции «правовых пределов» применительно к регулированию исторической памяти, что открывает новые перспективы для развития как теории права, так и методологии исторических исследований. Выявленные закономерности позволяют прогнозировать развитие правовых систем в условиях роста значимости исторической политики.

Таким образом, наиболее эффективной стратегией представляется не тотальная юридизация истории, а выстраивание правом таких процедурных рамок, которые, ограждая от крайних форм экстремизма и клеветы, одновременно сохраняют пространство для свободного научного поиска и общественного диалога о прошлом. Дальнейшее развитие правового регулирования должно идти по пути создания гибкой системы, способной учитывать сложность исторического познания и многообразие форм социальной памяти.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Право на историческую память в системе прав человека // Пролог. 2024. № 2. С. 7–18.

3. Багандова Л. З. Защита исторической памяти и исторической правды уголовно-правовыми средствами: опыт Российской Федерации // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 4. С. 73–83.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Фалалеева И. Н., Гаврилова В. Д. Защита исторической правды – новое направление государственной политики Российской Федерации // Право и практика. 2021. № 4. С. 65–71.

6. Коробицына Л. В. Сохранение исторической памяти в современном российском обществе: к вопросу об актуальном законодательстве // История: факты и символы. 2023. № 1 (34). С. 32–38.

7. Куликова С. А., Кирносов И. Д. Охрана исторической памяти как институт конституционного права: российский и зарубежный опыт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 65–72.

Летникова П. В.[1],
нотариус Пушкинского нотариального округа
Московской области

ПРАВОВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ УКАЗОВ О ПРОВЕДЕНИИ СЕНАТОРСКИХ РЕВИЗИЙ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVIII в.)

Среди социальных функций, выполняемых исторической наукой, следует особо выделить научно-познавательную и функцию социальной памяти. Познавательная функция позволяет путем систематизации научных знаний сформулировать объективное представление об историческом развитии российского общества и государства. Исследование исторического прошлого необходимо для того, чтобы не повторить ошибки прошлого и использовать положительный опыт предыдущих поколений в настоящем и будущем. В условиях современного этапа развития России, характеризующегося сложными, противоречивыми процессами во всех сферах жизни, явной и скрытой борьбой различных тенденций и стоящих за ними социальных и политических сил, история в наибольшей степени должна выполнять свою основную функцию – социальной памяти. Благодаря социальной памяти происходит передача от поколения к поколению информации об истории, культуре, традициях и ценностях российской цивилизации.

Одним из немаловажных проблем при изучении российской истории является вопрос о влиянии реформаторской деятельности Петра I на культурно-языковую ситуацию XVIII в. и, в частности, на формирование юридической терминологии. Язык закона, сохраняя преемственность с лексическим составом приказного языка, обогащался за счет ресурсов церковнославянского языка, европейской и латинской терминологии.

Реформы Петра I изменили ход российской истории. Одним из важнейших результатов петровских реформ можно считать образование целостного унифицированного имперского пространства с единой централизованной и бюрократизированной системой государственного управления. Изменения, которые вносились Петром I в систему государственной власти и управления, в судоустройство и судопроизводство, в организацию армии и флота, в сферу хозяйства и налогообложения, нуждались в юридическом оформлении и формировании новой юридической лексики. Происходит становление терминологии и терминологической системы юридического языка, правовые понятия начинают получать легальные дефиниции.

Становление абсолютной монархии в России привело к появлению закона в современном смысле слова и превращению его в основную форму выражения права. Изменяется номенклатура нормативно-правовых актов. В XVIII в. появляются манифесты, уставы, учреждения, регламенты, артикулы, наставления, инструкции, рескрипты, плакаты. Однако были сохранены и прежние правовые

---

[1] © Летникова П. В., 2026.

формы: из Московского периода сохраняется прямая номинация нормативного акта, материально закрепляющего правовую норму – «указ». В петровское время основным видом нормативных правовых актов монарха остается «именной указ». Петр I делил свои указы на две группы. К первой относил «генеральные», «которые в постановление какого дела», подлежавшие публикации в качестве приложения к регламентам, уставам, артикулам. Ко второй – временные или «партикулярные» [1].

В ходе перестройки системы высших и центральных органов государственного управления Петр I создал Сенат, который осуществлял надзор за соблюдением законности государственным аппаратом и служащими. Сенат получал как официальные донесения, так и частные жалобы на административную волокиту, нарушение указов, злоупотребление чиновниками своими полномочиями. Он имел право в ситуациях, когда государственные органы или их должностные лица отказывались подчиняться и надлежаще исполнять свои обязанности, налагать штрафы, арестовывать чиновников, понижать или отстранять их от должности.

В XVIII в. происходит осознание того, что лексический состав нормативного правового акта составляют правовые понятия, которые выражают устойчивые черты правовой действительности, являются семантическим ядром нормы права, обладают юридической силой, могут толковаться в правоприменительной практике. Рассмотрим становление юридической лексики в первой трети XVIII в. на примере указов о проведении сенаторских ревизий.

4 апреля 1722 г. был издан указ «О ежегодном отправлении в губернии одного сенатора ревизором, о принесении на него жалоб Сенату, когда учинит он неправое по делу решение, или причинит кому несправедливость», в котором для осуществления надзора за деятельностью администрации были введены сенаторские ревизии [5]. Петр I задумывал проведение сенаторских ревизий как систематическую деятельность сенаторов в деле борьбы со злоупотреблениями должностных лиц [2]. Ревизия олицетворяла высшие контрольные полномочия Сената, делегированные одному из сенаторов. А. Д. Градовский отмечал, что «Петр Великий думал сделать из сенаторских ревизий правильное и постоянное средство для надзора за губернскими установлениями» [3, с. 157]. На основании указа 1722 г. в штат ревизора входили «от каждой коллегии по одному человеку». В качестве ревизирующих инспекторов предполагалось использовать тех сенаторов, которые служили в Московской сенатской конторе, так как Москва, с учетом огромной территории российского государства, выступала в качестве географического центра.

В указе особых инструкций для сенаторов не предполагалось, но, по всей вероятности, проверяющие получали от монарха личные напутствия. Судя по всему, сенаторы получали обширные полномочия, потому что в указе был установлен порядок подачи жалоб на проверяющих: «от них кому учинится неправый суд или какое неправое же решение и их инструкции преступление, на тех бить челом и доносить в Сенат, а Сенату тем учинить указ, как о том генеральные указы повелевают, а в партикулярных обидах бить челом и на них искать судом, где надлежит». То есть, предвидя незаконные действия сенаторов, монарх установил порядок подачи жалоб на сенаторов.

В указе от 4 апреля 1722 г. присутствуют терминология московского приказного языка. Употребляются термины «неправое дело», «неправый суд», «неправое же решение», «несправедливость», которые издавна находились как в правовом обороте, так и содержатся в русских литературных произведениях. Например, в сатирических произведениях XV–XVII вв., среди которых наиболее яркой иллюстрацией является сказочно-сатирическое произведение о неправедном судье Шемяке (XV в.). Используется термин «бить челом», то есть подавать письменное прошение – челобитную. Одно из самых ранних упоминаний фразеологизма «бить челом» встречается в Договорной грамоте великого князя Семена Ивановича с братьями Иваном и Андреем 1340 г.: «имуть бити челом тобе князю великому на наших бояр» [4]. Термин «челобитная» будет отменен при Екатерине II сенатским указом от 19 февраля 1786 г. и вводилось новое – «жалобница», «прошение». Прежняя клаузула обращения «бьет челом» заменялась на «приносит жалобу» или «просит». В то же время в указе 1722 г. используются вновь введенные термины – «генеральные указы» и «партикулярные обиды» (лат. particularis, непоср. и через фр. particulier, нем. partikular).

Первая сенаторская ревизия на основе указа 4 апреля 1722 г. была проведена в 1726 г. В именном указе «Тайному действительному советнику и сенатору господину графу Матвееву» от 8 февраля 1726 г. Екатерина I в пяти пунктах предписывала провести ревизию Московской губернии, обратив особое внимание на состояние судов и судопроизводства, сбор подушной подати, даровав сенатору возможность привлекать гражданских чиновников к ответственности, в отношении военных чинов сенатор должен был посоветоваться с их начальством [8]. А. А. Матвеев должен был «писать к нам в кабинет прекращено, а по длиннее в Сенат». Сенатор докладывал о полученной информации, соблюдая определенный порядок: «прислать о всем обстоятельным рапортом в Сенат, а к нам в кабинет перечневым, ссылаясь на посланные в Сенат». Впоследствии ревизоры будут отправлять краткие отчеты монарху и более объемные в Сенат. Сенатор имел право рассматривать любые злоупотребления, которые сочтет нужным, проявляя в этом вопросе инициативу: «в прочем, хотя здесь чего и не написано, а усмотрите, что нужно будет нам и государственному интересу, о том во всем разведывать и чинить как честному и верному человеку надлежит». Единственной областью, в которую не мог вмешиваться сенатор, были земельные вопросы. Данное положение было добавлено в Инструкцию позднее, оно предписывало «в поместные дела не вступался, а ежели ему станут о том подавать челобитные, чтоб он, принимая, отсылал оные в вотчинную коллегию, а ежели усмотрит какую важность, то б писал в Сенат и в Кабинет».

В указе фигурируют лексемы «делали правду», «правдою-ль людей судили», «не чинят ли каких обид», что отражало русское понимание сущности права. Средневековому русскому юридическому мировоззрению было свойственно отождествление понятия права с правдой и осуществлением справедливости.

На основании именного указа от 8 февраля 1726 г. 17 мая 1726 г. был издан сенатский указ «Об отправлении Тайного действительного советника графа Матвеева для обревизирования Московской губернии» [6]. Ему было предписано ехать в Москву «куда… прибыв и разведав, где есть болше в ближних про-

винциях Московской губернии неисправностей от управителей и от народа жалоб, в те провинции наперед и ехать».

В развитие положений указа от 4 апреля 1722 г. ревизору надлежало осмотреть судебные инстанции для установления эффективности судопроизводства и выявления случаев судебного произвола: «правдою ль людей судят». Слабым местом российского государства являлся сбор налогов, в первую очередь, правительство интересовало как поставлено отчисление подушной подати: «порядочно ль подушные деньги с крестьян собирают и не чинят ли им каких обид…». Проблема взимания подушной подати стояла очень остро, так как львиная ее часть шла на финансирование военных нужд [7, с. 30]. Ревизор получил право призывать к ответственности местные административные лица: «и ежели что усмотрит в городах и в уездах за управительми и земскими комиссарами противное указам, то следовать и чинить решение, не описываясь, так как указы и правы повелевают». Исключением были военные чины: «однако ж о офицерах и земских комиссарах чинить решение, снесшись с генералитетом и штабом, которые в тех провинциях определены».

Сенатору предоставлялось право, при наличии злоупотреблений со стороны администрации и земских комиссаров, самому разобрать сложившуюся ситуацию и вынести собственное решение, не осведомляя заранее ни коллегии, ни местное начальство. Таким образом, А. А. Матвеев был назначен не только как сенатор, но и как судья, тем более что на действия сенатора не допускались жалобы ни перед сенатом, ни перед каким-либо судом.

Таким образом, результатом реформ Петра I стало не только создание новой системы государственного управления, реорганизация вооруженных сил и промышленности, но и формирование новой культуры. Культурные инновации являлись одним из важнейших элементов государственной политики, призванные дать идеологическое обоснование проводимым преобразованиям, поддержать новую концепцию государственной власти. Язык петровского законодательства сочетал элементы церковнославянского языка, старого государственного приказного языка, разговорного языка, а также присутствует влияние романо-германской и латинской терминологии. Присутствует преемственность правовых понятий по отношению к предшествующим этапам развития права и ценностям русской ментальности. В языке законодательства Петра I отражены ключевые морально-этические и религиозные концепты: «правда», «справедливость», «обида», «совесть», «грех». Номинации этих концептов регулярно использовались для выражения базовых юридических понятий.

Список литературы

1. Акишин М. О. Государственные преобразования и юридический язык Российской империи XVIII века // Genesis: исторические исследования. 2016. № 4. С. 51–72.

2. Бочкарев В. Н. Первая сенаторская ревизия в России: Историческая справка к 200-летию учреждения в России института сенаторских ревизий 4 апреля 1722 г. // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль : Ярославский губернский сельскохозяйственный и кустарно-промысловый союз кооперативов, 1923. С. 40–56.

3. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Тома I–III. Т. I. СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1875.

4. Корзинин А. Л. Феномен доверия в духовных грамотах московских великих князей в XIV веке // Управленческое консультирование. 2022. № 3 (159). С. 154–171.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 6. № 3931 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 8. № 4886 // Российская национальная библиотека. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

7. Савченко Н. А. Институт сенаторских ревизий Российской империи: на примере ревизии Н. А. Зиновьева в 1902–1904 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Курск, 2007.

8. Указ тайному действительному советнику и сенатору господину графу Матвееву, 28 октября 1726 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 56. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 гг. Т. II (август – декабрь 1726 г.). СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1887. С. 310.

Уметова Э. А.[1],
ассистент кафедры
гражданского права и процесса
Института права, экономики и финансов
Кабардино-Балкарского
государственного университета
имени Х.М. Бербекова

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ПРОШЛОГО: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ПАМЯТИ В ГРАЖДАНСКОМ И УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Современное общество, пребывая в состоянии перманентной цифровой трансформации, создало уникальный и не имеющий аналогов в истории феномен в виде цифровой памяти. Данные, некогда считавшиеся эфемерными – личная переписка, публичные высказывания в социальных сетях, финансовые транзакции, геолокационные метки – сегодня не стираются, а накапливаются на серверах корпораций, в облачных хранилищах и даже публичных интернет-архивах. Эта «цифровая биография» личности или организации формирует детализированный и потенциально вечный след, который не только определяет цифровую репутацию, но и все чаще становится объектом пристального внимания в рамках судебных процессов. Однако стремительное развитие технологий фиксации и хранения информации вступило в системное противоречие с консервативными основами процессуального права, сформированными в эпоху бумажного документооборота.

Актуальность исследования обусловлена нарастающим разрывом между фактическим объемом и значимостью цифровых свидетельств прошлого и их надлежащим процессуальным осмыслением. С одной стороны, законодатель активно продвигает курс на тотальную цифровизацию судопроизводства, что подтверждается масштабными поправками в процессуальные кодексы и появлением специализированных норм об «электронных доказательствах». Только в 2024 году через систему электронного правосудия было подано более 9 миллионов документов, что свидетельствует о практической востребованности новых механизмов [1]. С другой стороны, судебная практика демонстрирует фундаментальные проблемы квалификации, оценки допустимости и достоверности таких доказательств. Старые посты в социальных сетях, удаленные веб-страницы, восстановленные через интернет-архив, метаданные цифровых файлов – все эти элементы «цифровой памяти» обладают свойствами, чуждыми традиционным доказательствам: они легко тиражируются, могут быть технически модифицированы, их источник происхождения часто сложно установить, а юрисдикция хранения размыта.

Проблема заключается в коллизии между необратимым технологическим трендом на сохранение цифрового прошлого и традиционными правовыми

[1] © Уметова Э. А., 2026.

принципами, такими как допустимость, относимость и оценка доказательств по внутреннему убеждению суда. Использование «цифровой памяти» ставит перед правоприменителем сложные вопросы: Как обеспечить процедуру легального изъятия и сохранения электронных данных, которые могут быть изменены или удалены в любой момент? Каким образом архаичные правила осмотра вещественных доказательств применимы к анализу данных из облачного хранилища? Ответы на эти вопросы определяют не только эффективность правосудия в конкретном деле, но и баланс между поиском материальной истины и защитой прав личности в условиях, когда любое действие или бездействие субъекта потенциально может быть задокументировано и использовано против него спустя неопределенно долгое время.

В российском законодательстве отсутствует легальное определение «цифрового доказательства», что создает терминологическую неопределенность. Правовой режим выстраивается через смежные понятия, прежде всего «электронный документ» и «иной документ». Согласно Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1], электронный документ представляет собой информацию, представленную в электронной форме, подписанную квалифицированной электронной подписью и пригодную для восприятия человеком. Однако это определение охватывает лишь узкий сегмент цифровых данных [2].

В контексте судопроизводства спектр «цифровой памяти» значительно шире и включает в себя такие виды информации, которые можно классифицировать следующим образом:

1) формализованные электронные документы (договоры, акты, счета-фактуры, подписанные ЭП);

2) неформализованные цифровые данные: переписка по электронной почте и в мессенджерах, публикации и комментарии в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники»), записи на личных страницах и в блогах;

3) цифровой след: автоматически генерируемые данные о действиях пользователя (логи доступа к информационным системам, история геолокации, IP-адреса, данные о времени и способе создания или редактирования файла);

4) восстановленные и архивные данные: информация, полученная из кеша поисковых систем или с помощью сервисов интернет-архивации (например, Wayback Machine), которая может не существовать в публичном доступе на момент судебного разбирательства.

Данные, полученные из автоматизированных систем: выписки из государственных и коммерческих реестров, банковские транзакции, записи с камер видеонаблюдения, передаваемые по сетям.

Именно неформализованные данные и цифровой след, составляющие основу «памяти» о прошлых действиях субъекта, представляют наибольшую сложность для процессуальной квалификации, так как их атрибуты (авторство, неизменность, подлинность) не обеспечены юридически значимыми средствами защиты.

До недавнего времени обращение с цифровой информацией регулировалось преимущественно общими нормами. Ситуация начала меняться с принятием

Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ, который ввел в процессуальные кодексы базовые понятия и процедуры, заложив фундамент для цифрового правосудия [3].

В гражданском процессе (ГПК РФ) в кодекс была введена глава 6.1 «Электронные доказательства» (ст.ст. 71.1–71.3). Законодатель определил электронные доказательства как «сведения, полученные из информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», представленные в электронной форме и имеющие значение для установления обстоятельств, имеющих значение для дела». Ключевой новацией стало закрепление равной юридической силы электронных и письменных доказательств при условии, что можно достоверно установить, что информация исходит от лица, от которого она получена (п. 1 ст. 71.1 ГПК РФ).

В уголовном процессе (УПК РФ) подход менее структурирован. Основной нормой остается статья 84 «Иные документы», которая допускает приобщение к делу «документов», и судебная практика распространяет это понятие на распечатанные скриншоты, хард-копии переписок и т. д. Отдельно глава 14.1 регламентирует порядок изъятия электронных носителей информации и получения доступа к данным в сетях. Однако целостного понятийного аппарата, аналогичного ГПК РФ, УПК РФ не содержит.

Новейшие изменения: логическим продолжением курса на цифровизацию стал Федеральный закон от 7 апреля 2025 г. № 59-ФЗ, детализирующий, в частности, порядок использования электронных доказательств в административном судопроизводстве. Этот закон подтверждает динамику законодательного процесса, но также актуализирует вопрос о фрагментарности регулирования, когда каждый процессуальный кодекс развивается своим путем [3].

Специфика отрасли права напрямую влияет на подход к «цифровой памяти». В гражданском и арбитражном процессе акцент смещен на добросовестность сторон и распределение бремени доказывания [4]. Сторона, ссылающаяся на электронную переписку или публикацию в соцсети, должна представить суду доказательства, позволяющие идентифицировать отправителя (адрес, номер телефона, никнейм) и подтвердить неизменность содержания. Как отмечено в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2024 г., суды при рассмотрении споров об интеллектуальных правах активно принимают в качестве доказательств скриншоты страниц сайтов, сохраненные в веб-архиве, если сторона обосновывает время их создания и актуальность на соответствующий момент. Процесс носит более состязательный характер [5].

В уголовном процессе доминирует публичное начало и строгий режим процедуры. Цифровая информация здесь чаще выступает как вещественное доказательство (электронный носитель) или документ, изъятый в ходе следственного действия. Критически важное значение приобретает соблюдение процедуры изъятия, осмотра и исследования носителя с целью обеспечения допустимости доказательства. Любое нарушение порядка (например, изъятие жесткого диска без понятых с применением неподтвержденного специального программного обеспечения) может привести к признанию полученных сведений недопустимыми. Уголовный процесс требует фиксации «цепочки» – непрерывного доку-

ментально подтвержденного контроля над носителем информации с момента изъятия до представления в суд.

Российский законодатель предпринял значимые шаги по интеграции цифровых доказательств в процессуальную ткань, прежде всего в гражданском судопроизводстве. Однако созданная система остается гибридной: новые объекты (данные из сетей) подчиняются старым правилам, что закономерно порождает комплекс практических проблем на стадии их использования и оценки.

Основной вывод исследования заключается в том, что ключевой вызов лежит не в области признания цифровых данных доказательствами, а в создании адекватных механизмов обеспечения их процессуальной доброкачественности. Проблема достоверности и неизменности цифровых артефактов требует перехода от пассивной оценки представленных сторонами распечаток к активной процедуре судебного верификационного запроса к операторам платформ или использованию технологий цифровой фиксации (например, блокчейн) на ранних стадиях конфликта. Проблема допустимости, особенно в уголовном процессе, не может быть решена без разработки и законодательного закрепления единого национального стандарта «цифровой цепочки», детализирующего протоколы изъятия, копирования и хранения данных с гарантией их целостности.

Наиболее социально значимым является конфликт между всеобъемлющей памятью цифровых систем и правом личности на развитие и забвение. Отсутствие процессуальных фильтров, ограничивающих использование устаревших, вырванных из контекста цифровых следов, создает риск «суда над цифровым призраком» человека, а не над его актуальной правосубъектностью. Для смягчения этого конфликта необходимо внедрение в процессуальный кодекс принципа временной релевантности цифрового доказательства, предоставляющего суду право исключать из исследования данные, чья доказательственная ценность несоразмерна вмешательству в частную жизнь или потенциальному ущербу для репутации.

Таким образом, дальнейшее развитие доказательственного права в эпоху цифровизации памяти должно двигаться по пути от формального уравнения цифрового с письменным к сущностному созданию специальной процессуальной среды для работы с ними. Это предполагает синтез правовых норм, технологических стандартов и этических принципов, целью которого является не только эффективное установление истины по делу, но и защита прав человека в условиях, когда его прошлое обрело свойство тотальной и вечной фиксации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.

2. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» (ред. от 08.11.2007) : утратил силу // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348338/.

3. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 23.06.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/.

4. Постановление Совета судей Российской Федерации от 16 ноября 2001 г. № 60 «О концепции информационной политики судебной системы» : документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=14218#8hwR2HVcxcvcxCGi1. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе „Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы“» (ред. от 15.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140638/.

6. Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2008 г. : утверждена приказом Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2008 г. № 13-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=162525#AtR4kwTSj1eVUe55. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе „Электронная Россия (2002–2010 годы)“» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/184120/.

Волостных Р. С.[1],
соискатель кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Иванов С. А.,
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ «ПРАВОВАЯ ПАМЯТЬ» И «ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА»

В данной обзорной статье мы хотели бы осветить соотношение и взаимосвязь таких теоретических категорий как правовая память и правовая доктрина. Если в настоящее время с понятием правовой доктрины в юридической науке установилась относительная определенность, то с раскрытием значения правовой памяти существуют определенные проблемы.

Так, в статье посвященной проблеме определения понятия правовая (юридическая) память и ее соотношения с другими правовыми категориями, авторы Ю. А. Зеленин и А. А. Васильев резюмируют, что «…в отечественной юридической науке нет общепризнанного определения понятия правовой памяти (схожие понятия «социально-правовая память» и «юридическая память» используются реже). Ее чаще всего определяют через такие понятия, как «правовая традиция», «правовая преемственность», «правовой опыт», и считают частью социальной или коллективной памяти, правовой культуры и правовой практики» [1, с. 61].

Отметим, что для системы общего права понятие правовой памяти совершенно не новое: «Память, как индивидуальная, так и коллективная, влияет на правовые решения и системы. Судьи и законодатели часто опираются на исторические прецеденты и коллективную память при принятии решений или разработке законодательства» (здесь и далее перевод мой. – Р. В.) [2]. На наш взгляд вышеприведенная точка зрения имеет рациональное основание и наиболее точно описывают функциональную нагрузку правовой памяти. Мы хотели бы привести конкретные примеры, в которых можно наглядно увидеть, как действует правовая память в контексте применения правовых доктрин.

Так, в одном из решений апелляционного суда Британской Колумбии (одна из провинций Канады) от 1968 года в ходе судебного разбирательства при квалификации преступления судья ссылается на авторитетных ученых прошлого,

[1] © Волостных Р. С., 2026.

а именно: «…сэра Уильяма Стаунфорда, Ламбарда, Далтона, Коука, Хейла, Хокинса, Блэкстоуна и Стивенса, каждый из которых утверждал, что «отъем» являлся необходимой составляющей грабежа…» [3].

Помимо этого, в решении Высокого суда правосудия, вынесенном в сентябре 2025 года в Великобритании, судья ссылается на Эдварда Коука и в рамках дела разъясняет следующее: «В английском праве существует устоявшийся принцип толкования договоров, восходящий, по крайней мере, ко временам сэра Эдварда Коука… согласно которому толкование, подтверждающее действительность сделки, предпочтительнее тому, которое делает ее недействительной или не имеющей юридической силы» [4].

Также, в одном из решений 2016 года Верховный суд Великобритании ссылается на сэра Уильяма Стаунфорда, который был судьей суда общей юрисдикции с 1554 по 1558 годы, и разъясняет, что: «когда двое или более лиц вступают в сговор с целью судебного преследования какого-либо лица посредством подачи ложного и злонамеренного иска, будь то в уголовном или гражданском порядке, это является преступлением, наказуемым по обвинительному акту, или же пострадавшие стороны могут подать иск о возмещении ущерба…» [5].

А вот в своем решении от 29 апреля 2025 года Верховный суд Новой Шотландии (провинция на юго-востоке Канады), говоря о введении суда в заблуждение, отмечает следующее: «Утверждалось, что решение, основанное на мошенничестве, не может быть признано действительным» и ссылаясь на прецедент от 1776 года приводит суждение лорда Эдварда Коука о том, что: «Мошенничество – это внешнее, побочное действие, которое искажает самые важные судебные разбирательства», там же говорится о том что «Лорд Коук утверждает, что оно аннулирует любые судебные акты, как церковные, так и светские» [6].

Помимо всего прочего, в 2022 году Верховный суд Канады вынес решение, в котором суд разъясняет суть доктрины stare decisis и утверждает, что «согласно этой основополагающей доктрине, судьи должны руководствоваться авторитетными прецедентами и добиваться того, чтобы подобные дела „разрешались подобными“… со ссылкой на английского юриста тринадцатого века Генри де Брактона)» [7].

Примечательно, что в Австралии существует Судебная комиссия Нового Южного Уэльса, которая среди прочих видов своей деятельности декларирует следующее: «публиковать информацию об уголовном праве и вынесении приговоров, чтобы помочь судам добиться единообразия в назначении наказаний и, в более общем плане, в ведении уголовного судопроизводства…», а также «рассматривать жалобы на компетентность или действия судебных работников» [8]. Указанная Судебная комиссия при рассмотрении вопроса о профессиональности судейского корпуса использует идею британского публициста и политического деятеля XVIII века Эдмунда Берка – идею «политически нейтрального и беспристрастного судьи». Также эта идея находит отражение, например, в решении Апелляционного суда Британской Колумбии (одной из провинций Канады) от 1993 года, в котором судья в виде комментария приводит следующее: «К началу XIX века в Англия имела независимую судебную систему. То, что

Эдмунд Берк называл холодной нейтральностью беспристрастного судьи, стало устоявшейся традицией» [9]. Также Европейский суд по правам человека в 2025 году в одном из своих решений, рассуждая о парламенте, говорит о том, что: «…при выборе наших представителей мы учитываем, помимо партийной принадлежности, навыки, честность и открытость кандидатов. Потому что, как подчеркнул Эдмунд Берк в своем знаменитом обращении к избирателям Бристоля (1774), «парламент – это совещательное собрание одной нации с одним интересом, интересом всего общества; где следует руководствоваться не местными целями, не местными предрассудками, а общим благом… Вы, действительно, выбираете члена парламента; но, когда вы его выбрали, он становится не членом Бристоля, а членом парламента» [10].

Таким образом, в данной статье в первую очередь наглядно продемонстрирована преемственность, которую обеспечивает правовая память, Мы хотели показана не только масштабная функция правовой памяти, но и более узкая, носящая прикладной характер. Помимо этого, в статье продемонстрировано то, как через призму веков, судебная система сохраняет свою самобытность посредством правовой памяти.

Список литературы

1. Зеленин Ю. А., Васильев А. А. Правовая (юридическая) память: проблема определения и соотношения с иными правовыми понятиями // Юрислингвистика. 2024. № 34 (45). С. 58–61.

2. Lee S. Law and Memory: An Interconnected Web // Number Analytics. URL: https://www.numberanalytics.com/blog/law-and-memory-an-interconnected-web.

3. R. v. Byrne, 1968 CanLII 846 (BC CA) // Canadian Legal Information Institute. URL: https://canlii.ca/t/h387t.

4. G. G. F. Fund Ltd v. Anglian Windows Ltd (Now Called: Ashi Group Ltd) & Anor [2025] EWHC 2397 (Ch) (22 September 2025) // British and Irish Legal Information Institute. URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2025/2397.html.

5. Willers v. Joyce & Anor (Re: Gubay (deceased) No. 1) [2016] UKSC 43 (20 July 2016) // British and Irish Legal Information Institute. URL: https://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2016/43.html.

6. Turner-Lienaux v. Townsend, 2025 NSSC 146 (CanLII) // Canadian Legal Information Institute. URL: https://canlii.ca/t/kbvpl.

7. R. v. Kirkpatrick, 2022 SCC 33 (CanLII), [2022] 2 SCR 480 // Canadian Legal Information Institute. URL: https://canlii.ca/t/jr3vx.

8. About the Judicial Commission // Judicial Commission of New South Wales. URL: https://www.judcom.nsw.gov.au/about-judicial-commission.

9. Bennett v. British Columbia (Superintendent of Brokers), 1993 CanLII 203 (BC CA) // Canadian Legal Information Institute. URL: https://canlii.ca/t/1dbng.

10. Tomenko v. Ukraine – 79340/16 (Article 3 of Protocol No. 1 – Right to free elections – {general} : Fifth Section) [2025] ECHR 182 (10 July 2025) // British and Irish Legal Information Institute. URL: https://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2025/182.html.

Андрианова Е. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Безбородова Л. А.,
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖИВОТНЫХ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Важное место в философско-правовой и юридической науке занимает проблема правового статуса животных, поскольку отражает базовые представления об отношении человека к животным. Исторически животные рассматривались преимущественно как объекты права, находящиеся в собственности человека, и лишенные правосубъектности. Такой подход был характерен для классической философии, основанной на дуализме «субъект – объект». В учениях Аристотеля животные рассматривались как существа, которые лишены разума и потому не обладающие моральной самостоятельностью, что оправдывало их использование человеком. Значительные изменения произошли в эпоху Нового времени. И. Кант утверждал, что жестокость по отношению к животным может подрывать нравственные основания человеческого общества [2, с. 86]. В философии Рене Декарта, животные рассматривались как «механизмы», которые не способные к подлинному переживанию страданий [2, с. 80]. Эти концепции в последующем сформировали классическое частное право, в котором животных приравнивали к имущественным вещам. В XVIII–XIX веках появляются альтернативные подходы, прежде всего здесь отмечается утилитаристская философия Иеремия Бентама, который ставил главным вопрос о том, могут ли животные испытывать страдания [2, с. 87]. Данная идея привела к пересмотру традиционных взглядов на место животных в правовой системе, а также оказала существенное влияние на формирование правовых норм в европейских государствах, например, в Германии.

Правовой статус животных в Германии имеет последовательное, длительное формирование. Его развитие имеет отражение как в гражданском, так и в специальном законодательствах. На уровне гражданского законодательства важное значение имеет § 90а Гражданского уложения Германии, который устанавливает, что «животные не являются вещами. Они охраняются специальными законами. К ним соответственно применяются правила, действующие в отношении вещей, если не установлено иное» [3]. Такое положение демонстрирует компромисс между традиционным частноправовым подходом и современными

[1] © Андрианова Е. А., 2026.

этическими требованиями. Существенным этапом в формировании правового статуса животных стало принятие Закона о защите животных (Tierschutzgesetz), впервые вступившего в силу в 1972 году [4]. Данный закон является центральным нормативным правовым актом, который определяет практическое содержание правового статуса животных в Германии. Согласно ему, правовой статус состоит из принципа, который запрещает причинять животному боль, страдание или вред, и вменяет в обязанности граждан обеспечение надлежащих условий содержания животных, а также возможности привлечения к административной или уголовной ответственности за жестокое обращение с животными. В философско-правовом смысле закон признает животных, как существ, способных чувствовать и испытывать страдания, интересы которых подлежат вниманию в правовом регулировании. Однако законодательство Германии не признает животных субъектами права, их защита осуществляется через обязанности граждан и государства. Поэтому правовой статус животных Германии характеризуется как промежуточный статус, который находится между объектом и субъектом права. Он основывается на философской идее морально-нравственной значимости животных, при этом не разрушая базовые принципы гражданского права Германии. В правовой доктрине Федеративной Республики Германия данный подход признается как некий шаг в сторону постклассического понимания права, в котором юридические категории подстраиваются к новым этическим и социальным вызовам.

В Российской Федерации правовой статус животных формировался в совершенно иной исторической и философско-правовой модели. Его становление так же, как и в Германии, нашло свое отражение в законодательстве. Гражданское право России развивалось под влиянием классической цивилистической традиции. Согласно ст. 137 Гражданского кодекса Российской Федерации, «к животным применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное. При осуществлении прав не допускается жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности» [5]. Такая формулировка говорит о возможности существования традиционного имущественного подхода и элементов этического регулирования, который позволяет не выходить за рамки принятой модели «животное как объект права» [1, с. 305]. Ключевым моментом в формировании правового статуса животных в России стало принятие Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный федеральный закон регулирует отношения в области обращения с животными в целях защиты животных, а также укрепления нравственности, соблюдения принципов гуманности, обеспечения безопасности и иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными [6].

Однако принятие данного закона не изменяет базового правового статуса животных как имущества в системе гражданского права. С точки зрения философско-правовой идеи это говорит о том, что российское право рассматривает защиту животных как обязанность граждан, а не как признание животных самостоятельными субъектами права.

Значимое место в формировании правового статуса животных в России занимает административно-правовая и уголовно-правовая защита животных. Российское законодательство в области административного и уголовного права закрепляет статьи, а именно ст. 8.52 КоАП РФ, ст. 245 УК РФ, которые предусматривают ответственность за несоблюдение требований к содержанию животных и за жестокое обращение по отношению к животным соответственно [7; 8]. Наличие юридической ответственности говорит о признании общественной опасности таких деяний и о том, что эти деяния выходят за рамки частного интереса собственника. Однако и в России правовой статус животных рассматривается не через признание их субъектами права, а через их защиту посредством исполнения обязанностей граждан и государства.

Сравнительный анализ правового статуса животных в Германии и России позволяет сделать вывод о том, что различие состоит не только в законодательных формулировках, но и в более глубоких философско-правовых расхождениях. При этом в обеих странах животные не признаются субъектами права в классическом смысле. Германия более ориентирована на признание животных, как особой ценности и живых существ и стремится признать это на уровне законодательства. В России напротив, сохраняется традиционное признание животных как объектов права, при этом дополняя ее нормами и принципами гуманного обращения. Однако оба государства сталкиваются с одинаковыми проблемами, связанными с реализацией норм о защите животных и с вопросами о допустимых границах использования животных в своих интересах.

С философско-правовой точки зрения различие подходов можно объяснить разным проявлением правового мышления. Германское право демонстрирует движение в сторону постантропоцентрической модели, в которой право начинает учитывать интересы иных живых существ как самостоятельный фактор регулирования. Российское право находится на переходном этапе, где признается необходимость защиты животных от жестокости, но сохраняется доминирование имущественной логики. В научной литературе все чаще высказывается мнение о том, что дальнейшее развитие российского законодательства может пойти по пути создания особой категории объектов права, отличных от вещей, либо по пути ограниченного признания правоспособности животных в отдельных сферах.

В заключение следует отметить следующее. Правовой статус животных является изменчивой категорией, который подвержен влиянию различных мировоззренческих установок, при этом отражающей изменения в общественном сознании. Сравнительный философско-правовой анализ показал, что в рамках одного статуса возможны существенные различия в моделях регулирования, которые основываются на разных философских предпосылках. Перспективы развития в обеих странах связаны с дальнейшим объединением этических принципов в правовые средства, с пересмотром традиционного деления правовой реальности на субъектов и объекты.

Список литературы

1. Кобжицкий Д. А. Право обращения с животными (Animal law) как новая отрасль российского права // Молодой ученый. 2020. № 19 (309). С. 301–308.

2. Попова О. В. Анималистический поворот в философии и биоэтике и кантианская линия в защите прав животных // Философский журнал = Philosophy Journal. 2023. Т. 16, № 2. С. 78–95.

3. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) = Германское гражданское уложение от 18 августа 1896 г. // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/.

4. Tierschutzgesetz (TierSchG) = Закон о защите животных Федеративной Республики Германия от 24 июля 1972 г. // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/tierschg/index.html#BJNR012770972BJNE001303377.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

6. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

Михеева А. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕЯВНЫЕ ФУНКЦИИ КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПРАВЕ

Историческая память – это совокупность знаний о прошлом, как в обществе, так и в целом у личности [3]. Существует большое множество форм передачи исторической памяти, например, через устные традиции, мемориалы, а наряду с ними особое место занимает передача исторической памяти с помощью неявных функций права, которую мы рассмотрим в данной статье. Поскольку ранее не было разграничений на явные и неявные функции и все носило слитный характер, регуляция поведения осуществлялась через привычку, повторяемость и в некотором смысле отражала неявные функции.

Что же вообще подразумевается под неявными функциями права? Неявные функции права – это те функции, которые проявляются в действии права, те, которые не всегда заметны. С помощью неявных функций мы создаем связь между прошлым и настоящим через взаимодействие права с общественными отношениями и источниками. Неявные функции выступают каналом воспроизводства исторической памяти о праве обычном, изначальном, обеспечивая непрерывность правового развития даже в условиях постоянного усовершенствования законодательства.

Также поясним, что подразумевается под явными функциями права. Стоит сказать, что они характеризуют сегодняшнее право, то каким оно предстает перед нами в настоящее время [4, с. 839]. Речь идет о праве «здесь и сейчас», о том, каким оно предстает в данный момент, в системе источников, в официальных интерпретациях. В данном контексте целесообразно обратить внимание на обычное право, формирование которого имеет совершенно иной временной горизонт. Обычное право складывается не одномоментно и не в результате целенаправленного нормотворчества, а входе длительного процесса многократного повторения определенных моделей поведения. Эти модели зачастую закрепляются в коллективном сознании.

Неявные функции позволяют элементам обычного права сохраняться и воспроизводиться в практической деятельности. Они воспроизводят данные элементы не напрямую, через устойчивые модели поведения, которые не требуют постоянного нормативного подтверждения [5]. Благодаря действию неявных функций обычное право не исчезает с усовершенствованием законодательства, а трансформируется.

Также необходимо отметить, что неявные функции права не противостоят явным функциям права, а наоборот взаимодействуют с ними в практической

[1] © Михеева А. В., 2026.

деятельности. В практической деятельности данные функции создают целостный механизм действия права, в котором каждый из элементов дополняет друг друга. Неявные функции позволяют компенсировать формализм современного права, его осовременивание и нацеленность на социальные задачи.

Неявные функции права выступают особой формой исторической памяти, связывающий обычное и юридическое право, прошлое и настоящее, формальное и живое. Посредством неявных функций воспроизводится память как о праве изначальном, укорененном в обычае и коллективном опыте, так и о праве сегодняшнем, уже состоявшемся и социально признанном. Эти механизмы позволяют праву удерживать собственную идентичность, несмотря на постоянное обновление нормативных форм и ориентацию на актуальные задачи. Именно через неявные функции право остается живым элементом социальной реальности, а не сводится исключительно к системе формальных предписаний.

Список литературы

1. Крюкова С. С. Обычное право в российском законодательстве: к вопросу о термине и его содержании // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М. : Стратегия, 2000. С. 79–95.

2. Рождественская Е. Социальная память как объект социологического изучения // Inter. 2011. № 6. С. 27–48.

3. Савельева И. М. Концепция «исторической памяти»: истоки и итоги // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX в.). СПб. : Европейский дом, 2007. С. 246-255.

4. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983.

5. Попов В. И. Право в обеспечении коммуникации государства и гражданского общества : монография. М. : Проспект, 2023.

Сычева Е. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЗНАЧЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ЦИФРОВОЙ АРХИВАЦИИ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Сохранение памяти о Великой Отечественной войне традиционно осуществлялось через материальные носители: архивные документы, музейные экспонаты, памятники и мемориалы, а также через живые свидетельства ветеранов. Однако в условиях цифровой эпохи эти методы сталкиваются с принципиально новыми вызовами и возможностями. Уход поколения очевидцев, физическая деградация аналоговых носителей и изменение способов потребления информации требуют разработки и внедрения комплексных стратегий цифровой архивации. Эти стратегии становятся новым эпистемологическим пространством, формирующим способы фиксации, хранения, интерпретации и трансляции памяти о трагических и героических событиях 1941–1945 гг.

Цифровая архивация памяти о Великой Отечественной войне основана на междисциплинарном синтезе архивоведения, исторической информатики, цифровой гуманитаристики. Ее цель – не простое копирование аналоговых источников в цифровую форму, а создание многослойной, интерактивной и устойчивой системы сохранения исторического наследия.

Электронные ресурсы обладают рядом преимуществ по сравнению с традиционными коммеморативными практиками. Во-первых, практически повсеместное распространение Интернета позволяет одновременно охватить большую аудиторию, и, в первую очередь, представителей молодого поколения, которые являются самыми активными пользователями сети. Во-вторых, веб-ресурсы содержат информацию из библиотек и архивов, которая в офлайн-режиме доступна далеко не всем [2, с. 58–60]. Кроме того, разработка сайтов – зачастую более экономный и менее энергозатратный вариант распространения информации, чем, к примеру, создание музеев или открытие мемориальных комплексов. Веб-сайты как инструмент сохранения памяти обладают еще одним преимуществом: некоторые из них интерактивны, т. е. дают пользователям возможность поучаствовать в развитии ресурса, наполнении его контентом. Вместе с тем электронные ресурсы как инструмент коммеморации обладают и существенными недостатками. Во-первых, достаточно сложно контролировать и оценивать качество представленной на них информации, которая не всегда должным образом структурирована, что затрудняет ее использование. Во-вторых, как правило, создание таких ресурсов не сопровождается рекламными кампаниями и многие действительно полезные и интересные проекты неизвестны широкой аудитории.

---

[1] © Сычева Е. А., 2026.

Ключевыми принципами цифровой архивации памяти о Великой Отечественной войне являются комплексность, контекстуализация, доступность и долговременная сохранность. Комплексность подразумевает оцифровку максимально широкого спектра разнородных источников – от официальных документов и карт до личных писем, фотографий, дневников, а также аудио- и видеозаписей интервью, что позволяет сформировать многомерную и всестороннюю источниковую базу.

Контекстуализация направлена на преодоление фрагментарности цифровых коллекций путем связывания разрозненных объектов в единое смысловое поле. Это достигается через описание метаданными, использование геотегов, построение временных шкал и восстановление персональных историй, что способствует реконструкции события не как набора изолированных фактов, а как целостного и живого исторического опыта [4, с. 48–50].

Принцип доступности и инклюзивности нацелен на преодоление географических и физических барьеров, обеспечивая удаленный и равный доступ к материалам для исследователей, педагогов и широкой публики, тем самым демократизируя историческое знание.

Наконец, принцип долговременной сохранности является технико-организационной основой всей работы и предполагает использование устойчивых форматов и протоколов, плановую миграцию данных и создание распределенных цифровых репозиториев, что призвано защитить информационное наследие от рисков технологического устаревания и физических угроз.

На практике стратегии цифровой архивации памяти о Великой Отечественной войне реализуются через комплекс взаимодополняющих направлений, формирующих современную экосистему исторического наследия. Одним из ключевых и наиболее масштабных направлений является создание централизованных и распределенных цифровых архивов. Эти проекты, такие как общероссийские порталы «Память народа» и «Подвиг народа», представляют собой грандиозные информационные системы, агрегирующие десятки миллионов оцифрованных записей из фондов Центрального архива Министерства обороны и других государственных хранилищ. Их функциональность выходит далеко за рамки простого каталога, предлагая мощный инструментарий для установления боевого пути участников войны, поиска наградных документов с детальными описаниями подвигов, изучения оперативных карт и приказов [2, с. 58–64]. Таким образом, данные ресурсы выполняют двойную миссию: они служат незаменимым инструментом для профессиональных историков, обеспечивая удаленный доступ к корпусу первоисточников, и одновременно выполняют глубокую социальную функцию, отвечая на запрос миллионов граждан, стремящихся восстановить и сохранить личную, семейную историю, вплетенную в канву общенародной трагедии и победы.

Параллельно с работой с официальными документами критически важным направлением стало сохранение «устной истории». Эта работа направлена на фиксацию живого, субъективного опыта последних непосредственных свидетелей эпохи – ветеранов, тружеников тыла, детей войны. Цифровые технологии позволяют не просто записать аудио- или видеоинтервью, но и обеспечить их

научную обработку: транскрибирование, аннотирование, каталогизацию и связывание с другими типами источников. Снабженные расшифровками, синхронизированные с личными фотографиями, письмами и официальными документами, эти записи создают уникальный, эмоционально насыщенный и доказательный пласт исторических свидетельств. Они доносят до потомков не сухие факты, а интонации, паузы, эмоции и личные оценки, воссоздавая то человеческое понимание войны, которое зачастую ускользает от официальных отчетов, тем самым предотвращая превращение памяти в безличную статистику.

Современные технологические возможности открывают принципиально новые горизонты для исследования и презентации материального наследия войны через 3D-оцифровку и виртуальную реконструкцию. Это направление включает в себя высокоточное лазерное сканирование артефактов – от оружия и обмундирования до элементов быта, что создает их детальные цифровые двойники, доступные для изучения без риска повреждения хрупкого оригинала. Более масштабные проекты занимаются виртуальным восстановлением утраченных или значительно поврежденных объектов культурной памяти: разрушенных памятников, полей ключевых сражений, элементов городской инфраструктуры времен блокады [1]. Создаваемые на этой основе виртуальные музеи и иммерсивные экспозиции позволяют пользователю не просто увидеть объект, а интерактивно взаимодействовать с ним, «пройти» по реконструированной местности, что формирует у молодого поколения глубокое, объемное понимание исторического пространства и происходивших на нем событий, трансформируя пассивное восприятие в активное исследование.

Еще одним мощным аналитическим инструментом, преобразующим наше понимание логики военных действий, является разработка специализированных геоинформационных систем. Суть этого подхода заключается в пространственной привязке и визуализации огромных массивов исторических данных [5]. Наложение информации о дислокации частей, перемещении линии фронта, местах боев, дислокации госпиталей или маршрутах эвакуации на современные и, что особенно ценно, исторические карты позволяет перевести летопись событий в динамическую пространственную модель. Такой анализ дает возможность не только наглядно увидеть масштаб и последовательность операций, но и выявить ранее неочевидные закономерности, оценить влияние географического фактора на тактические и стратегические решения, обеспечивая качественно новый уровень исторической аналитики и наглядности в образовательном процессе.

Наконец, особым феноменом цифровой эпохи стало развитие краудсорсинговых и волонтерских цифровых проектов. Эти гражданские инициативы, такие как массовые акции по оцифровке семейных архивов, добровольческая расшифровка (транскрибация) рукописных документов или совместная верификация данных на интернет-платформах, представляют собой форму коллективной работы памяти. Они принципиально демократизируют процесс архивации, стирая границу между профессиональным архивистом и заинтересованным гражданином. Участвуя в таких проектах, люди из пассивных потребителей готовой информации превращаются в активных со-творцов исторического нарратива [4].

Это не только многократно увеличивает ресурс и скорость обработки материалов, но и укрепляет личную, эмоциональную связь общества с историей, делая память о войне поистине общенародным, живым и постоянно пополняемым достоянием.

В заключение необходимо подчеркнуть, что стратегии цифровой архивации становятся сегодня системообразующим фактором в деле сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне. Они представляют собой не просто техническую модернизацию традиционных архивных практик, а знаменуют собой переход к новой парадигме работы с историческим наследием. От оцифровки документов и устных свидетельств до создания сложных виртуальных моделей, и геоинформационных систем – эти направления в своей совокупности формируют многомерное, интерактивное и доступное пространство памяти.

Данный цифровой ландшафт принципиально меняет способы взаимодействия с прошлым. Для исследователей он открывает беспрецедентные возможности для комплексного анализа и кросс-источниковых исследований. Для образовательных институций – предоставляет мощный инструментарий для создания наглядных и вовлекающих методик, способных преодолеть разрыв в восприятии между поколениями [3]. Для общества в целом – выполняет консолидирующую и гуманистическую функцию, превращая память о войне из набора заученных дат и имен в живую, осязаемую ткань личных и коллективных судеб, доступную для самостоятельного изучения и осмысления каждым гражданином.

Однако успех этой масштабной работы напрямую зависит от осознания сопутствующих вызовов. Технологическая уязвимость данных, риск фрагментации и деконтекстуализации, этические дилеммы публичности – все это требует выработки продуманной долгосрочной политики, основанной на междисциплинарном подходе и государственно-общественном партнерстве. Необходимы постоянные усилия по стандартизации, обеспечению долговременной сохранности цифровых коллекций и развитию правовой базы, защищающей как целостность исторических свидетельств, так и права граждан.

Таким образом, стратегическая цель цифровой архивации заключается не в замене, а в усилении и расширении традиционных форм сохранения памяти. Ее конечный результат – создание устойчивой, защищенной и динамично развивающейся экосистемы знаний, которая способна противостоять как физическому тлению материальных носителей, так и попыткам эрозии исторической правды в информационном пространстве. В этом смысле цифровые архивы о войне становятся важнейшим инструментом гражданского воспитания и исторического просвещения, гарантируя, что память о подвиге и трагедии народа, основанная на достоверных документах и личных свидетельствах, будет достоянием не только сегодняшнего, но и всех будущих поколений.

Список литературы

1. Андреев А. Е. Всероссийский проект «Блокадный хлеб» для сохранения исторической памяти // 1943 год: коренной перелом в ходе Великой Отечествен-

ной войны : сборник научных трудов (Санкт-Петербург, 20 октября 2023 г.). СПб. : Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2024. С. 310–313.

2. Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / предисл. А. Касаева. М. : Аиро-XXI, 2011. С. 58–64.

3. Грибан И. В. «Расколотая память»: советско-германские отношения 1939–1941 гг. в историографии Украины // Уральский исторический вестник. 2014. № 4. С. 64–75.

4. Иванова Ю. В., Тихоненкова Т. В. Во славу Победы, в память о войне: библиотечные проекты в процессе сохранения и формирования исторической памяти // Героическая оборона Тулы в битве за Москву: к 75-летию : материалы научной конференции. Тула : Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, 2017. С. 46–55.

5. Порватова Л. В. Охрана культурно-исторического наследия в период Великой Отечественной войны // Вторая мировая война в лицах и документах: проблемы развития права и государства : материалы V Всероссийской межвузовской студенческой научной конференции, приуроченной к 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Москва, 18 апреля 2025 г. / под общ. ред. С. В. Ширяевой. М. : МПГУ, 2025. С. 208–212.

Смирнова О. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ В XIX в.

Исторически юридическая наука фокусируется на догматическом анализе норм, институтов и правоотношений. Это связано со стремлением охватить всю полноту бытия права. При этом, следует подчеркнуть, что право – это не только формальный текст законодательства, но и повседневные социальные правоотношения. Именно такое осмысление привело к формированию концепции правовой жизни как элемента, позволяющего исследовать право не как замкнутую догматическую систему, а как открытый, развивающийся социальный феномен. Следует подчеркнуть, что категория «правовая жизнь» является относительно молодой для юридической науки. Если право, закон, государство изучались долгие годы, то осмысление всей совокупности правовых явлений в их динамическом единстве и взаимодействии с другими социальными сферами стало задачей науки Нового и Новейшего времени. В России данный концепт начал целенаправленно разрабатываться лишь на рубеже XIX–XX веков, однако его истоки прослеживаются в более ранних трудах, где предпринимались попытки выйти за узкие рамки догматического позитивизма.

В XIX веке право характеризовалось как «лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [1, раздел II], то есть, право представлялось как инструмент классового господства. Такая позиция сохранялась вплоть до сталинских времен, где была интерпретирована А. Я. Вышинским [2, с. 76], который отождествил право с системой принудительных норм, исходящих от государства. Такое положение привело к крайнему нормативизму и этатизму. Однако, рассматривая исторический аспект, отметим, что в советский период в отечественной науке была сформирована устойчивая традиция рассмотрения права в его связи с социально-экономическими условиями и реальным поведением людей.

После 1956 года теоретическая мысль «оживилась» и центральным вопросом стал: исчерпывается ли право нормами? Это обусловлено тем, что теория относительно концептуальных основ правовой жизни разделилась на два основных направления.

Первое направление, как нами было уже отмечено, основывалось на традиционном подходе, или, как принято его обозначать – нормативистский [3, с. 64]. Его сторонники считали, что право представляет собой исключительно систему установленных государством норм (правил поведения).

В противовес традиционной позиции появилось понимание права как а) единства правовой нормы и правоотношения, то есть, реального воплощения норм

[1] © Смирнова О. А., 2026.

в жизнь или как б) единства правовой нормы, правоотношения и правосознания, где главенствовали идеи и представления о справедливости [4, с. 32].

Такая дискуссия стала фундаментальной, поскольку впервые в советской науке легитимировала взгляд на право не как на статичный набор правил, а как на динамический процесс их реализации в конкретных жизненных связях между людьми. Право начинало пониматься как единство нормы и отношения, что стало первой теоретической предпосылкой концепции правовой жизни.

Параллельно с этим, активно изучалось правосознание – та область, где право воспринимается людьми субъективно. Отмечается, что под термином «правосознание» в советское время понимались также «различные проявления духовной, интеллектуальной, социально-психологической жизни, связанные со сферой права, но не образующие органичной целостности. Оно функционирует через субъективную правовую оценку социальных фактов, соотношение их с идеями законности» [5, с. 116]. Соответственно, признавалось, что эффективность правовых норм напрямую зависит от их восприятия обществом. Данное положение дел сместило акцент с принуждения на добровольное соблюдение права, основанное на понимании, признании и внутренней убежденности. Здесь же следует отметить, что концепция правовой культуры, которая разрабатывалась в конце XX века [6, с. 11], стала следующим шагом к тому, чтобы интегрировать уровень развития законодательства, состояние законности, профессиональной деятельности юристов и массового правосознания в единый показатель, фактически описывающий качество правовой жизни общества.

К 1990-м годам накопленный материал нуждался в обобщающих категориях. В перспективе рассматривались гласность, правовое государство, публичность и экономическое право [7, с. 232]. В 1987 году Н. И. Матузов в исследовательской работе «Правовая система и личность» [8, с. 107] ввел термин «правовая система» в широкий научный оборот. Он акцентировал внимание на взаимосвязанности и взаимодействии различных элементов правовой сферы, подчеркивая их влияние на личность. Это понятие стало ключевым для анализа правовой жизни общества, выходя за рамки узкого понимания права как системы норм. Непосредственно термин «правовая жизнь» начал использоваться в работах ряда ученых (С. А. Муромцев, В. М. Баранов, А. В. Малько) для обозначения всей совокупности многообразных форм правового бытия общества – от создания норм до их реализации, от правомерной деятельности до конфликтов. Это был завершающий этап формирования концептуального аппарата внутри советской парадигмы.

В постсоветский период правовая жизнь в существе своем отражала переход от советской системы путем переоценки норм и социальных ролей, что было видно, например, в дискуссиях о правовом воспитании и роли права в обществе [9, с. 89]. Следует отметить, что доктринальное осмысление правовой жизни и исходную точку дали профессора А. В. Малько и Н. И. Матузов. Они выдвинули и последовательно разрабатывали «правовую жизнь» как широкую интегративную категорию, охватывающую всю совокупность правовых явлений. Основным тезисом являлось то, что «нужно изучать не только то, как должно быть (догма права), но и то, как есть на самом деле – во всем многообразии, включая деформации и патологии».

К настоящему времени пройден путь от радикальной либерализации до формирования суверенной цифровой правовой среды. Сформирован ряд концептуальных направлений исследования правовой жизни, включая, теоретико-методологическое, социолого-правовое, ценностно-аксиологическое, сравнительное, и даже цифровое. Сегодня правовая жизнь в интегральном смысле понимается как целостный процесс бытия права в обществе, охватывающий и совокупность норм, и правосознание, правовую культуру, и правоприменение, то есть, как объективные, так и субъективные факторы. Несомненно, в современных реалиях правовая жизнь характеризуется адаптацией к новым глобальным вызовам и технологическому прогрессу. Поскольку правовая жизнь характеризуется постоянным взаимодействием государства и общества, механизмом такого взаимодействия в существующей действительности выступает цифровизация.

Таким образом, концепция правовой жизни прошла сложную эволюцию – от имплицитных идей до оформленной теоретической парадигмы. В советский период были сформированы ключевые элементы концепции правовой жизни. Несмотря на сильные идеологические убеждения, именно в советское время были разработаны и легитимированы те научные представления, которые составили концепцию правовой жизни. Они стали прочным фундаментом для современной российской теории права, ведь нынешнее понимание правовой жизни как комплексного, динамичного процесса, охватывающего все формы существования права в обществе, прямо наследует и развивает тот интеллектуальный поиск, который велся в рамках советской юридической науки.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии (1848) // Marxists Internet Archive. URL: www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm.

2. Маньковский И. А. Нормативная модель гражданско-правового регулирования: проблемы формирования, толкования и применения : монография. Минск : МИТСО, 2017.

3. Сулейманова О. Л. Нормативистское правопонимание в правоведении // Право и государство: теория и практика. 2019. № 5 (173). С. 63–65.

4. Пищулин А. В. Правопонимание: теоретические вопросы формирования понятия // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 1. С. 29–41.

5. Липинский Д. А., Иванов А. А. Правосознание и юридическая аномия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 114–127.

6. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: Проблемы теории и методологии : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1996.

7. Жолоб Р. С. Право и правосознание в советский период времени // Вестник науки. 2022. № 6 (51). С. 228–235.

8. Алексеев С. С., Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987.

9. Задорин М. В. Организация правового воспитания в постсоветский период (90-х – 2000 годах) // Экономика. Социология. Право. 2024. № 1 (33). С. 87–93.

Матвеева А. Д.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МАТЕРИАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ НКВД СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Проблема материального и социального обеспечения сотрудников правоохранительных органов на данном этапе исторического развития общества рассматривается на государственном уровне. Прежде всего, это связано с дефицитом кадров в правоохранительных органах. Так, по заявлению министра внутренних дел – В. А. Колокольцева, некомплект аттестованного состава в уголовном розыске составляет 23,9 %, в патрульно-постовой службе – 31,4 %, в подразделениях по контролю за оборотом наркотиков – 24,7 %, в органах предварительного следствия – 22,7 % [9]. Министр пояснил, что основной причиной кадрового голода является недостаточный уровень заработной платы и социальных гарантий. Безусловно, существующие социальные льготы не способны покрыть факторы риска сотрудников министерства при выполнении ими государственных задач, также как и денежное довольствие, выплачиваемое сотрудникам не способно компенсировать нарастающую инфляцию в стране. Еще в 2024 году В. А. Колокольцев отмечал, что является самонадеянным требовать большего финансирования для МВД России в условиях проведения специальной военной операции [10]. В условиях действия Специальной военной операции большая часть расходов государственного бюджета распределяется на обеспечение военной кампании, а также на социальное обеспечение военнослужащих и членов их семей. Однако, историко-правовой опыт функционирования правовых механизмов, обеспечивающих социальную и материальную защищенность сотрудников органов правоохраны в схожих общественных условиях, а именно в условиях Великой Отечественной войны может послужить примером для действующей системы права.

Изменения уровня материального и социального обеспечения сотрудников органов НКВД СССР началось еще до вторжение немецких захватчиков и их сателлитов на территорию советского государства. Так, в служебной записке Н. И. Ежова и Л. П. Берии к И. В. Сталину о ставках заработной платы в НКВД СССР от 4 ноября 1938 гг. говорилось о том, что существующая заработная плата работников и сотрудников требует пересмотра в сторону увеличения [1]. Рассмотрев вышеизложенные требования, уже 10 ноября 1938 г. были увеличены ставки заработной платы сотрудникам НКВД СССР, на основании выписки из протоколов № 65 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) [2]. Данный правовой акт свидетельствует о мобильности государственного аппарата в рассмотрении

[1] © Матвеева А. Д., 2026.

вопроса о материальном обеспечении органов правопорядка и государственной безопасности. Безусловно, данные преобразование были необходимы в условиях нестабильной внешнеполитической обстановки. Партийное руководство понимало, что приближающаяся советско-финляндская (зимняя) война, а также милитаризация фашистской Германии и ее союзников рефлексирует государство к кардинальным изменениям всех органов власти. Органы правопорядка в условиях действия специальных административно-правовых режимов должны были не только выполнять правоохранительные функции, но и в особо критической обстановке военного времени – боевые.

В годы войны первостепенной задачей являлось поддержание боеспособности Красной Армии, а вместе с этим красноармейцев и членов и их семей. Как известно, военнослужащие войск НКВД СССР еще в мирное время по статусу были приравнены к бойцам Красной Армии, согласно закону от 1 сентября 1939 г. [14]. В годы Великой Отечественной войны, все постановления, директивы и циркуляры Красной Армии распространялись и на военнослужащих войск НКВД СССР, исключением не стали и социальные льготы. Кроме того, уравнивание статусов красноармейцев и военнослужащих войск НКВД позволяло последним получать более высокое денежное содержание, чем до 1 сентября 1939 г. Таким образом, равенство статусов военнослужащих войск НКВД и военнослужащих Красной Армии влекло за собой применение установленных законодательством аналогичных стимулов, в том числе и материально-правовых, которые обеспечивали эффективность их служебно-боевой деятельности [11, с. 92].

Советское нормотворчество предусматривало социальную защиту не только служащим, но и членам их семей. Иждивенцам, потерявших во время войны своих кормильцев-сотрудников выдавалось единовременное пособие и вместе с этим назначалась персональная пенсия всем членам семьи (приказ НКВД СССР № 412 от 4 ноября 1941 г. [3], приказ НКВД СССР № 621 от 15 июля 1942 г. [4]). Данная практика не является исключением, а отражает общую тенденцию государства относительно материального обеспечения членов семей сотрудников НКВД СССР. Обозначенный механизм нашел свое отражение и в современном праве: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [15], Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» [16], Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы и их семей» [6], приказ МВД России от 9 января 2018 г. № 7 «Об утверждении Инструкции об организации работы по пенсионному обеспечению в системе МВД России

и признании утратившими силу нормативных правовых актов МВД России» [12] и др.

С первых дней немецкой оккупации семьи сотрудников подлежали немедленной эвакуации. На неоккупированных территориях все члены семьи зачислялись на денежное довольствие, также выплачивались подъемные пособия иждивенцам, прибывших из прифронтовой зоны в размере ¼ должностного оклада (без выслуги лет) на каждого члена семьи сотрудника, если оклад был неизвестен, то предписывалось руководствоваться следующими окладами: по органам НКВД – 200–1 000 (в зависимости от количества иждивенцев). Так, например, женам старших оперуполномоченных, следователей, инспекторов без детей выплачивалось – 200 рублей, женам с одним ребенком – 250 рублей, при наличии двух детей – 300 рублей, от трех детей и более – 400 [5].

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что некомплект личного состава Министерства внутренних дел можно минимизировать, опираясь на историко-правовой опыт, а также посредством введения дополнительных социальных льгот и гарантий. Как известно, и в довоенное и военное время у сотрудников органов НКВД были социальные преимущества, такие как: в получении жилищной площади [13], освобождение от уплаты коммунальных услуг [7, с. 741], а также производилась оплата за счет государства проезда в санатории и дома отдыха сотрудников НКВД и членов их семей [17]. Как итог, сотрудники органов НКВД СССР получали денежное довольствие в среднем эквиваленте, размер их окладов не превосходил среднего заработка по всему союзу, однако обозначенные льготы и надбавки способны были компенсировать служебные риски, а также обеспечить финансовую стабильность служащих и членов их семей. Вследствие этого, итоговые доходы сотрудников значительно превышали средний размер заработной платы по стране. Все это давало ощущение социальной справедливости, которой отличался Советский Союз до определенного времени [8, с. 43].

Построенная в довоенное время финансовая политика государства в отношении сотрудников НКВД СССР и членов их семей стала одной из причин грамотной и стабильной работы всей системы исполнительной власти во время Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 54. Л. 157–159.
2. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 54. Л. 154–156.
3. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 624. Л. 13.
4. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 627. Л. 78.
5. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 629. Л. 56–57.
6. Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их

семей» (ред. от 28.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4436/.

7. Канаева Ю. А. Обеспечение права на жилище сотрудников полиции на разных исторических этапах развития российского государства // Актуальные проблемы государства и права. 2021. № 20. С. 741–751.

8. Кистанов С. В. Финансовые аспекты деятельности органов внутренних дел СССР в 1930-х гг. // Экономическая история. 2022. № 1 (56). С. 34–44.

9. Колокольцев заявил, что МВД не хватает больше 170 тыс. сотрудников // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/05/03/2025.

10. Колокольцев считает самонадеянным требовать большее финансирование МВД в условиях СВО // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo.

11. Лясович Т. Г., Милованов В. Б. Материально-правовые стимулы служебно-боевой деятельности войск НКВД СССР в 1941–1945 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62). Ч. 3. С. 91–94.

12. Приказ МВД России от 9 января 2018 г. № 7 «Об утверждении Инструкции об организации работы по пенсионному обеспечению в системе МВД России и признании утратившими силу нормативных правовых актов МВД России» (ред. от 07.09.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201803230027.

13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 593. Л. 7–10.

14. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938-1961. М. : Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1961.

15. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/.

16. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18259/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

17. ЦГА РМ. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 55. Л. 48.

Слесарева А. М.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫМ ГОСУДАРСТВОМ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФУНКЦИЙ

Существенное влияние на характер и направленность деятельности государства оказывает историческая память. Изучение характера такого влияния приобретает особую значимость в современных условиях, когда государство реализует свои внутренние и внешние функции в условиях стремительной трансформации общества.

До сих пор ученые не пришли к единому мнению по поводу определения понятия «историческая память». Проанализировав исследования Л. П. Репиной, И. М. Савельевой, О. Б. Леонтьевой, Т. И. Снегиревой и других, можно согласиться со следующим суждением: «Одни исследователи трактуют историческую память как навязанный образ или конструкт коллективного сознания, тогда как с другой точки зрения она является продуктом совместного осмысления прошлого, который помогает обществу сохранять свою уникальность и социальную идентичность» [1, с. 7].

Отечественные правоведы, в частности М. И. Байтин и В. С. Нерсесянц, отмечают, что исторический опыт обеспечивает устойчивость государственных институтов и определяет социальные привычки субъектов права, влияя на легитимность государственной власти и уровень доверия к ней [2, с. 112–115; 3, с. 198–200]. В то же время историческая память закрепляет представления о допустимых моделях государственности и правопорядка, а также определяет внешнеполитические приоритеты. Таким образом, можем сделать вывод о том, что историческая память рассматривается как фактор, связывающий прошлый опыт с деятельностью публичной власти, влияя на восприятие права и доверие к осуществлению функций современного государства [4, с. 202–204].

Функции государства представляют собой динамическое отражение его сущности, выражающееся в изменениях внутренней и внешней политики в зависимости от исторических, социальных, политических и иных условий. При этом историческая память, являясь неотъемлемым элементом государственной идентичности, оказывает значительное влияние на понимание конкретных функций, на содержательное наполнение деятельности, обеспечивающей их осуществление, а также на средства и способы реализации функций [7].

Осуществление внутренних функций государства (правовая, социальная, экономическая, культурная и другие) служит основой для поддержания общественного порядка и обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Исто-

[1] © Слесарева А. М., 2026.

рическая память формирует базовые ценности, которые определяют, как люди воспринимают институты власти и как государственные функции реализуются на практике. Историческая память способствует укреплению правового сознания – совокупности представлений общества о законе, праве, справедливости и роли государства в регулировании общественных отношений [5, с. 67–69] и социальной солидарности, влияя на восприятие законности и справедливости в обществе.

Примером влияния исторической памяти на осуществление внутренних функций современного государства может служить то, каким образом опыт, сложившийся в период существования Союза Советских Социалистических Республик и закрепившийся в коллективном сознании, влияет на осуществление функций современным Российским государством. Социально-политические установки, сложившиеся в советский период, продолжают оказывать заметное воздействие на современную российскую социальную политику. Представления о социальной защищенности и равенстве, укоренившиеся в общественном сознании, не были полностью утрачены после перехода к рыночной экономике в 1990-е годы. Напротив, ключевые институты советской системы социальной поддержки – пенсионное обеспечение, государственное здравоохранение, отдельные формы социальной помощи – сохранились, хотя и претерпели существенную трансформацию. В данном случае преемственность свидетельствует о том, что историческая память выступает не абстрактным феноменом, а реальным фактором, влияющим на устойчивость социальной системы и формирование коллективной идентичности.

Особое место в структуре исторической памяти занимает память о Великой Отечественной войне, которая по-прежнему играет значимую роль в реализации воспитательной и культурной функций государства. Государственные и общественные практики, связанные с празднованием Дня Победы, проведением акции «Бессмертный полк», сохранением памятников и символики военного времени, способствуют тому, что для граждан России значимыми остаются ценностные ориентиры, основанные на идеях патриотизма, гражданской ответственности и уважения. Существуют механизмы, посредством которых историческая память интегрируется в образование и воспитание, влияя на формирование гражданской идентичности и морально-этических установок [6].

Влияние исторической памяти прослеживается и в том, каким образом осуществляются внешние функции государства (оборона страны, обеспечение международного мира и безопасности, сотрудничество с другими государствами и другие). Внешняя политика формируется не только под воздействием текущих геополитических и экономических интересов, но и в контексте исторического опыта, который задает рамки восприятия международных процессов. Для России обращение к прошлому нередко становится инструментом интерпретации современных международных вызовов и обоснования внешнеполитических решений.

Показательным примером влияния исторической памяти на осуществление Российским государством внешних функций является политика в отношении государств постсоветского пространства. Общая историческая траектория,

опыт существования в рамках единого государства, а также последствия распада СССР продолжают оказывать влияние на внешнеэкономические и внешнеполитические приоритеты Российской Федерации. Показательно, что Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. демонстрирует преемственность подходов, связанных с защитой интересов соотечественников за рубежом и поддержанием особых форм взаимодействия с ближайшими партнерами. В данном случае историческая память выступает фактором, определяющим как направления сотрудничества, так и реакцию на новые вызовы и угрозы.

Влияние памяти о периоде Холодной войны на осуществление современным Российским государством функции обеспечения национальной безопасности оказывается не менее значимым. Развитие международных отношений в рамках Шанхайской организации сотрудничества и Организации Договора о коллективной безопасности, а также укрепление оборонного потенциала отражают глубинные исторические представления о необходимости обеспечения безопасности в условиях внешнего давления и конкуренции на международной арене.

Таким образом, историческая память оказывает существенное влияние на реализацию внутренних и внешних функций современным государством, выполняет роль связующего элемента между прошлым и настоящим, а также позволяет адаптировать политику государства к меняющимся условиям, не утрачивая при этом преемственности. Обращение к прошлому опыту способствует укреплению и сплочению общества, сохранению базовых ценностных ориентиров, культурного и исторического наследия. В то же время нельзя забывать о том, что идеологизация и политизация исторических событий могут приводить к искажению восприятия истории. В этой связи историческая память выступает как ресурсом развития, так и фактором, требующим взвешенного и ответственного подхода со стороны современного государства.

Список литературы

1. Шендрикова С. П., Царина М. А. Понятие исторической памяти в отечественной историографии // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 4 (56). С. 147–153.

2. Байтин М. И. Теория государства и права: историко-правовой опыт и правовое сознание. М. : Юрист, 2001.

3. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для вузов. М. : Норма, 2018.

4. Хабермас Ю. Политические работы. М. : Праксис, 2005.

5. Алексеев С. С. Теория права. М. : Бек, 1995.

6. Попов В. И. Правовая коммуникация государства и гражданского общества как способ преодоления социальных противоречий и модернизации действительного права // Государственно-правовые исследования. 2022. № 5. С. 107–111.

7. Ситников К. А. Взаимосвязь сущности права и памяти: социоаксиологический подход к праву // История государства и права. 2025. № 10. С. 33–39.

Тимохина А. Н.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Первая мировая война занимает особое место в исторической памяти Европы XX века, не только как вооруженное противостояние, а так же, как масштабная международная информационная кампания, в которой страны-участники используя идеологическую и пропагандистскую борьбу, формировали представление о противнике, оправдывали военные столкновения и искали международную поддержку.

В XXI в. государства стремятся восстановить уважение к своему историческому прошлому через активное вовлечение науки, образования, средств массовой информации, увеличивая интерес к осмыслению исторического наследия и его влиянию на коллективную идентичность в контексте мировой истории.

В декабре 2012 г. Президент Российской Федерации утвердил поправку в Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», вступившую в силу с 1 января 2013 г., согласно которой 1 августа объявляется Днем памяти российских воинов погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг. [1].

В августе 2014 г. в Государственном музее-заповеднике «Царское Село» в здании Государевой Ратной палаты к 100-летию начала Первой мировой войны открыт первый в стране музей «Россия в Великой войне».

11 ноября 2018 года в Париже состоялись международные масштабные мероприятия, посвященные столетию окончания Перовой мировой войны.

Разумное использование исторической памяти требует соблюдение чистоты исторических источников, для чего необходимо выявлять и отвергать дезинформацию во избежание искажения исторической истины.

В период Первой мировой войны с помощью образованных центров пропаганды, массовых средств печати и избирательной цензуры, были созданы условия благоприятные для появления и тиражирования не только приукрашенных, но и откровенно ложных сообщений, что способствовало распространению дезинформации, которая представляла не только фальсификацию, но и целенаправленные упрощения, метафоризацию и демонизацию противника.

Успех применения дезинформации объяснялся эмоциональностью (более шокирующие истории запоминались сильнее) и информационной закрытостью (цензура и ограниченный доступ к сведениям из фронта сделали общество уязвимым к официальной версии событий).

---

[1] © Тимохина А. Н., 2026.

Средствами распространения дезинформации в 1914–1918 гг. были газеты и журналы, официальные пресс-бюро, плакаты, листовки, кино, устная передача и слухи. «Печать в наши дни прежде всего глава и уши общества, его зрение и слух» [8, с. 3].

Развитие и поддержание интереса к войне в обществе и в народе вынуждали действующее правительство принимать возможные меры к тому, чтобы «громадная сила печати не оставалась неиспользованной». «Взамен сколько-нибудь правдивых и интересных для стран сведений у населения создается масса всевозможных слухов, часто очень нелепых и почти всегда далеких от истины, а потому и крайне вредно отзывающихся в интересах армии и упорной борьбы с врагом» [8, с. 3].

Печать стала единственным возможным источником осведомления о происходящем на фронтах, однако «целым рядом условий поставлена в такое положение, при котором она совершенно не имеет возможности удовлетворения запросов общества вследствие крайне скудности, туманности и неверности даваемый ею сведений и освещение всего, относящихся к ходу военных действий» [7, с. 71].

Цензура и закрытость фронта сыграли ключевую роль: государства контролировали внешние коммуникации (например, Британия перерезала германские кабели), что делало возможным одностороннюю подачу новостей, не имея при таких условиях даже возможности проверки или опровержения информации.

Огромную роль играли центры пропаганды, которые не только готовили материалы, но и подбирали удачные свидетельства, переписывали репортажи для массовых изданий и финансировали привлеченную прессу, публикуя откровенные домыслы, выдаваемые за хронику военных действий [3; 8].

Начальник австрийского Генштаба генерал Артур Арц фон Штрауссенбург следующим образом оценил значимость пропаганды и информационной войны на Русском фронте: «Органы пропаганды бесспорно имеют большие заслуги в успехах австро-германских войск в Галиции. Благодаря энергичной и умелой деятельности, нередко связанной с опасностью для жизни, моральное состояние противника было сильно подорвано, нашему командованию были оказаны ценные услуги, войскам был обеспечен отдых в течение ряда месяцев и вместе с тем было достигнуто уменьшение потерь» [3].

Так, например, военное сражение на реке Стыр между армиями Австро-Венгрии и Российской империи оказало значительное влияние на ход военных операций в Галицийском направлении и продемонстрировали высокую боеспособность русской армии.

А. А. Брусилов писал о том, что приоритетом командования было сохранение личного состава и боеспособности войск, поэтому «за время летнего наступления 1915 года на наши Северо-Западный и Западные фронты наши армии отступали чрезвычайно быстро, уступая противнику громадное пространства нашего отечества, во многих случаях без достаточного основания» [2, с. 155].

Об этих военных столкновениях издание газеты «Ellingo Zeitung» от 21 августа 1915 года сообщало, что «282 пехотный полк русской армии, принадлежащий к составу 71 дивизии, понес во время июньских сражений в районе реки

Стыр тяжелые потери. Для восполнения этому полку было послано за 8 дней 4 000 человек, несмотря на это к концу июля в каждой роте полка насчитывалось не более 120–140 солдат. После сражения происходившего 1 и 2 августа 1915 года, состав каждой роты этого полка упал до 30–49 человек. Вследствие чего можно думать, что с 1 июля по первые числа августа из рядов этого полка выбито более 7 000 человек» [4, с. 232].

Газета «Рейхспостъ» от 17 августа 1915 года сообщала, о том, что «русские власти скрывают от населения тяжелые потери русских воинов, для этого прекращено печатывания списков потерь. Особенно тяжелые потери понесли воздухоплавательные части и флот. Последнее обстоятельство доказывает, что на море произошли какие-то сражения, о которых пока еще ничего не известно» [4, с. 232].

Издаваемая в Берлине газета «Русский Вестник», бесплатно раздалась военнопленным для последующего разжигания и возбуждения ненависти против родины. Выпуски печатались в большом формате на 8 листах из 4 столбцов под видом частного издания немецко-еврейский типографической фирмы. Статьи из этой газеты нарочно писались так, чтобы русские воины, томящиеся в плену, научились презирать свою Великую родину, и чтобы они, вернувшись домой и посеяли смуту на русской земле. Когда пишут о русских войсках используют всегда слова «наши» войска не смогли, «наши» войска были вынуждены и т. д. [10].

Так, во Франции с начала войны было издано 4 200 книг и брошюр, касающихся войны, при чем все они были изданы за частный счет, в Германии таких сочинений было опубликовано 32 000, предназначенных главным образом, для пропаганды в нейтральных странах, таких как Швеция, Мексика, Испания, Нидерланды и других [5].

Газета «Пети Паризшенъ», издаваемая во Франции, опубликовала осенью 1914 г. заметку о правительственном сообщении, что «русская армия раздавила турецкую армию на Кавказе». Представитель французского посольства одновременно указывает, что «между тем ничего подобного не содержится в официальной телеграмме генерала Н. А. Манкевича, полученной в тот же день в посольстве. По этому поводу позволяю себе вновь обратить внимание на вредное впечатление, производимое здесь частными телеграммами из России, преувеличивающими размерами наших успехов. Крайне желательно более строгое отношение военной цензуры к таки известиям и совершенно недопустимой в них ложной ссылке на правительственные сообщения» [12, с. 27].

Средством дезинформации стала политическая военная карикатура, которая была обращена к самым широким слоям, даже не грамотным, основным содержанием которых стало осмеивание сильных и властных. Так, в Германии был выпущен сборник военной карикатуры «Мировая война в карикатуре», составленный Эдуардом Фуксом. Книга превратилась в исторический документ, свидетельствующий о состоянии немецкой культуры во всей гамме оттенков, от низкой макулатуры до вершины человеческого ума [6].

В 1915 году британский политик Джеймс Брайс опубликовал отчет о немецких зверствах в Бельгии. Документ собрал множество свидетельств о пытках, убийствах мирного населения и разрушениях. Многих из приведенных сведений были достоверны. Но часть свидетельств оставались неподтвержденными,

некоторые были сильно преувеличен, а отбор материалов политизированным. Тем не менее отчет стал мощным инструментом для мобилизации мировой общественности на стороне Антанты.

Наиболее известным случаем дезинформации стало потопление парохода общества «Кунард» «Лузитания», следовавшего на обратном пути из Америки в мае 1915 года, которое использовалось как повод обвинить Германию в нарушении законов гуманности. Позже оказалось, что корабль перевозил боеприпасы, хотя официальное расследование скрыло эту информацию. Информация вызвала мощнейший эмоциональный отклик у американской публики, ускорившей вступление США в войну и поддержку Антанты [5].

В свою очередь, издаваемые в Нью-Йорке газеты «Русское слово» и «Новый мир» (финансируемые западными странами) печатали призывы к военнообязанным, убеждая их не подчиняться «тиранству» и не идти «на бойню» и прочее в этом духе. Представители русского посольства в США неоднократно обращали внимание на зловредную пропаганду властей в Канаде, где проживало много русских рабочих, и даже требовали прекратить доставку газет в Канаду для стабилизации общественного мнения в стране [13].

С момента открытия военных действий непрерывно Петроград волновали тревожные слухи о постоянных неудачах, о неслыханных поражениях и неимоверных количествах воинов, попавших в плен. Далее в начале войны, когда русская армия могла хвалиться крупными победами, Петроград был преисполнен пессимизма, не верил успехам. До того доходило, что категорически называлось 18 августа 1915 года днем занятия Петрограда немцами.

Эрмитажа, Государственный архив и дела центральных учреждений уже отправлены в Москву, что флот разъединен и часть его заперта в Рижском заливе, часть скрывается на Финском, что враг господствует на море и не сегодня-завтра высадит десант Финляндии, что некоторые части нашей армии вооружены дубинами, что наши союзники французы и не могут и не желают переходить в наступление, что сербы уже давно в втихомолку помирились с австрийцами, а итальянцы ведут бутафорскую войну и т. д.

Особенно угнетающие слухи носились в период Московских совещаний и августовских заседаний Государственной Думы, когда по Петрограду носились слухи, уличившие в государственных изменах руководителей военных ведомств и т. д. [8, с. 32].

В Петрограде планировалось создать специальное координирующее бюро, способное быстро собирать и передавать актуальные материалы для реагирования на любые ложные сведения. Работа бюро предполагала «иметь в каждом ведомстве своего представителя, имеющего доступ ко всем могущим потребоваться сведениями, быть уполномоченным своим начальником без промедления сообщать сведения в указанное бюро». Оперативность сбора и распространения данных считалась ключевым условием успешной работы: любые промедления могли снизить эффективность информационного противодействия.

Российское Правительство было вынуждено предпринимать меры для борьбы с дезинформацией, среди которых было влияние на зарубежную нейтральную печать, распространение внутри страны сообщений, которые могут возбудить

живой интерес и увеличить симпатию к российскому правительств и населению невоюющих держав, развивать экономически выгодную деятельность с уже существующими в Петрограде торговыми палатами (русско-итальянской и славянской), создавать по их образцу новые торговые палаты, которые могли поддержать отечественную и заграничную прессу [9, с. 23].

Иногда применяли крайние ограничительные информационные меры, такие как ограничения переписки с зарубежными странами, например «телеграммы, поданные австрийскими и германскими консулами, не передавались по назначению, о чем последним не должно было быть известно» [14, с. 30].

Для противодействия, возникающей дезинформации и растущего интереса в обществе к военным действиям, при штабе Верховного Главнокомандующего в 1915 году было учреждено «особое делопроизводство по делам печати, которое освещало в прессе вопросы текущего военного характера и вопросы, представляющие наибольшей интерес, причем в том объеме в каком это представляется возможном в общегосударственных интересах без ущерба для действующей армии» [9, с. 23].

Дезинформация Первой мировой войны стала мощным инструментом: она мобилизовала и легитимизировала. Дезинформационные кампании времен Первой мировой войны усилили изоляционные тенденции в некоторых государствах, негативно сказавшись на переговорах о мире и установление справедливого порядка после окончания боевых действий.

Дезинформация периода Первой мировой войны была составляющим элементом тотальных информационных противостояний и влияла на искажения исторической памяти, формируя не только оперативные решения и общественное мнение, но и долгосрочные представления о войне. Информационные конструкции преобразовались в долговременные элементы коллективной памяти. Исследования исторического опыта, формируют историческую истину, которая позволяет предотвращать риски повторения информационных манипуляций в современной обществе.

Список литературы

1. Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 11. Ст. 943.

2. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М. : Воениздат, 1983.

3. Ронге М. Разведка и контрразведка. М. : Воениздат НКО СССР, 1939.

4. Выписки из газет // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484. Л. 904.

5. Газета «Новое время» № 14619 от 15 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1485. Л. 278.

6. Газета «Русские Ведомости» № 244 от 22 октября 1916 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1485. Л. 278.

7. Доклад штабу Верховного Главнокомандующего от 30 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484. Л. 904.

8. Записка о роли и организации печати в Первой мировой войне, 14 октября 1915 г. – 12 марта 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484. Л. 904.

9. Переписка об учреждении Особого делопроизводства по делам печати // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484. Л. 904.

10. Переписка об опубликовании различных сведений в иностранной и русской печати, 26 октября 1915 г. – 9 августа 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1485. Л. 278.

11. Воздействия на общественное мнение нейтральных стран : письмо № 325 от 30 января 1915 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 396.

12. Телеграмма от посла Франции от 19 ноября (2 декабря) 1914 г. № 641 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 134. О. 473. Д. 15. Л. 59.

13. Телеграмма Бахметьева Б. А. на имя В. А. Арцимовича из Вашингтона от 14 (27 апреля) 1915 г. № 152 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 396.

14. Телеграмма от 1915 г. № 3352. Циркуляр начальникам округов и управлений городских телеграфов // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 134. Оп. 473. Д. 15. Л. 59.

Матвеева А. Д.[1],
аспирант кафедры социологии и политологии
Тульского государственного университета

ТОПОНИМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ УЛИЦ

Политика памяти – это набор приемов и методов, с помощью которых политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие. Как отмечает А. А. Нечаева политическая память отражает монолитный официальный нарратив [1, с. 122]. Это целенаправленное конструирование, отбор и интерпретация прошлого для решения современных политических задач. Она нужна в первую очередь для того, чтобы легитимировать власть, консолидировать общество и определять вектор его развития. Это мощный инструмент управления в символической сфере. Важно отметить, что, говоря о прошлом, понимаются не сами факты, а их репрезентация, как заявлял Я. Ассман, что «сохраняется не само прошлое, а его образ, свернутый в «символические фигуры, к которым прикрепляются воспоминания» [2, с. 54]. Эти образы могут быть достаточно разнообразными начиная от мемориалов и музеев, до памятных дат и праздников. Еще П. Нора в своей работе о памяти указывал, что местами памяти могут выступать различные элементы, главное, чтобы они соответствовали трем критериям: символичность, материальность и функциональность [3, с. 40]. Этим характеристикам соответствуют топонимы, они в свою очередь фиксируют историю места, участвуют в формировании надындивидуальной памяти и при этом выполняют утилитарные функции по обозначению географических объектов. Рассмотрим этот феномен на примере наименования улиц.

Для начала обратимся к наглядному примеру, как эпохи и исторические события запечатлеваются в топонимах города. Так, в Туле в Зареченском районе улицы носят «оружейные» названия: Ствольная, Штыковая, Пороховая, Патронная, Курковая. Эти улицы хранят в себе память об оружейной истории города – о слободе XVII века, первых оружейных заводах и казюках (оружейниках на официальных предприятиях). Названия этих улиц легли в основу гимна города – песни «Тульская оборонная». В свою очередь улицы Привокзального района города рассказывают о боевой славе города советского периода и названы в честь событий и персоналий, связанных с Великой Отечественной войной. Это улицы Волнянского, Жаворонкова, Агеева, Болдина, улица Тульского рабочего полка, улица 50-й армии, Танковый переулок, Гусеничный переулок и другие. Это связано с тем, что по данной территории города проходил передний рубеж обороны в 1941 году. Так память об истории города постепенно фиксируется в названиях его улиц. И это длительный, неоднородный процесс, который отражает социально-политическую ситуацию в стране и регионе и представляет исследовательский интерес.

---

[1] © Матвеева А. Д., 2026.

Значимость топонимов для политики памяти становится особенно явной в периоды политических, общественных трансформаций. В такие моменты топонимы становятся особенно значимыми для легитимации нововведений или изменений. Так, в момент советской власти, многие улицы населенных пунктов были переименованы в соответствии с новой идеологией. Это явно прослеживается в топонимах Тулы и области в послереволюционный период. Так, например, улица Киевская (ранее Крапивенская) в 1918 году была переименована в улицу Коммунаров, а затем в 1963 году в проспект Ленина, улица Пятницкая (ранее Никольская) в 1924 году была переименована в улицу Металлистов, улица Калужская в 1928 году стала улицей Демонстрации, улица Посольская в 1918 году стала улицей Советской, улица Новопавшинская в 1925 году стала улицей Крестинтерна, а затем в 1933 году улицей Коминтерна, так как Крестинтерн к этому моменту перестал существовать.

В период перестройки наблюдался обратный процесс, который ознаменован проведением в 1989 году Всесоюзной научно-практической конференции «Исторические названия – памятники культуры», где решался вопрос об изучении, охране и восстановлении исторических топонимов, в том числе и названий улиц [4]. В этот период были переименованы многие города страны, например, Ленинград в Санкт-Петербург, Калинин в Тверь, Горький в Нижний Новгород, схожий процесс проходил и с наименованиями улиц во многих городах. В Туле, отметим, как и во многих городах процесс возвращения прежних наименований топонимов проходил неравномерно, например, площадь Челюскинцев была переименована в Крестовоздвиженскую площадь лишь в 2006 году, вопрос переименования улицы Металлистов в Пятницкую актуализировался в 2017–2018 гг. в связи с организацией на ее территории музейного квартала и необходимостью подчеркивания долгой и богатой истории места. Отметим, что возможное переименование улицы Металлистов и потенциальное изменение других топонимов города вызывало споры и обсуждения в обществе, о чем свидетельствуют множественные публикации в местных СМИ [5].

Примеры подобного возвращения имен мы можем заметить и в других городах в момент развития туристического потенциала места и подчеркивания таким образом исторической значимости. Показательный в таком случае пример города в Ярославской области, Рыбинска, где в 1994 году прежние названия были возвращены более 30 улицам [6]. Позднее администрация обязала все магазины и компании в историческом центре города оформить вывески в дореформенном стиле, что превратило Рыбинск в музей под открытым небом, и одно из популярных туристических мест [7].

Отметим, что возвращение названий, это не только лишь современная практика, например, многим улицам в 1944 году в Ленинграде были возвращены исторические названия в связи с тем, что «прежние наименования тесно связаны с историей и характерными особенностями города и прочно вошли в обиход населения, в силу чего обеспечивают нормальные внутригородские связи» [8], также переименования были связаны с поднятием боевого духа населения и подчеркиванием культурной значимости города.

Сейчас мы наблюдаем еще один период, когда власти обратили особое внимание на топонимы, что связано с проведением Специальной военной операцией, а именно ее легитимизацией и встраиванием в историко-культурный контекст. Так к ноябрю 2025 года по данным ТАСС 70 улиц в России были названы в честь СВО [9]. Чаще всего, как указано, такие названия получают новые улицы, но есть и случаи, когда некоторые улицы были переименованы. Например, «в Торжке Тверской области в честь Героя России Василия Клещенко была переименована улица Энгельса, в Ржеве улицу Карла Маркса переименовали в честь Александра Фролова, который также является Героем РФ» [9]. Таким образом мы видим, как постепенно названия улиц советского периода замещаются на более актуальные для современной власти названия. Что касается Тулы, то процесс изменения топонимов в связи с СВО постепенно начинается. Так в 2022 году в селе Ямны была переименована улица в честь Алексея Алешко. Но до сих пор процесс увековечивания СВО в топонимах не был упорядоченным. Но 19 мая 2025 году губернатор Алексей Миляев заявил, что готовится комплексный план по увековечиванию памяти о воинах СВО [10]. Так планируется создать книгу памяти, устроить скверы в городе, мемориалы и назвать улицы в честь участников СВОИ.

Таким образом на примерах наименований улиц Тулы и страны в целом мы видим, как топонимы выполняют различные символические функции: легитимизация политических событий и решений, консолидация общества, сохранение памяти об исторических события и лицах, подчеркивание культурной значимости места и развитие туристического потенциала. Что указывает на особую значимость топонимов в процессе работы политики памяти.

Список литературы

1. Нечаева А. А. Становление memory studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4 (60). С. 121–129.

2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности : монография / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004.

3. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. и др. Франция-память. СПб. : Издательство СПбГУ, 1999.

4. Исторические названия – памятники культуры : Всесоюзная научно-практическая конференция, 17–20 апреля 1989 г. : тезисы докладов и сообщений. М. : Наука, 1989.

5. Что туляки думают о переименовании улиц в историческом центре? Мнения и комментарии // Myslo. URL: https://myslo.ru/news/tula/2020-06-19-chto-tulyaki-dumayut-o-pereimenovanii-ulic-v-istoricheskom-centre-mneniya-i-kommentarii.

6. Постановление Объединенной администрации г. Рыбинска и Рыбинского района от 29 декабря 1993 г. № 54 «О возвращении ряду улиц г. Рыбинска исторических наименований».

7. Рыбинск вошел в топ популярных туристических направлений на весну-2025 // Аргументы и факты – Ярославль. URL: https://yar.aif.ru/society/persona/rybinsk-voshel-v-top-populyarnyh-turisticheskih-napravleniy-na-vesnu-2025.

8. Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 13 января 1944 г. «О восстановлении прежних наименований некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей города Ленинграда» // Бюллетень Ленгорсовета. 1944. № 1.

9. В России более 70 улиц названы именами героев СВО // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/25639557.

10. Память погибших участников СВО увековечат в Тульской области // Интерфакс. URL: https://www.interfax-russia.ru/index.php/center/news/pamyat-pogibshih-uchastnikov-svo-uvekovechat-v-tulskoy-oblasti.

Макушко А. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Безбородова Л. А.,
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ

В период стремительного развития цифровых технологий и интенсивного увеличения информационных массивов, философия права в области защиты информации, приобретает актуальный характер в связи с тем, что затрагиваются принципиальные вопросы о значимости информации, правах, связанных с ней, балансе между защищенностью и свободой, а также моральных аспектах работы с данными. По мнению Штефана Ауэра, профессора юриспруденции в Мюнстерском университете, «цифровизация диктует необходимость пересмотра устоявшихся правовых догм и выработки инновационных стратегий регулирования информационного взаимодействия» [1]. В статье проводится анализ актуальных философско-правовых подходов к защите информации, практикуемых за рубежом. Особое внимание уделяется сравнению методологий, применяемых в Германии (в рамках европейского права) и в России.

Правовое регулирование защиты информации в Германии представляет собой комплексную многоуровневую систему, включающую федеральные законы, земельное законодательство и акты Европейского союза. Защита персональных данных в вышеуказанной структуре опирается на конституционные гарантии, а именно на статью 2 основного закона ФРГ (Grundgesetz). Данная статья гарантирует неприкосновенность личного достоинства и свободу развития личности, что делает защиту персональных данных конституционно обоснованной [18]. Федеральный закон о защите данных (Bundesdatenschutzgesetz, BDSG) является ключевым федеральным законом, регламентирующим обработку персональных данных на территории Германии. Он конкретизирует положения GDPR и устанавливает дополнительные нормативные требования для различных секторов экономики [6]. Особую роль в рамках обеспечения информационной безопасности страны играет «Федеральное ведомство по информационной безопасности (Bundesamt für Sicherheit in der Informationstechnik, BSI). В компетенцию ведомства входит обеспечение безопасности информационных технологий (разработка стандартов ИБ), обеспечение защиты государственных

[1] © Макушко А. А., 2026.

информационных систем и консультационную поддержку предприятий и граждан в вопросах кибербезопасности. По мнению Ханса-Петера Булла, руководителя BSI, «Обеспечение информационной безопасности является необходимым условием для укрепления доверия к цифровым технологиям и развития цифровой экономики» [4]. На уровне федеральных земель действуют Законы о защите данных земель (Landesdatenschutzgesetze, LDSG), дополняющие федеральное законодательство и регулирующие обработку данных государственными органами соответствующих земель [7]. Общий регламент по защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR) является основным актом, контролирующим защиту персональных данных в Европейском союзе, и имеющим прямое действие на территории Германии. Регламент применяется ко всем организациям, осуществляющим обработку персональных данных граждан ЕС [8]. Механизм правового регулирования включает в себя разграничение полномочий между федеральным и земельным уровнями, определяя ответственность за исполнение законодательства. Контроль за соблюдением законодательства осуществляют Федеральное ведомство по информационной безопасности (BSI) и уполномоченные по защите данных земель (Landesdatenschutzbeauftragte), рассматривающие жалобы граждан и проводящие проверки. НПА предусматривает строгие меры ответственности за нарушение правил защиты данных, включая значительные штрафные санкции.

Описанная структура показывает сложную и разностороннюю немецкую систему законодательного контроля в области защиты информации. Она охватывает конституционные принципы, европейские правовые акты (GDPR), законы федерального и регионального уровней, а также стандарты конкретных отраслей и контролирующие инстанции. Все эти компоненты в совокупности формируют юридический фундамент для защиты частной информации и поддержания информационной безопасности в пределах государства.

Философия права в сфере защиты информации базируется на нескольких основополагающих принципах.

Во-первых, информационная автономия, подразумевающая неотъемлемое право индивида самостоятельно контролировать свою персональную информацию, определяя условия ее предоставления и использования (Rosnagel, 2015, p. 45) [2]. Данная концепция неразрывно связана с правом на неприкосновенность частной жизни и самоопределение личности в цифровой среде.

Во-вторых, информационная справедливость, направленная на обеспечение равных возможностей доступа к информации и ее использования для всех членов общества, независимо от их социального статуса или иных факторов (Leonhardt, 2019, p. 78) [3]. Принцип акцентирует необходимость преодоления цифрового разрыва и недопущения дискриминации, основанной на анализе данных.

В-третьих, информационная безопасность, представляющая собой комплекс мер по защите данных от несанкционированного доступа, изменения или уничтожения.

Как отмечает Булл (2020, p. 112) [4], «обеспечение информационной безопасности является критически важным условием для укрепления доверия к цифровым технологиям и дальнейшего развития цифровой экономики». Таким об-

разом, ответственность за информацию, возлагаемая на субъектов, осуществляющих обработку данных, предполагает добросовестное, прозрачное и подотчетное использование информации, а также несение ответственности за ущерб, причиненный неправомерными действиями (Vossel, 2022, p. 156) [5]. Данный принцип приобретает особую значимость в контексте применения искусственного интеллекта, когда принятие решений автоматизируется, что требует повышенного внимания к вопросам ответственности.

В Федеративной Республике Германия правовое регулирование защиты информации осуществляется на двух уровнях: федеральном, посредством Федерального закона «О защите данных» (BDSG) [6], и региональном, через земельные законы «О защите данных» (LDSG) [7]. Значимую роль в данной сфере играет вышеуказанный «Общий регламент по защите данных» (GDPR) [8], являющийся основой для правового обеспечения защиты личной информации на всей территории Евросоюза.

Регламент основывается на следующих ключевых принципах: соблюдение законности, справедливости и прозрачности в обработке данных; ограничение целей их использования; минимизация объема обрабатываемой информации; обеспечение точности и актуальности данных; определение сроков хранения информации; сохранение конфиденциальности и целостности данных, а также учет ответственности за соответствие требованиям регламента [8]. Он предъявляет строгие требования к процессам обработки персональных данных, включая необходимость получения согласия от субъекта данных на их обработку, обеспечение прозрачности взаимодействий, а также предоставление субъектам данных возможности доступа к своим данным, их исправлениям, удалению и переносу [8].

В современной научной дискуссии все более значимым становится вопрос о законодательном оформлении сферы искусственного интеллекта (ИИ). Европейский союз активно занимается созданием специализированного правового поля для ИИ, стремясь гарантировать безопасность, понятность функционирования и ответственность за действия интеллектуальных систем. Как отмечает Ульрих Келлерманн, специалист в области правового регулирования цифровых технологий, «Законодательная база для ИИ должна базироваться на этических принципах, соблюдении прав человека и демократических ценностях» [9]. В апреле 2021 года Европейская комиссия представила проект Регламента о искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act) [10], который устанавливает правила и стандарты для разработки, коммерциализации и применения технологий ИИ.

Регламент включает в себя классификацию ИИ-систем в зависимости от уровня потенциального риска и устанавливает различные требования для тех систем, которые попадают в категорию высокого риска.

Эти требования включают обязательную процедуру оценки соответствия, обеспечение прозрачности алгоритмов, лежащих в основе работы ИИ, и возможность контроля со стороны человека (human oversight) [10].

Законодательная база Российской Федерации в области защиты информационных ресурсов опирается на Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ

«О персональных данных» [11]. Данный нормативный акт определяет основополагающие принципы, которыми следует руководствоваться при обработке персональной информации, закрепляет права субъектов, чьи данные подвергаются обработке, и устанавливает обязанности для операторов, осуществляющих такую обработку.

Анализ российского законодательства в сравнении с Общим регламентом по защите данных Федеративной Республики Германия выявляет ряд существенных различий. В частности, требования к получению согласия на обработку персональных данных и условия межграничной передачи данных в России представляются менее строгими. Кроме того, уровень ответственности, предусмотренный за нарушение законодательства о персональных данных в России, значительно уступает аналогичным положениям в Федеративной Республике Германия. В контексте правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ) ключевым документом является «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденная в 2019 году [12]. Одним из приоритетных направлений, обозначенных в стратегии, является формирование правовых рамок, способствующих развитию и практическому применению технологий ИИ.

В настоящее время в Российской Федерации ведется работа над рядом законопроектов федерального уровня, направленных на регулирование различных аспектов, связанных с использованием ИИ. В частности, рассматриваются вопросы защиты персональных данных, определения ответственности за решения, принимаемые ИИ, и защиты прав интеллектуальной собственности.

Представленная ниже таблица показывают сравнительный анализ законодательства в области защиты информации в ФРГ и РФ.

Таблица

Сравнительный анализ законодательства о защите информации[1]

Характеристика	**ФРГ**	**Россия**
Основной закон	Федеральный закон о защите данных (BDSG) [6], Общий регламент по защите данных (GDPR) [8]	Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [11]
Принципы обработки	Законность, добросовестность, прозрачность, ограничение цели, минимизация данных, точность, ограничение хранения, целостность и конфиденциальность, подотчетность [8]	Законность, ограничение цели, соответствие цели, достаточность, точность, законность получения, уничтожение по достижении цели [11]
Согласие на обработку	Требуется явное и информированное согласие субъекта данных [8]	Требуется согласие субъекта данных, за исключением случаев, предусмотренных законом [11]
Межграничная передача	Ограничена, допускается только в страны, обеспечивающие адекватный уровень защиты данных, или при наличии соответствующих гарантий [8]	Ограничена, требует предварительного уведомления уполномоченного органа [11]
Ответственность	Штрафы до 20 миллионов евро или 4 % от годового оборота компании за нарушение GDPR [8]	Административная и уголовная ответственность за нарушение законодательства о персональных данных. Штрафы значительно ниже, чем в ФРГ [11]

[1] Составлено автором на основе анализа BDSG [6], GDPR [8] и Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [11].

В современной философии права активно обсуждаются вопросы, касающиеся защиты информации, фокусируясь на нескольких ключевых дилеммах. Одной из центральных является поиск баланса между обеспечением безопасности данных и сохранением гражданских свобод. Крайне важно найти компромисс, который позволит эффективно противодействовать киберпреступности, не ущемляя при этом права и свободы личности. По мнению Кристофа Штеля, эксперта в области кибербезопасности, «Необходимо избегать крайностей, чтобы не допустить трансформации цифрового общества в подобие тоталитарной системы» [13]. Другой важный вопрос – этические аспекты использования искусственного интеллекта (ИИ). Необходимо гарантировать, что системы ИИ принимают справедливые и недискриминационные решения. Анна-Лена Шиллер, профессор этики технологий, подчеркивает, что разработка этичного ИИ требует объединения усилий специалистов из различных областей, включая юристов, философов, программистов и экспертов по этике [14].

Также активно обсуждается проблема ответственности за решения, принимаемые ИИ. «Кто должен нести ответственность за ущерб, причиненный действиями ИИ: разработчики, пользователи или сами алгоритмы?» Тобиас Эггерс, эксперт по правовым вопросам ИИ, отмечает, что этот вопрос является одним из наиболее сложных и требует разработки новых правовых механизмов [15].

Кроме того, поднимается вопрос «О праве на объяснение», то есть о праве субъектов данных получать разъяснения относительно того, как принимаются решения на основе их данных, особенно в рамках использования ИИ. Беньямин Хиллебранд, эксперт по защите данных, подчеркивает, что право на объяснение является важным элементом прозрачности и подотчетности алгоритмов, хотя его реализация может представлять собой техническую сложность [16].

Таким образом важной темой является концепция «Цифрового суверенитета», предполагающая, что данные граждан должны храниться и обрабатываться на территории их страны. Эта концепция направлена на защиту национальных интересов и обеспечение контроля над данными. Герхард Шредер, бывший канцлер Германии, утверждает, что в эпоху цифровой глобализации цифровой суверенитет является важным элементом национальной безопасности [17].

Философское осмысление над правом в сфере охраны информации выступает ключевым фактором в процессе формирования юридических норм и основополагающих принципов, регламентирующих процедуры обработки данных и применение искусственного интеллекта (ИИ) (Floridi, 2013). Сопоставительный анализ методологических подходов, реализуемых в Федеративной Республике Германия (в рамках европейского законодательства) и Российской Федерации, выявил определенные расхождения в уделяемом внимании отдельным аспектам и установленных приоритетах. В частности, ФРГ демонстрирует повышенную заинтересованность в обеспечении защиты прав и свобод индивидуумов, поддержании прозрачности и установлении механизмов отчетности для систем, базирующихся на ИИ (статья 12 Основного закона ФРГ). В свою очередь, Российская Федерация акцентирует внимание на стимулировании прогресса в области технологий ИИ и создании благоприятной среды для осуществления инновационной деятельности (Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г.

№ 490). Разрешение проблем, связанных с установлением равновесия между императивами безопасности и свободы, этическими аспектами ИИ, распределением ответственности за решения, принимаемые ИИ, реализацией права на получение разъяснений относительно работы ИИ и обеспечением цифрового суверенитета, требует глубокого философского осмысления и нахождения компромиссных вариантов, принимающих во внимание интересы всех заинтересованных субъектов (Bostrom, 2014).

Список литературы

1. Auer S. Digitalisierung und Recht: Herausforderungen und Perspektiven. Mohr Siebeck, 2021.
2. Bundesdatenschutzgesetz (BDSG) // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bdsg_2018/.
3. BSI. Cyber-Sicherheitsstrategie für Deutschland. Berlin, 2022.
4. Eggers T. Haftung für Künstliche Intelligenz. München : C. H. Beck, 2020.
5. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/.
6. Hillebrand B. Datenschutzrecht in der Praxis. Springer, 2019.
7. Kellermann U. Rechtliche Aspekte der Digitalisierung. De Gruyter, 2020.
8. Landesdatenschutzgesetze (LDSG) // BFDI Bund. URL: https://www.bfdi.bund.de/.
9. Leonhardt B. Ethik der Künstlichen Intelligenz. Springer, 2020.
10. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bc67d910cb616b8671e534a55b871824/AI.pdf.
11. Proposal for a Regulation on Artificial Intelligence Act // European Union Law. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021PC0206.
12. Roßnagel A. Datenschutz als Menschenrecht. Nomos, 2016.
13. Regulation (EU) 2016/679 (GDPR) // European Union Law. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj.
14. Schiller A.-L. Technikethik im digitalen Zeitalter. Nomos, 2021.
15. Schröder G. Wir brauchen einen digitalen Souveränitätsanspruch // Handelsblatt. 2018. 15. März.
16. Stelte C. Cybersecurity: Challenges and Solutions. Springer, 2022.
17. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.
18. Vossel S. Digitale Ökonomie: Grundlagen und Anwendungen. Springer, 2019.

Волобуева Н. Д.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПРАВО В ОБЩЕСТВАХ ПЕРЕХОДНЫХ ПЕРИОДОВ

В современной действительности Россия динамично включена в процесс противостояния назревающим мировоззренческим и цивилизационным вызовам. Большинство современников полагают, что архитектоника протекающих геополитических событий достаточно сложна, нестабильна и чревата катастрофическими последствиями. За неимением объективной возможности ощутить на себе другой социально-политический опыт с этим вполне следует согласиться. Однако, история российской государственности проделала достаточно длительный путь развития, полный частых взлетов и падений, периодов расцвета и гибели, поэтому современные события для нее фрагментарны, а критерии их представления субъективны.

Парадоксален тот факт, что в эпоху формирующейся постнеклассической науки, когда инновационные технологии позволяют диагностировать и оценить риски врожденных патологий плода, а искусственный интеллект уже не кажется человечеству чем-либо, находящимся за гранью фантастики, мы вынуждены признать, что вместе с тем современная наука упускает из виду дополнительные возможности для решения вполне насущных и практических проблем, продолжая без особого энтузиазма анализировать важный социально-политический опыт наших предшественников.

В условиях складывающейся современной конъюнктуры назрела необходимость направить ситуацию в иное русло, в связи с чем в России был инициирован ряд проектов, направленных на историческое просвещение граждан, сохранение памяти о выдающихся личностях в российской истории, формирование активной гражданской позиции, сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей. На волне проводимых в этой связи мероприятий патриотический и воспитательный компонент реализуется практически в полной мере, что в целом достаточно важно и необходимо с учетом современной геополитической обстановки.

При этом, именно знаниевая составляющая во многом остается «в тени», поскольку изучение истории часто сводится к запоминанию несогласованного между собой набора фактов, что в дальнейшем препятствует вычленению, анализу и пониманию наиболее объективных причинно-следственных связей. Это означает, что изучение в некоторой степени трагического, но вместе с тем бесценного исторического опыта превращается вместо единого интеллектуально-познавательного дискурса в разноголосицу пестрых и несостоятельных мнений.

---

[1] © Волобуева Н. Д., 2026.

Упуская некоторые, на первый взгляд, тривиально обыденные «очевидности», более чем вероятно потерять связующую нить событий.

Закономерно вырисовывается вопрос, почему тогда российская государственность, минуя тысячелетний путь своего развития, имея за плечами колоссальный опыт участия в различных внешнеполитических кампаниях, отвечая на всплеск различных форм государственно-правовых девиаций (в виде восстаний, бунтов, мятежей), не смогла справиться по наитию с гибелью «могущественной Российской империи, построенной за многие века поколениями наших предков» и павшей за считанные дни [2, с. 7]? Эти вопросы очередной раз обуславливают важность не столько сохранения исторической памяти о событиях прошлого (что представляется, безусловно, важным), сколько понимание их качественной характеристики (причины, условия и катализаторы событий), специфики протекания (причинно-следственные связи) и их значения для последующего этапа развития государственности.

На особую роль истории в понимании многих исторических процессов указывает В. А. Бачинин, подчеркивая, что «культурное наследие канувших в небытие поколений способно приходить на помощь в ситуациях когнитивных тупиков. И даже в тех случаях, когда оно не дает прямых ответов и конкретных рекомендаций по разрешению сложных духовно-практических проблем, оно обладает способностью стимулировать интеллектуальные поиски и наводить на мысли, которые, явившись плодом воссоединенной связи времен, просто не смогли бы родиться без этого воссоединения» [1, с. 13].

Фраза «хочешь мира – готовься к войне» стара как мир. При всей ее категоричности, исторический опыт развития российского государства в полной мере демонстрирует состоятельность этого выражения. В периоды исторического «затишья» человечество смотрело на события минувших времен равнодушно, однако в годы масштабных восстаний, революционных событий, военных потрясений и других катаклизмов вновь становилось на тропу вечного искания правды и справедливости. Это обуславливает тот факт, что с течением истории, российская государственность всякий раз претерпевала исторически сходные социально-политические процессы, характеризующиеся становлением, расцветом, упадком, гибелью и возвратом на «круги своя». В этих исторических параллелях можно обнаружить, что сходные ситуации происходили в период правления Ивана Грозного и Николая I, Петра I и Сталина [4, с. 5]. В юридической истории такие социально-политические процессы, связанные с чередованием «светлых» и «темных» циклов связываются с идеями о модели циклического развития истории. Эти представления первоначально развивались в трудах Гесиода, Фукидида, Полибия, Сыма Цяня, Джамбаттиста Вико и др. [3, с. 7–8]. В современном теоретико-правовом дискурсе идеи развития России в рамках круговой (повторяющейся) цикличности подчеркиваются в работах Р. А. Ромашова. Так, в своих трудах автор «использует метод циклической истории, который позволяет рассматривать отдельно взятые государства как замкнутые социально-культурные и политико-правовые циклы, проходящие в динамике своего развития этапы возникновения, становления, прогрессивного и регрессивного развития, кризиса, разрушения и мутирования» [5, с. 4].

Важно понимать, что смена циклов не происходила самостоятельно, их природа была предопределена. Желание отдельных государств укрепить свое лидерство, обеспечить международный авторитет, потребность в материальном и ресурсном обогащении, часто нарушая при этом суверенитет и интересы других государств, вместе с тем и имеющиеся недостатки внутригосударственной политики, периодически возникавшие восстания, конфликты и иные катаклизмы на протяжении всей истории приводили Россию в состояние мобилизационной готовности. Когда, в рамках традиционного уклада общества, ресурсы российского государства были исчерпаны и не позволяли дать новые ответы на вновь возникающие обстоятельства, вызовы и угрозы, начинался переходный период.

Формирование новых социальных и государственно-правовых отношений происходит стремительно, часто общество не всегда готово принять назревающие «новые» порядки, возникает системный кризис. Стихийность, кардинальность переходных процессов вызывает существенные противоречия в обществе, приводя к масштабным конфликтам и анархии. Переходный период сопровождается социальной повышенной динамикой, ростом народных волнений, инакомыслием и массовыми акциями протеста, кризис внутри страны ослабляет позиции государства на международной арене, появляется социальное неравенство, нормативно-правовые акты становятся несовершенными, возникает правовой диссонанс. В настоящее время предприняты отдельные попытки дать характеристику переходным периодам, установить их первопричины, понять роль феномена кризиса в переходных периодах, очертить временные и пространственные границы, но их изучение находится еще на заре современной науки. И для того, чтобы понять, по какой причине происходит переходный период и какой отпечаток он накладывает на формирование правового массива, важно проанализировать наиболее детально взаимосвязь отдельных исторических событий, их катализаторов, кризисных состояний и принимаемых в этот период правовых документов.

Таким образом, проблема сохранения исторической памяти, безусловно, должна в полной мере обеспечиваться в рамках реализуемой в Российской Федерации государственной политики. Популяризация таких категорий как «историческая память» и «историческое самосознание» призвана стимулировать общий гражданский интерес к истории. Однако, этого будет достаточно только для массовой пропаганды патриотического воспитания, но недостаточно для качественных рекомендаций и прогноза на будущее. С учетом того, что длительный тысячелетний путь развития российской государственности представляется нам виде модели циклического развития, то, несмотря на своеобразие, если не уникальность различных социально-политических ситуаций, возможным видится определение не только особенных, но и неких общих закономерностей государственно-правового развития. Важно учитывать, что многие преобразования, совершаемых в переходные периоды, были скоропалительными. Соответственно, многие историко-правовые памятники появлялись и корректировались в рамках определенного социально-политического контекста и с учетом практических приоритетов. Сохранение исторической памяти о событиях переходного периода, о их специфике, причинах и последствиях позволит в значи-

тельной мере выработать модель эффективного и наименее энергозатратного выхода из кризисной ситуации для государственно-правового механизма.

Список литературы

1. Бачинин В. А. История философии и социологии права : учебник для студентов юридических, социологических и философских специальностей. СПб. : Издательство Михайлова В. А., 2001.

2. Митрополит Тихон (Шевкунов Г. А.). Гибель империи. Российский урок. 2-е изд. М. : Вольный Странник, 2024.

3. Михайлова Н. В. Отечественная история : учебное пособие. М. : Кнорус, 2026.

4. Право и общество в эпоху перемен : материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. М. : Институт государства и права, 2008.

5. Ромашов Р. А. Политогенез: Храм – Πόλις – ГосударЬство – State : монография / вступ. сл. В. П. Сальников. СПб.: Алетейя, 2020.

Антохина М. Е.[1],
соискатель кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

УСТАВЫ ИМПЕРАТОРСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Модернизация российской социально-культурной сферы непосредственно затрагивает систему высшего образования. В условиях глобализации необходимо сохранить национальную самобытность высшей школы и преемственность в процессе формирования научных и педагогических кадров.

Российская высшая школа прошла длительный исторический путь развития. Сфера образования росла и совершенствовалась вместе с эволюцией российского общества и государства. В начале XIX в. одной из главных задач являлось создание отечественной системы высшего образования и ее правовых основ. Учрежденное в 1802 г. Министерство народного просвещения явилось первым органом центрального управления наукой и образованием не только в России, но и во всем мире. В 1802 г. Александр I поручил сенаторам М. Н. Муравьеву и С. О. Потоцкому вместе с академиком Н. И. Фусом создать комитет для разработки устава Императорского Московского университета. В ходе разработки положений устава члены комитета рассмотрели две модели высшего образования: французскую и немецкую. Французская модель предполагала централизованность образовательных процессов, направленность на удовлетворение государственных и социальных интересов, отсутствие академической свободы, контроль со стороны правительства за содержанием учебных планов и подбором профессорско-преподавательского состава. Немецкая модель высшего образования была основана на принципах единства исследования и преподавания, академической свободы и образования через науку. Выбор пал на второй вариант с последовательным проведением принципа выборности должностных лиц в университете, освобождения преподавателей от контроля попечителя, введении свободы преподавания и, как итог, университет должен был функционировать как автономный научно-образовательный центр.

Стоит упомянуть, что в течение почти 50 лет Московский университет существовал на основе именного указа Елизаветы Петровны «Об учреждении Московского университета и двух гимназий» [2]. В рамках образовательной реформы 24 января 1803 г. были приняты «Предварительные правила народного просвещения», утвердившие разделение страны на шесть учебных округов, во главе которых должны были встать университеты [3].

И, наконец, 5 ноября 1804 г. были подписаны знаковые нормативные акты в области высшего образования. Это были три устава – Устав Императорского

[1] © Антохина М. Е., 2026.

Московского университета [4], Устав Императорского Харьковского университета [5], Устав Императорского Казанского университета [6], а также Утвердительные грамоты данных университетов, в которых были гарантированы права и привилегии университетов со стороны верховной власти [7–9]. Формально уставы 1804 г. были предписаны каждый своему университету, фактически можно констатировать факт появления типового устава российских университетов.

Устав Московского университета можно рассматривать как каноничный. Устав устанавливал и регулировал учебно-организационную структуру университета, вопросы управления университетом, закреплял права профессорско-преподавательского состава, определял права и обязанности студентов, порядок организации учебного процесса. Члены ученой корпорации (ректоры, деканы, преподаватели) были выборными. Помимо этого университетам была предоставлены свобода в определении методов обучения и направлений научных исследований, в распоряжении финансовыми средствами, формировании системы научной аттестации. Закрепленная Уставом 1804 г. академическая свобода содействовала развитию науки и распространению научных знаний в широких кругах. Так, при Московском университете было создано Общество истории и древностей российских, которое являлось первым научным историческим обществом, занимающимся изучением и публикацией документов по истории России.

Однако применение норм устава во многом зависело от политики, проводимой местными властями. Так, попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий, пользуясь тем, что профессорская корпорация в Казанском университете только зарождалась, установил не только для студентов, но и для преподавателей очень жесткие условия. Так, для вступления в брак преподавателям требовалось разрешение попечителя. Студенты, проживающие в университете, не могли заходить в свою комнату «как разве только после ужина на ночь, а то весь день или в классах, или в комнатах, так называемых занимательных, или в саду…».

Следующий устав российских императорских университетов был принят в 1835 г., когда период либеральной образовательной политики закончился [10]. Несомненно, на устав 1835 г. оказала влияние проведенная систематизация российского законодательства. Нечеткие нормативные конструкции начала XIX в., порождавшие конфликты и коллизии, были заменены четко сформулированными терминами и ясно изложенными дефинициями. В уставе были зафиксированы и получили дальнейшее развитие ряд положений изданных законов и ведомственных инструкций. В частности, об увеличении сроков ректорских полномочий (1809, 1811 гг.), об ограничении свободного поступления в университеты (1827 г.), о статусе попечителя и помощника (1833 г.), о надзоре за студентами (1827, 1834 гг.) и др. [1].

Новый устав значительно сократил автономию вузов. Устав закрепил полное отделение учебно-научных вопросов от административно-хозяйственных и распределение групп полномочий между университетскими инстанциями. Усилилась роль попечителя в непосредственной деятельности университетов. Совет университета лишился судебных функций. Он потерял право руководить делами учебного округа. Были установлены более строгие требования к поступающим в университеты и усилен надзор за студентами. Попечитель, по своему

усмотрению, мог председательствовать в совете и правлении. Ректоры и деканы стали избираться не ежегодно, а на четырехлетний срок. При этом привилегии, дарованные университету и его сотрудникам сохранились: таможенные и налоговые льготы, собственная цензура, возможность издавать книги. При университетах могли создаваться научные и научно-практические общества. Рассматривать этот устав только в отрицательном свете, в корне неправильно. Конечно, по сравнению с Уставом 1804 г. была сокращена университетская автономия, однако Устав 1835 г., создал русский университет, не похожий и не подражающий западным университетам. Лейтмотивом Устава было превращение университетов в учебные заведения, «состоявшие под особым покровительством Его Императорского Величества», основанные на «русских началах», то есть способные дать «перевес отечественному воспитанию над иноземным». Устав 1835 г. явился результатом формирования государственной системы университетского образования в России и сыграл значительную роль в становлении системы университетов и последовательном укреплении государственных начал.

Следующий этап в развитии университетского законодательства связан с реформами Александра II. Устав 1863 г. является одним из основных компонентов проведенной реорганизации в сфере образования в контексте реформ Александра II [11]. Университетам было предоставлено больше самостоятельности в делах внутреннего управления. Совет университета формировался из ординарных и экстраординарных профессоров, причем Устав требовал обязательного участия профессоров в заседаниях Совета. Круг деятельности Совета расширялся: он получал больше самостоятельности в решении кадровых вопросов, избирал ректора, деканов, доцентов, лекторов. Был ослаблен контроль за студентами. Создавались более благоприятные условия для научной и учебной деятельности: были выделены средства для расширения фондов библиотек, музеев, клиник и лабораторий для практических занятий. Появилась возможность «свободно и беспошлинно выписывать из-за границы всякого рода учебные пособия». Особое внимание было уделено формированию профессорско-преподавательских кадров. Так, наряду с традиционными способами замещения преподавателей (избрание факультетским собранием и университетским советом, конкурс, привлечение «сверхштатных профессоров») появилась возможность отправлять молодых людей за границу для приготовления к занятию кафедр, право оставлять при университете по своему усмотрению «стипендиатов для приготовления к профессорскому званию». Также университеты получили право формировать и принимать бюджет. Устав увеличил годовое содержание преподавателей в два раза.

15 августа 1884 г. был принят последний университетский устав [12]. С одной стороны, Устав 1884 г. предусматривал централизацию власти, ограничение выборности и коллегиальности, усиление правительственного контроля, осуществляющегося через попечителя, а, с другой стороны, свободу в образовательном и научном плане. Была отменена университетская автономия. Ректор и деканы назначались министром просвещения, также министр получил право назначать профессоров по своему усмотрению. Права советов были сведены до минимума. Решения по важным вопросам, включая принятие семестрового

расписания занятий, подлежали утверждению министра или попечителя учебного округа. Выбор деканов факультетов возлагался на попечителя округа вместо собрания факультета. Студенты получали право выбирать учебный план, по которому хотели бы учиться. Впервые предусматривалась конкурсная система отбора лекторов-профессоров, в которой наряду с профессорами могли участвовать приват-доценты. Вводилась практика зачета полугодий, нацеливающая студентов на ответственную самостоятельную работу. Вводилась новая должность – инспектор университета, который подчинялся ректору и исполнял его требования, следил за поведением студентов не только в стенах университета, но и, по возможности, за пределами учебного заведения.

Хотя стоит отметить и ряд положительных сторон устава 1884 г. Так ежегодное ассигнование на университеты выросло было чем на 145 тысяч рублей. Была введения гонорарная система оплаты труда. Изменился порядок начисления пенсий, приведший к их увеличению. Сохранилась связь с иностранными образовательными и научными учреждениями. Действовал беспошлинный ввоз научной литературы из-за рубежа. Не подпадали под цензурные ограничения научные публикации преподавателей, монографии, статьи в университетских периодиках. За счет привлечения к учебному процессу приват-доцентов возросло количество преподавателей, этому же поспособствовало возведение в докторскую степень лиц, получивших «почетную известность». Не вводились ограничения по численности и сословному составу учащихся. Студентам позволялось осуществлять выбор учебных планов и преподавателей, посещать занятия на других факультетах.

Таким образом, российское государство выступило ключевым фактором в формировании и эволюции отечественной системы высшего образования. Опираясь на европейскую модель университета, государство целенаправленно разрабатывало и внедряло стратегию, призванную обеспечить рациональную интеграцию высших учебных заведений в свою административную структуру.

Университеты, по своей сути, были государственными организациями, что проявлялось в их функционале, штатной структуре, бюджетном финансировании и официальном документообороте, а также в их официальном статусе («Императорские»). В результате апробации различных подходов к интеграции университетов в государственную образовательную систему сложилась особая модель централизованного управления. Внутреннее управление университетами, по сравнению с западноевропейскими моделями, характеризовалось ограниченной автономией.

Государственная политика в области высшего образования, направленная на формирование корпуса государственных служащих, служила фундаментом для развития университетской системы. Этот акцент на подготовке кадров для государственной службы отражался в том, что как преподавательский состав, так и студенты получали соответствующие классные чины.

В России, система государственной поддержки и стимулирования развития университетского образования наиболее ярко выразилась в формировании мощной правовой основы для деятельности университетов. На протяжении XIX в. эта правовая база претерпела значительную эволюцию: от первоначальных,

разрозненных попыток регламентации работы отдельных университетов в XVIII в. до создания всеобъемлющего и последовательного нормативного массива, который эффективно регулировал функционирование значительно расширившейся университетской сети в XIX веке.

К XIX в. законодательство, регламентирующее университетское образование, уже достигло значительной степени развития и сложности, отражая возросшую роль государства в этой сфере. В сфере университетского образования основополагающую роль играли уставы. Изучение их многочисленных проектов позволяет рассматривать уставы как всеобъемлющие нормативные документы, в которых систематизировалось предшествующее законодательство. Традиционное негативное отношение к Общему уставу Императорских российских университетов 1835 г., обусловленное его соответствием реакционной государственной политике, требует пересмотра. Этот устав обладает существенными достоинствами: он демонстрирует более высокий уровень законодательной проработки, юридически разграничивает сферы ответственности государства, его представителей (попечителей учебных округов) и внутренних университетских структур.

Список литературы

1. Зипунникова Н. Н. «…Мы обратили деятельность Университетов Наших на существенную пользу наук и публичного воспитания»: к 180-летию Общего устава российских императорских университетов 1835 г. // Genesis: исторические исследования. 2015. № 2. С. 170–204.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 14. № 10346.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 27. № 20597

4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 28. № 21498.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 28. № 21499.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 28. № 21500.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 28. № 21502.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 28. № 21503.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 28. № 21504.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881) : в 55 т. СПб., 1830. Т. 10. № 8337.

11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881) : в 55 т. СПб., 1830. Т. 38. № 39752.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881–1913) : в 33 т. СПб., 1830. Т. 4. № 2404.

Конашенков С. О.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НОРМОТВОРЧЕСТВА НКВД РСФСР И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ПАМЯТИ

Исследование нормотворческой деятельности НКВД РСФСР в советской и постсоветской историографии демонстрирует эволюцию методологических подходов и интерпретационных парадигм. В советский период преобладал институциональный подход, сосредоточенный на анализе структуры органов безопасности и их административно-правовых функций [5, с. 89]. Данный подход, хотя и обеспечивал полноту описания организационных аспектов НКВД, существенно ограничивал возможности критического анализа содержания и эффективности правовых норм [6, с. 134].

Постсоветская историография ознаменовалась переходом к комплексному анализу политико-правовых механизмов функционирования органов государственной безопасности. Исследователи обращали внимание на необходимость интеграции методов источниковедческого анализа, архивной эвристики и компаративистики для полноценного понимания процессов нормотворчества [7, с. 156]. Особое значение приобрел системно-функциональный подход, позволяющий рассматривать нормотворчество НКВД как сложно структурированное явление, встроенное в более широкий контекст советского государственного управления.

Для адекватного изучения нормотворчества НКВД РСФСР необходимо применение комплекса методов, учитывающих специфику объекта исследования. Архивно-источниковедческий метод играет фундаментальную роль в выявлении и анализе первоисточников, документов, отражающих различные аспекты нормотворческой деятельности. Этот метод позволяет исследователю провести скрупулезный анализ подлинных текстов нормативно-правовых актов, их редакционных вариантов и истории создания.

Герменевтический подход предполагает глубокое истолкование смысла и содержания юридических норм в контексте их исторического времени, общественно-политической обстановки и целей, которые преследовала нормотворческая деятельность органов безопасности. Применение этого подхода способствует преодолению анахронизма в оценке историческими мерками событий советского периода [2, с. 57].

Компаративный метод, предусматривающий сравнение нормативно-правовых актов НКВД РСФСР с аналогичными актами, издаваемыми органами НКВД в других союзных республиках, а также с законодательством других государств,

[1] © Конашенков С. О., 2026.

позволяет выявить специфические черты региональной правотворческой практики. Системно-функциональный анализ рассматривает нормотворчество как функцию органов государственной власти, встроенную в систему административного управления и взаимосвязанную с другими функциями органов внутренних дел.

Сохранение историко-правовой памяти есть социокультурный процесс, отражающий стремление общества к адекватному пониманию собственного исторического пути развития государственно-правовых институтов [3, с. 103]. Применение современных методологических подходов к изучению нормотворчества НКВД РСФСР непосредственно способствует формированию объективной и всесторонней исторической интерпретации деятельности органов государственной безопасности.

Критический анализ нормативных актов, основанный на тщательном изучении их содержания и функционального назначения, позволяет избежать как идеализации деятельности органов безопасности, так и ее демонизации. Интеграция документального материала с теоретическими рефлексиями способствует трансляции историко-правовой памяти в образовательный контекст, обеспечивая формирование у молодого поколения адекватного исторического сознания [1, с. 68].

Методологическое обеспечение изучения нормотворчества НКВД РСФСР также играет роль в противодействии исторической фальсификации и в утверждении принципа научной объективности в историко-правовом знании. Применение верифицируемых методов анализа исторических источников создает возможность для критического диалога между различными интерпретационными школами и подходами [4, с. 89].

Теоретико-методологические подходы к изучению нормотворчества НКВД РСФСР представляют собой систему инструментов и принципов исследования, позволяющих провести комплексный анализ деятельности органов государственной безопасности в ее правовом измерении. Архивно-источниковедческий, герменевтический, компаративный и системно-функциональный методы в их интеграции обеспечивают полноту и объективность получаемого знания о нормотворческой практике НКВД.

Значение этих подходов для сохранения историко-правовой памяти заключается в том, что они способствуют формированию научно обоснованного, взвешенного и объективного понимания исторического развития советского законодательства и роли органов государственной безопасности в этом процессе. Дальнейшее развитие методологического инструментария в этой области способно обогатить как историко-правовую науку в целом, так и способствовать повышению качества работы с историческими источниками в образовательных и научно-исследовательских целях.

Необходимо подчеркнуть, что адекватное применение методологических подходов в изучении нормотворчества НКВД РСФСР не только решает частные исследовательские задачи, но и вносит вклад в формирование национального исторического сознания, основанного на принципах научной объективности и критического осмысления собственного прошлого.

Список литературы

1. Матиенко Т. Л. Проблемы методологии историко-правового исследования правоохранительной деятельности полиции // Право и политика: теоретические и практические проблемы : сборник материалов I Международной научно-практической конференции (Рязань, 2 ноября 2012 г.) / отв. ред. А. В. Малько. Рязань : Концепция, 2012. С. 89–92.

2. Алексеев С. С., Красавчиков О. А. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства // Советское государство и право. 1965. № 2. С. 155–156.

3. Королев П. И. Историческая память как фактор формирования национального самосознания личности // Этнокультурные феномены в образовательном процессе : сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 27–28 октября 2021 г.). Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет, 2021. С. 184–193.

4. Лукьянов С. А. История органов внутренних дел России : курс лекций. Руза : Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2007.

5. Ильина Т. Н. Значение архивных источников в историко-правовых исследованиях // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2021. № 3. С. 116–125.

6. Ляхов Е. Г., Пушмин Э. А. Один из аспектов международной правосубъектности союзных республик // 50 лет Союза ССР и актуальные проблемы развития Советского государства, укрепления социалистической законности и совершенствования деятельности следственного аппарата : материалы конференции (Волгоград, 6–8 декабря 1972 г.). Волгоград : Высшая следственная школа МВД СССР, 1974. С. 122–126.

Виноградов Д. А.[1],
студент юридического факультета
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

Научный руководитель:
Осадчая О. Н.,
доцент кафедры иностранных языков
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
кандидат филологических наук

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДЬЮ-ДИЛИДЖЕНС КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОАКТИВНОГО ПРАВА И ЕГО СПЕЦИФИКА В УСЛОВИЯХ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ

В процессе ведения предпринимательской деятельности часто возникает множество случаев, когда компании получают предложения о заключении договора с новыми контрагентами. В таких случаях необходимо принятие взвешенного и обоснованного решения, которое невозможно без полной и достоверной информации о потенциальном деловом партнере. В сложившихся условиях на экономическую безопасность хозяйствующих субъектов могут повлиять различные факторы: заключение партнерских отношений с фирмой-однодневкой с последующим непогашением обязательств; неиспользование юридическим лицом налоговых льгот и переплата налогов; незаконное использование и присвоение товарно-материальных ценностей компании; развитие конфликтов интересов среди персонала и другое. Таким образом, организации должны проявлять должную осмотрительность в выборе контрагентов и выявлять недостатки обеспечения экономической безопасности. Чтобы обеспечить успешный исход сделки, стороны, занимающиеся коммерческой деятельностью, всегда стараются сотрудничать с надежными партнерами. Комплексная юридическая проверка потенциальных партнеров может помочь избежать непредвиденных расходов.

Дью-дилидженс – это услуга, которая представляет собой осуществление ряда процедур, направленных на выявление и дальнейший анализ рисков с целью определения риска при сотрудничестве с организацией или инвестировании в объект, в отношении которого проводится проверка. Сам термин американский (due diligence) и изначально обозначал «должную осмотрительность». Впервые он появился в 1933 году, когда в Соединенных Штатах Америки был издан Закон о ценных бумагах. Данный акт устанавливал требования к брокерам и дилерам проявлять должную осмотрительность при проверке эмитентов ценных бумаг. Закон говорит, что, «хотя покупатель может подать в суд на эмитента, андеррайтера или последующего продавца, у всех ответчиков, кроме эмитента, есть защита в виде «должной осмотрительности», согласно которой у них

[1] © Виноградов Д. А., 2026.

не было оснований полагать, что в заявлении были искажения или упущения» [4]. Со временем значение данного термина расширилось. В настоящее время считается, что дью-дилидженс – это комплекс мер, предпринимаемых хозяйствующим субъектом для защиты от мошенничества, финансовых потерь и ненадежных партнеров.

Проактивное право представляет собой развивающуюся в современном научном сообществе юридическую парадигму, которая трансформирует традиционную реактивную роль права из инструмента разрешения споров в инструмент управления рисками и создания правовой определенности. В отличие от классического подхода, где правовые нормы активируются преимущественно после наступления правового конфликта или нарушения, проактивное право нацелено на предупреждение таких ситуаций через интеграцию правового мышления в процессы стратегического планирования и операционной деятельности.

В доктринальном измерении проактивное право формируется как система взаимосвязанных принципов, фундаментально меняющих место и функцию права в экономических отношениях. Краеугольным камнем выступает принцип превентивности и управления рисками, который осуществляет стратегический поворот от ликвидации правовых последствий к их упреждающему предупреждению. Данный принцип предполагает системную идентификацию, оценку и минимизацию не только правовых, но также регуляторных и репутационных рисков на наиболее ранних этапах принятия решений. В результате юридическая функция интегрируется в ткань корпоративного управления, переставая быть вспомогательной и становясь неотъемлемым элементом стратегического планирования. Наиболее репрезентативным практическим воплощением такой концепции является институт дью-дилидженс. Традиционно он служит цели установления существующих правовых проблем объекта инвестиций. В парадигме проактивного права его функция существенно расширяется: он становится ключевым инструментом не только для оценки текущих рисков, но и для прогнозирования будущих угроз, разработки превентивных мер защиты и построения устойчивой правовой архитектуры будущей сделки или деятельности в долгосрочной перспективе [2].

Дью-дилидженс может быть внутренним, проводимым собственными специалистами компании, или внешним, с привлечением независимых экспертов, таких как юристы, аудиторы и финансовые аналитики. Деятельность по осуществлению данного комплекса мер в Российской Федерации регулируется такими актами, как Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», Соглашение о кодексе поведения швейцарских банков в отношении осуществления должной осмотрительности, Первая и Вторая директивы Европейского Союза (ЕС) о предотвращении использования финансовой системы для целей отмывания денег и Письмо Федеральной налоговой службы от 25 апреля 2023 г. № БВ-19-7/126 «О закреплении на законодательном уровне понятия „должная осмотрительность“». Согласно статье 1 Федерального закона «Об аудиторской деятельности», аудиторская деятельность включает в себя только проверки, проводимые в соответствии с требованиями и процедурой, предусмотренными стандартами аудита [1]. Другие проверки,

не соответствующие требованиям, не относятся к аудиторской деятельности. Однако, несмотря на то, что дью-дилидженс не является аудитом в понимании данного закона, установление его потенциального положения и учет специфики в классификации видов аудита помогут упростить процедуру проведения этой проверки и повысить ее уровень качества.

В ходе дью-дилидженс анализируется корпоративная структура и история компании, законность ее создания, легитимность и актуальность учредительных документов, законность формирования и оплаты уставного капитала, органы юридического лица. Далее вся экономическая жизнь организации становится предметом скрупулезного изучения. Сюда входит анализ портфолио на предмет соблюдения договорной дисциплины, наличия судебных разбирательств. Особое внимание уделяется проверке активов компании: устанавливается законность владения и использования недвижимостью, оборудованием, интеллектуальной собственностью, торговыми марками и программным обеспечением, выявляются скрытые сделки по отчуждению имущества и анализируется состояние расчетов с бюджетами всех уровней. Наконец, дью-дилидженс охватывает соблюдение компанией отраслевого законодательства, что означает проверку наличия всех необходимых лицензий, разрешений и соблюдения стандартов в области защиты персональных данных, экологии, защиты прав потребителей и т. д. Таким образом, данная экспертиза дает полную картину всех юридических рисков, позволяя принять обоснованное решение, оценить реальную стоимость активов и заранее разработать механизмы защиты от потенциальных юридических проблем в будущем.

В контексте действующих антироссийских санкций процесс дью-дилидженс претерпел фундаментальные изменения, превратившись из рутинной процедуры оценки юридических рисков в комплексную работу, направленную на выявление потенциальных угроз для предпринимательской деятельности. Если раньше вся процедура в первую очередь касалась вопроса «Какие ошибки были допущены в прошлом?», то теперь она сосредоточилась на вопросе «Сможет ли эта компания вообще работать завтра?». Задача заключается в том, чтобы распутать запутанную сеть юридических лиц, цепочек и подставных компаний, с помощью которых конечные бенефициары пытаются скрыть свою причастность к юрисдикциям или физическим лицам, подпадающим под санкции. Это требует изменения роли профессионального юриста, который должен выйти за рамки простой проверки списков данных и участвовать в настоящем процессе расследования. Способность распознавать закономерности, анализировать косвенные показатели и выявлять связи приобретает первостепенное значение, распространяясь даже на анализ цифровых данных в социальных сетях и специализированных базах данных [5].

В условиях растущего объема данных и необходимости проверки информации из источников, которые могут быть недостоверными, процесс усложняется. При работе с европейскими и американскими источниками возникает языковой барьер, который создает дополнительные трудности для российских специалистов, и, кроме того, существует проблема ограниченного доступа к некоторым зарубежным реестрам. Особое внимание уделяется анализу контрактного порт-

феля компании, в котором необходимо выявить не только стандартные риски, но и «санкционные оговорки» – условия, позволяющие контрагенту в одностороннем порядке расторгнуть контракт при введении санкций. Это может мгновенно парализовать всю операционную деятельность [3].

В современных условиях, усугубленных геополитической турбулентностью и антироссийскими санкциями, дью-дилидженс претерпевает вполне качественную трансформацию, эволюционируя из формальной процедуры проверки прошлого в ключевой стратегический инструмент, нацеленный на обеспечение выживания и устойчивости бизнеса в долгосрочной перспективе. Оценка рисков и легитимности деятельности остается актуальной, но становится лишь базовым уровнем. В парадигме проактивного права на первый план выходит его превентивная и конструктивная роль. Дью-дилидженс превращается в механизм упреждающего управления комплексными рисками, где юридические угрозы неразрывно связаны с операционными, финансовыми и репутационными. Главной целью становится не просто констатирование наличия проблем, а прогноз будущего функционирования контрагента, оценка устойчивости отдельных факторов, например, цепочек поставок и выявление скрытых уязвимости, таких как «санкционные оговорки» в договорах. Данный комплекс мер постепенно становится императивом для любого хозяйствующего субъекта, стремящегося не только минимизировать риски, но и заложить основу для правомерного и устойчивого развития в новой реальности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83311/.

2. Пржиленский В. И. Право проактивное и право реактивное: трансформация национальных правовых систем в условиях больших вызовов // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5 (138). С. 39–55.

3. Абцешко Н. Оптимальные условия договоров с иностранным элементом в условиях санкций // Альта-Софт. URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/94638/.

4. Tansley C. The Role of Due Diligence in the Sanctions against Russia (30.11.2022) // Finance Monthly. URL: https://www.finance-monthly.com/the-role-of-due-diligence-in-the-sanctions-against-russia/.

5. Securities Act of 1933 // Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/securities_act_of_1933.

Иванова П. Р.[1],
студент юридического факультета
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

Научный руководитель:
Осадчая О. Н.,
доцент кафедры иностранных языков
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
кандидат филологических наук

ФЕМИНИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Предметом исследования феминистской философии права является глубинное воздействие категорий пола и гендера, а также связанных с ними норм, сексизма, мизогинии и патриархальных установок на правовую теорию, институты, профессионалов и адресатов права. Данное направление критически анализирует, как спорные предпосылки о природе пола и гендера определяют теоретические подходы к пониманию сущности права – будь то интерпретация его как воли суверена, формализованной системы норм, общественного договора или феномена, тесно связанного с нравственностью. Практическая же цель заключается в выявлении областей гендерной несправедливости и разработке правовых механизмов для противодействия эксплуатации, насилию и угнетению.

В феминистской мысли отсутствует единая трактовка равенства. Либеральный феминизм, выступая за формальное (процедурное) равенство, призывает к одинаковому обращению в аналогичных ситуациях. Однако центральной проблемой данного подхода остается критерий определения самой этой аналогии, что ведет к фундаментальным спорам. Наиболее острые дискуссии разворачиваются вокруг соотношения биологического пола и гендерной самоидентификации.

Это находит отражение в конкретных публичных обсуждениях. Например, в спорте предметом полемики является основание для категорий – должны ли ими быть объективные биологические маркеры (такие как уровень тестостерона) или заявленная гендерная идентичность. Международный олимпийский комитет делегировал полномочия по установлению правил в этой сфере соответствующим спортивным федерациям.

Международные правовые инструменты сыграли ключевую роль в продвижении гражданского и политического равенства женщин в глобальном масштабе. Основополагающим документом стал Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП), принятый ООН в 1966 году и закрепивший обязательство государств гарантировать равные права для лиц обоих полов [4]. Дальнейшее развитие эта правозащитная система получила благодаря специа-

[1] © Иванова П. Р., 2026.

лизированным конвенциям. В частности, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ, 1981 г.) существенно расширила рамки защиты [2]. Дополнительные гарантии для уязвимых групп содержатся в Конвенции о правах ребенка (1989 г.), акцентирующей внимание на поддержке детей и семей в сложных обстоятельствах [3]. Наконец, Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (1993 г.) конкретизировала обязательства государств по борьбе с физическим, сексуальным и психологическим насилием, усилив тем самым механизмы реализации КЛДЖ [1].

Несмотря на поддержку феминистками прогресса в международном праве, их критическое направление указывает на формальный характер приверженности правам человека во многих государствах. Ратификация международных конвенций зачастую служит фасадом, за которым сохраняются патриархальные нормы национального законодательства. В ряде обществ женщины фактически лишены полноценного гражданства, не имея доступа к избирательному праву, государственным должностям, образованию, предпринимательству или свободе передвижения. Их телесная автономия, репродуктивный выбор, образовательные и карьерные устремления также часто контролируются извне, ограничиваясь рамками предопределенного, в том числе навязанного, брака.

Критика феминистской правовой мысли распространяется и на сферу миграции, где правовые механизмы создают дискриминационные барьеры для женщин и детей, ищущих убежища или гражданства в другой стране. Феминистские исследователи показывают, что критерии предоставления статуса беженца, сформированные на мужском опыте, не учитывают специфические формы преследования и структурного угнетения, с которыми сталкиваются женщины.

В Соединенных Штатах решение по делу Доббс, отменившее конституционную защиту репродуктивного выбора, устранило правовые барьеры для патриархального вмешательства государства в частные репродуктивные решения [5]. Феминистки также отмечают, что репродуктивный выбор может быть ограничен не только законом, но и патриархальными нормами или социальными обстоятельствами.

Основной функцией государства и уголовного права является защита личности от вреда. Однако вплоть до двадцатого века женщины в значительной степени оставались незащищенными от частого источника опасности – своих близких. Действительно, на протяжении большей части истории эти частные угрозы личной безопасности женщин не признавались вредом, который государство должно устранять. Уровень домашнего насилия во всем мире остается тревожно высоким; по оценкам Всемирной организации здравоохранения в 2021 году, домашнему насилию подвергалась каждая третья женщина [7]. Конечно, это статистика приблизительная, так как речь идет только о зарегистрированных обращениях потерпевших.

Однако рассматривать различные виды насилия в отношении женщин необходимо через интерсекциональную призму. С помощью данного инструмента анализа раскрывается комплексный характер неравенства, при котором различные системы угнетения и социальные идентичности взаимодействуют, переплетаются и создают определенные «сложные» формы дискриминации. Несо-

мненно, правовое регулирование и законное устранение подобного вреда должно основываться на знаниях о закономерностях проявления доминирования и дискриминации. Необходимо понимать, что угнетаемые и дети в таких семьях могут получить серьезные психологические и физические травмы, если насилию позволить продолжаться.

На ранней стадии развития феминистского течения критике подвергалось неравенство в социальной и экономической жизни. Борьба за устранение барьеров велась в образовании, карьере, в спорте и во многих других областях. Сторонники данного течения поднимали вопросы об обосновании равенства при наличии объективных различий. Затем феминистская мысль эволюционировала и сейчас концентрируется на принципах недискриминации, более широком понимании структуры несправедливости, научном обосновании равенства и неравенства в рамках философии права [6].

COVID-19 еще больше усугубил эти экономические различия между женщинами и мужчинами, поскольку женщины пытались сохранить работу, помогая детям с обучением дома во время закрытия школ и выполняя другие обязанности по уходу. Экономическое неблагополучие женщин на работе усугубляется неблагоприятным положением в семейном праве. При разводе и расчете алиментов на ребенка женщины непропорционально часто оказываются в нищете.

Проанализировав существенные характеристики феминистской философии права, мы приходим к выводу о том, что данное направление в рамках антропологической парадигмы привлекает к себе внимание специалистов различных областей знания, в том числе правоведов. Исследования в данной сфере затрагивают исторический вектор развития феминистской мысли, этносоциокультурные аспекты, а также психоэмоциональный компонент. Перцепция феминисткой философии права существенно различается в зависимости от определенной лингвокультуры. Вопросы разработанности и актуальности все чаще задаются научным сообществом, при этом феминистский голос звучит все громче.

Список литературы

1. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин : принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. // Управление ООН по правам человека. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/declaration-elimination-violence-against-women.

2. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1979 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.

3. Конвенция о правах ребенка : принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. // Управление ООН по правам человека. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child.

4. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. //

United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/doc/treaties/1976/03/19760323%2006-17%20am/ch_iv_04.pdf.

5. Dobbs v. Jackson Women's Health Organization // Alliance Defending Freedom. URL: https://adflegal.org/case/dobbs-v-jackson-womens-health-organization/.

6. Smith P. Feminist Philosophy of Law // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.stanford.edu/entries/feminism-law/.

7. Violence against women // World Health Organization. URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women.

Рагоза Д. Е.[1],
курсант 4-го курса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Никитин А. Н.,
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В эпоху стремительной цифровизации общества историческая память, как основание самосознания и культурной идентичности, претерпевает значительные изменения. Цифровые технологии, проникая во все сферы жизни, трансформируют способы сохранения, передачи и восприятия исторических знаний. Одним из ключевых аспектов проблемы их пополнения является получение новой информации. Информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» предоставляет широкий доступ к архивным документам, историческим исследованиям, визуальным материалам, и тем самым способствует расширению кругозора и углублению знаний об историческом прошлом. Однако, одновременно возникает проблема достоверности и объективности, содержащейся в сети «Интернет» информации. Обилие искажений, в том числе умышленной фальсификации, требует критического подхода к источникам, умения отличать достоверные факты от недостоверных сведений.

Многие цифровые платформы, предстающие перед пользователями в качестве онлайн-пространств, становятся важными площадками для обсуждения исторических событий и формирования коллективной памяти. Они позволяют людям разных культур обмениваться мнениями, делиться собственными интерпретациями прошлого и создавать новые нарративы. Вместе с тем, возрастает риск фрагментации исторической памяти, ее превращения в мозаику разрозненных фрагментов, лишенных целостности и системности. Цифровая трансформация общества существенно изменяет научную среду и инфраструктуру исторической науки [3]. Общество, стремящееся к всепоглощающей цифровизации различных его сфер, порой сталкивается с множеством вызовов. В контексте исследуемой темы, одной из проблем становится большое количество дезинформации относительно различных исторических фактов, искажения и неправильная трактовка происходящих ранее событий. Однако с этим фактором

[1] © Рагоза Д. Е., 2026.

можно бороться, зная и изучая лишь официальные источники информации, а также путем информирования населения об этих источниках и развитию критического мышления.

Важнейшим источником отражения действительной информации в условиях цифровизации общества. Следует обратиться к федеральному порталу «История.РФ», это не просто онлайн-ресурс, а полноценная цифровая платформа, призванная стать ключевым элементом в формировании и трансляции исторической памяти России. В условиях стремительной цифровизации, когда информация становится все более доступной и интерактивной, портал играет важную роль в обеспечении широкой аудитории достоверными, научно обоснованными и увлекательными материалами по истории Отечества. На фоне глобализации и информационных войн особенно важно сохранять и транслировать национальную идентичность, основанную на знании и понимании своей истории [4]. Портал предлагает широкий спектр контента: от фундаментальных статей и исторических документов до мультимедийных проектов и интерактивных карт. Это позволяет каждому, вне зависимости от возраста, образования и места проживания, прикоснуться к истории России, исследовать ее ключевые события. В целом, Федеральный портал «История.РФ» – это важный инструмент в процессе сохранения и популяризации исторической памяти России в цифровом веке. Он не только предоставляет доступ к знаниям о прошлом, но и формирует историческое сознание, способствует укреплению национальной идентичности и противодействует фальсификациям истории. Успешное развитие и совершенствование портала станет залогом сохранения нашего исторического наследия для будущих поколений.

Следующим важным интернет-ресурсом является официальный сайт Российского исторического общества (РИО) «HistoryRussia.org», который играет ключевую роль в цифровизации исторической памяти России. В современном мире, где информация распространяется мгновенно и приобретает различные формы, данная платформа выступает в качестве авторитетного источника научных знаний, площадкой для профессионального общения и инструментом популяризации истории для широкой аудитории. «HistoryRussia.org» возник в эпоху, когда историческая наука должна адаптироваться к новым реалиям цифрового пространства. Задача сайта – обеспечить доступность исследований, организованных историческим обществом России, а также стать центром обмена опытом и знаниями между историками, архивистами, музейными работниками и всеми, кто интересуется историей России [5]. Подобные порталы обладают интерактивным веб-инструментом для интеграции первичных документов, карт и связанной информации [2].

Необходимо отметить вклад в сохранение исторического наследия интернет-сайта Министерства внутренних дел Российской Федерации «мвд.рф». Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации представляет собой не только платформу для текущей информации о криминогенной обстановке страны и оказания государственных услуг, но и важный инструмент для сохранения исторической памяти о деятельности выдающихся ученых ведомства, а также о правопорядке в стране. В контексте общей цифровизации исторической памяти, сайт МВД России предоставляет уникальный взгляд

на историю правоохранительных органов, их роль в формировании и защите государства. Хотя основной функционал сайта не направлен на историческое осведомление граждан, разделы, посвященные истории МВД, его подразделениям и героям, выполняют важную функцию сохранения и трансляции исторической памяти. Сайт предоставляет доступ к архивным материалам, фото- и видеодокументам, рассказывающим о деятельности ведомства на различных исторических этапах.

Безусловно стоит упомянуть интернет-ресурс Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя «мосу.мвд.рф», представляющий собой важный элемент в контексте сохранения исторической памяти учебного заведения в цифровую эпоху. Этот университет обладает богатой историей, связанной с подготовкой кадров для правоохранительных органов. Цифровой ресурс играет ключевую роль в обеспечении доступности информации об этапах его развития, достижениях выпускников и вкладе в обеспечение правопорядка в стране. Сайт «мосу.мвд.рф» служит платформой для публикации архивных материалов, фотографий, документов и воспоминаний ветеранов, что позволяет сохранить и передать исторический опыт будущим поколениям сотрудников полиции. Публикация научных статей, монографий и других исследовательских работ в электронном формате способствует широкому распространению знаний об истории университета и его роли в развитии юридической науки. Использование интерактивных технологий позволяет сделать историческую информацию более доступной и привлекательной для современной аудитории. Регулярное обновление контента и обеспечение многоязычной поддержки сайта способствуют расширению охвата аудитории и укреплению международного сотрудничества в области подготовки кадров для правоохранительных органов.

Цифровая революция изменила способы производства исторического знания [1]. В условиях цифровой трансформации, особое значение приобретают образовательные учреждения в формировании исторической грамотности и критического мышления. Возможной проблемой может стать деконструктурализация, а иначе отрыв от контекста, что в итоге приводит к искаженному пониманию исторических событий. Необходимо также отметить проблему сохранения данных, хранящихся в интернет-ресурсах – цифровая информация подвержена риску потери из-за различного рода кибератак, сбоев электронного оборудования и уязвимости веб-сайтов. Не смотря на постоянное совершенствование и переход в электронные ресурсы многих отраслей права, историческая память должна оставаться и в формате печатных изданий, сохранения письменных документов, имеющих культурное значение для государства. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в историческое образование требует совершенствования знаний обучающихся, преподавателей и своевременного изменения законодательства в данной сфере. Цифровая трансформация общества существенно изменяет научную среду и инфраструктуру исторической науки.

Список литературы

1. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. История и историческая память о Великой Отечественной войне в коммуникативных практиках цифрового общества // Российская школа связей с общественностью. 2020. № 17. С. 29–43.

2. Маслова И. В. Digital history: новации в исследовательской культуре историка // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2021. Т. 41, № 1. С. 37–42.

3. Батырбаева Ш. Д. Историческая наука в эпоху цифровой трансформации: анализ состояния, вызовы и будущие направления // Россия: общество, политика, история. 2023. № 2 (7). С. 22–37.

4. Попов В. И. Модель коммуникации федеральных, региональных и местных органов власти как фактор устойчивого развития региона // Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики. М. : Проспект, 2019. С. 69–73.

5. Ситников К. А. Мемориальная функция права: к постановке проблемы // История государства и права. 2025. № 1. С. 32–40.

Казбанов Д. С.[1],
студент 2-го курса
направления «Юриспруденция»
Института права, экономики и финансов
Кабардино-Балкарского
государственного университета
имени Х.М. Бербекова

Научный руководитель:
Сатушиева Л. Х.,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Института права, экономики и финансов
Кабардино-Балкарского
государственного университета
имени Х.М. Бербекова,
кандидат юридических наук, доцент

СООТНОШЕНИЕ ИСТОРИИ И ПАМЯТИ В ПРАВЕ: РЕЦЕПЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКИХ ТРУДОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Право – это не только сухие строки в законах и официальные решения судов. Его реальное действие и восприятие людьми складываются из чего-то большего – из общих представлений, устойчивых образов и опыта, передаваемого в обществе. Можно сказать, что у права есть не только официальная история, записанная в учебниках, но и своя «народная» память. Эта память откладывается в сознании общества, влияя на то, как люди понимают справедливость, какие ждут от государства гарантий и как ведут себя в правовом поле. Она живет в рассказах старших поколений о том, «как было раньше», в устойчивых мифах о надежности государственной поддержки и в глубоко укоренившихся привычках решать вопросы через коллектив, а не в одиночку.

Особенно ярко это проявляется в сфере труда, которая всегда была краеугольным камнем общественного устройства в России. В советское время труд считался не просто способом заработка, а делом чести и доблести. Государство гарантировало работу каждому, а предприятие заботилось о сотруднике «от и до», предоставляя не только зарплату, но и жилье, путевки в санатории, организацию досуга. Эти принципы глубоко укоренились в сознании нескольких поколений и стали частью национального менталитета. С переходом России к рыночной экономике формальные правила игры изменились кардинально. На смену гарантированному «праву на труд» пришла «свобода труда», а роль государства и работодателя стала другой, сместившись в сторону большей самостоятельности и личной ответственности работника.

---

[1] © Казбанов Д. С., 2026.

Старые представления никуда не исчезли, они продолжают «жить» в коллективных ожиданиях работников, которые по-прежнему подсознательно ждут от государства патерналистской опеки и гарантий стабильности. Эти ожидания проявляются в спорах с начальством, когда работник требует не просто компенсацию при увольнении, а именно «восстановление на работе», как будто рабочее место является его неотъемлемой собственностью. Они видны в аргументах о «справедливой» оплате, которая часто понимается не через призму рыночной стоимости специалиста, а через унаследованное от советской эпохи представление о всеобщем равенстве и обязательной государственной защите от бедности. Даже в решениях некоторых судей можно обнаружить отголоски прошлого, когда суд склоняется в сторону максимальной защиты работника как более слабой стороны, руководствуясь не только буквой закона, но и сложившимся за десятилетия принципом государственного патернализма.

Получается, что современное трудовое право существует как бы в двух измерениях. Первое – это новое, формальное, прописанное в Трудовом кодексе, которое декларирует свободу, гибкость и рыночные отношения. Второе – это старое, неформальное, сохранившееся в коллективной памяти людей, которое продолжает диктовать свои условия и влиять на поведение всех участников трудовых отношений. Эта память действует как мощный фильтр, через который проходят и применяются новые правовые нормы. Понимание этого двойного влияния помогает объяснить, почему многие формально прогрессивные законы на практике встречают сопротивление или искажаются, и почему конфликты в сфере труда часто носят не только экономический, но и глубоко ценностный характер [1, ст. 24].

Чтобы понять, как прошлое влияет на настоящее, нужно разграничить два понятия. История права – это объективная последовательность событий: какие законы принимались, как они изменялись, какие решения выносили суды. Это факты, которые можно найти в архивных документах и учебниках. Это логичная и последовательная цепь изменений, которую изучают юристы и историки.

Память о праве – это нечто иное. Это то, как общество помнит и осмысливает правовые нормы прошлого. Такая память редко бывает точной и полной. Она формируется под влиянием личного опыта, рассказов старших поколений, упрощенных или даже искаженных представлений о том, «как было раньше». Например, многие помнят, что в советское время государство гарантировало трудоустройство и стабильность, но часто забывают о недостатках этой системы – о низкой мобильности, о «уравниловке» в оплате, о ограничениях на смену места работы.

Эта коллективная память обладает удивительной живучестью. Она передается не через официальные документы, а через семейные истории, через культуру, через устойчивые выражения вроде «начальство должно отвечать за людей». Именно эта память, а не сухие исторические факты, чаще всего формирует правовые ожидания и модели поведения людей сегодня. Она служит своеобразным фоном, невидимым ориентиром, на котором разворачиваются современные трудовые споры и конфликты. Когда работник и работодатель обсуждают условия труда, они часто говорят на языке закона, но их глубинное понимание

«справедливости» и «правильного» во многом сформировано этой самой правовой памятью. Таким образом, игнорировать этот пласт – значит пытаться понять современное право, глядя лишь на его видимую часть, не замечая мощного подводного течения коллективных представлений [2, ст. 104].

Рассматривая современное трудовое законодательство России, можно обнаружить интересный парадокс. Формально оно построено на совершенно новых, рыночных принципах, но при внимательном изучении в его структуре просматриваются контуры предыдущей правовой системы. Этот процесс не является прямой рецепцией – заимствованием старых норм. Речь идет о более сложном явлении, когда советские правовые конструкции, пройдя через фильтр трансформации, продолжают существовать в измененном виде, определяя логику и содержание современных правовых институтов.

Ярким примером служит трансформация принципа обеспечения занятости. Если в советский период государство гарантировало абсолютное право на труд и фактически брало на себя обязанность трудоустроить каждого гражданина, то сегодня эта обязанность трансформировалась в сложную систему мер содействия занятости. Государство больше не предоставляет работу напрямую, но создает службы занятости, организует программы переобучения и устанавливает квоты для трудоустройства отдельных категорий граждан. Таким образом, идея государственной ответственности за занятость не исчезла, но видоизменилась, приняв формы, адекватные рыночной экономике [3, ст. 249].

Аналогичная трансформация произошла и с системой защиты трудовых прав. В советский период основным гарантом выступал сам работодатель в лице государственного предприятия, а также профсоюзные организации, наделенные широкими контрольными полномочиями. В современном трудовом праве защита сместилась в сторону государственных надзорных органов, таких как Федеральная служба по труду и занятости (Роструд), и судебных инстанций. При этом сама идея особой, усиленной защиты прав работника, характерная для советского трудового права, не только сохранилась, но и получила дальнейшее развитие, что проявляется в установлении повышенных гарантий для определенных категорий работников и в диспозитивном регулировании трудовых отношений.

Даже такой, казалось бы, новый институт, как социальное партнерство, в российской трактовке несет на себе отпечаток советского подхода к коллективному регулированию труда. Трехсторонние комиссии по регулированию социально-трудовых отношений на различных уровнях, в которые входят представители правительства, профсоюзов и работодателей, в определенной степени наследуют традицию централизованного, патерналистского установления условий труда, лишь адаптированную к новым экономическим реалиям [4, ст. 157].

Теоретическая трансформация советских правовых конструкций – лишь одна сторона медали. Гораздо интереснее проследить, как правовая память продолжает жить в повседневной практике, влияя на решения судов, действия работников и стратегии работодателей. Это влияние редко формализовано, но оно устойчиво проявляется в виде определенных шаблонов мышления и ожиданий.

Ярче всего это видно в сфере увольнений. Формально Трудовой кодекс детально регулирует процедуру расторжения трудового договора, предоставляя

сторонам четкие основания. Однако на практике увольнение по инициативе работодателя часто воспринимается работником не просто как прекращение договорных отношений, а как социальная несправедливость, нарушение некоего «естественного права» на рабочее место. Это глубоко укорененное представление, идущее из советской эпохи, когда труд был не только правом, но и обязанностью, а увольнение – чрезвычайным событием. В результате многие судебные споры о восстановлении на работе ведутся с невероятным эмоциональным накалом, где правовые аргументы тесно переплетаются с моральными требованиями «справедливости».

Эта же логика прослеживается в понимании оплаты труда. Несмотря на рыночные отношения, в обществе сохраняется сильное ожидание, что зарплата должна быть не только компенсацией за труд, но и гарантией определенного социального статуса и устойчивого уровня жизни. Советский принцип «справедливой» оплаты, часто отождествляемый с уравнительным подходом, трансформировался в современное требование к государству устанавливать достойный минимальный размер оплаты труда, который воспринимается не как технический экономический индикатор, а как моральный императив. Споры о «достойной зарплате» регулярно выходят за рамки чисто экономических дискуссий, превращаясь в дискуссии о социальной роли государства.

В рыночных институтах, таких как трудовой договор, можно обнаружить следы правовой памяти. Ожидания работников в отношении социальных гарантий – от оплаты больничных листов до предоставления отпуска – часто превышают установленные законом минимумы и основаны на советском опыте, когда предприятие выполняло роль «социального государства в миниатюре». Многие работники по-прежнему считают, что работодатель обязан решать их жилищные вопросы или помогать в сложных жизненных ситуациях, что является прямым наследием патерналистской модели трудовых отношений [5, ст. 68].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о глубоком и многогранном характере взаимодействия между историей права и правовой памятью в современной России. Несмотря на формальное закрепление в трудовом законодательстве принципов рыночной экономики и индивидуальной ответственности, коллективные представления о труде, сформированные в советский период, продолжают оказывать существенное влияние на правоприменительную практику.

Исследование показало, что правовая память функционирует как активный социальный институт, который:

1) формирует устойчивые ожидания работников в отношении государственных гарантий занятости;

2) влияет на понимание справедливости в сфере оплаты труда;

3) определяет особенности толкования трудовых норм в судебной практике.

Перспективы дальнейшего развития российского трудового права видятся в необходимости учета выявленных особенностей правовой памяти. Эффективное реформирование отрасли требует не только совершенствования нормативной базы, но и целенаправленной работы по гармонизации новых правовых установлений с существующими коллективными представлениями о социальной справедливости и трудовых правах.

Значимость исследования заключается в демонстрации того, что понимание современного российского права невозможно без учета его исторического контекста и особенностей коллективного правосознания. Правовая память выступает не просто как пассивный реликт прошлого, а как активный фактор, продолжающий формировать правовую реальность современной России.

Список литературы

1. Проблематика мест памяти // Наследие / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж и др. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 1999. С. 17–50.

2. Антонов М. В. История правовой мысли России : учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2025.

3. Исаев И. А. История отечественного государства и права : учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2004.

4. Конюхова И. А. История государственного и конституционного права России : учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025.

5. Фалалеева И. Н., Гаврилова В. Д. Защита исторической правды – новое направление государственной политики Российской Федерации // Право и практика. 2021. № 4. С. 65–71.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

7. Кодекс законов о труде РСФСР : утвержден Верховным Советом РСФСР 9 декабря 1971 г. : утратил силу // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1035/.

Бабенкова А. И.[1],
курсант факультета
подготовки следователей
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Гарина О. В.,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук

ОТДЕЛЬНЫЕ УГРОЗЫ, ИСХОДЯЩИЕ ОТ ЭХОКАМЕР И «ПУЗЫРЕЙ», И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Объекты, подлежащие защите со стороны государства, многочисленны и в обобщенном виде перечислены в Конституции Российской Федерации и конкретизированы в других нормативных правовых актах, но в первую очередь в Стратегии государственной национальной политики [1, с. 10; 6]. Сегодня безопасность в российском цифровом пространстве – один из ключевых показателей способности противостоять различным информационным угрозам [2, с. 23]. К последним можно отнести фрагментацию знания и поляризацию дискуссий. Если проблема поверхностности связана преимущественно с характером подачи и потребления контента, то феномен эхокамер и фильтрующих пузырей затрагивает саму структуру информационного пространства социальных сетей и его влияние на формирование картины мира. Алгоритмическая персонализация, являющаяся краеугольным камнем модели SNS2 и ключом к их коммерческому успеху, создает мощные, часто невидимые пользователю, механизмы селекции информации. Эти механизмы, призванные повысить релевантность и удержание, оборачиваются ловушкой интеллектуальной изоляции, особенно пагубной для гуманитарной сферы, чья жизнеспособность зависит от плюрализма мнений, критического диалога и способности воспринимать сложность и многогранность явлений.

Механика изоляции реализуется от персонализации к сегрегации. Фундаментальный принцип работы алгоритмов рекомендательных систем в SNS заключается в предсказании и показе пользователю того контента, с которым он с наибольшей вероятностью проявит взаимодействие (лайкнет, прокомментирует, поделится, досмотрит до конца или несколько раз). Этот прогноз строится на анализе прошлого поведения пользователя (его лайков, репостов, времени

---

[1] © Бабенкова А. И., 2026.

[2] Это алгоритмическая децентрализованная автономная организация, которая позволяет разработчикам передавать контроль над разработкой децентрализованных приложений сообществам.

просмотра определенных типов контента, подписок) и поведения похожих на него пользователей. Результатом является формирование индивидуального «фильтрующего пузыря», где пользователь видит преимущественно информацию, подтверждающую его существующие взгляды, интересы и предубеждения, в то время как альтернативные точки зрения, сложные или противоречащие его картине мира материалы эффективно отфильтровываются. Этот пузырь не статичен; он динамически сужается по мере того, как алгоритм «обучается» на каждом новом действии пользователя, все точнее подстраиваясь под его предпочтения и все надежнее отгораживая от неудобной информации. Внутри этих пузырей естественным образом кристаллизуются эхокамеры – сообщества (реальные или виртуальные), где определенный набор идей, ценностей, интерпретаций не просто циркулирует, но и постоянно усиливается через взаимное подтверждение участников, без существенной критической рефлексии или столкновения с контраргументами. В эхокамере консенсус достигается легко, диссонанс подавляется (иногда через модерацию, чаще через социальное давление или игнорирование), а оппоненты воспринимаются как враждебные «другие», чьи аргументы априори не заслуживают серьезного рассмотрения.

Для гуманитарного знания, где многие вопросы (интерпретация исторических событий, анализ литературных произведений, философские концепции, этические нормы) по своей природе дискуссионны и многозначны, существование в изолированных эхокамерах имеет катастрофические последствия. Например, появление фрагментарного гуманитарного знания и формирование параллельной реальности. Вместо единого, хотя и плюралистичного, поля дискуссии возникает множество параллельных информационных реальностей, каждая со своими «фактами», авторитетами и нарративами:

1. История становится полем битвы нарративов. Так, одно и то же историческое событие (революция, война, социальное движение) может существовать в совершенно разных, зачастую взаимоисключающих, трактовках внутри разных эхокамерах. Источники, считающиеся достоверными в одной камере, в другой отвергаются как ангажированные или фальсифицированные [3, с. 12]. Попытки профессиональных историков апеллировать к архивным данным и методологии могут игнорироваться или объявляться частью «официальной лжи» внутри альтернативных сообществ. Прийти к консенсусу по базовым установленным фактам становится невозможным.

2. Литература и искусство теряют многоголосие. Интерпретация художественного произведения сводится к доминирующей в данной камере идеологической или этической призме. Нюансы, амбивалентность авторского замысла, исторический контекст создания стираются в угоду однозначному, часто политизированному, прочтению. Критическая дискуссия о ценности или смысле произведения подменяется его оценкой на соответствие актуальным для эхокамеры догмам.

3. Философские и этические дебаты заходят в тупик. Сложные философские дилеммы или этические споры редуцируются до лозунгов и бинарных оппозиций («за – против», «хорошо – плохо»). Возможность увидеть проблему с разных сторон, признать аргументы оппонента, найти компромисс или сформулировать

общий вывод или мнение исчезает в условиях поляризованных монологов внутри изолированных камер. Диалог заменяется взаимным монологизированием и обвинениями.

Эхокамеры не просто изолируют мнения; они активно способствуют их поляризации и радикализации. Механизм прост. Внутри камеры умеренные голоса часто заглушаются более радикальными, так как последние генерируют более сильные эмоции (гнев, возмущение, чувство превосходства) и, следовательно, более высокое вовлечение, которое алгоритмы продвигают. Критика или сомнения в отношении «генеральной линии» камеры могут восприниматься как предательство. Внешние точки зрения, попадающие в поле зрения (например, через случайные репосты или упоминания), обычно представляются в карикатурном, упрощенном виде. Это создает порочный круг. Чем более радикальной становится позиция внутри камеры, тем сильнее ее отторжение от других точек зрения и тем агрессивнее защита своих границ. Потребление информации внутри гомогенных онлайн-сообществ коррелирует с усилением экстремальных взглядов и невосприимчивостью к контраргументам. В гуманитарных дискуссиях это проявляется в невозможности конструктивного диалога между разными школами мысли, в росте взаимной нетерпимости и в подмене аргументации эмоциональными обвинениями и анонимными атаками.

4. Важно понимать, что алгоритмы SNS – не нейтральные арбитры информации. Они создаются людьми, отражают их (часто неосознанные) культурные и когнитивные предубеждения, а также оптимизируются под конкретные цели платформ (удержание пользователей, максимизация рекламных показов). Это приводит к предвзятости.

Определенные темы, точки зрения или группы могут систематически недопредставляться или подавляться алгоритмами, если они считаются «не вовлекающими» или коммерчески невыгодными. Исторические исследования, посвященные, например, опыту колонизированных народов или гендерным аспектам истории, могут иметь меньшую органическую видимость, чем привычные национально-героические нарративы.

Как ни парадоксально, спорный, провокационный или откровенно ложный контент часто получает высокие показатели вовлечения (комментарии, споры), что заставляет алгоритмы активно продвигать его. Это может приводить к непропорциональному усилению голосов, продвигающих исторический ревизионизм, конспирологические теории или ненавистнические интерпретации культурных феноменов, на фоне маргинализации взвешенного экспертного мнения.

Критерии ранжирования контента, правила модерации и факторы, влияющие на видимость, часто являются коммерческой тайной платформ. Непрозрачность этих процессов («черный ящик») затрудняет понимание, почему одни идеи получают распространение, а другие – нет, и открывает возможности для манипуляций и внешнего давления (политического, коммерческого) на то, какое знание и чьи голоса получают доступ к широкой аудитории. Платформы, принимая решения о том, что можно видеть, а что нельзя, фактически берут на себя роль неподотчетных публике управляющих публичной сферой.

В условиях изменения миропорядка, формирования многополярного мира единственной надеждой защитой от хаоса и бессмысленного уничтожения человеком человека выступает должным образом организованная система норм права [4, с. 8]. В настоящее время продолжается формирование законодательства в области противодействия распространению фейковой информации [5, с. 147].

В Стратегии государственной национальной политики [6] обозначены меры противостояния фрагментации знаний и поляризации дискуссий и другим негативным явлениям, проанализированным выше. К ним относятся:

1. Укрепление общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей обеспечивается за счет реализации культурных, образовательных и научно-просветительских программ, направленных на укрепление позиций русского языка, с использованием сети «Интернет» путем продвижения русскоязычных интернет-платформ и онлайн-сервисов для общения и обучения.

2. Сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации обеспечиваются путем решения следующих задач:

– создании интернет-ресурсов, материал которых будет представлен не только на русском языке, но и на языках народов Российской Федерации;

– государственная поддержка и популяризация интернет-ресурсов, освещающих значимые исторические события и пропагандирующих достижения народов Российской Федерации;

– обеспечение доступа к сети «Интернет», в том числе на удаленных и труднодоступных территориях.

3. Информационное обеспечение реализации государственной национальной политики осуществляется с участием средств массовой информации и лидеров общественного мнения путем решения следующих задач:

– использование ресурсов сети «Интернет», в том числе социальных сетей, видеохостингов, мессенджеров и блогов, для создания и продвижения социально значимого контента, направленного на укрепление гражданского единства, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений, на популяризацию культуры народов Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей и приобщение к ним молодежи, на противодействие пропаганде идеологии экстремизма и защиту от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия;

– подготовка и размещение в сети «Интернет», социальной рекламы, направленной на реализацию государственной национальной политики;

– организация и проведение конкурсов на лучшее освещение в сети «Интернет» вопросов межнационального (межэтнического) и межрелигиозного взаимодействия.

4. Реализация государственной национальной политики осуществляется с использованием возможностей и механизмов международного сотрудничества, проявляющегося во взаимодействии со средствами массовой информации соотечественников, проживающих за рубежом, и их ресурсами в сети «Интернет».

Таким образом, фильтрующие пузыри и эхокамеры, порожденные алгоритмической логикой социальных сетей, представляют собой фундаментальную угрозу для гуманитарного знания как пространства диалога, плюрализма и поиска сложных истин. Они дробят общее информационное поле на изолированные анклавы, где знание застывает в догмах, дискуссия вырождается в конфронтацию, а способность к критической рефлексии и восприятию инаковости ослабевает. Преодоление этой изоляции требует осознанных усилий как со стороны государства, общества и человека, вынужденных выходить за пределы своего комфортного пузыря, так и со стороны платформ, которым необходимо пересмотреть приоритеты в структуре алгоритмов и прозрачности их работы, а также со стороны создателей контента, стремящихся к преодолению барьеров между камерами.

Список литературы

1. Гарина О. В., Таршева М. Н. Исторический аспект государственной защиты в России : монография. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024.

2. Дудченко Л. В. Правовые аспекты организации массовых мероприятий с использованием современных информационных технологий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 3 (69). С. 22–27.

3. Выходов А. А. Понятие и признаки фальсификации истории Отечества // Современное общество и право. 2024. № 6 (73). С. 9–12.

4. Система права: современное состояние, проблемы и перспективы развития / [Б. Б. Сулейманов и др.]. М. : Русайнс, 2024.

5. Порватова Л. В. Развитие законодательства по противодействию фейковой информации: исторический опыт и современные тенденции // Конституция и конституционализм в Российской истории: опыт социально-политической трансформации : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 29–30 сентября 2023 г.) / отв. ред. Т. Н. Ильина. Курск : Курский государственный университет, 2023. С. 143–147.

6. Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519680/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

Демин В. И.[1],
курсант факультета
подготовки следователей
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Выходов А. А.,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Наблюдаемый в гуманитарных науках «антропологический поворот» закономерно актуализирует проблему исторической памяти как основы преемственности поколений и коллективной идентичности. Однако в XXI веке интерес к этому феномену обусловлен не только теоретическими поисками, но и объективным вызовом – тотальной цифровизацией всех сфер общественной жизни, кардинально меняющей способы фиксации, трансляции и восприятия прошлого. Если традиционно историческая память кумулировалась и передавалась через устойчивые институты (архивы, музеи, систему образования, печатные издания), то сегодня ее основным носителем и пространством реконфигурации становится цифровая среда. Этот процесс, характеризующийся фундаментальными социокультурными изменениями, в научной литературе определяется как «медиальный» или «цифровой» поворот [3, с. 78]. В рамках данного поворота производство прошлого меняет вектор: от направленности от публичных институций к частному лицу – к движению «от масс к массам», опосредованному узлами цифровой фильтрации [3, с. 81]. В условиях России, где государственная политика активно обращается к вопросам исторического наследия и «традиционных ценностей», осмысление правовых, социальных и когнитивных последствий цифровизации памяти приобретает особую значимость.

Анализ современных исследований позволяет выделить несколько ключевых подходов к пониманию цифровизации исторической памяти. Большинство авторов сходятся в том, что данный процесс амбивалентен. С одной стороны, он открывает беспрецедентные возможности для сохранения и демократизации доступа к прошлому. И. В. Грибан и О. Н. Грибан отмечают такие позитивные аспекты, как оцифровка архивов (проекты «Память народа», «Мемориал» (движение признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации), развитие виртуальных музеев и экскурсий, которые «существенно расширяют воз-

[1] © Демин В. И., 2026.

можности использования материалов музеев в учебно-воспитательном процессе», а также безграничные возможности для научной коммуникации (онлайн-конференции, вебинары) [1, с. 57–58]. С. А. Храпов также указывает, что цифровые ресурсы компенсируют географическое и социальное неравенство, предоставляя доступ к культурному наследию жителям удаленных районов [4, с. 72].

С другой стороны, исследователи единодушно констатируют целый комплекс порождаемых цифровой средой проблем. Ключевой из них является проблема достоверности и фальсификации. Е. И. Замараева прямо называет цифровое пространство «агрессивным социальным полем и идеальным инструментом для манипуляций сознанием» [2, с. 263], где активно ведутся «войны памяти», направленные на переписывание истории, в частности, дискредитацию роли СССР во Второй мировой войне [2, с. 266]. С. В. Тихонова и С. М. Фролова указывают на кризис традиционной цензуры и навигации в условиях «избыточного, конфликтного и противоречивого» полилога о прошлом в сети [3, с. 83]. С этим связана и проблема формирования «клипового сознания» у молодежи, для которой, как отмечает Е. И. Замараева, яркие образы и короткие видео заменяют системное изучение текстов, что делает ее особенно уязвимой для манипуляций [2, с. 264].

Особый интерес представляет **когнитивно-психологический аспект цифровизации памяти**, который подробно исследуется В. А. Худовой. Автор вводит понятие «трансактивной цифровой памяти», где Интернет и цифровые устройства выступают новым внешним звеном мнемической системы, берущим на себя функцию хранения информации [5, с. 357]. Это порождает «эффект Google» (цифровую амнезию) – снижение усилий и способности к запоминанию, так как информация воспринимается как легкодоступная [5, с. 358]. Данный феномен имеет прямое отношение к исторической памяти: привычка к мгновенному поиску фактов может приводить к поверхностному, неглубокому усвоению исторического знания, замене его на набор разрозненных, не связанных в систему данных. Таким образом, цифровизация меняет не только каналы передачи памяти, но и саму когнитивную архитектуру ее усвоения индивидом.

В правовом поле Российской Федерации ответом на эти вызовы стало укрепление нормативной базы, направленной на защиту исторической памяти. Историческая память прямо отнесена к сфере «традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Конституционной основой является положение ч. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации о защите исторической правды. Понятие «историческая правда» можно рассматривать как ядро, вокруг которого формируется более широкое понятие «исторической памяти», охватывающее не только установленные факты, но и их культурные интерпретации, эмоциональное восприятие и общественные смыслы. Е. И. Замараева определяет историческую память как «опыт поколений, перенесенный в современность для того, чтобы служить нравственным ценностно-ориентирующим маяком, формирующим коллективное сознание и коллективную память» [2, с. 264]. Следовательно, задача права заключается не только в охране фактографического ядра (исторической правды), но и в создании условий для воспроизводства на его основе целостной, объединяющей исторической памяти.

Таким образом, анализ литературы позволяет систематизировать ключевые возможности и проблемы цифровизации исторической памяти в российском контексте. К числу возможностей, актуализируемых цифровизацией, относятся доступность и демократизация исторического знания через свободный удаленный доступ к архивным материалам, музейным коллекциям и научным публикациям; интерактивность и вовлеченность, обеспечиваемые использованием мультимедийных форматов (виртуальные туры, 3D-реконструкции, образовательные игры) для привлечения интереса молодежи; сохранность и реплицируемость уникальных источников благодаря созданию их резервных цифровых копий, защищающих их от физического разрушения; а также глобальная научная коммуникация, преодолевающая географические барьеры для совместных исследований и дискуссий. В то же время цифровая среда обостряет ряд серьезных проблем и рисков. Среди них – фальсификация и «войны памяти», выражающиеся в целенаправленном искажении исторических фактов в рамках информационного противоборства и высокой скорости распространения фейков; фрагментация и клипирование сознания, ведущие к замене системного знания на мозаику разрозненных, часто эмоционально окрашенных образов и нарративов; когнитивные эффекты («эффект Google»), ослабляющие внутреннюю память и критическое мышление из-за привычки полагаться на внешние цифровые источники; сегрегация информационного пространства, выражающаяся в формировании «пузырей фильтров» и «капсул», где пользователь сталкивается только с точкой зрения, близкой его собственной, что углубляет общественные расколы в трактовке прошлого [2, с. 265]; а также правовые и институциональные лакуны, проявляющиеся в недостаточной эффективности национального законодательства в регулировании глобальных цифровых платформ, распространяющих противоправный контент.

В качестве заключения представляется возможным сформулировать ряд предложений, направленных на минимизацию рисков и максимизацию преимуществ цифровизации исторической памяти. *Во-первых*, необходима разработка и реализация комплексной государственной политики, объединяющей усилия законодателей, педагогов, ученых-историков, архивистов и IT-специалистов. Эта политика должна быть нацелена не на изоляцию, а на активное заполнение цифровой среды качественным, научно выверенным и при этом технологически современным контентом. *Во-вторых*, требует развития правовое регулирование, обеспечивающее как защиту от фальсификаций (включая механизмы ответственности цифровых платформ), так и защиту авторских прав на цифровые архивные коллекции и научные продукты. *В-третьих*, в системе образования необходим пересмотр методик преподавания истории с учетом новых цифровых реалий: развитие медиаграмотности, обучение навыкам критической работы с онлайн-источниками, противодействие «клиповому» восприятию. Как верно отмечает С. А. Храпов, именно система образования сегодня остается ключевым социальным институтом, ответственным за формирование социальной памяти и гражданской идентичности [4, с. 69], и ее адаптация к цифровой эпохе – вопрос национальной безопасности. Только такой комплексный подход, сочетающий правовые, образовательные и технологические решения, позволит

обеспечить сохранение исторической памяти как основы преемственности поколений и духовного суверенитета в условиях неизбежной и прогрессирующей цифровизации.

Список литературы

1. Грибан И. В., Грибан О. Н. Историческая память в эпоху цифровизации: новые возможности и проблемы сохранения // Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления : материалы Международной научно-практической конференции (Витебск, 29 октября 2021 г.). Витебск : Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, 2021. С. 55–60.

2. Замараева Е. И. Проблемы сохранения исторической памяти в эпоху цифровизации // Казанский педагогический журнал. 2022. № 3 (152). С. 263–269.

3. Тихонова С. В., Фролова С. М. Историческая память и медиальный поворот: цифровизация прошлого // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20, № 4. С. 78–85.

4. Храпов С. А. Проблемы формирования социальной памяти и гражданской идентичности обучающихся в условиях цифровизации образовательного и социального пространства // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 2 (60). С. 69–74.

5. Худова В. А. Цифровизация памяти: эффект Google и запоминание информации // Психология познания : материалы конференции (Ярославль, 6–8 декабря 2024 г.). Ярославль : Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, 2024. С. 357–361.

Леонардова И. А.[1],
курсант 533-го учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Фролова Т. Н.,
доцент кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат социологических наук, доцент

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На современном этапе развития российского общества, безусловно, институт семьи играет значимую роль. Не менее важно, что роль брака и семьи занимала ведущее место в жизни всего общества и каждого отдельно взятого индивида на протяжении всей истории человечества. Будучи одновременно носителем культурных и духовных ценностей, семья является источником приобретения социально значимых качеств, образцов поведения в обществе.

Представления о семье в прошлые времена сводились к непосредственной взаимосвязи с религиозными и духовными началами. В связи с этим, она воспринималась как маленькая церковь, являясь одновременно основой хозяйства, воспитания, преемственности поколений.

На Руси несколько столетий правила семейной жизни определял «Домострой», как важный свод наставлений, регулирующих советы по хозяйству, воспитанию детей, поведению дома и в гостях [3]. Принципы семейной жизни, описанные в нем, долгое время функционировали как традиционные семейные ценности. Однако в условиях общественного развития, трансформации ценностных ориентиров такие представления об институте семьи стали постепенно уходить на второй план. Редукционизм системы традиционных семейных ценностей выразился в том, что карьерный рост, саморазвитие, приоритет работы над семьей стали более важными ориентирами современного человека.

В представлениях россиян сегодня брак все чаще воспринимается как символический выбор, материнство – как путь, требующий баланса, а многодетность – как некий ориентир, недостижимый в современных условиях. Некоторые исследователи считают, что брак сегодняшний и брак двадцать лет назад – разные явления в общественном мнении, поскольку наблюдается сдвиг от универсальных традиционных, эмоциональных оснований вступления в брак в сторону индивидуализации брачных мотивов. Проводимое Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2025 г. социологическое исследование,

[1] © Леонардова И. А., 2026.

посвященное представлениям россиян о семье и браке в XXI в. показало, что в обществе заметно ослабли мотивы любви и особенно – мотив продолжения рода [8]. Возможно, причиной этому служит распространенность «гражданского» брака, то есть сожительства, преобладание данного ориентира над мотивом «брак = дети». Более того, в современных представлениях для рождения детей необязательно вступать в брак. Стоит отметить, что согласно данному исследованию [8] снизился мотив избегания одиночества посредством брака, то есть людям сегодня более комфортным представляется жить, не создавая семью.

В настоящее время в российском социуме настораживает тенденция увеличения числа неполных и сознательно бездетных семей. Как правило, неполная семья приводит к проблемам в социализации детей. Именно благодаря семье в процессе первичной социализации ребенок усваивает первые знания о добре и зле, первые ценностные ориентиры.

Тенденция к увеличению количества неполных семей свидетельствует о наличии демографической проблемы. По данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости в России за 2025 г. составляет 1,33 в то время как в 2024 г. данный показатель был 1,41 [7]. При этом, проблема воспроизводства населения представляет серьезную угрозу обществу и государству, поскольку демография является одним из ключевых компонентов национальной безопасности. Именно от населения, его развития и уровня жизни зависит будущее страны. Демографы и политики говорят о том, что депопуляция (возможная потеря до 50 млн населения в ближайшие 30 лет) может стать решающей для судьбы России в XXI в.

В то же время, опрос, проводимый ВЦИОМ показал, что для граждан России представления об идеальной семье хоть и не реализуются в условиях современности, но, тем не менее, сходны с пониманием традиционных семейных ценностей [4]. Так, россияне идеальной называют, прежде всего, полную семью, в которой обязательно есть дети, а лучше, если детей много, больше трех – так считает половина опрошенных (51 %). Благосостояние, работа и дом являются главными атрибутами идеальной семьи (18 % опрошенных). Граждане стали чаще говорить о том, что в идеальной семье царит взаимопонимание, поддержка и уважение друг к другу, пусть даже иногда возникают финансовые трудности. В общественном сознании россиян образ идеальной семьи традиционно ассоциируется с полной, многодетной ячейкой общества, где главенствуют принципы гармонии и любви. Материальное благополучие, хотя и имеет определенное значение, воспринимается как вторичный фактор, уступающий по значимости духовным аспектам семейной жизни.

Однако, в условиях глобализации отмечается и унификация системы ценностей, в том числе и понимание значимости института семьи. Представления о семейных ценностях в других странах так или иначе находит отражение и в мнении россиян. В странах Запада, как отмечают исследователи, традиционное понимание семьи не считается общепринятым. По оценкам французского социолога Т. Блосса современные тенденции семейной жизни претерпевают качественные изменения. Например, наблюдается увеличение возраста женщин при рождении первого ребенка, что сокращает возможность рождения второго.

Для европейских женщин репродуктивного возраста приоритетной является профессиональная карьера. Более того, молодые женщины (особенно с профессиональным образованием) в качестве альтернативы «карьерный рост – создание семьи» выбирают первое. Популярность набирает рост «предбрачного» сожительства, при котором стороны не обременяют себя обязательствами по финансовому обеспечению, воспитанию, а также другим аспектам семейной жизни, характерным для традиционного брака [2]. Подобное понимание семьи мы наблюдаем в современном российском обществе. **Институт семьи сегодня претерпевает трансформацию** под влиянием экономических, политических и культурных изменений. Это проявляется в изменении ценностных ориентаций, внутрисемейных отношений и структуры семьи. В целом можно говорить о трансформации брачно-семейного поведения, выражающегося в распространении незарегистрированных партнерских союзов и все большей неустойчивости браков.

Изменения ценностного отношения к семье является следствием социальных процессов в целом. Доминирование в обществе материального над духовным не может не затронуть семью. Более того, появление и развитие цифровых технологий изменяет способы коммуникации в семье, что делает общение не «живым», а осуществляющимся через социальные сети. Эти причины способствуют формированию новых взглядов на значимость семьи и традиционных семейных ценностей. Наблюдаются тенденции перехода патриархальной многодетной семьи к нуклеарной, роста числа неполных семей, появления новых форм союзов (например, гостевого брака). Такая трансформация ведет к **ослаблению семьи как социального института**, что может выразиться в нарушении межпоколенных связей, утрате воспитательного потенциала семьи и формировании ее как разобщенной ячейки общества. В современном мире восстановление института многопоколенческой семьи с крепкими горизонтальными и вертикальными связями – залог сохранения преемственности поколений, успеха эффективной демографической политики.

Современное развитие семейно-брачных отношений является разнонаправленным и противоречивым. Исследования отечественных и зарубежных психологов свидетельствуют о том, что семья в истинном понимании ее значения – это своеобразная платформа, совместное существование в рамках которой можно считать успешным лишь тогда, когда происходит слияние двух отдельных «Я» в целостное и неделимое «Мы» [9]. Некоторые исследователи считают, что трансформация института семьи связана с проявлением социальной девиации. Так, социолог Е. И. Исакович считает, что традиционная модель семьи, характерная для XX столетия и отличавшаяся доминирующей ролью мужчины, сакральным статусом брака, многодетностью и низкой частотой разводов, постепенно уступает место новым, так называемым, виртуальным моделям социального поведения. Эти модели характеризуются иными социальными ожиданиями и смысловыми значениями, а также специфическими формами взаимоотношений, которые не всегда находят прямое отражение в реальной социальной практике [5]. Представители же альтернативного взгляда видят в модернизации семьи естественную эволюцию социальных отношений.

При этом стоит отметить, что российское общество всегда отличалось самобытностью, а традиционные семейные ценности сохранялись достаточно длительное время. Однако изменение ценностных представлений затронуло наряду с другими социальными институтами и институт семьи. Негативные тенденции актуализировали вопрос сохранения традиционных представлений о данном институте, стремление к увеличению многодетных, полных семей, реализующих жизненный цикл в полном объеме. Для России это является одним из важнейших приоритетов в настоящее время. Аргументируя данную позицию, следует упомянуть, что 2024 год в России стал годом семьи в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» [10]. Президент отметил, что семья является не просто основой государства и общества, но и духовным явлением, основой нравственности. 2024 год отмечен проведением различных мероприятий, направленных на укрепление системы традиционных семейных представлений: торжественные мероприятия, посвященные Дню матери и отца; конференции по защите, сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, различные марафоны и акции.

По данным ВЦИОМ, проводимого по завершении Года семьи в январе 2025 г., [1] почти треть россиян (31 %) считают, что Год семьи положительно повлиял на укрепление семейных ценностных представлений. При обсуждении возможных мер или инициатив, которые следовало бы внедрить в рамках продолжения Года семьи, россияне в первую очередь акцентировали внимание на мерах социальной поддержки (27 %) и помощи в решении жилищных вопросов (23 %). Это свидетельствует о сохранении приоритетности базовых социальных и экономических потребностей и подчеркивает значимость практических инициатив, непосредственно влияющих на качество жизни семей. В свою очередь, представитель ВЦИОМ Е. Михайлова отметила, что Год семьи стал важным этапом в переосмыслении подходов, способствующих укреплению семьи. Это говорит о том, что сегодня закладывается прочный фундамент по укреплению семьи и улучшения демографической ситуации. Так, важным стратегическим документом является Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года», реализация положений которого направлена на преодоление современных угроз демографического кризиса, а следовательно, и поддержание национальной безопасности государства [6].

Анализируя современные тенденции развития института семьи, можно сделать вывод о том, что под влиянием глобализации, унификации системы ценностей наблюдается изменение взглядов и ориентиров общества, в том числе и о значимости семьи и брака. Создание крепкой многодетной семьи, являющейся первоначальным звеном, закладывающим духовно-нравственные ценности, культурные традиции, образцы поведения в обществе, уже не представляется необходимостью. В то же время, несмотря на это, в сознании граждан есть представления о том, как должна выглядеть идеальная семья, и более того, такие представления очень схожи с пониманием семьи в традиционном смысле.

Наблюдаются тенденции укрепления и защиты данного института посредством функционирования государственных программ, выражающихся в поддержке многодетных семей, предоставления бóльших гарантий социальной защиты для молодых семей, создания благоприятных условий для демографического роста.

В основе российского общества лежат традиционные семейные ценности. Кризис института семьи, изменение ценностей приводит к нарушению процесса социализации молодого поколения. Молодежь, отвергая мораль отцов, противопоставляет себя им. Вместо преемственности общество получает социальный конфликт, способный потрясти и разрушить общество.

Таким образом, система традиционных семейных ценностей всегда будет являться важным фундаментом для жизни и развития людей. Семья – один из важнейших социальных институтов, выполняющий функции, связанные с физическим, социальным и духовным воспроизводством общества, преемственности поколений, сохранения и укрепления исторической и культурной памяти. Стремление к соблюдению и реализации таких ценностей создаст необходимую основу для социализации личности, повышения благосостояния населения и гармоничной жизни всего общества.

Список литературы

1. Год семьи в России: итоги // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/god-semi-v-rossii-itogi.

2. Дементьева И. Ф. Изменение института семьи в условиях глобализации // Социальная педагогика. 2013. № 6. С. 5–12.

3. Домострой // Азбука Веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Silvestr/domostroj/.

4. Идеальная семья – 2024 // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2024.

5. Маковецкая Е. Н. Трансформация семейных отношений в современном обществе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 4-1 (103). С. 148–153.

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501543/.

7. Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume.

8. Семья и брак в России XXI века // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka.

9. Трофимова Ю. В. Динамика ценностно-смысловых составляющих образа мира супругов в процессе становления семейных отношений : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.01. Барнаул, 2002.

10. Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472530/.

Резько В. А.[1],
курсант 2-го курса
факультета криминальной милиции
Академии МВД Республики Беларусь

Научный руководитель:
Семенова Е. Л.,
старший преподаватель
кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
факультета милиции
общественной безопасности
Академии МВД Республики Беларусь

О МЕРАХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

В настоящее время правоохранительные органы наделены достаточно широким инструментарием административно-правового принуждения, направленным для обеспечения соблюдения законодательства и недопущения негативных правовых последствий в целях обеспечения правопорядка и общественной безопасности.

Следует отметить, что специфика мер административно-правового принуждения, применяемых к иностранным гражданам и лицам без гражданства, заключается прежде всего в правосубъектности указанных субъектов, составной частью которой является деликтоспособность.

В общей структуре правоотношений следует выделять те, которые складываются при привлечении к административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства вследствие нарушения ими правил пребывания, регистрации, передвижения и выбора места жительства, а также осуществления ими трудовой деятельности. С учетом динамики правового регулирования указанных правоотношений, в том числе по вопросам туризма и отдыха граждан, расширения законодательных возможностей трудовой деятельности для указанных категорий лиц, возникает необходимость совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере административной ответственности данных субъектов.

Анализируя меры государственного принуждения, следует отметить, что к ним относятся депортация, высылка и реадмиссия.

Депортация является одним из видов административного принуждения, относящегося к мерам административного взыскания, и представляет собой административное выдворение за пределы Республики Беларусь за совершение административного правонарушения, применяется в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства [1].

---

[1] © Резько В. А., 2026.

Следует отметить, что основанием для наложения данного административного взыскания является совершение иностранными гражданами или лицами без гражданства, выступающими в данном случае как специальные субъекты, конкретных правонарушений, посягающих на общественные отношения в сфере правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства Республики Беларусь.

Для применения депортации необходимо осуществить качественную подготовку материалов по делу об административном правонарушении, заключающуюся в собирании, проверке и оценке доказательств с закреплением их в предусмотренных процессуальных формах, вынести постановление о наложении административного взыскания в рамках административного процесса.

Важно отметить, что депортация может быть применена и за совершение правонарушения повторно, поскольку санкция статьи в области законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства Республики Беларусь – 24.35 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, является альтернативной и выступает как в качестве основного, так и дополнительного административного взыскания.

Особенностью при ведении дел об административных правонарушений в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства является то, что с целью обеспечения исполнения постановления о наложении административного взыскания в виде депортации к указанным субъектам могут быть задержаны с санкции прокурора на неопределенный срок.

Одним из ключевых аспектов при рассмотрении дела об административном правонарушении является установление срока запрета на въезд в Республику Беларусь. Данный срок должен быть прямо указан в постановлении. В настоящее время законодательством Республики Беларусь установлены временные рамки запрета въезда от шести месяцев до пяти лет.

Наиболее близкой к депортации по своей правовой природе является высылка. Основанием для применения высылки в отличие от депортации является не только совершение иностранным гражданином или лицом без гражданства противоправного деяния, но и иные обстоятельства, угрожающие правопорядку и общественной безопасности. Такими обстоятельствами являются: наличие у иностранного гражданина или лица без гражданства заболевания, представляющего опасность для здоровья населения Республики Беларусь, осуществление им экстремистской или террористической деятельности, причастность к контрабанде или иной деятельности, направленной на причинение ущерба национальной безопасности, к незаконному обороту оружия, боеприпасов к нему, взрывчатых веществ, взрывных устройств, предметов, поражающее действие которых основано на использовании горючих веществ, радиоактивных материалов, наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, к организации незаконной миграции или торговле людьми и прочее.

Относительно перечня заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения Республики Беларусь, следует отметить, что к таковым в соответствии с постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь «Об установлении перечня заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения» от 15 июня 2012 г. № 75 следует отнести активный туберкулез

органов дыхания, чуму, холеру, сибирскую язву, геморрагические лихорадки Ласса, Марбург, Эбола [5].

В соответствии с вышеуказанным нормативно-правовым актом Министерства здравоохранения Республики Беларусь вышеуказанный список заболеваний носит исчерпывающий характер, а такое заболевание, как COVID-19 и инфекции, передающиеся половым путем – гонорея и сифилис были исключены из перечня лишь в 2023 году. Такие изменения были связаны непосредственно с положительными динамическими составляющими в лечении, а также совершенствованием в санитарно-противоэпидемических мероприятиях в отношении указанных инфекций.

Анализируемый порядок реализации высылки позволяет отметить, что при изучении личности иностранного гражданина или лица без гражданства, степени тяжести совершенного им противоправного деяния, в том числе в прошлом, а также законности пребывания на территории Республики Беларусь, наличия близких родственников и официального трудоустройство дают для компетентных органов повод для принятия не только решения о высылке, но и установления срока запрета на въезд в Республику Беларусь, который варьируется во временных рамках от шести месяцев до десяти лет.

Следует отметить, что депортация и высылка иностранного гражданина или лица без гражданства из Республики Беларусь может быть осуществлена как в добровольном порядке, так и в принудительном. Данное обстоятельство зависит от принятия решения компетентным органом с учетом вышеуказанных обстоятельств и отсутствия оснований полагать, что лицо может уклониться от добровольного выезда в установленные законодательством сроки.

В отличие от депортации и высылки, реадмиссия является таким организационно-правовым механизмом, который заключается в «официальной» передаче и приеме лица при обнаружении компетентными органами факта незаконного пребывания в принимающем государстве. Специфика реадмиссии заключается прежде всего в том, что ее применение возможно лишь при имеющимся двустороннем соглашении между государствами. Важно отметить, что при реализации процедуры реадмиссии необходимо согласование по каждому конкретному случаю.

До сих пор общее определение «реадмиссия» в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. Ее сущность, как правило, вытекает из практического использования и удобства для выполнения установленных целей, т. е. именно основанием применения такой процедуры как реадмиссия в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства является наличие договора между странами как пакт сотрудничества, заключающегося в непосредственной заинтересованности того государства, который является инициатором ходатайства. Основной целью, выступающей для реализации реадмиссии выступает укрепление сотрудничества в сфере предотвращения и борьбы с нелегальной миграцией, поскольку нелегальное перемещение становится все более частым в современном обществе и государстве, а, соответственно, имеет свои негативные факторы.

Таким образом, из всего вышеуказанного можно сделать вывод о том, что меры административно-правового принуждения в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства способны выступать как средство охраны правопо-

рядка и общественной безопасности, защиты от противоправных деяний указанными лицами, а также наступления негативных последствий в будущем, однако требуют более четкого и ясного закрепления в законодательстве и в правоприменительной практике правоохранительных органов Республики Беларусь.

Если порядок применения депортации в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства в белорусском законодательстве строго регламентирован, то высылка не имеет четких деталей для ее применения, порождает определенные сложности в процедуре ее осуществления компетентными органами. Несмотря на ряд общих черт между депортацией и высылкой, первое, на что необходимо ссылаться, является основание применения указанных процедур и, тем самым, их дифференциация. Институт осуществления реадмиссии с практической точки зрения обладает спецификой ввиду того, что до настоящего времени не возможен в применении ко всем иностранным гражданам и лицам без гражданства по причине отсутствия двусторонних соглашений между некоторыми государствами. В этой связи одним из приоритетных направлений для выполнения цели реадмиссии, которую исполняют компетентные органы, можно определить совершенствование международно-правовой базы, корректировки на внутригосударственном уровне. Для реализации такого юридического механизма необходимо более четкое и понятное осуществление процедуры в минимальные сроки и с наименьшими финансовыми потерями.

Список литературы

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобрен Советом Республики 18 декабря 2020 г. (с изм. и доп. от 20.10.2025) // Эталон-онлайн. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091.

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобрен Советом Республики 18 декабря 2020 г. (с изм. и доп. от 20.10.2025) // Эталон-онлайн. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100092.

3. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 3 февраля 2006 г. № 146 «Об утверждении Положения о порядке высылки иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь» (с изм. и доп. от 31.08.2021) // Эталон-онлайн. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=c20600146. Режим доступа: при регистрации.

4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 марта 2007 г. № 333 «Об утверждении Положения о порядке депортации иностранных граждан и лиц без гражданства» (с изм. и доп. от 02.06.2021) // Эталон-онлайн. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=c20700333. Режим доступа: при регистрации.

5. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 15 июня 2012 г. № 75 «Об установлении перечня заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения» (с изм. и доп. от 03.02.2023) // Эталон-онлайн. URL: https://etalonline.by/webnpa/text.asp?RN=w21226072. Режим доступа: при регистрации.

Голобокова А. А.[1],
курсант 553-го учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Шлегель П. О.,
преподаватель кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЗНАЧИМОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Рассуждая о значимости исторической памяти и ее отражении в российском праве, предлагается, в первую очередь, обратиться к Конституции Российской Федерации и федеральным законам, которые обращают внимание на защиту исторической правды, патриотическое воспитание граждан, охрану культурного наследия и недопущение фальсификации истории.

В праве нередко находят свое отражение официальные позиции и трактовки главных исторических событий (например, Отечественная война, Великая Отечественная война), что является инструментом формирования единого сознания нации. Для этого государство предпринимает попытку через законы (например, законы о противодействии экстремизму, о реабилитации нацизма, об охране памятников) создания правовых барьеров для трактовок, которые являются ложными и вредоносными.

В настоящее время Российская Федерация придает особое значение сохранению исторической памяти. Для этого законодательство страны предусматривает целый ряд правовых механизмов, направленных на защиту исторической правды и борьбу с попытками ее искажения.

Историческая память – это совокупность коллективных представлений о ключевых событиях, лицах и символах, имеющих значение для формирования гражданской идентичности и обеспечения национальной безопасности страны. Она является основой культурной преемственности и национальной идентичности.

Историческая память имеет как социальную значимость, так и политическое применение. Она формирует идентичность общества, сохраняет ценности и уроки прошлого, помогает осмыслить настоящее и построить будущее. Для государства она выступает важным идеологическим инструментом, позволяя использовать значимость исторических событий в процессе поддержания и воспроизводства национальной или этнической идентичности.

---

[1] © Голобокова А. А., 2026.

Следует выделить функции правового регулирования защиты и сохранения исторической памяти в современной России:

1. Идеологическая. Формирует национальные и государственные ориентиры и представления о событиях прошлого (например, создание и закрепление государственной мемориальной концепции, сохранение исторического наследия).

2. Защитная. Противодействие искажению исторических фактов и сохранение исторической правды (например, предотвращение фальсификации истории, ответственность за реабилитацию нацизма, восстановление права на достоверную информацию о прошлом).

3. Воспитательная. Формирование патриотизма, гражданской ответственности и уважения к историческому наследию у подрастающего поколения (например, сохранение объектов и памятников историко-культурного наследия, пропаганда участия в мероприятиях патриотической направленности).

Таким образом, значимость исторической памяти для современного российского государства носит фундаментальный характер. Главной целью российского законодательства в области исторической памяти является не только сохранение истории прошлого, но и создание на этой основе единой, объединяющей всю нацию, истории.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 27.10.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

4. Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 11. Ст. 943.

5. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6643/. Режим доступа: заказ документа на электронную почту.

Амбросенкова Д. С.[1],
курсант Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Беляева А. А.,
старший преподаватель кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

ДОКТРИНА «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ» КАК ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

В настоящее время на нашу страну оказывают большое давление. Однако наше государство остается верным свои идеалам и продолжает свой уникальный путь. В Российской Федерации традиционные ценности являются неотъемлемой частью жизни, например: патриотизм, честь и достоинство, гуманизм, справедливость, единство народов России, крепкая семья. Безусловно духовный стрежней очень важен для нас, так же важным остается историческая память и преемственность. В связи с этим современное российское общество все чаще и чаще обращается к идее, доктринам, которые возникли в Российской империи, Древней Руси. Стоить отметить, что данные идеи не теряют своей актуальности и сегодня, одной из которых является – доктрина «Москва – Третий Рим».

«Москва – Третий Рим» – это идея, которая впервые появилась в письмах монаха Спасо-Елеазаровского монастыря Филофея. Данное послание было адресовано государю всея Руси Василию Великому (1505–1533). В 1453 г. Византия не смогла сдерживать гнет Османской империи. Флорентийская уния не оправдала ожиданий, обещанной помочи от католической церкви не поступило. 1453 г. Византийская империя, которую называли «Вторым Римом» пала, а вместе с тем пропал центр православия. Существовала необходимость новой духовного лидера, но кто может претендовать на эту сложную роль? «Крушение Византии (в 1453 г. Константинополь пал под напором турок) привело к возникновению теории о всемирно-исторической роли Москвы, кратко изложенной в посланиях игумена Псковского монастыря старца Филофея к московским князьям. В них проводилась мысль о том, что с падением Рима и Константинополя центром христианства становится Россия во главе с русским князем – страна принимает на себя миссию отстаивания и утверждения православной веры» [2].

---

[1] © Амбросенкова Д. С., 2026.

Филофей изложил следующую мысль: «Храни и внимай благочестивый царь тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать» [3, с. 201].

В данной фразе монах Спасо-Елеазаровского монастыря выражает идею о будущем Православной церкви. Данная идея имеет сове выражение в двух фундаментальных положениях

1. Избрание русского народа богом.

2. Преемственность царств. Филофей считал, что Москва является наследницей Рима и Византийской империи.

В классическом понимании идея «Москва – Третий Рим» трактуется следующим образом: Московское государство является центром Православия и преемницей двух великих империй. Принято считать, что данная теория появилась примерно в первой половине XVI в. Однако можно выделить «скрытый период» возникновения вышеуказанной теории. Первым фактом является то, что в 1453 г. Византийская империя не смогла противостоять туркам. Флорентийская уния не оправдала надежд. Реальной помощи от Папы Римского Византия не получила. В сознании человека русского государства появляется идея о том, что Византия «предала» православную веру, так как изъявила желание заключить Флорентийскую унию, то есть объединится с католическим миром и признать главенство Папы Римского. Центр православия пал. Существовала необходимость новой духовного лидера, но кто может претендовать на эту сложную роль? Московское государство было достойным кандидатом, но для массового признания данного факта потребовалось около 50 лет. Вторым фактом является женитьба Ивана Великого (1462–1505) с последней Византийской императрицей Софией Палеолог. На фигуру Ивана Васильевича стоит обратить особое внимание. Большое значения для осмыслении своего исторического бытия и предназначения является освобождение от татаро-монгольского иго. Более двух сотен лет Русского государство находилось под гнетом Орды. Именно Василий Великий сумел освободить Русь от гнета. На данный процесс повлияла не только грамотная и мудрая политика правителя, а также значительное ослабление татаро-монгольского ига. Золотая орда начала распадаться. Таким образом появились Ногайская Орда, Казанское ханство, Крымское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, Большая Орда. В 1480 г. произошло Стояние на реке Угре. Данное событие положило конец зависимости Русского государства. В связи с этим, можно провести историческую параллель. Византия оставляет веру и погибает под гнетом противников, в то время как Русское государство одерживает долгожданную победу. Именно здесь начинает зарождаться идея «Москва – Третий Рим». Ранее был указан факт женитьбы Василия Великого и Софии Палеолог. После бракосочетания Россия приняла в качестве государственного герба двуглавого орла из Византии. Данные факты помогли зародить данную идею и позднее помогла ей укрепиться.

Впервые данная теория нашла выражения в письмах монаха Филофея.

Б. А. Успенский писал, что доктрина «Москва – Третий Рим «получила в России и космологическое, и историческое обоснование, в связи с чем в ней совместились представления о цикличном и линейном времени: наряду с по-

следовательным развитием событий происходит возвращение к тому, что уже было, в рамках нового временного цикла» [4].

Помимо преемственности Византии и Рима Москва является последнем Земским Царством, то есть «четвертому Риму не бывать».

Стоит отметить, что учения Филофея вначале не рассматривали как политическую доктрину. Изначально – это была религиозно-философская теория, которая заключалась в том, что власть царя обязуется хранить Православие. Политические оттенки данная теория получила намного позже.

Важное значение для развития теории «Москва – Третий Рим» стало венчание Ивана Грозного (1533–1584) на царство. В 1549 году в успенском соборе митрополит Макарий произвел обряд венчания на царство. Таким образом, Иван Грозный становится первым русским царем. Здесь еще больше закрепляется преемственность Москвы и Византии, так как титул «Царь» в Византии использовался для обозначения некоторых правителей. Помимо этого, титул «царь» позволил занять более существенное положение в мировой политике.

Иван Грозный являлся очень религиозным человеком. В связи с этим и необходимостью упорядочивания религиозных норм в 1551 г. происходит стоглавый собор, которое получил свое название от ответов на поставленные вопросы царем. Основная задача стоглавого собора – это упорядочивание церковных норм и выявление неточностей. Церковные правила, которые Русь переняла у Византийской империи начали искажаться и вовсе нарушатся. Стоглавый собор помог привести церковные нормы в единообразие, а также закрепило связь церкви и государства.

Наиважнейшем событием для Руси и Православной церкви стало учреждение патриаршества в 1589 г. Первым Русским патриархом стал Иов. Основание института патриаршества содействовало возвышению международного авторитета Руси и помимо этого подчеркнуло суверенность и независимость Русской православной церкви, а также закрепило за Русью статус центр православия. Доктрина «Москва – Третий Рим» имеет значительную историческую и культурную актуальность, особенно в современном мире, в частности в контексте российской идентичности и геополитической позиции страны.

В. Д. Бакулов в связи с этим отмечает: «Таким образом, результатом духовного освоения новых исторических и политических реалий, связанных со становлением и утверждением в системе международных отношений Московского централизованного государства, стала разработка сложного комплекса идей и доктрин, включающих в себя как ряд определяющих теоретико-богословских постулатов, так и положения и формулы идеологической и политической практики, на них основанные или органически с ними связанные, правильно понимаемые лишь в их содержательном контексте» [5].

Доктрина «Москва – Третий Рим» продолжает оставаться значимым культурным и политическим феноменом в современном российском обществе. Ее актуальность проявляется в контексте стремления России утвердить свою уникальность и историческую миссию на мировой арене, а также в условиях глобализации и поиска национальной идентичности. Эта концепция служит основой для формирования идеологии, которая объединяет традиционные ценности,

православие и представление о России как защитнице духовных основ человечества. «При всей своей автономности, между государством и РПЦ существуют взаимодействие и крепкая взаимосвязь в сравнении с иными религиозными организациями» [1, с. 118].

Таким образом, доктрина не только сохраняет свою историческую значимость, но и продолжает оказывать влияние на общественное сознание и политические процессы в России, становясь важным элементом в формировании национальной идентичности и внешнеполитической стратегии страны, таким образом подчеркивая важность исторической памяти и преемственности. На сегодняшний день, можно с уверенность заявить, что Россия закрепила за собой статус «Москва – Третий Рим».

Список литературы

1. Беляева А. А. Формы самоорганизации институтов гражданского общества: социологические и правовые аспекты. Орел : Картуш-ПФ, 2025.

2. Дмитриев Г. С. Особенности формирования концепции «Москва – Третий Рим» в XVI веке // Теология: теория и практика. 2022. № 4. С. 67–88.

3. Кожинов В. В. История Руси и русского слова. М. : Эксмо, 2001.

4. Кравченко Е. В. Византийское православие как идеологическая основа Московского государства и российского патриотизма // Юристъ-правоведъ. 2016. № 2 (76). С. 114–118.

5. Бакулов В. Д. Социокультурные метаморфозы утопизма : дис. … д-ра филос. наук : 24.00.01, 09.00.11. Ростов н/Д., 2003.

Парфенов А. А.[1],
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Шлегель П. О.,
преподаватель кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОТ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА К МЕЖДУНАРОДНОМУ УГОЛОВНОМУ СУДУ В ГААГЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

В XXI в. роль норм международного права в регулировании межгосударственных отношений продолжает уменьшаться, о чем свидетельствуют последние события: осуществляемое странами – участницами НАТО содействие эскалации вооруженного конфликта на востоке Украины, приведшее впоследствии к необходимости проведения специальной военной операции и открытое участие альянса в террористических атаках, посягающих на суверенитет и безопасность Российской Федерации [1, с. 183]; эскалация пограничного конфликта между Таиландом и Камбоджей [2]; военная агрессия Соединенных Штатов Америки против Венесуэлы и насильственное перемещение главы данного государства в США [3] для инициирования судебного процесса в отношении него по обвинению в злоупотреблении должностными полномочиями с целью организации незаконного импорта наркотических средств на территорию Соединенных Штатов Америки, коррупционных преступлениях и финансировании терроризма [4]. Данная тенденция обусловлена тем, что нормы международного права либо систематически не соблюдаются (так, последний пример демонстрирует нарушение принципа суверенного равенства государств [5], принцип отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях [6]), либо различные субъекты международных правоотношений по-разному их интерпретируют, и об этом также свидетельствует присущий современному международному праву [24] феномен фрагментации, когда каждая из сфер международных отношений, ранее регулируемых зародившимся «общим международным правом», ныне регулируется отдельными его отраслями, например, такими как торговое право, морское право, инвестиционное право и др. Это приводит к созданию специализированных судов и трибуналов, разнородная практика которых стимулирует развитие и распространение фрагментации; ре-

[1] © Парфенов А. А., 2026.

зультатом изоляции судебных органов друг от друга становится посягательство судов на юрисдикцию друг друга [7, с. 5].

Международные судебные инстанции, помимо своей основной функции отправления правосудия, приобретают дополнительную роль инструмента политического давления на государства. Это приводит к трансформации их решений в политически мотивированные акты. С. Л. Окс отмечает, что Международный уголовный суд (МУС) – не единственная международная организация, терпящая репутационные потери, однако в связи с тем, что МУС не имеет механизмов принудительного исполнения, его органы находятся в критической зависимости от поддержки государств, ратифицировавших Римский статут и «общественной легитимности» организации. «Часто использования пропаганды и дезинформации в сочетании с острой потребностью МУС в государственной поддержке и сотрудничестве бывает достаточно, чтобы вынудить МУС принять определенное решение или перенаправить свои ограниченные ресурсы на решение другой проблемы» [8, с. 581–582]. Э. Хань и С. Ли рассматривают влияние геополитического противостояния ведущих мировых держав на общественное восприятие легитимности международных организаций, и описывают экспериментальное исследование, в результате проведения которого был сформулирован вывод о том, что присутствие представителя конкурирующей сверхдержавы в руководящих органах международной организации негативно сказывается на ее легитимности в глазах населения государства-конкурента [9].

Необходимо также подчеркнуть, что, как демонстрирует практика, принятие нарушающих принцип справедливости и политически мотивированных решений органами международной уголовной юстиции в отношении высших должностных лиц какого-либо государства, может повлечь возникновение у представителей данных органов юридической ответственности в соответствии с национальным законодательством указанного государства. Так, Московский городской суд заочно осудил прокурора и восемь судей МУС за незаконное осуществление уголовного преследования граждан Российской Федерации [10]. Тем не менее, в контексте упоминания данного уникального судебного прецедента следует отметить, что Российская Федерация, подписав Римский статут Международного уголовного суда, не осуществила его ратификацию, а впоследствии, в 2016 г., официально уведомила о намерении не становиться участником Римского статута МУС [11]. В то же время данный пример демонстрирует возникновение специфического конфликта между национальными и наднациональными судебными органами.

В условиях, когда международные правовые нормы, особенно те, что регулируют деятельность международной уголовной юстиции, систематически нарушаются, а инициирование судебных процессов наднациональными судебными органами мотивируется преимущественно политическими и экономическими интересами наиболее влиятельных государств, а не стремлением к установлению справедливости и привлечению к ответственности лиц, виновных в преступлениях против человечности, вопрос о том, какие базовые принципы международного уголовного права, сформировавшиеся еще в начале и середине XX в., действительно сохраняют преемственность и устойчивость, оставаясь незыбле-

мым фундаментом международного уголовного правосудия, приобретает практическое значение. Указанные принципы будут рассмотрены далее.

Зарождение и развитие основополагающих принципов международного права во многом обусловлено завершением Второй мировой войны и последующим учреждением Организации Объединенных Наций (ООН). С 20 ноября 1945 г. в Нюрнберге стартовал судебный процесс над высшими руководителями нацистской Германии, чья преступная деятельность привела к гибели многих миллионов людей, разрушению городской и сельской инфраструктуры, а также к утрате культурного наследия множества государств и народов. Завершение данного процесса состоялось 1 октября 1946 г. Международный военный трибунал (МВТ), приговоривший двенадцать военных преступников к смертной казни, семерых – к различным срокам тюремного заключения, и оправдавший троих подсудимых, стал первым в истории человечества международным органом, вершившим суд за преступления против мира и человечества [12, с. 31]. Устав Международного военного трибунала, подготовленный в результате комплексной юридической работы по согласованию юридических норм государств-участников, относящихся к континентальной, англосаксонской и советской правовым системам, а также по устранению разночтений в толковании понятий, используемых в статье шестой данного нормативно-правового акта, определил составы международных преступлений, влекущих индивидуальную ответственность виновных лиц, и сформулировал фундаментальные принципы правоприменения в сфере уголовной юстиции, осуществляемого наднациональными судебными органами [13, с. 105]. В этом акте также впервые нашло отражение определение преступления против человечности, являющимся разновидностью тяжких международных преступлений наряду с преступлением геноцида, военными преступлениями и преступлением агрессии [14, с. 37].

Указанная категория заняла в международном уголовном праве место среди базовых концепций, сопоставимых по значению с принципами Устава МВТ, что подтверждается последовательностью ее трактовки международными судами. Преступления против человечности (ППЧ) получили всеобщее признание в качестве международных преступлений, что получило закрепление в том числе в Резолюции ГА ООН № 95(I) 1946 г. и 1950 г. [14, с. 38], и их содержание получило благодаря практике временных трибуналов (по бывшей Югославии и Руанде) и смешанных уголовных судов в Сьерра-Леоне, Восточном Тиморе, Камбодже, Ливане. Данная дефиниция содержится также и в Римском статуте МУС [15, с. 67]. Указанный юридический термин фигурирует и в выдвинутых МУС обвинениях против премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, экс-министра обороны Израиля Йоава Галанта, обвиняемых в «военном преступлении использования голода в качестве способа ведения войны, и преступлениях против человечности, таких как убийства, преследования и других бесчеловечных деяниях» [16].

Возвращаясь к принципам международного уголовного права, которые впервые были закреплены в Уставе МВТ и реализованы в ходе Нюрнбергского процесса, в первую очередь представляется необходимым упомянуть принцип универсальной юрисдикции. Принцип универсальной юрисдикции представляет

собой специфическое основание для реализации уголовной юрисдикции в международном праве, предоставляющее государствам право осуществлять уголовное преследование лиц, обвиняемых в совершении наиболее тяжких преступлений, осуждаемых международным правом – военных преступлений, преступлений против человечности и геноциде [17, с. 353]. Статья 22 Устава Нюрнбергского трибунала устанавливала следующее: «постоянное местонахождение Трибунала – Берлин. Первые заседания членов Трибунала и Главных Обвинителей состоятся также в Берлине, в том месте, которое будет определено Контрольным Советом в Германии. Первый процесс состоится в Нюрнберге, а последующие процессы состоятся в местах по определению трибунала». Упомянутые в тексте ст. 22 «последующие процессы», опираясь на Нюрнбергский трибунал, проводились исключительно военными трибуналами США, а не трибуналом представителей разных государств – так, например, был осуществлен процесс над врачами, продолжавшийся с 9 декабря 1946 г. по 20 августа 1947 г., в ходе которого 23 подсудимых были обвинены в преступлениях против человечности, включая медицинские эксперименты над военнопленными [18, с. 96]. Данный принцип, хоть и не был закреплен в Уставе Нюрнбергского трибунала и Принципах международного права, признанных статутом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в решении этого Трибунала, системно предусматривается в универсальных международных договорах, регулирующих нормы международного уголовного права (Конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него 1948 г.; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. и др.) [18, с. 97]. В соответствии с определением, изложенным в докладе Комиссии международного права ООН и упомянутым ранее, данный принцип закреплен в Римском статуте Международного уголовного суда. Статут предусматривает, что государство, ратифицировавшее документ, автоматически признает юрисдикцию МУС. В то же время государство, не являющееся участником Статута, может признать его юрисдикцию путем подачи заявления Секретарю МУС [19, с. 115]. В ч. 9 документ устанавливает обязательство государств-участников «сотрудничать с Судом в проведении им расследования преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, и осуществлении уголовного преследования за эти преступления», а также порядок взаимодействия и сотрудничества с государствами, не осуществлявшими ратификацию Римского статута МУС [20, с. 53–63].

Одним из ключевых принципов, формирующих фундамент международного уголовного права, является концепция индивидуальной ответственности лиц, сформулированная Нюрнбергским трибуналом [21]. Так, данное основное положение международного уголовного права предполагает наступление ответственности за совершение международного преступления физическим лицом, не обладающим статусом субъекта международных правовых отношений [13, с. 106]. Необходимо подчеркнуть, что Советский Союз сыграл ключевую роль в формировании данного основополагающего принципа международной уголовной юстиции. Деятельность Верховного Суда СССР и других национальных судебных органов, направленная на сбор доказательств и привлечение к ответственности нацистских военных преступников, оказала значительное влияние на су-

дебное преследование высшего военно-политического руководства нацистской Германии. Материалы Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, а также ущерба, нанесенного гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, послужили основой для обвинения гитлеровцев в совершении преступлений на территории Советского Союза [22, с. 176]. Принцип индивидуальной ответственности лица, устанавливающий, что виновность за международные преступления присуща физическому лицу или лицам, совершившим их, исключает применение в международном уголовном праве концепции вины государства и коллективной ответственности, а в национальных правовых системах он противостоит так называемому «объективному вменению» [21]. Это основное положение международного уголовного права также нашло отражение в Римском статуте МУС, закрепляющем в ст. 25, что данный международный судебный орган обладает юрисдикцией в отношении физических лиц, достигших восемнадцатилетнего возраста, выступающих как в качестве исполнителя, так и соучастника в совершении международного преступления [20, с. 17–18].

Необходимо упомянуть также принцип неотвратимости наказания, представляющий собой основополагающее нормативное положение, которое в сочетании с принципом неприменимости срока давности обеспечивает привлечение к ответственности лиц, совершивших международные преступления. Данный принцип предполагает, что ответственность за указанные деяния наступает независимо от временного промежутка, прошедшего с момента их совершения [13, с. 98]. В ходе Нюрнбергского процесса была наглядно продемонстрирована реализация принципа неотвратимости наказания за международные преступления. В соответствии с приговором Международного военного трибунала, большинство высокопоставленных военных преступников нацистской Германии были признаны виновными в совершении преступлений против мира и человечности и понесли заслуженное наказание. Принцип неотвратимости наказания находит свое проявление в судебной практике XXI в., в частности, в процессах над высшими должностными лицами, обвиняемыми в массовых нарушениях прав человека, включая геноцид и тяжкие преступления против человечности. В качестве примеров можно привести дела, связанные с Аугусто Пиночетом, Тодором Живковым, Николае Чаушеску, Эрихом Хонеккером, а также попытку привлечения к уголовной ответственности Омара аль-Башира [23, с. 230, 232]. Концепция непреложности привлечения к ответственности виновных лиц за военные преступления и преступления против человечности, независимо от истечения срока давности, в дальнейшем была изложена в Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, которая была принята в 1968 г. Кроме того, она закреплена в ст. 29 Римского статута Международного уголовного суда как принцип, в соответствии с которым данный функционирует данный международный судебный орган, осуществляя отправление правосудия.

Таким образом, Международный военный трибунал в Нюрнберге сформировал устойчивый правовой фундамент для международной уголовной юстиции.

Впервые в новейшей истории был институционально закреплен принцип привлечения к ответственности физических лиц за международные преступления. Трибунал придал данному подходу форму публичного судопроизводства, организованного в соответствии с процессуальными нормами, исключая тем самым его интерпретацию как политического преследования. Сформулированные в ходе процесса основополагающие начала стали ориентирами для последующего развития международного уголовного права и были восприняты как общепризнанные принципы. Эти принципы продолжают сохранять свое значение как фундамент поддержания идеи неизбежности ответственности за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, даже в условиях кризиса доверия к международным институтам и усиливающейся фрагментации международного права, а также политизации отдельных международных судебных механизмов.

Список литературы

1. Лутовинов В. И. Россия в противоборстве с агрессией коллективного Запада // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17-1. С. 183–184.

2. В Таиланде заявили о попытке вторжения ВС Камбоджи в провинцию Трат // РИА «Новости». URL: https://ria.ru/20250726/tailand-2031566250.html.

3. Министр обороны Венесуэлы выступил с заявлением после ударов по столице // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8337170.

4. United States of America v. Nicolás Maduro Moros, Diosdado Cabello Rondón, Ramón Rodríguez Chacín, Cilia Adela Flores de Maduro, Nicolás Ernesto Maduro Guerra, Hector Rusthenford Guerrero Flores : sealed superseding indictment : S4 11 Cr. 205 (AKH) / United States District Court, Southern District of New York.

5. Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text.

6. Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях : принята резолюцией 42/22 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 ноября 1987 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/useofforce_refraining.shtml.

7. Нешатаева Т. Н. Европейская конвенция по правам человека и интеграция интеграций: пути преодоления фрагментации международного права // Международное правосудие. 2015. № 4 (16). С. 3–10.

8. Ochs S. L. Propaganda Warfare on the International Criminal Court // Michigan Journal of International Law. 2021, vol. 42, no. 3, pp. 581–582.

9. Han E., Li X. Erosion of International Organizations' Legitimacy under Superpower Rivalry: Evidence on the International Court of Justice // Canadian Journal of Political Science. 2024, vol. 57, pp. 21–42.

10. Суд в Москве заочно приговорил прокурора и судей МУС к срокам до 15 лет // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/12/12/2025/693bd7929a7947c7b03f7f96.

11. Распоряжение Президента Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского

статута Международного уголовного суда» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201611160018.

12. Коваль А. В. Значение Нюрнбергского трибунала для становления принципов международной уголовной ответственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 2 (22). С. 31–39.

13. Кравченко К. М. Нюрнбергские принципы как основа международного уголовного правосудия // Право и государство: теория и практика. 2019. № 7 (175). С. 105–107.

14. Глотова С. В. Концепция преступлений против человечности: общепризнанность и сущностные признаки в свете современного развития международного права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 3. С. 36–49.

15. Кубанцев С. П. Преступления против человечности: международно-правовой аспект // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30). С. 66–68.

16. Международный уголовный суд выдал ордера на арест Биньямина Нетаньяху, Йоава Галанта и одного из лидеров ХАМАС // Новости ООН. URL: https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458601.

17. Джалло Ч. С. Универсальная уголовная юрисдикция // Доклад Комиссии международного права, LXX сессия (30 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2018 г.). URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2018/russian/annex_A.pdf.

18. Бурякс Ж. М. Вклад Нюрнбергского трибунала в становление темы принципов международного уголовного правосудия // Вестник экономики, управления и права. 2024. Т. 17, № 1. С. 94–102.

19. Ренатова Э. Ю. Юрисдикция Международного уголовного суда: основные вопросы // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 113–117.

20. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) : текст Римского статута, распространенного в качестве документа A/CONF. 183/9 от 17 июля 1998 г. (с изм.) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf.

21. Каримбекова А. С. Принцип индивидуальной ответственности // Актуальные вопросы юридических наук : материалы III Международной научной конференции (г. Чита, апрель 2017 г.). Чита : Молодой ученый, 2017. С. 13–17.

22. Григорович Ю. В. Уголовная ответственность индивидов за совершение международных преступлений // Московский журнал международного права. 2008. № 2. С. 172–187. URL: https://www.mjil.ru/jour/article/viewFile/1405/1307.

23. Галустьян О. А. О неотвратимости наказания за преступления против человечности и другие злодеяния // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 228–234.

24. Кирнос А. В., Колесников В. А., Ситников К. А. Международное сотрудничество полиции в рамках ЮНПОЛа : электронное учебное пособие. Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2019.

Орлов И. С.[1],
слушатель 113-го учебного взвода
5-го курса факультета
подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Беляева А. А.,
старший преподаватель
кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА: ПРОБЕЛЫ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Сохранение исторической памяти о событиях, которые имеют глубокую историческую ценность для дальнейшего развития государства, исходя из положений Основного Закона нашей страны, признается одним из главных и основополагающих направлений политики государства. Введение уголовной ответственности за реабилитацию нацизма Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ было обусловлено необходимостью противодействия преступному искажению исторических фактов Второй мировой войны, а также комплексом социально-экономических и политико-юридических факторов, среди которых выделяется фактор «ослабления исторической памяти» [1]. Объектом посягательства данного преступления, то есть, те общественные отношения, которые регулируются в рамках ст. 354.1 УК РФ, являются общественные отношения, которые непосредственно направленны на охрану и защиту исторической памяти Российского государства.

Несмотря на социальную обусловленность и значимость ст. 354.1 УК РФ как необходимого инструмента противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, ее внедрение вызвало ряд дискуссий в научном сообществе и обнажило существенные пробелы, связанные как с юридической техникой, так и с правоприменительной практикой.

Один из ключевых пробелов связан с отсутствием официальных толкований понятий, используемых в статье. Ни законодатель, ни Верховный Суд Российской Федерации не дали официальных дефиниций таким терминам, как «нацизм», «одобрение нацистских преступлений» и «реабилитация нацизма». Это

[1] © Орлов И. С., 2026.

создает риск необоснованного расширительного толкования статьи, что недопустимо в уголовном законе.

Некорректность термина «реабилитация». Термин «реабилитация» в названии статьи (ст. 354.1 УК РФ) критикуется как неудачный и некорректный. В юриспруденции реабилитация подразумевает «порядок восстановления прав и свобод лица», незаконно подвергнутого уголовному преследованию, и носит позитивную окраску. Содержание же ст. 354.1 УК РФ, направленное на общественно опасное поведение, противоречит общему юридическому смыслу этого термина.

Так, на наш взгляд, есть следующие пути решения данной проблемы:

1) изменение наименования статьи: предлагается изменить наименование ст. 354.1 УК РФ на «Публичное оправдание нацизма», поскольку это наименование наиболее полно соответствует диспозиции, которая направлена на оправдание репутации нацизма;

2) законодательное закрепление дефиниций: необходимо законодательно или на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации закрепить основные дефиниции. Например, одобрение преступлений, установленных приговором МВТ, следует определить, как публичное заявление о признании идеологии и практики нацизма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

Диспозиция ч. 1 ст. 354.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за публичное:

1) отрицание фактов, которые были установлены Приговором МВТ по итогам Великой Отечественной войны;

2) одобрение преступлений, установленных в рамках указанного Документа;

3) распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Великой Отечественной войны и о ветеранах Великой Отечественной войны.

Ряд ученых, таких как Ю. Е. Пермяков, высказывают опасения, что данная норма ограничивает конституционное право на свободу слова (ст. 29 Конституции Российской Федерации) и препятствует изучению истории Второй мировой войны [4, с. 110]. А. А. Турышев отмечает, что формулировка статьи «позволяет политической воле вторгаться в сферу исторической науки и закрывать целые разделы для изучения и научной дискуссии».

Н. А. Егорова возражает, утверждая, что статья наказывает не объективные исторические исследования, а пропаганду, не имеющую достоверной научной основы.

А. Ю. Иванов предлагает разграничивать «отрицание» (однозначное несогласие с фактической позицией, отраженной в Приговоре МВТ) и «сомнение» (другую трактовку факта, например, в ходе научной дискуссии), считая, что только первое должно быть наказуемо.

С другой стороны, существует мнение о необходимости ограничения поля действия ст. 354.1 УК РФ в части, касающейся отграничения от невозможности несогласия с отдельными положениями Приговора МВД или оспаривании каких-то событий в рамках научных исследований и дискуссий.

Несоответствие ч. 3 ст. 354.1 УК РФ родовому объекту: ст. 354.1 УК РФ относится к гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества».

Однако ч. 3 ст. 354.1 УК РФ (осквернение символов воинской славы, оскорбление памяти защитников Отечества или унижение чести и достоинства ветерана) критикуется за несоответствие родовому объекту. Объект ч. 3 – общественная нравственность и социальная память. Часть 3 ст. 354.1 УК РФ конкурирует со смежными общеуголовными составами, такими как «Уничтожение, повреждение либо осквернение воинских захоронений» (ст. 243.4 УК РФ) и «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения» (ст. 244 УК РФ). А. Г. Кибальник считает, что ч. 3 ст. 354.1 УК РФ должна соседствовать со ст. 244 УК РФ.

Предлагается исключить ч. 3 из ст. 354.1 УК РФ и перенести данный состав в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Если осквернение символов воинской славы совершено в целях реабилитации нацизма (то есть оправдания его идеологии), деяние следует квалифицировать по ст. 354.1 УК РФ. Некорректность квалифицирующего признака «с искусственным созданием доказательств обвинения»: данный признак (п. «г» ч. 2 ст. 354.1 УК РФ) критикуется, поскольку термин «доказательство» имеет строго определенное юридическое содержание в уголовном процессе (ст. 74 УПК РФ). Кроме того, использование термина «создание» ограничивает круг преступных действий, не охватывая, например, подделку уже существующих исторических документов.

Предлагается заменить формулировку на «с изменением, подделкой, подлогом официальных исторических первоисточников». Н. А. Егорова предлагает исключить из ч. 2 слова «а равно с искусственным созданием доказательств обвинения» [3, с. 19].

Практика применения ст. 354.1 УК РФ сталкивается с рядом трудностей: Отсутствие единообразия и квалификация по смежным статьям: правоохранительные органы зачастую стремятся применить статью «Хулиганство» (ст. 213 УК РФ) вместо ст. 354.1 УК РФ. При этом действия, составляющие признаки реабилитации нацизма, могут полностью охватываться диспозицией ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти).

Назрела «необходимость разъяснения особенностей реализации ст. 354.1 УК РФ» со стороны Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Пленум может дать официальные толкования ключевым понятиям. Установление умысла и принцип неосведомленности: субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Суды придерживаются принципа «незнание закона не освобождает от ответственности». Суды презюмируют, что выводы МВТ об ответственности гитлеровской Германии за развязывание Второй мировой войны являются общеизвестными фактами, которые изучаются в учебных курсах истории.

Для эффективного противодействия реабилитации нацизма правоприменителям требуется комплексная система знаний, включающих в себя изучение теории государства и права, философии, истории, социологии и формировании понимания концепта традиционных духовно-нравственных ценностей. Кроме того, перспективным направлением видится взаимодействие правоохранительных органов с самоорганизованными активистскими институтами гражданского общества и СМИ, играющими значительную роль в формировании общественного мнения [2, с. 126].

При формировании правоприменительной практики и совершенствовании законодательства необходимо учитывать международные правовые стандарты криминализации опасных форм исторического ревизионизма. В частности, полезен опыт Израиля, ограничивающий уголовную ответственность примечаниями, защищающими научную деятельность. Также рекомендуется учитывать Рабатский план действий, который предлагает шестиступенчатый тест для определения преступности высказываний.

Таким образом, уголовно-правовая защита исторической памяти о Великой Отечественной войне посредством ст. 354.1 УК РФ подобна возведению крепостной стены вокруг священного памятника: несмотря на ее мощное предназначение (отражение идеологической агрессии), если в стене есть юридически «неопределенные» проломы или неточности, то враждебные силы могут воспользоваться ими, чтобы дискредитировать или обойти закон, поэтому необходимы точные чертежи (дефиниции) и четкие инструкции для защитников (разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации).

Список литературы

1. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162575/.

2. Беляева А. А. Формы самоорганизации институтов гражданского общества: социологические и правовые аспекты. Орел : Картуш-ПФ, 2025.

3. Егорова Н. А. Изменения в уголовно-правовых институтах в контексте достижения национальных приоритетов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 16–23.

4. Пермяков Ю. Е. Российская теория права: вызовы времени и ответы истории // Lex Russica. 2015. № 10. С. 101–119.

Кудрявцев Д. А.[1],
слушатель 111-го учебного взвода
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Беляева А. А.,
старший преподаватель
кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИНВЕРСИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Понятие личности преступника является центральным как в криминологической науке, так и в процессе деятельности по предупреждению и профилактике преступности, что в современных условиях является одним из важнейших направлений деятельности государства.

Сама по себе личность преступника является многогранным объектом исследования и, на наш взгляд, ее необходимо рассматривать в широком смысле как *совокупность внутренних и внешних качеств и свойств индивида, попавшего в неблагоприятные жизненные обстоятельства, которые способствовали совершению им акта преступного посягательства*. Данное определение представляется наиболее полно отражающим суть и смысл понятия личности преступника.

В процессе формирования личности преступника наличествуют большое количество факторов, которые оказывают непосредственное влияние на преступное поведение человека. Среди них можно выделить как те, которые связаны с непосредственной жизнедеятельностью человека (его социальная коммуникация, отношения в семье), с другой стороны это и сам человек (его убеждения, установки, психологическое состояние), так и те, которые являются следствием нахождения человека в обществе / определенной социальной группе и др. К ним можно отнести: идеологию, правосознание, отношение к моральным нормам и др.

С учетом изменяющихся общественных отношений, на протяжении более чем 30 лет развития нашего государства отдельным фактором формирования личности преступника становится изменение правосознания. Само по себе правосознание является внутренним личным восприятием человека права, «не только в его государственной (официальной, позитивной, писаной, законодательной)

[1] © Кудрявцев Д. А., 2026.

форме, исходящей от государства, но и в негосударственной форме, порождаемой самим обществом [1, с. 46].

Инверсия правосознания как фактор формирования личности преступника представляет собой сложный процесс деформации и качественного искажения ценностно-нормативной сферы человека. В современной науке личность преступника рассматривается как центральный «узел», в котором пересекаются социально-психологические свойства, выступающие источником противоправного поведения. Процесс формирования такой личности неразрывно связан с состоянием общественного сознания, которое в условиях современных угроз национальной безопасности подвергается серьезной эрозии.

Инверсия правосознания проявляется как возникновение глубокого несоответствия между внутренними свойствами личности и требованиями окружающей действительности. Ключевым элементом этого процесса является правовой нигилизм – пренебрежительное отношение к закону, который начинает восприниматься не как регулятор, а как препятствие. Личность преступника вырабатывает специфический психологический механизм – «нейтрализацию совести», позволяющий отключать внутренний моральный контроль через приемы самооправдания. На фоне утраты традиционных нравственных ориентиров происходит замещение правовых норм антисоциальными установками, где корысть, жестокость и эгоцентризм становятся ведущими мотивами.

Важнейшей детерминантой инверсии правосознания выступает агрессивная идеология наживы и насилия, транслируемая через массмедиа и интернет. Современная массовая культура часто пропагандирует потребительский образ жизни и культ силы, что десоциализирует молодежь. Одной из новых угроз национальной безопасности стало погружение несовершеннолетних в виртуальную реальность и увлечение компьютерными играми с агрессивным содержанием. Это культивирует агрессивно-деструктивный тип поведения, при котором насилие воспринимается как нормальный способ решения проблем в реальности.

Одним из наиболее агрессивных факторов воздействия ИТТ является погружение личности в виртуальную реальность и увлечение компьютерными играми с деструктивным содержанием. Психологи отмечают, что такие игры культивируют агрессивно-деструктивный тип поведения, позволяя подростку осуществлять действия, не имеющие общественного одобрения, для получения эмоциональной разрядки. В процессе игры формируются фиксированные импульсы и навыки действий, которые могут быть реализованы в реальности под влиянием внешних факторов, провоцирующих агрессию.

Современные средства массовой коммуникации выступают активными трансляторами идеологии насилия и денежной наживы. Деформация правосознания через ИТТ происходит по нескольким направлениям:

Постоянный доступ к сценам жестокости в интернете и социальных сетях заставляет несовершеннолетних воспринимать такое поведение как «норму», создавая иллюзию, что так ведут себя многие.

Массовая культура через цифровые каналы навязывает потребительский образ жизни и сомнительные идеалы для подражания, что ведет к утрате традиционных моральных норм и формированию правового нигилизма.

Под влиянием негативного информационного контента у личности включается психологический механизм «нейтрализации совести», позволяющий отключать внутренний моральный контроль и оправдывать совершение правонарушений.

Деформация правосознания под влиянием цифровой среды подтверждается социологическими данными. Исследования показывают, что молодежь, выросшая в условиях активного потребления информации из интернета, демонстрирует чрезвычайно толерантное отношение к нарушителям закона: до 61,2 % респондентов относятся к ним нейтрально, а около 20 % – положительно [4, с. 193]. В качестве факторов, препятствующих законопослушному поведению, молодежь часто называет негативные примеры представителей органов власти, тиражируемые в медиапространстве.

Ввиду этого ИТТ выступают мощным детерминантом, искажающим ценностно-нормативную сферу личности. Это приводит к преобладанию эгоистических установок и пренебрежению правами других людей, что является фундаментом антиобщественной направленности.

Процесс формирования личности преступника в условиях кризиса обусловлен дефектами социализации в семье и школе. Семейное неблагополучие, включая насилие и алкоголизм родителей, разрушает первичный фундамент правосознания. Школа, в свою очередь, часто демонстрирует формализм, не обеспечивая должной нравственно-психологической подготовки учащихся. В результате подростки ищут признания в неформальных антисоциальных группах, которые дарят им «иллюзию свободы» и закрепляют криминальные стандарты поведения. Такая «интенсивная» негативная социализация ведет к росту рецидивной преступности, подрывая основы национальной безопасности.

Инверсия правосознания часто накладывается на специфический биофизиологический фон. Хотя преступниками не рождаются, генетические особенности, патологии ЦНС и психические аномалии в рамках вменяемости могут снижать сопротивляемость личности к конфликтным ситуациям. Лица с повышенной импульсивностью и ранимостью в межличностных отношениях легче поддаются криминогенному влиянию среды. Однако именно социальные детерминанты определяют, будет ли реализована эта предрасположенность в виде преступного акта.

Также существенным фактором формирования личности преступника в современных реалиях является проведение специальной военной операции, что в условиях распространения деструктивных идеологических мыслей посредством информационно-телекоммуникационных сетей вызывает возможность совершения преступлений, направленных как против государства, так и против общества. Ярким примером является распространение в мессенджерах информации о готовящихся террористических актах и др.

Также в условиях инверсии правосознания создается существенная угроза национальной безопасности государства, ввиду того что она провоцирует решимость на совершение преступление и, как следствие, дестабилизирует общественные отношения. К примерам инверсии можно отнести попытки искажения исторической памяти о Великой Отечественной войне, сносы памятников советским солдатам и др.

Преступность в современном обществе – это патология социума, симптомом которой является массовая деформация правового сознания. Угроза национальной безопасности заключается в том, что инверсия правосознания охватывает все более широкие слои населения, особенно молодежь. Эффективное противодействие этому процессу требует не только репрессивных мер, но и системной индивидуальной профилактики, направленной на укрепление семьи, реформу образования и создание здорового идеологического пространства. А в условиях посягательства на безопасность общества и государства ответ государства на попытки искажения правосознания населения должен быть жестким.

Список литературы

1. Беляева А. А. Формы самоорганизации институтов гражданского общества: социологические и правовые аспекты. Орел : Картуш-ПФ, 2025.

2. Власова Т. С. К вопросу о деструктивном воздействии на индивидуальное правосознание в современных условиях // Юристъ-правоведъ. 2011. № 1. С. 122–125.

3. Игнатов А. Н. Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 97–104.

4. Панченко А. С. Личность преступника и некоторые факторы, влияющие на ее формирование // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 4 (38). С. 190–194.

Якубов М. С.[1]*,*
слушатель факультета
подготовки иностранных специалистов
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Зарипова Э. Р.,
доцент кафедры
естественнонаучных дисциплин
учебно-научного комплекса
информационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат физико-математических наук

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В Республике Таджикистан обеспечение общественной безопасности, защита прав и свобод личности, а также противодействие преступности определены в качестве приоритетных направлений государственной политики. В условиях трансформации общественных отношений, активизации миграционных потоков, ускоренной цифровизации и усложнения форм противоправной деятельности возрастает потребность в совершенствовании механизмов предупреждения, выявления и пресечения преступлений. Современная преступность характеризуется высокой степенью латентности, четкой организационной структурой и транснациональным характером, что объективно ограничивает результативность исключительно процессуальных методов борьбы с ней. Оперативно-разыскная деятельность (ОРД) в описанных условиях является ключевым инструментом обеспечения правопорядка.

Главными задачами ОРД является защита жизни, здоровья, прав граждан, обеспечение безопасности общества и государства [1]. Деятельность направлена на получение информации о лицах, совершающих преступления, до возбуждения уголовного дела при соблюдении законности.

Субъектами ОРД в Республике Таджикистан являются органы внутренних дел, органы национальной безопасности, органы обороны, органы юстиции, органы государственного финансового контроля и борьбы с коррупцией, органы по контролю за оборотом наркотиков, Национальная гвардия, а также таможенные органы. Необходимость существования и дальнейшего развития ОРД обусловлена скрытностью совершенных преступлений, сложно поддающихся своевременному выявлению. Почти невозможно раскрыть дело без оперативно-разыскных мер.

---

[1] © Якубов М. С., 2026.

В этой связи ОРД выявляет, предупреждает, раскрывает преступления, разыскивает лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда [2].

Конституционные основы ОРД закреплены в Основном законе Республики Таджикистан [3]. Согласно ст. 5 Конституции человек, его права и свободы признаются высшей ценностью и являются приоритетным объектом защиты со стороны государства. Это положение прямо отражено в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [4], где интересы личности поставлены на первое место среди охраняемых объектов. Часть 2 ст. 12 Конституции гарантирует свободу экономической деятельности, равноправную правовую защиту всех форм собственности, включая частную, что расширяет функциональные задачи ОРД в сфере обеспечения экономической безопасности.

Практическая значимость ОРД проявляется в способности своевременно выявлять латентные преступления, раскрывать неочевидные формы противоправного поведения, устанавливать лиц, представляющих оперативный интерес, а также документировать противоправную деятельность организованных преступных групп [5]. Реализация этих задач требует непрерывной оперативной работы – от момента получения первичной информации до завершения предварительного следствия и судебного разбирательства. Эффективность данного инструмента подтверждается официальной статистикой Министерства внутренних дел Республики Таджикистан: уровень раскрываемости преступлений с применением оперативно-разыскных мер демонстрирует устойчивую положительную динамику – 85,3 % в первом полугодии 2023 г., 87,2 % в первом полугодии 2024 г. и 89,4 % в первом полугодии 2025 г. [6].

В контексте международного сотрудничества Республика Таджикистан активно участвует в деятельности Бюро по координации борьбы с организованной преступностью государств – участников Содружества Независимых Государств. В рамках этого формата функционирует Региональная оперативная группа в Центрально-Азиатском регионе, основной задачей которой является противодействие трансграничной организованной преступности и незаконному обороту наркотиков. Такое взаимодействие позволяет значительно повысить эффективность оперативно-разыскных мероприятий за счет обмена информацией, координации действий и совместного планирования операций.

Особое внимание в рамках оперативно-разыскной деятельности уделяется борьбе с торговлей людьми – одним из наиболее социально опасных и латентных видов преступности. Согласно официальным данным правоохранительных органов Республики Таджикистан за период 2021–2025 гг., было раскрыто 686 преступлений, возбуждено 339 уголовных дел. Наибольшее количество преступлений квалифицировано по части 2 статьи 335 Уголовного кодекса Республики Таджикистан – 410 фактов, по статье 130.1 (торговля людьми) – 198 фактов, по статье 167 (торговля несовершеннолетними) – 42 факта. Рост числа выявленных преступлений в 2023–2024 гг. отражает не увеличение уровня преступности, а повышение эффективности оперативно-разыскной деятельности и расширение возможностей выявления скрытых форм эксплуатации [7].

В Таджикистане, как и в других странах, наблюдается рост преступлений, совершенных дистанционным образом. Нелегальный майнинг криптовалют

в 2025 г. привел к ущербу 32 миллионов сомони. В настоящее время при поддержке ООН создается Центр Искусственного интеллекта, который окажет помощь ОРД в цифровой среде.

Учитывая динамику дистанционных хищений и преступлений против личности [8; 9], развитие ОРД должно быть направлено на укрепление кадровой базы [10; 11], а также на расширение международного сотрудничества [12].

Список литературы

1. Рахимзода Р. Х. Оперативно-розыскная деятельность. Общая часть : учебник. Душанбе : Эр-Граф, 2024.

2. Солиев К. Х., Рахимзода Р. Х. Комментарий к преступлениям в сфере экономики. Душанбе : Универсал-3, 2001.

3. Конституция Республики Таджикистан : принята 6 ноября 1994 г. путем всенародного референдума (с доп. и изм. от 26.09.1999, 22.06.2003 и 22.05.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации.

4. Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности в Республике Таджикистан» // Официальный интернет-портал правовой информации.

5. Оперативно-розыскные меры // Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон. URL: https://vkd.tj.

6. Раскрываемость преступлений в Республике Таджикистан // Азия-Плюс. URL: https://asiaplustj.info.

7. Статистика преступлений в Республике Таджикистан // Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон. URL: https://vkd.tj.

8. Лопухов В. В., Зарипова Э. Р. О принимаемых в Москве мерах по противодействию дистанционным хищениям // Судебная экспертиза и исследования. 2024. № 3. С. 74–79. EDN HUVTLF.

9. Лопухов В. В., Зарипова Э. Р. Информационно-аналитическое обеспечение для борьбы с преступностью футбольных фанатов // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 1. С. 96–104. EDN CWTJHW.

10. Лопухов В. В., Зарипова Э. Р. Правоохранительное воспитание и роль образовательных учреждений МВД России в данной деятельности // Психология и педагогика служебной деятельности. 2025. № 2. С. 119–123. DOI 10.24412/2658-638X-2025-2-119-123. EDN BCECKC.

11. Лопухов В. В., Зарипова Э. Р. Особенности преподавания технических дисциплин в учебных заведениях МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 2. С. 115–121. DOI 10.24412/2658-638X-2024-2-115-121. EDN QLQXTY.

12. Зарипова Э. Р. О мотивации иностранных студентов получать высшее образование в Российской Федерации на примере Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя и Российского университета дружбы народов // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 4. С. 193–196. DOI 10.24412/2658-638X-2021-4-193-196. EDN YLBXMX.

Майфет А. В.[1],
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Иванов С. А.,
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВАЯ ПАМЯТЬ КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ

Правовые системы современных обществ все чаще сталкиваются с феноменом разрыва между формально установленными нормами и глубинными представлениями граждан о справедливости, укорененными в исторической памяти. Этот разрыв приобретает особую остроту в транзитных обществах, переживающих смену политического режима или коренную правовую реформу, когда новые институты наслаиваются на память о прежних практиках, часто травматических по своему характеру. Французский философ Поль Рикер в своей монументальной работе «Память, история, забвение» сформулировал ключевой вопрос: каким образом память о прошлом может быть представлена в настоящем, если само прошлое по определению отсутствует [1, с. 21]?

Применительно к праву эта проблема приобретает не только философское, но и практическое измерение, поскольку правовая память влияет на восприятие легитимности действующих правовых норм и эффективность их применения.

Схожее понятие правовой традиции, детально разработанное американским правоведом Гарольдом Берманом в труде «Право и революция» (1983), предполагает устойчивую систему правовых представлений, институтов и процедур, которая воспроизводится от поколения к поколению и формирует специфическое правовое мышление [2, с. 1–10]. Берман показал, что западная правовая традиция, возникшая в результате папской революции XI–XII вв., представляет собой не просто набор норм, но целостное мировоззрение, включающее представления об автономии права от политической власти, о его системности и рациональности. Традиция в этом понимании обеспечивает преемственность правового развития, связывая прошлое с настоящим через механизмы профессионального юридического образования, доктринального толкования и судебной практики [2, с. 275–276].

Правовая память, в отличие от традиции, носит фрагментарный характер и существует не в виде систематизированного знания, но как совокупность переживаний, образов и эмоционально окрашенных воспоминаний о прошлых правовых конфликтах.

---

[1] © Майфет А. В., 2026.

Рикер указывал, что память всегда сопряжена с притязанием на верность прошлому, с амбицией быть правдивой. Это притязание делает память уязвимой для критики, но одновременно наделяет ее особой ценностью: «К памяти привязано стремление, претензия – быть верной прошлому. В этом отношении недостатки, проистекающие из забвения, о которых мы будем говорить в свое время, не следует сразу рассматривать как патологические формы, как дисфункции, но как теневую изнанку светлой области памяти» [1, с. 24–25]. Именно это притязание на верность делает правовую память мощным фактором, способным вступать в конфликт с официальной правовой традицией, если последняя воспринимается как предательство прошлого опыта или как навязанная извне конструкция.

Конфликт между правовой традицией и правовой памятью особенно явственно проявляется в обществах, переживающих радикальную правовую трансформацию после краха тоталитарных режимов или в постколониальный период. В таких ситуациях новая правовая система часто строится на заимствованных институтах, которые плохо согласуются с правовой памятью общества. Российский опыт постсоветской правовой реформы демонстрирует именно такую конфигурацию: конституционные принципы верховенства права, независимости судебной власти и защиты прав человека были формально провозглашены, однако правовая память общества сохраняла иные паттерны – восприятие права как инструмента государственной власти, недоверие к судам, привычку к неформальным способам разрешения конфликтов.

В. С. Нерсесянц, создавший либертарно-юридическую концепцию права, настаивал на том, что подлинное право должно быть основано на принципе формального равенства и свободы, а не на произволе власти. Однако его теоретические построения столкнулись с реальностью российской правовой культуры, в которой, по выражению самого Нерсесянца, «правовой нигилизм» оказался укоренен в многовековой памяти о господстве самодержавной власти и отсутствии гарантий личных прав [3, с. 362]. Таким образом, конфликт между либеральной правовой традицией, импортированной с Запада, и правовой памятью российского общества проявился не как случайный сбой, а как структурная особенность правовой системы переходного периода.

Поль Рикер посвятил третью часть упомянутой выше работы проблеме забвения, которое он рассматривал не просто как противоположность памяти, но как необходимое условие возможности самого воспоминания [1, с. 425–430].

Забвение, по Рикеру, может принимать разные формы: от стирания следов в результате течения времени до активного подавления неудобных воспоминаний. Особую опасность представляет институционализированное забвение, парадигмой которого выступает амнистия. Он писал о связи между амнистией и амнезией, указывая, что «граница между ними может быть сохранена через работу памяти, дополненную работой скорби, призывающую к типу забвения, понимаемого не как молчание, но как высказывание в умиротворенном настроении, без гнева». Иными словами, амнистия как политический акт прощения преступлений прошлого режима опасна тем, что может превратиться в амнезию – насильственное стирание памяти, которое лишь загоняет конфликт вглубь, не разрешая его [1, с. 412–413].

Классическим примером такой амнистии служит афинский декрет после тирании Тридцати, запрещавший «вспоминать о зле». Этот декрет, подкрепленный клятвой, пытался скрыть реальность гражданской войны, представляя полис как сообщество, чуждое внутренним конфликтам по самой своей природе. Однако, как показывает история, такое навязанное забвение не устраняет травму, а лишь переводит ее в латентное состояние, где она продолжает воздействовать на правовое сознание. В современных правовых системах проблема соотношения амнистии и памяти [5] проявляется в спорах о переходном правосудии, о необходимости судебного преследования преступников прошлого режима и о механизмах коллективного примирения. Рикер подчеркивал, что забвение не может быть приказано – оно должно стать результатом работы памяти и работы скорби, то есть постепенного процесса переработки травматического опыта. Правовая система может способствовать этому процессу, создавая институциональные пространства для артикуляции памяти о страданиях, как это было сделано в Южной Африке с помощью Комиссии истины и примирения. Там жертвы получили возможность публично рассказать о пережитом, а виновные – признать свою вину, что позволило обществу начать работу скорби, не впадая ни в месть, ни в амнезию.

Рикер различал три уровня атрибуции памяти: индивидуальную память («я»), коллективную память («они») и промежуточный уровень близких отношений («те, кто одобряет мое существование») [1, с. 131–134].

Именно этот промежуточный уровень, по Рикеру, играет ключевую роль в формировании правовой памяти, поскольку именно в близком окружении – в семье, в профессиональном сообществе, в локальной группе – человек получает подтверждение своего опыта взаимодействия с правом. Если официальная правовая традиция говорит о независимости судов и справедливости, а близкое окружение транслирует противоположный опыт – коррупции, произвола, бесправия, – то именно последний будет определять реальное правосознание и правовое поведение. Также Рикер писал о «злоупотреблениях памятью» (les abus de la mémoire), имея в виду как чрезмерное культивирование травматических воспоминаний, которое может привести к застреванию в прошлом и к мести, так и манипулирование памятью в политических целях [1, с. 79–82]. Для правовой системы оба типа злоупотреблений опасны: первое порождает бесконечные циклы правовых конфликтов, основанных на исторических обидах, второе подрывает доверие к праву как беспристрастному регулятору.

Также Рикер в другой своей работе «Время и рассказ» разработал концепцию нарративной идентичности, согласно которой самопонимание индивида и сообщества формируется через рассказывание историй о прошлом [4, с. 52]. Правовая идентичность общества также конструируется нарративно – через истории о великих судебных процессах, о борьбе за права, о несправедливостях и их преодолении. Эти нарративы составляют содержание правовой памяти и определяют, как общество воспринимает свою правовую систему.

Проблема возникает тогда, когда официальный правовой нарратив, транслируемый государством, не соответствует нарративам, циркулирующим в обществе. Например, официальная история постсоветских правовых реформ может

представлять их как движение от тоталитаризма к демократии, от произвола к законности. Однако многие граждане, опираясь на свой личный опыт и на воспоминания близких, могут рассказывать совсем другую историю – о росте беззакония, о захвате власти коррумпированными элитами, о разрушении социальных гарантий. Эти конкурирующие нарративы отражают глубинный конфликт между формальной правовой традицией и живой правовой памятью.

Рикер подчеркивал необходимость плюрализма нарративов, предостерегая против монополии на интерпретацию прошлого. Он писал, что «история призвана расширять коллективную память за пределы актуальной памяти», но также «исправлять, критиковать, даже опровергать память определенного сообщества, когда оно замыкается на себе и закрывается внутри собственных страданий до такой степени, что становится слепым и глухим к страданиям других сообществ» [1, с. 456–457]. Это указание Рикера особенно актуально для мультикультурных обществ, где сосуществуют различные правовые памяти – национальные, религиозные, этнические, – каждая из которых претендует на исключительность.

Подводя итог данной работы необходимо отметить, что конфликт между правовой традицией и правовой памятью представляет собой не временную аномалию переходных периодов, но структурную особенность правовых систем, особенно явственно проявляющуюся в моменты радикальных социальных трансформаций. Этот конфликт не может быть разрешен путем простого подавления одного измерения в пользу другого – ни через навязанное забвение травматической памяти, ни через полное отрицание правовой традиции во имя исторической справедливости. Анализ рассмотренных работ Поля Рикера показывает, что продуктивное разрешение конфликта возможно лишь на путях, которые он называл «работой памяти» и «работой скорби» [1, с. 500–505]. Правовая система должна создавать институциональные пространства для артикуляции и признания травматического опыта, позволяя обществу проработать его и интегрировать в новую правовую традицию. Амнистия как политический инструмент легитимна лишь тогда, когда она дополняется механизмами сохранения памяти и не превращается в амнезию – насильственное стирание неудобных воспоминаний.

Опыт различных обществ, переживших правовые трансформации, демонстрирует множественность возможных стратегий работы с конфликтом между традицией и памятью. Для современной России, как и для других постсоветских обществ, вопрос о разрешении конфликта между правовой традицией и правовой памятью остается актуальным. Формальное заимствование западных правовых институтов не привело к созданию работающей правовой системы во многом потому, что оно игнорировало правовую память общества – опыт советского периода, дореволюционные традиции, специфические представления о справедливости и роли права. Построение эффективной правовой системы требует не отрицания этой памяти, но ее критического осмысления и интеграции в новую правовую традицию.

Правовая наука и юридическое образование играют в этом процессе ключевую роль, выступая медиаторами между традицией и памятью, помогая обще-

ству осмыслить свой правовой опыт в категориях, делающих возможным диалог между прошлым и настоящим, что требует интеллектуальной честности и готовности признавать сложность и противоречивость правового развития, избегая как идеализации прошлого, так и его полного отрицания. В конечном счете, устойчивость правовой системы определяется ее способностью быть достаточно гибкой, чтобы вместить уроки правовой памяти, и достаточно прочной, чтобы эта память не превратилась в препятствие для правового развития.

Список литературы

1. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, О. И. Мачульской, Г. М. Тавризян. М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004.

2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М. : Издательство МГУ : Инфра-М : Норма, 1998.

3. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для вузов. М. : Норма : Инфра-М, 2025.

4. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / пер. с фр. Т. В. Славко ; под ред. С. Я. Левит. М. ; СПБ. : Университетская книга, 2000.

5. Ситников К. А. «Историческая память» в лексиконе современного российского права // Труды Института государства и права Российской академии наук = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2025. Т. 20, № 3. С. 76–99.

Курбатов В. С.[1],
слушатель
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Марченя П. П.,
докторант факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

ДЕРАДИКАЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

В современной геополитической реальности, характеризующейся интенсивным информационным противоборством, историческая память перестала быть лишь академической категорией. Она трансформировалась в стратегический ресурс национальной безопасности, инструмент формирования гражданской идентичности и, что особенно важно, в ключевой фактор противодействия радикальным идеологиям. В этом контексте возникает и требует глубокого осмысления понятие «дерадикализационного потенциала» исторической памяти. Под этим термином понимается способность целостной, основанной на документально подтвержденных фактах и объединяющих нравственных ориентирах картины прошлого, нейтрализовать деструктивные нарративы, размывающие общественную солидарность и подрывающие государственный суверенитет.

Сущность данного потенциала заключается не в отрицании чужих точек зрения, а в созидании прочного духовно-мировоззренческого фундамента, который делает общество стойким к попыткам его идеологической дестабилизации.

Историческая память играет ключевую роль в процессах консолидации общества, особенно в условиях полиэтничности и внешних геополитических вызовов. Как справедливо отмечает О. М. Шевченко, историческая память «закладывает основы представлений о коллективном прошлом общности, транслирует их посредством механизма социализация, воспроизводит в повседневной жизни в форме эмоционально-заряженных общественно-значимых мероприятий, прежде всего, праздников» [7, с. 453]. Этот конструктивный потенциал памяти является основой для формирования общероссийской гражданской идентичности в ситуации, когда, по мнению автора, прежние духовные основания, такие как «самодержавие, православие, народность» или коммунистическая идеология, утратили свою объединяющую силу. Однако автор подчеркивает природу исторической памяти, указывая, что ее потенциал «конструктивно-деструктивен».

---

[1] © Курбатов В. С., 2026.

В условиях, когда «социальные травмы, нанесенные этносами друг другу, уходящие в прошлое обиды и претензии различной этиологии, способны превратить историческую память в объект политических манипуляций» [7, с. 453], возникает прямая угроза ее деструктивного использования, что ведет не к консолидации, а к поляризации общества. Таким образом, задача государства и общества заключается в том, чтобы максимально раскрыть конструктивный и нейтрализовать деструктивный потенциал памяти, что и составляет суть ее «дерадикализационной» функции.

Важным аспектом в осмыслении «дерадикализационного потенциала» является анализ практик противодействия радикализации, особенно среди молодежи, как наиболее уязвимой группы. Западноевропейский опыт показывает, что «молодежь в силу ряда социально-психологических особенностей наиболее восприимчива к идеологическому воздействию, подвержена максимализму и радикальным настроениям» [5, с. 279]. Автор подчеркивает, что радикальные идеи зачастую выступают для молодых людей как «форма замещающей социально-профессиональной интеграции» [5, с. 280], компенсирующая проблемы с самоопределением и самоидентификацией. Ключевым выводом работы является то, что успех «дерадикализационных» программ, таких как британская программа Channel, датская программа наставничества в Орхусе или немецкий проект Wegweiser, зависит от комплексного подхода. Наиболее эффективной признается «модель общественного вмешательства», предусматривающая консолидированную деятельность социальных институтов, и именно «формат наставничества в комплексе с индивидуальным планом работы считается наиболее эффективным» [5, с. 281]. Этот подтверждает, что «дерадикализационный потенциал» реализуется не через разовые акции, а через долговременную работу, направленную на восстановление утраченных социальных связей и формирование позитивной жизненной перспективы, что перекликается с ценностно-нормативным и смыслообразующим механизмами, присущими исторической памяти.

Существенный вклад в понимание «дерадикализационного потенциала» вносит анализ его образовательного и воспитательного аспектов. П. П. Марченя, акцентируя внимание на преподавании историко-правовых дисциплин, указывает на необходимость «воспитания уважительного отношения к исторически сложившемуся и цивилизационно обусловленному народному правосознанию, на котором и должно базироваться самобытное и суверенное национальное право» [4, с. 244]. Автор видит в этом основу для «формирования патриотизма, гражданственности, ответственности за судьбу страны, уважения к памяти поколений и традиционным российским духовно-нравственным ценностям» [4, с. 244], что является прямой антитезой радикальным мировоззренческим суждениям.

Таким образом, историческое просвещение и формирование гражданской идентичности через образовательные практики выступают не просто компонентом, а одним из ключевых механизмов реализации «дерадикализационного потенциала», обеспечивая смысловое и ценностное наполнение, которое вытесняет радикальные нарративы.

Особую значимость для раскрытия сущности «дерадикализационного потенциала» исторической памяти имеет анализ генезиса и механизмов распростра-

нения радикальных идеологий. В. Г. Кикнадзе, исследуя исторический опыт немецкого нацизма и современного украинского неофашизма, приходит к выводу, что ключевую роль в овладении массами играет целенаправленное разрушение системы образования и просвещения. Автор отмечает, что нацистская машина пропаганды делала ставку не на убеждение, а на организацию масс через манипуляцию инстинктами, где «познание – неустойчивая программа для масс, стабильное чувство – ненависть» [3, с. 92]. Начиная со школы, осуществлялось «зомбирование» сознания, формирование «дивидов – людей с фрагментарными представлениями о действительности» [3, с. 93], которыми легко манипулировать. Этот же алгоритм, по мнению Кикнадзе, был применен и на Украине, где «целенаправленная работа и выстраивание цепочки, искажающей историческую правду» привела к «зомбированию учителей, школьников – причем, зачастую насильственно – в отношении России» [3, с. 93]. Таким образом, «дерадикализационный потенциал» исторической памяти проявляется в своем прямом противопоставлении этим деструктивным практикам. Он направлен на восстановление целостного, а не фрагментарного исторического сознания, основанного на правде, а не на ненависти, и формирование мыслящей личности, а не послушного «дивида». В этом контексте защита исторической правды и национального исторического дискурса становится актом национальной безопасности, прямым противодействием технологиям радикализации.

«Дерадикализационный потенциал» исторической памяти базируется на нескольких фундаментальных механизмах. Первичным из них является идентификационно-консолидирующий механизм. Историческая память служит основой для формирования коллективного «Мы». Это «Мы» объединяет граждан не по принципу этнической или социальной принадлежности, а на основе общих ценностей, выстраданных и закрепленных в ходе исторических испытаний. Примером такого события является Великая Отечественная война. Память о беспримерном подвиге советского народа, объединившегося перед лицом угрозы, о массовом героизме на фронте и в тылу, о решающем вкладе в спасение мировой цивилизации от коричневой чумы создает мощное позитивное поле национальной идентичности [1, с. 6]. Эта объединяющая сила прямо противоположна радикальным идеологиям, которые всегда стремятся к разделению общества. Радикальные нарративы, будь то неонацизм, экстремизм или сепаратизм, апеллируют к маргинальным группам, разжигают рознь и противопоставляют часть общества целому. Консолидированная же историческая память, напротив, предлагает всенародную модель принадлежности, где место и роль есть у каждого, кто разделяет базовые ценности Отечества. Таким образом, чем прочнее это объединяющее начало, тем меньше почвы для укоренения радикальных идей.

Вторым ключевым механизмом является ценностно-нормативный. Историческая память является не просто набором дат и фактов, а живым носителем системы традиционных духовно-нравственных координат. Она актуализирует и транслирует из поколения в поколение такие категории, как жертвенность во имя общего блага, патриотизм, веротерпимость, дружба народов, неприятие ксенофобии и человеконенавистнических идеологий. Эти ценности формируют

этический иммунитет личности и общества в целом. Общество, воспитанное на правде о зверствах фашизма и цене Великой Победы, с гораздо большим недоверием и отторжением воспримет любые попытки реабилитации нацизма или оправдания коллаборационизма [2]. Как отмечается в Указе Президента, именно «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» является стратегическим национальным приоритетом. Эта защита и есть практическая реализация «дерадикализационного потенциала», поскольку лишает радикализм его моральной, пусть и извращенной, привлекательности.

Третий механизм можно определить как разоблачительно-противостоящий. «Дерадикализационный потенциал» исторической памяти проявляется в активном развенчании ложных и сфальсифицированных нарративов. Например, попытки приравнять СССР к нацистской Германии как «двух тоталитарных режимов» или обвинить нашу страну в единоличном развязывании Второй мировой войны [8] разбиваются о массив документально подтвержденных исторических свидетельств о Мюнхенском сговоре, политике умиротворения агрессора, освободительной миссии Красной армии в Европе. Активная просветительская работа, основанная на правде, лишает радикальные мифы их основы. «Мы с вами должны понимать, чувствовать, что происходит сегодня… для того чтобы создать условия для этих перемен, нужно немножко переделать, переписать то, что было в истории на самом деле» [6], – эта мысль, озвученная на высшем государственном уровне, как нельзя лучше отражает суть противостояния.

Таким образом, сущность «дерадикализационного потенциала» исторической памяти представляет собой многоуровневую систему духовной обороны. Его реализация требует целенаправленной работы по защите исторической правды, патриотическому воспитанию и историческому просвещению, что, по сути, является стратегическим приоритетом обеспечения национальной безопасности в XXI в. В условиях, когда «попытки переписать историю в каком-то смысле опаснее военной угрозы» [9], использование этого потенциала становится задачей общегосударственной важности, от успешного решения которой зависит будущее страны.

Список литературы

1. Кикнадзе В. Г. «Сила V правде». Защита истории как стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности России // Военно-исторический журнал. 2022. № 9. С. 4–15.

2. Кикнадзе В. Г. Великая Победа над фашизмом. Фальсификациям – нет! М. : Прометей, 2025.

3. Кикнадзе В. Г. Как идеи национализма и неофашизма овладевают массами // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13, № 1. С. 91–97.

4. Марченя П. П. Воспитание уважения к национальному праву и народному правосознанию как ценностные приоритеты преподавания теоретико-исторических правовых наук в условиях войны цивилизаций // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 243–245.

5. Пащенко И. В. Проблемы и перспективы дерадикализационных практик среди молодежи: опыт Западной Европы // Современная наука и инновации. 2017. № 4 (20). С. 279–284.

6. Путин В. В. Открытый урок «Помнить – значит знать» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63983.

7. Шевченко О. М. Историческая память в консолидации российского общества: конструктивный и деструктивный потенциал // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения (9–10 июня 2022 г.). СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. С. 453–455.

8. В МИД России рассказали, зачем Запад переписывает историю Второй мировой // РИА «Новости». URL: https://ria.ru/20251009/mid-2047277597.html.

9. Патрушев призвал отвечать на попытки фальсификации истории // РИА «Новости». URL: https://ria.ru/20240622/patrushev-1954679542.html.

Айнетдинов А. А.[1],
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Раков К. А.,
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА: ОТ ЗАПРЕТА К ВОЗМОЖНОСТИ

С точки зрения мудрецов и первых философов, право вообще, так и права отдельных людей невозможны без общей нормы поведения, как меры дозволенного и запрещенного С возникновением благ и неравным делением их между членами сообществ, люди были вынуждены контролировать свои богатства и оберегать их от чужих посягательств. Примерно так возникли задатки права, с одной стороны как запрет для одних, с другой, как возможность для владельца.

О правах же человека заговорили в Античности. Однако философы того времени не рассматривали «права» человека в привычном понимании XXI в. Так, к примеру, Аристотель наделял «правами» только граждан. «Мы считаем гражданами тех, кто участвует в суде и в народном собрании, а также тех, у кого родители – и мать и отец – граждане, а не кто-либо из них». Помимо граждан существовали и другие слои населения – метеки и рабы. Метеками считались иностранцы или граждане других полисов, проживающие в Афинах. Они, как и рабы имели свое местожительство наряду с гражданами, но были лишены политических прав. «Что касается метеков, то во многих местах они этого права в полном объеме не имеют». Также Аристотель выделял несовершеннолетних и стариков как неполноправных граждан в связи с их возрастом, и торговцев и ремесленников, потому что «их образ жизни не способствует развитию добродетели». Если говорить о его предшественнике – Платоне, который написал в середине IV в. до н. э. произведение «Государство», то можно сказать, что он за основу права и государства брал справедливость. По его мнению, государством должны были править философы, но свою деятельность необходимо было осуществлять ради общественной пользы, что касалось «рядовых» жителей, то их он классифицировал как земледельцев и ремесленников, которые должны были производить ценные ресурсы для воинов (еще один слой общества по Платону) и философов [1, с. 96].

---

[1] © Айнетдинов А. А., 2026.

В философском мировоззрении и правовом сознании, основанных на рационализме, складывались новые взгляды на права и свободы человека, нашедшие отражение в трудах выдающихся мыслителей Нового времени – Гуго Гроция, Т. Гоббса, Д. Локка, Б. Спинозы, Ш. Л. Монтескье и др.

Признано, что ученые XVII–XVIII вв. заложили основы современного понимания прав и свобод человека. Они обосновали концепцию фундаментальных прав – на жизнь, свободу и собственность, а также права на сопротивление угнетению и ряда других – как естественных, неотъемлемых и священных норм, определяющих отношения между личностью и властью. Их вклад заключался и в разработке механизмов практической реализации этих идей, прежде всего принципов народного суверенитета и разделения властей. Учение о естественных и неотчуждаемых правах человека стало важнейшим идейным источником Великой французской революции и легло в основу Декларации прав человека и гражданина 1789 г., закрепленные в которой принципы приобрели всемирное значение и стали стимулом для обновления государственных систем [1, с. 96–97].

Значительный вклад в формирование и развитие учения о правах и свободах человека внесли выдающиеся представители классической немецкой философии – И. Кант, И. Фихте и Г. Гегель. В своих работах Кант сформулировал общефилософское понимание правового государства, рассматривая его как союз множества людей, подчиненных правовым нормам. В трактате «К вечному миру» он обосновал идеал общественного устройства, основанный на мире как между отдельными индивидами, так и между государствами. Достижение «вечного мира», по Канту, возможно через создание федерации равноправных государств. Его теория права тесно связана с осмыслением человеческой свободы и способностей личности [1, с. 97].

Одним из ранних документов, которые закрепляли права человека, является Великая хартия вольностей (1215), она защищала народ от произвола со стороны царя в сборе налогов. Этот документ некоторые ученые считают прототипом Конституции, который послужил началом для развития правовых государств в мире.

«Ни один свободный человек не может быть арестован, заключен в тюрьму или лишен имущества иначе как по законному приговору равных ему и по закону страны».

Первая же Конституция, принятая в США в 1787 г., устанавливала государственный строй, но принятый в 1791 г. билль о правах, состоящий из 10 статей, закреплял права и свободы граждан. Например: «Право народа на гарантии неприкосновенности личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться, и никакие ордера не должны выдаваться иначе как при достаточных к тому основаниях, подтвержденных присягой либо заявлением, и с подробным описанием места, подлежащего обыску, и лиц или предметов, подлежащих аресту».

Декларация прав человека и гражданина, принятая 26 августа 1789 г. в период Великой французской революции, утвердила концепцию естественных и неотчуждаемых прав личности, провозгласила свободу и юридическое равенство всех граждан, принцип народного суверенитета, а также базовые права и свобо-

ды, включая свободу слова, совести и печати, право на собственность, безопасность и сопротивление угнетению, одновременно заложив основы правового государства – верховенство закона, равенство всех перед законом, презумпцию невиновности, соразмерность наказаний и принцип разделения властей, что обеспечило ей программный характер и оказало значительное влияние на дальнейшее развитие конституционализма и идей прав человека в мировом масштабе.

Конституция Речи Посполитой, принятая 3 мая 1791 г., стала первой писаной конституцией в Европе и одной из первых в мире, отразив идеи Просвещения и стремление к модернизации государства. Она провозгласила принцип народного суверенитета, ограничила власть монарха, закрепила разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, а также усилила роль парламента. Документ упразднял liberum veto, укреплял центральную власть, расширял права горожан и ставил крестьян под защиту государства, что свидетельствовало о постепенном движении к правовому государству. Несмотря на недолгий срок действия, Конституция 3 мая имела большое историческое значение, оказав влияние на развитие конституционализма и идей прав и свобод человека в Европе.

В прошлом право во всем мире носило локальный, ограниченный и зависимый от социальных условий характер. В Древней Греции оно рассматривалось как выражение естественного порядка и справедливости, тесно связывалось с моралью и воспитанием добродетельного гражданина, однако распространялось только на свободных граждан полиса, тогда как женщины, рабы и иностранцы практически не имели прав [3]. В Древнем Риме формировалось деление на jus civile для граждан и jus gentium для отношений с иностранцами и торговлей, что положило основу будущих европейских правовых систем. В Китае и Индии законы подчинялись принципам социальной гармонии и дхармы, а права личности определялись положением в обществе, кастовой принадлежностью или обязанностями перед государством и семьей. В исламских государствах право строилось на шариате, объединяя религиозные нормы и правила общественной жизни, где индивидуальные права рассматривались через призму обязанностей перед Богом и общиной. В целом историческое право обеспечивало защиту лишь *привилегированных групп*, ограничивая права большинства населения и подчиняя законы интересам правителей, каст или религиозных норм.

Современное право, напротив, является универсальным, формализованным и отделенным от религии, хотя моральная и этическая база по-прежнему влияет на его принципы. Оно закрепляет неотчуждаемые права человека – жизнь, свободу, собственность, свободу слова и совести, право на защиту и участие в управлении, распространяется на всех граждан независимо от пола, расы, вероисповедания или социального статуса. В современных государствах функционирует разделение властей, система сдержек и противовесов, обеспечивается справедливый суд и презумпция невиновности, что гарантирует равенство перед законом и защиту личности. Таким образом, если историческое право защищало преимущественно привилегированные группы и служило поддержанию социального порядка или власти, современное право формирует систему всеобщей правовой защиты, свободы и справедливости для каждого человека,

становясь фундаментом демократического государства и международного правопорядка [2, с. 157–159].

Эволюция права от запрета к возможности отражает переход от ограниченных норм к универсальным правам человека [4]. Изначально право возникало как мера дозволенного и запрещенного, защищая собственность и интересы привилегированных групп. Историческое право защищало в основном привилегированные слои общества, тогда как современное право является универсальным, формализованным и отделенным от религии, гарантирует равенство перед законом, свободу и защиту личности, становясь основой демократического государства и международного правопорядка.

Список литературы

1. Суслов А. В. Права и свободы человека как объект философской рефлексии: от классических истоков к неклассическим перспективам // Философская мысль. 2021. № 3. С. 94–104.

2. Рыбаков О. Ю. Права человека: от истоков философско-правовой мысли к современной геополитической реальности // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 12. С. 145–161.

3. Платон. Государство. Книга первая. СПб. : Наука, 2005.

4. Попов В. И. Характеристика правовой коммуникации ОВД и институтов гражданского общества // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Москва, 7 июня 2019 г.). М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 466–470.

Борода А. В.[1],
заместитель командира
523-го учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Алексич Е. В.,
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

ПРАВОВЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ФРГ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ XX–XXI вв.

В данной статье рассматриваются правовые и идеологические основы исторической политики Российского и Федеративной Республики Германия (ФРГ) в сравнительном анализе. Оба государства придают исторической политике центральное значение для своей национальной идентичности, легитимности и места на международной арене, но при этом принципиально различаются по своим подходам, целям и идеологиям, лежащим в ее основе. В то время как Россия проводит более позитивную, консолидирующую и часто ограничительную историческую политику, направленную на укрепление государства и защиту «официального» повествования, ФРГ характеризуется критическим, саморефлексивным отношением к прошлому, направленным на «управление прошлым», права человека и укрепление демократических ценностей. Анализ проливает свет на соответствующие конституционные и законодательные рамки, а также на доминирующие идеологические концепции, которые формируют эти различные подходы.

То, как государства интерпретируют, помнят и передают свою историю, имеет основополагающее значение для формирования национальной идентичности, легитимации политических систем и позиционирования в международной структуре. Историческая политика означает сознательное и целенаправленное влияние государственных субъектов на восприятие истории населением и общественное историческое сознание. Это инструмент государственности, который служит для достижения консенсуса, передачи ценностей и формирования коллективной идентичности. Обе страны разделяют понимание того, что история – это не только академическая область, но и неотъемлемая часть политической культуры и национального самосознания. Однако они фундаментально расходятся в вопросе о том, какие части истории и как следует подчеркивать, какие уроки

[1] © Борода А. В., 2026.

из них следует извлечь и какую роль государство должно играть в формировании исторического сознания. Эти расхождения уходят корнями глубоко в идеологические предпосылки и соответствующие правовые рамки, регулирующие обращение с прошлым.

После распада Советского Союза Российская Федерация находилась в глубоком кризисе идентичности. С тех пор постсоветская историческая политика характеризуется двойственным развитием, начиная от первоначальных попыток критического осмысления советского прошлого и заканчивая все более утвердительной, централизованной и часто реваншистской политикой

Великая Отечественная война как основополагающий фактор: победа во Второй мировой войне является непреложным и центральным стержнем российской идентичности и исторического сознания. Он служит основополагающим фактором постсоветской нации, способствующим единству между идеологическими разногласиями. Повествование подчеркивает героизм советского народа, освобождение Европы от фашизма и готовность к самопожертвованию. Государственный суверенитет и консерватизм: российская историческая политика подчеркивает необходимость сильного централизованного государства на протяжении веков – от Царской империи до Советского Союза и современной Федерации. Национальный суверенитет защищается как высшее благо, часто в противовес предполагаемому «западному» влиянию или вмешательству. Консервативное понимание ценностей, подчеркивающее традиции, семью и православие, позиционируется как противовес «либеральным» или «транснациональным» ценностям. «Русский мир» и концепция единства: идея «русского мира» направлена на построение культурного и исторического единства за пределами Российской Федерации, особенно с учетом Украины, Беларуси. Исторические повествования используются для того, чтобы подчеркнуть предполагаемое единство «восточных славян» и тем самым оправдать территориальные претензии или зоны влияния.

Историзм прошлого: в период с октября 1928 по июнь 1941 г. Советский Союз пережил масштабную индустриализацию. Этот процесс характеризовался стремительным развитием производственных мощностей с целью догнать и перегнать экономически развитые капиталистические страны. В советское время, как отмечалось в официальной прессе, это было огромным достижением. Одним из ключевых последствий стало ускорение роста городов и появление множества новых, так называемых соцгородов. В современной России продолжаются оживленные дебаты среди ученых и экспертов относительно оценки итогов советской индустриализации. Существуют как критические взгляды, ставящие под сомнение ее положительное влияние на экономику СССР, так и позитивные оценки, рассматривающие ее как уникальное и необходимое достижение, которое было бы немыслимо в условиях капиталистического государства.

Президент Российской Федерации своим Указом от 8 мая 2024 г. № 314 установил, на каких законах и документах строится государственная политика по историческому просвещению в стране. Это, в первую очередь, наша Конституция, международные правила и договоры, федеральные законы, Стратегия

национальной безопасности, а также документ о сохранении наших традиционных ценностей, и другие официальные бумаги. В этом указе также четко прописано, чего мы хотим достичь в этой сфере: какие у нас цели, на чем будем основываться, какие задачи ставить и как будем действовать. Например, одни из главных целей – помнить важные события нашей истории, рассказывать о наших научных и культурных успехах, воспитывать патриотизм и помогать нашим соотечественникам за границей узнавать больше о России.

Федеративная Республика Германия (ФРГ) выстраивает свою политику в отношении нацистского прошлого и свои демократические ценности в тесной взаимосвязи. Осознание и осмысление прошлого является фундаментом для существования демократического строя в стране. Основной закон (Grundgesetz) 1949 г. был сознательно разработан как антитеза нацистскому режиму. Его первые статьи, гарантирующие незыблемость человеческого достоинства, являются прямым правовым ответом на опыт его систематического попрания. Таким образом, демократический строй ФРГ черпает свою легитимность не из «естественного» исторического развития, а из сознательного отрицания конкретного прошлого. Это породило феномен «конституционного патриотизма» (Verfassungspatriotismus), предложенного философом Й. Хабермасом. Гражданская лояльность направлена здесь не на этническую или культурную общность, а на либерально-демократические ценности и правовые институты, закрепленные в Основном законе. Патриотом, таким образом, является тот, кто идентифицирует себя с этими ценностями, возникшими как урок из исторической катастрофы.

Этот процесс, получивший название «преодоление прошлого», стал ключевым шагом к извлечению уроков из ошибок, как Веймарской демократии, так и нацистской диктатуры и построению устойчивой демократии. Эти принципы отражены в Основном законе ФРГ, который был сознательно написан, как антитеза и исправление недостатков Веймарской конституции. Пути осмысления нацистского прошлого: с самого начала своего существования ФРГ уделяла первостепенное внимание работе с нацистским прошлым. Уже в первые годы после войны предпринимались усилия по раскрытию и правовому, а также политическому осуждению преступлений национал-социализма. Основание Федеративной Республики Германия в 1949 г. произошло на фоне краха нацистского режима. Опыт диктатуры побудил к сознательному выбору федеративной парламентской демократии как способа предотвращения подобных трагедий в будущем. Начиная с 1960-х гг. научные исследования активизировали изучение нацистского периода. Расследование преступлений национал-социалистов продолжается и по сей день, формируя культуру памяти, создавая мемориалы и стимулируя общественные дискуссии.

Веймарская республика (1918–1933) стала первой немецкой демократией и оказала решающее, хотя и в основном негативное, влияние на дальнейшее развитие страны. Горький опыт ее слабостей и краха послужил важнейшим уроком для создателей Основного закона ФРГ, который был сознательно разработан как противовес и исправление недостатков Веймарской конституции. После падения национал-социализма был принят Основной закон, который определен как «демократическая конституция федеративной республики». Он закре-

пил принципы разделения властей, верховенства права и парламентской системы. Опыт национал-социалистического правления привел к тому, что основной закон «ставит во главу угла» человеческое достоинство и верховенство права. Она является «парламентской демократией», где политические институты действуют на основе принципа разделения властей. Федеративная Республика Германия также характеризуется как «партийная демократия», поскольку политические партии играют ключевую роль в формировании государственной воли. ФРГ приняла на себя ответственность за свою историю и стремится быть стабильной демократической и суверенной державой. Федеративная Республика Германия после 1945 г. пошла по уникальному пути «управления прошлым», который сделал критическое отношение к нацистской диктатуре, Холокосту и собственной ответственности центральным столпом своей национальной идентичности.

Фундамент против тирании и гражданская верность конституции. Сердцевиной всей государственной и, как следствие, исторической политики Германии является Основной закон (Grundgesetz), принятый 23 мая 1949 г. Его особенность кроется как в обстоятельствах его создания, так и в его содержании. Урок из прошлого. Этот закон был разработан как прямой ответ на провал веймарской демократии и ужасы нацистской диктатуры. Его создатели, члены Парламентского совета, целенаправленно стремились предотвратить повторение тоталитарного кошмара. Именно поэтому Основной закон начинается не с утверждения суверенитета или границ страны, а с неотъемлемого перечня основных прав (ст.ст. 1–19). Статья 1 гласит: «Достоинство человека неприкосновенно». Эти права имеют прямое действие и обязательны для всех государственных органов. Незыблемые демократические основы. Статья 20 закрепляет фундаментальные принципы, которые нельзя изменить: Германия – это демократическое, социальное, правовое и федеративное государство. Статья 79 (3) делает эти принципы, наряду с положениями ст. 1, защищенными от любых конституционных изменений. Таким образом, опыт Третьего рейха привел к созданию конституционной защиты от антидемократических преобразований. Патриотизм, основанный на конституции. Этот правовой каркас породил особую форму гражданской идентичности – конституционный патриотизм. Преданность государству строится не на этнической принадлежности или героическом прошлом, а на приверженности общечеловеческим демократическим ценностям и правовым нормам, закрепленным в Основном законе. История в данном случае служит не поводом для гордости, а предостережением и обоснованием для выбранного демократического пути.

Список литературы

1. Weimarer Republik // Bundeszentrale für politische Bildung. URL: https://www.bpb.de/kurz-knapp/lexika/das-junge-politik-lexikon/321407/weimarer-republik.

2. Die Weimarer Republik // Holocaust-Enzyklopädie. URL: https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/the-weimar-republic.

3. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München : C. H. Beck, 1992.

4. Бреммер Л. Российские законы о памяти: каковы они и как они работают. Вашингтон : Институт Кеннана : Центр Вильсона, 2018.

5. Kailitz S. Die politische Deutungskultur der Bundesrepublik Deutschland im Spiegel des „Historikerstreits“ // Die Gegenwart der Vergangenheit. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften Wiesbaden, 2008, pp. 14–37.

6. Волльманн П. Преподавание истории в России: преемственность и перемены // История в науке и обучении. 2013. Т. 64, № 1–2. С. 33–46.

Манахова Н. В.[1],
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Глухова Д. С.[2],
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ ФИКСАЦИИ ПАМЯТИ (АРХИВЫ, СТАТУС БЕЖЕНЦА, РЕСТИТУЦИЯ)

В современном мире, отмеченном масштабными миграционными потоками и вооруженными конфликтами, такими как на Ближнем Востоке, право приобретает особую значимость как инструмент институционализации коллективной памяти. Через правовые механизмы архивирования, защиты статуса беженца и реституции имущества общество получает возможность сохранить свидетельства травматического опыта и восстановить утраченные связи с прошлым. Данные процессы выступают основой для социальной терапии и предотвращения рецидивов насилия в постконфликтных обществах.

Целью моей работы является проведение комплексного анализа трех ключевых инструментов правовой фиксации памяти: архивного права, института беженства и механизмов реституции. Работа направлена на выявление их роли в сохранении коллективных дискурсов и разработку рекомендаций по оптимизации данных механизмов в международной практике.

Практическая значимость работы определяется предложением конкретных моделей адаптации правовых механизмов в рамках ООН и ЕС, направленных на укрепление мира через документальную фиксацию и защиту коллективной памяти в условиях современных вызовов.

Архивы являются юридически закрепленными институтами коллективной памяти в национальном законодательстве. Они выполняют функции хранения и обеспечения доступа к документам, имеющим историческую и правовую значимость. Правовой статус архивов детерминируется специальным законодательством и подзаконными нормативными актами, которые закрепляют их полномочия и обязанности в формировании исторического нарратива. Данное нормативное регулирование обеспечивает возможность архивам выступать институциональной основой для сохранения национальной идентичности и культурного наследия.

Через систему правовых норм архивы реализуют ключевые функции по сохранению и трансляции историко-правового наследия, формируя документаль-

---

[1] © Манахова Н. В., 2026.
[2] © Глухова Д. С., 2026.

ную базу для научных изысканий и правоприменительной деятельности. Значимость данной роли подчеркивается в контексте современных дискуссий, например, на круглом столе «Принцип суверенного равенства государств – основа равноправного и инклюзивного политического диалога», где затрагивались вопросы биологического суверенитета, исторической памяти и защиты исторической правды [1, с. 799]. Это актуализирует роль архивов как инструментов обеспечения исторической справедливости и правовой преемственности.

В российской правовой системе доступ к архивным документам регулируется Федеральным законом от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». Данный акт устанавливает правовые основы обеспечения сохранности, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации. Закон гарантирует пользователям доступ к архивным документам, в том числе через предоставление справочно-поисковых средств, в порядке, определяемом уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Ограничения доступа, регламентированные ст. 25 данного закона, касаются документов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, а также информацию о личной и семейной тайне граждан или иную конфиденциальную информацию, что служит защите интересов государства и прав личности.

Конвенция ООН 1951 г. о статусе беженцев устанавливает формализованные процедуры документирования индивидуальных обстоятельств перемещенных лиц, трансформируя личный опыт в правовую категорию через критерии признания беженцем. В ситуациях отсутствия материальных доказательств особое значение приобретают международные процедуры фиксации устных свидетельств, которые, будучи должным образом задокументированы, приобретают юридическую силу в рамках процессов предоставления убежища.

Российское законодательство (Федеральный закон «О беженцах» 1993 г.) также предусматривает детальную процедуру фиксации обстоятельств вынужденного переселения в ходе собеседований, результатом которой становится создание официальных архивных записей. Эти записи, формируемые в условиях правовых гарантий конфиденциальности, обеспечивающих достоверность свидетельств, служат важным источником для сохранения индивидуальных нарративов, связанных с травматическим опытом.

В сфере сохранения культурного наследия международно-правовые акты, такие как Гаагская конвенция 1954 г. и Конвенция ЮНЕСКО 1970 г., формируют правовую основу для реституции культурных ценностей как механизма восстановления исторической памяти и коллективной идентичности. Юридические процедуры реституции, направленные на документальную фиксацию прав собственности и установление происхождения объектов, способствуют восстановлению исторической справедливости и материализации коллективной памяти через возвращение идентификационных артефактов. В обществах переходного периода данные процессы выполняют важную социально-реконструктивную функцию, актуализируя историческую справедливость как элемент национального примирения.

Таким образом, право играет ключевую роль в институционализации коллективной памяти, выступая средством обеспечения исторической преемственно-

сти. Рассмотренные механизмы – архивное дело, правовой статус беженца и реституция культурных ценностей – носят взаимодополняющий характер, документируя различные формы памяти (документальную, индивидуально-травматическую, материально-культурную). Однако их эффективность сталкивается с рядом вызовов: архивы требуют усиления правовых гарантий независимости от политических интерпретаций, процедуры признания беженца – более глубокой интеграции методологий фиксации травматического опыта, а реституционные процессы – преодоления бюрократических барьеров.

Оптимизация международной и национальной практики в данных сферах предполагает разработку унифицированных стандартов: протоколов защиты архивов от цензуры, методик документирования травмы для целей убежища и упрощенных процедур реституции. Реализация этих мер позволит усилить роль права как инструмента построения устойчивого мира, обеспечивая комплексное сохранение коллективной памяти в условиях современных глобальных вызовов.

Список литературы

1. Абашидзе А. Х., Черных И. А. Обзор XXI Международного конгресса «Блищенковские чтения» // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2025. № 3. С. 797–804.

2. Залесны Я. Я., Гончаров В. В., Велиметова А. М. Правовые коллизии, связанные с обоснованием правового статуса беженцев из непризнанных республик ДНР и ЛНР // Международное право и права человека. 2020. № 2. С. 3–8.

3. Pilgun N. V., Spirin V. G. Problems of the implementation of the rights of refugees and resettles on the territory // Scientific works of National Aviation University Series Law Journal Air and Space Law. 2016, vol. 40, № 3, pp. 48–52.